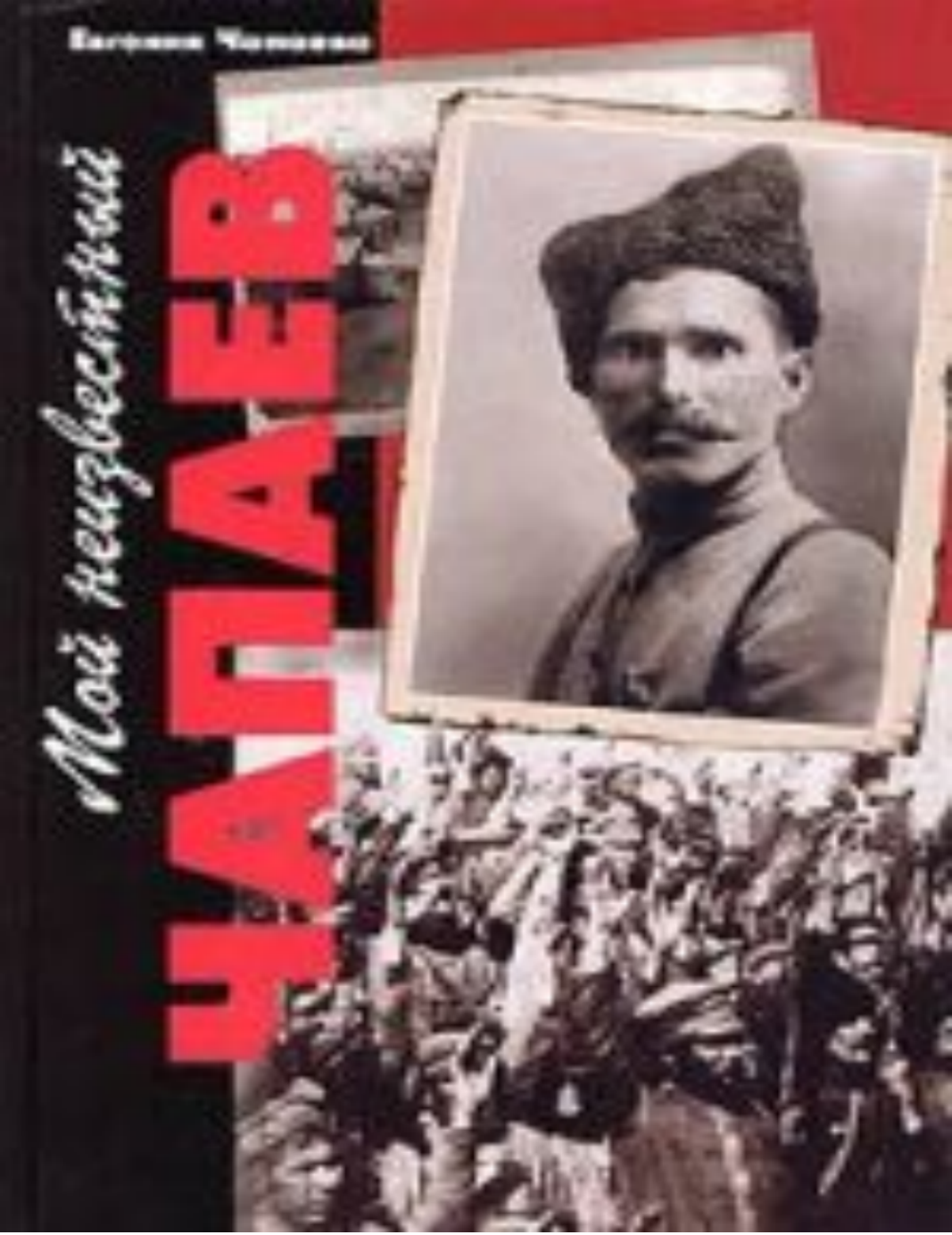
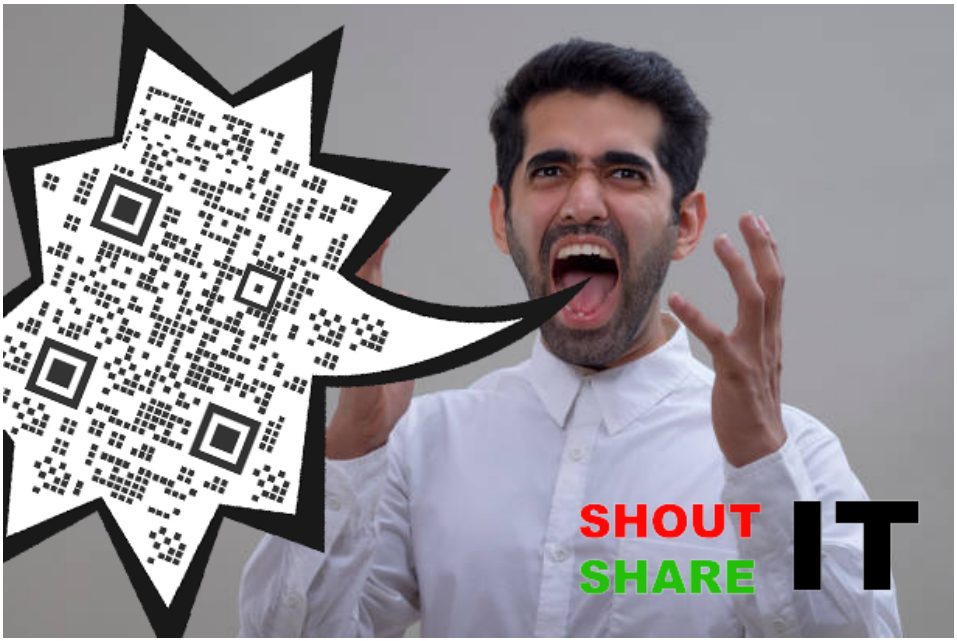
Евгения Чапаева

ЧАПАЕВ

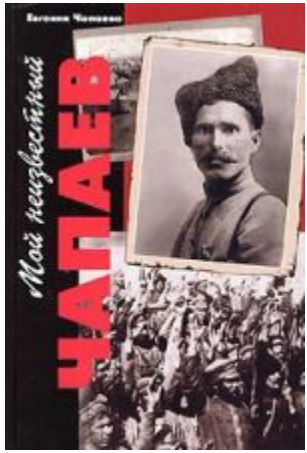
Мой незрелый




SHOUT
SHARE
IT

- Евгения Чапаева
- Глава 1. Васечка
- Глава 2. Кресты и порох
- Глава 3. Февральские ветры
- Глава 4. На казанском съезде
- Глава 5. Из фельдфебелей в комиссары
- Глава 6. Бои за Уральск
- Глава 7. Эти нелёгкие победы
- Глава 8. Троцкий и Чапаев
- Глава 9. Бенардак
- Глава 10. За победы - предательство
- Глава 11. Расстрел или академия
- Глава 12. И снова на фронте, и снова в строю...
- Глава 13. Колчак
- Глава 14. Кровь и победы
- Глава 15. И снова Уральск. Блокада
- Глава 16. Проданный Чапаев. Гибель.
- Послесловие. Судьба чапаевцев и родственников Чапаева

Евгения Чапаева



Евгения Чапаева - "Мой неизвестный Чапаев".
Издательство: Корвет, 2005 г.
Твердый переплет, 480 стр.
ISBN 5-296-00528-7
Тираж: 2000 экз.
Формат: 60x90/16

Книга правнучки Василия Чапаева о её легендарном прадеде.

Глава 1. Васечка

Эпиграф:
Ты должен быть гордым, как знамя,
Ты должен быть острым, как меч,
Как Данте подземное пламя
Должно тебе щеки обжечь.

28 января 1887 года в деревне Будайка Чебоксарского уезда Казанской губернии в семье русского крестьянина Ивана Чапаева родился семимесячный младенец мужского пола. Он был так мал и бессилен, что почти не оставлял надежд на выживание. Иван Степанович приготовился было к скорой смерти сыночка, но природа распорядилась иначе, и малыш выжил. Окрестили его Василием. Василием Ивановичем.

Мать Василия, Екатерина Семеновна, всячески старалась беречь новорожденного: специально связала ему большую и теплую варежку, укладывала его туда, чтобы, не приведи Господи, тот не простыл. А для купания Васечки попросила мужа выстрогать большую кружку. Так нуждались они в сыночке. Сын — еще одни рабочие руки, ведь от девок — маета, да и только. Надо как-то выживать! Будайка одна из самых бедных деревень. Земля здесь совсем скудная. Урожаи плохие. Семью не прокормишь.

Предки Чапаевых жили здесь с давних времен. Будайка, как и некоторые другие соседние русские селенья, возникла возле города Чебоксары, заложенного по указанию Ивана IV в 1555 году на месте древнего чувашского поселения. При освобождении от крепостной зависимости в этой деревне для передачи в крестьянские наделы было отведено лишь сорок шесть десятин самых худших земель, и из расчета на одну душу мужского пола. На женщин земли совсем не полагалось. Вот и выходило, что семья из одиннадцати душ кормилась с одной десятины, а то и меньше.

Суровыми были родители маленького Васеньки. Да и откуда взяться веселью? Иван с Катериной жили трудно. Муж бывал особенно угрюм. Он еще хорошо помнил крепостничество, когда помещики имели исключительное право владения землей и крепостными крестьянами. Часть земли тогда раздавалась крестьянам в виде наделов, за пользование которой крепостные обязаны были отбывать барщину или платить оброк. Помещики самолично распоряжались имуществом и даже крепостными.

Могли по своей воле лишать их наделов, переселять в другие места, разлучая с семьей, ссылать в Сибирь, продавать, закладывать, проигрывать в карты или менять на собак. А еще можно было забивать крестьян на смерть. Не возбранялось. И даже поощрялось. Так с чего веселиться? На уме только одно: выжить и прокормить хоть как-то свою семью...

Иван помнил, как в 1867 году, когда ему было 13 лет, произошло крестьянское выступление. Бунт против помещиков. Тогда все выступали против Манифеста царя Александра II. Царь объявил, что помещичьи крестьяне освобождаются от крепостной зависимости, будут управляться только государственными учреждениями, станут вольными и получат в собственность свои земельными наделы, после того как выкупят их по установленной цене у помещиков в течение... 49 лет!!! Виданное ли дело! Получалось, что крестьяне были освобождены не от помещиков, а от земли! А какой крестьянин может без нее прожить? Так они снова зависели от своих крепостников...

В народе долго вспоминали, как возмущенные несправедливостью, грабительской реформой, грубостью и жестокостью при взимании платежей и других повинностей будайковцы в 1867 году отказались внести выкупные деньги за 1865-1867 годы, за что под охраной казаков были доставлены в Казань и принуждены на заводе купца Алафузова отрабатывать долги.

Думая об этом, Иван часто сжимал кулаки. Что-что, а кулаки у него были огромные. Да и сам он не слишком маленький. Росту среднего, а в плечах — косая сажень. Вот недавно на спор с мужиками поднял корову, выиграл четверть самогона... Да вот только не охочь он до спиртного. Пусть стоит про запас. Время придет — обменяет на что-либо.

Катерина любила и по-особенному уважала своего мужа. Да и как к такому человеку относиться по-другому? Красивый, справедливый, честный... А мощь в руках какая! За что не возьмется — любое дело у него спорится. Она часто вспоминала, как они познакомились, а потом и поженились. Ей тогда 17 лет было, а ему 22. В феврале 1876 года венчались. Катя против него совсем невзрачной смотрелась. У Ивана одни кудри чего стоили. Нос с горбинкой, глаза ясные, серые. А она — худенькая, маленькая, разве что характер хороший, покладистый. Такому мужу в аккурат её нрав. Не перечит, ни о чем не просит. Всем довольна. Роптать не научилась. Не от кого было. Лишь на себя надежда да на Божью милость.

Но не только Иван Степанович могучим и справедливым был. Весь род, сколько он помнил, по мужской линии выдавался.

Отец Ивана, Степан Гаврилов, родился 24 декабря 1828 года. После смерти отца, Гаврилы Андреева, он с разрешения помещицы 4 мая 1847 года женился в возрасте 18 лет на 17-летней Ирине Никитиной, крепостной той же деревни. 19 октября 1851 года у них родилась дочь Анастасия, 21 января 1854 года он, Иван, 10 февраля 1857 года — Алексей, в 1864 году — Петр, который умер в раннем возрасте. Тогда, с крестьянской реформой Степан Гаврилов получил всего три надела земли (на себя и двоих сыновей). Малый урожай не давал возможности обеспечивать содержание шестерых человек. К тому же постоянные выкупные и другие платежи вынуледали заняться побочными заработками. И без того семья жила впроголодь. Степану пришлось заняться извозом и бондарным делом. В общем, всем, что могло хоть как-то прокормить.

Степан был умным и мужественным, честным и прямым. Никогда не позволял обижать при себе более слабых и беззащитных. Пользовался за это людским уважением и доверием. Тридцати четырех лет его избрали мирским старостой деревни. Ещё очень молодым, с точки зрения крестьян, для такой службы. Помещица Полиновская в 1862 году, ещё имевшая власть над крестьянами, как обязанными до выкупа наделов, подала на него жалобу (должно быть, чтобы не терпеть его мировым старостой). Чебоксарский мировой посредник между помещиками и крестьянами Д.Н. Леонтьев в марте 1862 года отклонил её жалобу, однако в августе того же года сам сместил Степана Гаврилова, «удостоверившись лично в справедливости» требований помещицы и за «неисправное» якобы исполнение им «своих служебных обязанностей».

Для односельчан это всё было понятно. Они по-прежнему относились к Степану с уважением. Случаи, из-за которых Гаврилова отстранили от служебных обязанностей, долго вспоминались народом и помещицей.

А произошло вот что.

Как-то раз Степан Гаврилов должен был перевозить иконы и некоторую церковную утварь из одного села в другое. Дорога была вся в колдобинах, а телега, на которой везлось добро, — худая. Таким образом, на обочине дороги остались несколько икон, пропажу которых Степан не заметил. На его беду, позади следом проезжал местный священник и увидал такое богохульное дело. Догнал Степана и отправил его в кутузку. Степану вменили

статью о «богохульстве», и он довольно долго отбывал наказание.

Во второй раз он отказался вместе с восемнадцатью будайковцами работать на барщине. За что тоже был посажен в кутузку.

В 1874 году, при окончательном отмежевании крестьянских земель деревни Будайка от помещичьих, Степан Гаврилов был избран доверенным лицом от общества.

Тогда же в возрасте 44-х лет жена Степана Ирина Никитина умерла. Двенадцать лет вдовствовал Степан Гаврилов, оставшись с сыновьями, а в 1886-м, около 58 лет, женился на 39-летней вдове чувашке Прасковье Федоровой, имевшей двоих детей — дочь Наталью 7-ми лет и сына Андрея 4-х лет. Женитьба русского крестьянина на чувашке была явлением не исключительным. Так появлялись смешанные браки, так росло уважение людей друг к другу разных национальностей.

Фамилий как таковых у крестьян тогда ещё не было. Помещики их не признавали у крепостных. Им было оставлено только отчество, которое и звучало как фамилия: если родителя звали Андреем, то сын его, Гаврила, назывался Гаврила сын Андреев, или Гаврила Андреев. И только с отменой крепостного права, при призыве в армию, крестьяне постепенно стали иметь фамилии.

Иван Степанович Чапаев вспоминал, что о происхождении своей фамилии он доподлинно не знал. Вероятнее всего, она произошла благодаря Степану Гаврилову, отцу Ивана.

Тот занимался выгрузкой сплавлявшегося по Волге леса и других тяжелых грузов на Чебоксарской пристани. И частенько прикрикивал: «чапь», «чепь», «чепай», то есть «цепляй» или «зацепляй». Со временем слово «Чепай» закрепилось за ним как уличное прозвище, а затем стало официальной фамилией.

Во всяком случае, если Чапаевы и имели эту фамилию раньше, то впервые на бумаге она была занесена официально 14 августа 1884 года в метрической книге Вознесенской церкви города Чебоксар при регистрации рождения Андрея, внука Степана Гаврилова. Андрей — старший брат Василия Чапаева.

Всего у Ивана Степановича и Екатерины Семеновны Чапаевых было девять человек детей. Но четверых Бог прибрал еще в младенчестве. Оставалось в живых только пятеро: первенец был сын Михаил, затем сын Андрей, потом дочка Анна, сынок Василий и последыш Григорий.

Каждому из ребятишек отец старался вложить в руки умение к чему-нибудь. Дочь Анну мать обучала мастерству нехитрой женской работы. И вскоре та стала лучшей кружевницей округи.

Заказать у нее вязку, либо кружево, считалось модным. И даже самые нищие соседи старались попросить девушку смастерить им что-то красивое да я души. Та охотно соглашалась. За работу частенько не брала денег, так как и брать-то было нечего. Все понимали, что отбирать у ближнего последнее не гоже. Так за «спасибо» и добрые слова Аннушка плела невиданную красоту узоров.

Сыновьям Иван Степанович старался привить любовь к дереву. И так как огород и мелкий скот все же не могли прокормить большую семью, ему и детям приходилось брать дополнительную работу. Чаще всего это были заказы на плотницкие работы. Кому-то построить баню, срубить наличник на окно, поправить или просто смастерить заново забор.

Пока Василий и Гриня были маленькими мальчиками, их брали с собой для помощи различного рода: подать, поднести, поддержать и т.д. Но Василию вскоре такая работа приедалась и он старался втихоря взять у отца какую-нибудь досточку и выпилить из неё оружие. Если он попадался на глаза отца, то знал, что сегодня ему точно не сдобровать. Получит по первое число. Получал. Терпел. И снова выпиливал.

Иван Степанович сердился, наказывал непослушного сына Васятку, но в глубине души посмеивался над упрямством мальца. И даже этим гордился. Но только про себя. Иначе воспитание не будет иметь смысла...

Так семья Чапаевых прожила в Чебоксарах почти до 1897 года. Постепенно голод вытеснил всё. Заказов стало так мало, что многие трогались с места, ища новых и новых заработков. Несколько неурожайных лет сказались на заготовках и скоте. Так или иначе Иван Степанович решил снова искать счастья. Ждать от клочка земли оставалось нечего. А там, вверх по Волге были иные города, иные поселения, иная жизнь. Однажды Иван пришел с работы абсолютно пустым. Денег не было. Еды тоже. Нищета.

Катерина и дети плакали от голода. И тогда Иван решил, что они должны непременно уехать из города. Туда, где ещё можно как-то выжить. В Балаково. А если повезет, то и в сам Саратов.

Безутешно рыдала Екатерина Семеновна, прощаясь с соседями перед отъездом. Притихли шумные ребятишки, и только сильный и решительный Иван Степанович успокаивал жену, приводя в пример то, что хуже, чем жили, жить уже не будут... А подняться с таким семейством, не имея, что называется, ломанного гроша за душой и никаких надежд на будущее, кроме веры в себя, — нелегко.

После их отъезда долго маялся в Будайке Алексей Иванович

Чапаев, брат Ивана Степановича. Семья у него была такой же большой. Работал он вместе с женой Анной Федоровной, главным образом на купца Таланцева, получая в месяц 8 рублей.

Из Будайки их семья была вынуждена уехать в 1913 году прямо в Сибирь. Имущество составляло несколько корзиночек, сундучок, два хомута, плуг, пять кадушек да самовар.

Больше наследников Степана Гаврилова в Будайке не осталось. А ещё раньше, в 1891 году, погиб и он сам. Работая на Волге, Степан Гаврилов утонул, спасая товарища. Товарищ спасся, а его утянуло под бревна. Через год из Будайки выехала со своими детьми Прасковья Федоровна, вновь ставшая вдовой.

Местом жительства Ивана Степановича Чапаева стало теперь село Балаково Николаевского уезда Самарской губернии, куда они приплыли из Чебоксар. До Саратова они так и не добрались. Хотя и в Балаково им понравилось. Там постоянно требовались рабочие руки и были возможны относительно высокие заработки.

Балаково, как и другие рынки на Волге, было известно Ивану ещё раньше. Некоторые его товарищи, да и старший сын Михаил когда-то тут уже бывали. Село хвалили, говоря, что работа там сама просится в руки.

Географ Сырнев писал: «Верст на 6 ниже Широкого Буерака на левом берету Волги расположена «пшеничная столица», богатое и многолюдное село Балаково...

В эпоху освобождения крестьян в Балакове жителей считалось 2700, а ныне более 16 тысяч. Село имеет вид города: в нем пять церквей, обширная торговая площадь, каменные мостовые, аптека, много больших каменных домов. Главными предметами торговли служат лес и хлеб. По размерам закупок хлеба и по высокому его качеству Балаковская пристань считается первой после Самары... Балаково ведет торговлю почти исключительно пшеницей, которая идет на

Оку на мельницы, затем в Казань, Н. Новгород... всего хлеба балаковские пристани отправляют около 10 млн. пудов...»

Хоть и радовались Чапаевы новому месту проживания, только и здесь столкнулись с новыми проблемами. Впрочем, проблема новая была очень похожа на старую. Работа. Обосноваться было не так легко, как казалось сначала. Не просто попасть под крышу, не просто и найти работу. Спрос на рабочую силу, конечно, был большой, но и в работе нуждались тысячи и тысячи изголодавшихся людей. Тем не менее постепенно всё устраивалось. Иван Степанович находил работу главным образом по плотницкой части. Старшему сыну Михаилу удалось устроиться на завод местного промышленника Мамина. Дочка

Анна сразу же прославилась своим умением и способностями к вышивке, вязанию и плетению кружев. Стала получать надомную работу и приносила неоценимую пользу в скромный бюджет семьи. Андрей также не сидел без дела. Он определился на поденную работу. Дома оставались лишь двое самых младших сыновей и Екатерина Семеновна. Вася с Гришей помогали матери чем только могли. Присматривали за скотиной, огородом, старались вести хозяйство не хуже взрослых.

Возможно, всё шло так и дальше, если бы не случай. Однажды Ивана и Екатерину пригласили в гости на чашку чая. Слово за слово и выяснилось, что соседи не просто соседи, а родственники. И даже не самые дальние. Троюродные по линии сестры Ивана Степановича. Катерина Семеновна была тогда вне себя от радости. Вот так подарок судьбы: на чужом и незнакомом месте обрести родню, да не простую, а семью священника. Священник отец Владимир стал пристально интересоваться новыми родственниками и вскоре, прослушав голос Василия, предложил Ивану Степановичу отдать сына в четырехгодичную церковно-приходскую школу. Он объяснил родителям, что у сына Василия очень хороший голос, что их школа, которая в его ведении и под его патронатом, ищет красивые мальчишеские голоса для церковного хора. А Вася замечательным образом подходит для хора даже в качестве солиста.

Более всего такое известие произвело впечатление на богомольную и богобоязненную Катерину. Ей уж очень хотелось, чтобы хоть один сынок был ближе к Самому Спасителю. Она денно и нощно молила Ивана, чтобы он согласился.

Иван протестовал. Он никак не мог согласиться, чтобы отдать своего Васятку на обучение с проживанием куда-то. То есть обучение, конечно, хорошо. И один грамотей на всю семью не помешает. Но как быть? Ведь за все надо платить, да еще и сына из-под контроля отдавать. Бог знает, чему там его без отцовского догляда обучат? И с кого потом спрашивать? Все эти мысли не давали Ивану покоя. И лишь когда отец Владимир заверил Ивана Степановича в благих своих намерениях, пообещал обучение провести для их сына совсем бесплатным, только тогда Иван отпустил сына в науку с самым тяжелым сердцем.

Василию нравилось и не нравилось в школе. Вначале было интересно от перемены места. Но вскоре одолела тоска по дому, матери и братьям. Он скучал и терпеливо пел все заданные псалмы. Хормейстер его хвалил и даже прочил хорошую карьеру дьякона. Это при самом лучшем раскладе и прилежном обучении. А так Василию следовало настраиваться на место певчего в

неплохом хоре, что недавно организовался в Саратове.

С ребятами Вася Чапаев так и не сблизился. Многие из них были гораздо выше по сословию и сами чурались общения с мальчиком из крестьянской семьи, неизвестным образом оказавшемся в их кругу. От этого Василию становилось совсем тоскливо и одиноко. Хотелось поиграть во что-нибудь подвижное, стремительное. К примеру, в войну или театр. Но ни того, ни другого в школе не разрешалось. Настрой наставников подавлял самые живые характеры. И если кто-нибудь смеялся слишком громко или, не приведи Господи, задирался к кому-то. то тут лее вменялись штрафные санкции: горох, карцер или просто порка.

Чапаев проучился чуть меньше трех лет. Наверное, он смог бы проучиться и больше, если бы не произошел один случай, радикальным образом повлиявший на его жизнь.

Однажды Василий в чем-то провинился. Начальство не сочло нужным наказать его обычными методами. О провинности доложили отцу Владимиру, и тот отдал распоряжение посадить воспитанника Чапаева в карцер. Карцером называлась старая пожарная каланча. Она была такой древней, что временами было видно, как она раскачивается от сильного ветра. Щели в ее стенах были настолько очевидны, что в хороший солнечный вечер можно было наблюдать заход через стены. Само отделение карцера находилось на самом верху башни.

Василия раздели до исподнего белья и абсолютно босым отправили на самый верх пожарки. Если бы это было летом или на худой конец, поздняя осень! Но нет, это был месяц январь. Очень лютый, с сильными ветрами и промозглой погодой. Мороз зашкаливал ниже тридцати... Через час Васятка понял, что пришла пора расставаться с жизнью. Ног он не чувствовал, руки как-то скрючились и совсем не хотели распрямляться. Начал одолевать странный липкий сон.

От отца он слышал, что именно это состояние называется смертельным сном и если дать себе заснуть, то уже никогда не проснешься... Он собрал всю свою детскую волю в кулак и разогнался. Сразу выбить стекло не получилось. Тогда он попробовал ещё раз. На этот раз рама со скрипом треснула, стекло разбилось, а на плече появилась рваная рана. Только боли Вася не почувствовал. Он встал на подоконник и посмотрел вниз. Голова закружилась. Внизу было не меньше тринадцати метров. Но раздумывать было некогда. Либо смерть от замерзания, либо прыжок, а там как Бог даст. Глядишь, и выживет.

Василий зажмурился... и прыгнул. Спасло его только то, что накануне прошел обильный снегопад. Под небольшим сугробиком

был старый наст. И если бы снега не было, он разбился бы насмерть.

Кое-как Василий поднялся и, превозмогая сильную боль в колене, пошел на дорогу. Народ дико озирался на окровавленного полуголого мальчика. Кое-кто пожалел и накинул ему на плечи свой зипун. В таком виде Вася прошел почти через всё огромное село, прежде чем оказался около своего дома. Родители чуть с ума не сошли, увидев в каком состоянии их любимый Васечка вернулся из церковно-приходской школы. Иван Степанович немедленно отправился за лекарем, а после него прямиком к отцу Владимиру, чтобы поговорить «по душам» с ближайшим родственником.

В ту зиму Вася много и долго болел. Сказалось обморожение, простуда и перелом ноги. Тем не менее к весне наступило выздоровление. Отец Владимир больше их не посещал и тем более не приглашал к себе. После выяснения отношений с Иваном Степановичем, который справедливо спрашивал о мере наказания своего сына на повышенных тонах, родственные узы были прерваны навсегда.

Единственное, чем священник пытался оправдаться, это было то, что он очень боялся кривотолков со стороны высокостоящего духовенства по линии родства. Если бы к воспитаннику применили наказание послабее, отца Владимира стали бы подозревать в покровительстве бедных и неимущих родственников. Да к тому же он мог лишиться попечительского места. А уж такого лишаться никак нельзя даже из-за богатых родственников, не то что из голытьбы. Он так и сказал. Ивану Степановичу дважды повторять не надо. Отец Владимир был тут же проклят им, несмотря на свой именитый сан, и о родне с этой стороны забыли навсегда. Так поставил сам кормилец. И никто, никто не рискнул ему перечить. Даже очень набожная и богобоязненная Катерина. Его слово — закон.

Так как карьера певчего не состоялась, Иван Степанович стал приучать сына к своему промыслу: плотницким, столярным и другим работам. Василий был на редкость понятливым, и вскоре отец уже брал его на самые сложные заказы. Чапаевы семейной артелью строили коровники, бани, дома и даже церкви. Иногда брали заказы на филигранную работу: то вырезать ажурные и причудливые наличники на окна, то поставить на крышу богатого дома затейливого петушка, чтобы тот не только вращался, но и даже хлопал крыльями. В общем, фантазия работала вовсю!

В 1902 году Василий Чапаев перешел работать в профессиональную мастерскую балаковского кустаря Г.И. Лопатина. Но тот не хотел сразу выплачивать юноше заработную

плату. Он считал, что тот сам должен платить за свое обучение, и таким образом Чапаев первую зиму работал почти бесплатно, практически за кусок хлеба. Позже, в 1904 году он перешел к известному в то время балаковскому мастеру столярного дела Ивану Григорьевичу Зудину. Последнего считали «безбожником» и активным противником царского правительства. В революцию 1905-1907 годов Зудин состоял членом Балаковского крестьянского союза и, разумеется, находился под негласным надзором полиции.

С 1906 года Василий вместе с отцом и братьями работал по найму в Сызрани. Они снова вынуждены исходить всё Поволжье и заволжские степи. Продолжали строить мукомольные мельницы, изготавливать сельскохозяйственный инвентарь и прочую утварь.

При строительстве церкви в селе Клинцовка, что недалеко от города Николаевска (ныне Пугачев), Василию поручили поставить крест на куполе. Церковь почти была готова, оставалось лишь воздвигнуть крест, и Вася сам вызвался поднять его наверх. Все проходило хорошо. Он благополучно его затащил на самый купол, установил, стал снимать крепления. И вдруг что-то подтолкнуло простереть руки вверх и один на один поговорит с Богом. Когда выдастся ещё такая возможность? Он так и поступил. Родственники снизу видели, как Василий вскинул руки и что-то прокричал в небо. Они ничего не успели понять, как тот вдруг сорвался с купола и стал падать.

Отец стоял, словно в параличе. Ни двинуться навстречу сыну, ни крикнуть на помощь сил не было. Василий летел как в замедленном ритме. Словно парил. Словно кто-то поддерживал его в полете, чтобы при приземлении он не разбился. Ни одного перелома, ни одного ушиба, ни одной царапины. Фантастика!

Из-за этого случая товарищи и родные прозвали его Ермаком. Такое прозвище сохранилось за ним на всю жизнь.

В 1908 году Василия призвали в армию на действительную военную службу. 5 декабря команда призывников была отправлена через пересыльные пункты Николаевска и Саратова в Киев. Однако в армии он пробыл недолго. Всего около пяти месяцев. Так доподлинно и не стало известно, что же все-таки повлияло на его досрочную демобилизацию: бельмо на глазу или казнь брата Андрея в русско-японскую войну. Директивой Главного штаба Военного министерства от октября 1907 года уездным воинским начальникам предписывалось: «По получении от чинов Министерства внутренних дел сведений о неблагонадежности в политическом отношении новобранцев сообщать их в те части войск, куда назначены заподозренные в

политической неблагонадежности новобранцы». Далее указывалось, что эта мера имеет целью «предохранение армии от проникновения в среду нижних чинов преступной пропаганды».

Другими словами, за Чапаевым, безусловно, велось пристальное наблюдение, как за братом казненного Андрея Чапаева в русско-японскую войну, с формулировкой: «за подстрекательство против царя казнить через повешение». И, вполне возможно, что бельмо, появившееся на глазу у Василия, явилось хорошим предлогом, чтобы уволить из рядов армии. Ведь по другой причине уволить Чапаева было крайне сложно: он был крайне дисциплинированным, исполнительным и проявлял удивительные способности по военному делу.

Вернувшись весной 1909 года домой, он несказанно обрадовал своих родителей, в особенности свою мать. Она была на седьмом небе от счастья: ведь её любимый сынок вернулся целым и невредимым.

К тому времени у Чапаевых в семье осталось в живых лишь трое детей: самый старший сын Михаил, который жил далеко от родителей, женившись на купеческой дочке и взяв крупное приданое (за что был проклят отцом); Василий и Григорий. Андрея повесили, а единственную дочку Аннушку убили. Горе, горе в доме.

Часто Катерина Семеновна вспоминала один из самых скорбных дней жизни.

Семья садилась ужинать после праведных трудов, когда в дверь постучали. Катерина отперла замок, и в горницу вошли двое жандармов. На удивление хозяев, они сказали, чтобы Иван Чапаев собирал свои пожитки и следовал за ними. Муж ни в какую не хотел с ними идти, пока те не объяснят, в чем, собственно, дело. Тогда один из них стал нехотя объяснять. Выходило, что любимого Андрюшеньку повесили месяц назад, якобы за подстрекательство против царя.

Как только она это услышала, то почти лишилась чувств. Слышала, как Иван кричал, что такого быть не может, ведь Андрейка парень смирный, богобоязненный, а царя с царицей почитает: вот и доказательство. Он тогда метнулся к большому сундуку и открыл крышку. На крышке были приклеены фотографические карточки царя, царицы, царевича и царевен. Муж пытался ещё что-то доказать, но жандармы были непреклонны. Они велели ему собираться, так он должен отсидеть за своего непокорного сына в каталажке.

Иван отказался категорическим образом куда-либо идти. Тогда жандармы стали скручивать ему руки. Но не тут-то было: Ивану скрутить ничего нельзя. Он самый сильный в округе. Иван

моментально раскидал их как котят. И ничего бы у них не вышло, если бы один не догадался сделать лассо из толстой веревки и не накинуть ему на плечи. Только таким образом можно было его привести в полицейский околоток.

Видя такую несправедливость, их доченька красавица Аннушка бросилась на помощь папане. Но где ей против таких мордоворотов! Они мигом её оттолкнули, перекрикиваясь бранными словами. Только и она не лыком шита. Встала и снова бросилась на защиту. Тут один, что помоложе схватил дубинку и с размаху ударил её по голове. Да силу не рассчитал и девочке пробил череп. Она упала как подкошенная. Кровь так и стоит у Катерины в глазах. До сих пор она во сне по ночам моет и моет пол. Руками скоблит, чтобы не марать кровинушку дочки. Чуть умом не тронулась. Хорошо, что сынки поддерживают. А то виданное ли дело: пережить за раз две смертушки своих кровиночек...

Хоронили Аннушку с почетом: многие плакали по рукам её дивным и умелым. Померкло после неё в селе. Вязаных и плетеных кружев как-то сразу поубавилось. Праздник ушел...

Не долго радовалась Катерина Семеновна приходу из армии сына Василия. Бельмо заговорила ему старая лекарка, а проще бабка, за три дня. И снова у него самые васильковые глаза, которые только встречаются. Только вот почему-то они грустят в последнее время. Спрашивала мать сына, что, мол, с ним приключилось, да только вразумительного ответа так и не дождалась. Всё прояснилось совсем неожиданно: он пришел как-то и рассказал, что собрался жениться. Иван Степанович насторожился, а она так и обомлела. Не то, чтобы не ждала такого оборота, но и не была совсем к нему подготовлена. Робко спросила, на ком же сынок собрался жениться. Тот ответил, что на Пелагее Метлиной. Как услышал это имя Иван Степанович, так и зашелся в гневе. Кричал, ногами топал, что не допустит этого брака. Виданное ли дело крестьянскому сыну жениться на поповской дочке. Да ещё сам то поп с темным прошлым. Говорили на селе, что помог он своей жене на тот свет убраться раньше времени.

Долго они с сыном ссорились. Никто уступать не желал. Потом по углам разошлись. Три дня кряду не разговаривали. На четвертый муж не выдержал и первым к Василию подошел. Сказал тогда, что, мол, хочешь жениться — женись, но на нашей, на крестьянской. Вон Наташку — соседку в семью приведи. Только не стал Василий отца слушать. Объявил: если не дадут ему жениться на любимой Пелагеюшке — решит себя жизни.

Сказал, как отрезал. И больше ни слова ни проронил.

Понял Иван, что сын говорит правду. Такими вещами, во первых, не шутят, да и сам он приучил детей словами не бросаться. Так что придется мириться. Не хотел Иван Степанович, чтобы Василий связывал свою жизнь с девушкой, которая ему не ровня. Ведь был уже в их жизни такой случай. Старший Михаил женился на купеческой дочке, взял приданное. Проклял его тогда Иван. Да проку что. Не на девку он, Мишка польстился. На деньги её. Приспичило из нужды легким путем выкарабкаться. А у Васьки нет, тут другое — любовь, будь она неладна.

Пелагеин отец хоть и расстрижен был из священнослужителей, но на жизнь промышлял иконописью. Богомазом его прозывали. Старые иконы чистил, реставрировал, а где попросят — там и новые напишет. Приданное жены давно пропил, прокутил. Жену заморил, просто поедом извел. Да и помог в действительности на тот свет уйти. Чего скрывать. Давно отделаться хотел. А двух дочек на что-то содержать надо. Старшая Елена, та замуж недавно вышла за станочного врача. А младшая Пелагеюшка в самый смак, в самую пору вошла. От женихов отбою нет. И ведь, бестолковая, уперлась — только за какого-то Василия Чапаева хочет пойти. Прямо никакого сладу нет. Кто он, этот Чапаев? Из босяков. И впрямь, зачем он ей? Вот уж вправду говорят, волос у бабы длинный, а ум-то короткий.

Что-что, а волосы у Пелагеи были не то, чтобы длинные. Прямо в пол упиралась коса. А если распустить, то и самой девушки за ними, волосами, видно не будет. И нрав веселый превеселый. Всё песни поёт, не умолкает. При самом удобном случае сплясать не забывает. Ямочки на щеках такие, что ребятам на погибель. В общем, было, что Василию полюбить. Так присох, никого, кроме своей ненаглядной, не видел.

Каким образом уговорили родителей, неизвестно. Только жарким июльским днем 1909 года Василий и Пелагея повенчались. Обе семьи были категорически против их брака, но не перечили. Ждали, что он когда-нибудь сам распадется. Очень уж любовь сильная...

Через год, в августе 1910 года, у молодоженов родился первенец. Сын Александр. Жили они у родителей Василия в маленьком домике. Перспектив на отделение или строительство своего дома пока не было. Заработки в Балакове заметно снизились. Трижды был неурожай, многие оставались без куска хлеба.

Вернуться в родительский дом жены не представлялось

возможным, так как Никонор Метлин уже женился и принять дочь с мужем не хотел. К тому же и сам Василий никогда бы не пошел к нему жить. Ото всего этого у Пелагеи портилось настроение и особенно отношения со свекром.

Василий знал о проблемах в отношениях между родителями и женой. Но поделать так ничего и не мог. Родители плохо принимали избалованную Полю, а он безумно, безумно её любил и всегда вставал на защиту, оправдывая любой Пелагеин поступок.

Заработка не хватало. Это было уже не прежнее село, процветавшее хлебной торговлей. Строительство железной дороги мимо него изменило поток грузов. Приходилось искать работу на стороне.

После рождения дочери Клавдии в марте 1912 года с семейными доходами стало совсем худо. Тогда-то Пелагея и предложила взять ссуду у сестры и открыть свою мастерскую по починке инвентаря. Василий подумал, подумал и согласился. Отец нервничал, боялся, что сын, взяв долг, не сможет его вовремя отдать. Но Василий в первую очередь с небольшой прибыли выплатил взятую ссуду и долг погасил. Только вот дальше не пошло. Денег на новый сельхозинвентарь у народа не было, а ремонтировать старый каждый старался сам.

Поэтому Чапаев скоро прогорел, и ему пришлось распродать и раздать тот инструмент, который остался в мастерской. Жена была вне себя. Но он так решил и поступил. Обманывать своего же соседа он не мог, а без обмана — нет навара. Значит, не коммерсант...

Пелагея все-таки решила пристроить своего неудачливого мужа на какую-то работу. Думала, думала и наконец придумала. Попросила своего отца взять Василия на иконы. На семейном совете было решено, что это хоть и небольшой доход, но все же.

Василий довольно быстро освоил реставрацию, и вскоре Никонор Метлин перестал писать иконы, перестал их реставрировать, перепоручая всё своему зятю. Тот был до невероятности честен. Работу выполнял на совесть и не утаивал ни одной копейки. Так, поплевывая в потолок, Никонор зажил, дивясь судьбе, выпавшей ему на стареющую голову. Василий творил, а деньги делил пополам. Всё честно...

Неизвестно как долго продолжался бы этот альянс, если бы не снова его Величество случай. Однажды в церковь, где работал Чапаев, пришла одна старушка и попросила его реставрировать икону Николая-угодника. Василий посмотрел на лик и засомневался. Образ был совсем не виден. И тогда он предложил бабульке написать икону заново. Та подумала, но не согласилась.

Она стала утверждать, что икона, мол, с Николаем-угодничком. Что так говорила ещё её прабабка, бабка и даже мать. Так что Чапаеву пришлось её реставрировать, поверив на слово.

Он честно сидел над ней около недели. И действительно стало что-то вырисовываться. Вскоре объявилась заказчица. То, что она увидела, повергло её в неистовство. В шок. У неё случился просто припадок. Когда она взглянула на икону, оттуда на неё глядел именно Николай-угодник, только в папахе и с усами. А ещё ему приписывали саблю.

Полупарализованная от ужаса бабка заорала не своим голосом и побежала жаловаться высокому начальству. К счастью, у неё в селе были свои связи…

У Василия ровно пелену с глаз сорвали. Он смотрел на своё «произведение» и не мог поверить изображению, которое на него смотрело. Каким образом такое произошло, он так до конца своей жизни объяснить и не мог. Только после этого случая ему пришлось срочным образом уезжать, так как бабулька оказалась настырной и очень мстительной. Она обещала посадить Василия за «богохульство» и грозила какими-то немыслимыми сроками каталажки.

Чапаевы очень быстро собрались в дорогу. Весной 1913 года они уехали с маленькими детьми в Симбирск. Родители их остались в Балаково. Теперь Пелагее никто не мешал вить своё уютное гнездышко. Только вот вопрос, удастся ли ей справиться одной с двумя детьми без чьей-либо помощи, в чужом городе, без друзей, знакомых и родственников?

Из Симбирска они уехали быстро. Работы было крайне мало. Для местных не хватало заработков. Что уж говорить о приезжих! И они снова на барже сплавлялись в поисках жилья, рабочего места и счастья. Остановились в Мелекессе. Там вскоре всё начало налаживаться. И дом свой сняли, и рабочие требовались, и даже младший сынок Аркадий родился. Вот оно счастье — близко, только рукой всё равно не достать. В августе, через неделю после рождения младшего сыночка началась империалистическая…

Война 1914 года, развязанная венценосными правителями, впервые в истории приняла мировой характер и незамедлительно потребовала огромных людских и материальных ресурсов.

Чапаевы снова снялись с только что насиженного места и снова отправились в путь. Только уже обратно в Балаково. Грустным и не обнадеживающим был он для Пелагеи. Она знала, что Василий уходит на фронт, знала, что жить ей придется снова со свекром и свекровью. Знала, знала, знала…

Знала и очень этого боялась. Она думала, что будущее

закончилось, так и не начавшись. А вдруг Васеньку убьют?

Глава 2. Кресты и порох

Возвращение в Балаково для обоих было не радостным. По дороге они часто молчали и просто смотрели на пробегающие волны. Каждый думал о своём. Пелагее казалось, что её личная жизнь так и не сложилась, что красота почти отцвела, так и не принеся ей удачи. Теперь у неё на руках уже трое малышей, и совсем не понятно, как она сможет ужиться с родственниками мужа после такой разлуки?

Василия тоже страшила разлука. С каждым годом он привязывался к своей чернооkой жене всё крепче и крепче. Кажется, что чувства, которые он испытывал в период жениховства, не только не угасли, а, напротив, разрослись с новой и неведомой силой. А ещё страшила разлука с детишками. Как теперь они без него жить-то будут? Мальчишки — прелесть, будущие мужички! Сила! А вот дочурка до того славная, что просто не передать словами! И главное — точная копия его любимой и единственной...

Стоя у кормы, Чапаев обдумывал сразу два дела. Первое — как сгладить расставание перед отправкой на фронт. Второе — постараться избежать посещения Балаковского призывного пункта. Нельзя ставить в известность волостное

управление. Никто вообще не должен знать о его месте нахождения. Он хорошо помнил, каким терзаниям и репрессиям была подвергнута их семья после расправы над старшим братом Андреем во время русско-японской войны. Допустить подобного ему никак нельзя. И тогда Василий придумал одну хитрость: поменяться адресами с приятелем из другого села, другого волостного уезда.

Целый год потом будет вестись переписка между Балаковым и Мелекессом, которая так и ничем не кончится. Ни по одному адресу призывники не проживали. Это была его первая стратегия.

Предлогом для начала войны в 1914 году послужило убийство наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда сербским поданным. Фердинанд возглавлял империалистические круги Австро-Венгерской империи, проводившие политику захвата Сербии. И поэтому, воспользовавшись инцидентом, правительство Австро-Венгрии предъявило сербскому правительству неприемлемый ультиматум.

15 (28 н. ст.) июля Сербии объявили войну. Царское правительство России выступило с заявлением в защиту Сербии, а Германия, давняя союзница Австро-Венгрии, 19 июля (1 августа)

объявила войну России.

Через два дня Германия же объявила войну Франции и направила свои войска через Бельгию, нарушив, таким образом, её нейтралитет. Силы были стянуты к мало укрепленной франко-бельгийской границе.

На следующий день правительство Англии, под предлогом защиты Бельгии, вступило в войну с Германией.

Так в течение нескольких дней почти все сильнейшие страны Европы были втянуты в войну.

Завоевание чужих земель, захват рынков сбыта затрагивали интересы всех империалистических государств. И вскоре в войне участвовали Япония, Италия, США и целый ряд других стран.

Война приобрела мировой характер. Она же приобрела название: Первая мировая...

К этой войне империалисты готовились довольно давно. Самыми воинственными были Германия и Австро-Венгрия с одной стороны. Англия, Франция и зависимая от них Россия — с другой. Германия обогнала Англию и стала вытеснять её с прежних рынков. Также стремилась к переделу мира в свою пользу.

Разгоревшаяся бойня поглощала всё новые и новые людские ресурсы. О материальных уже не приходилось и говорить.

В Балакове, как и по всей стране, призванные в армию прощались с родными и близкими. Василия Ивановича Чапаева призвали 20 сентября 1914 года. Много в тот день пришло народу на пристань, чтобы попрощаться с ним. Путь лежал не близкий: на Саратов, а потом в Аткарск, в 159-й запасный пехотный батальон, минуя призывной пункт в Балакове. Туда он не явился.

Балаковское волостное правление, потеряв Василия из поля зрения, обращалось к приставу Мелекесса с просьбой: «Ратник ополчения 1-го разряда призыва 1908 года крестьянин деревни Будайка Василий Иванович Чапаев подлежал поступлению на военную службу по мобилизации 20 сентября 1914 года. Между тем, по наведенной справке, он оказался проживающим в посаде Мелекесс, почему Балаковское волостное правление имеет честь покорнейше просить ваше высокоблагородие сообщить сему правлению, проживает ли в посаде Мелекесс Чапаев, почему не мобилизован и, в случае его уклонения, представить его к господину воинскому начальнику для зачисления в ряды войск».

Переписка по розыску Василия Ивановича длилась чуть больше года. Из Балакова настойчиво запрашивались различные уточняющие данные, в частности о том, выдавался ли Чапаеву на

руки паспорт. Наконец, после долгих поисков, полицейский пристав Мелекесса, возвращая в Балаково всю переписку, 15 апреля 1916 года написал: «Просимых сведений о Чапаеве дать не представляется возможности, так как последний в посаде Мелекесс не разыскан и личность его жителям посада никому не известна».

Как сказано выше, Чапаев в армию ушел в сентябре, а на фронт же прибыл в составе очередного пополнения в декабре 1914 года. Приказом по 326-му Белгорайскому полку от 4 января 1915 года он был зачислен рядовым в 1-ю роту. Вскоре же определен в учебную команду полка, где готовились кадры будущего унтер-офицерского состава. Кандидатов в унтер-офицеры брали из числа самых лучших и владеющих грамотой новобранцев.

326-й пехотный Белгорайский полк был сформирован в период с 30 июля 1914 по 12 августа 1914 года в Саратове по царскому указу о мобилизации, вошел в состав 82-й пехотной дивизии и 23 августа отправлен в XI армию на Юго-Западный фронт. Войска фронта в начале войны провели наступательную операцию против австрийских войск в Галиции, овладели городом Львов. С первого ноября 1914 года по 9 марта 1915 года 326-й Белгорайский полк участвовал в ожесточенных боях за Перемышль. В течение четырех месяцев осады крепости белгорайцам пришлось штурмовать опорные пункты неприятеля, отражать вылазки австрийцев. Полк нес большие потери: приказом по белгорайскому полку 30 нижних чинов были награждены Георгиевскими крестами, 228 — Георгиевскими медалями.

Вот в такой напряженной обстановке и началась фронтовая жизнь Василия Ивановича Чапаева.

По окончании обучения в полковой учебной команде он возвратился в 1-ю роту.

В итоге длительных боев Перемышль был взят, 9 марта 1915 года 120-тысячный гарнизон крепости капитулировал. Освобожденные в этом районе русские войска были направлены на другие участки фронта — 82-я дивизия переброшена по железной дороге через Львов и Тернополь в город Чортков. 1ам частично пополнилась и вела подготовку частей до второй половины апреля. С восстановлением дорог после весенней распутицы дивизия проследовала в состав IX армии, на левое крыло Юго-Западного фронта.

Более активные действия проходили в XI армии. Ее войска форсировали Днестр и оттеснили противника за реку 11рут. Хотя

обстановка на фронте к этому времени резко изменилась не в лучшую сторону для нас. Сказывались экономическая и техническая отсталость страны.

19 апреля 1915 года австро-германские армии перешли в наступление, и русским войскам пришлось перейти в оборонительные бои.

Белгорайский полк, после неудачной попытки форсирования Днестра, все же совершил успешный маневр и 25 апреля переправился ниже по течению в район деревни Хмелево из района деревни Бедицы.

Упорно продолжая наступление, полк вышел на указанное ему раньше направление, выбил у деревни Михалче противника с большими потерями для него, а к утру занял город Городенку.

К утру 5 мая полк прибыл в Слободка Лесну и поступил в оперативное подчинение командира 71-й пехотной дивизии. В ночь на б мая 1-й батальон полка форсировал реку Прут и вместе с двумя батальонами Венгровского полка 71-й дивизии занял плацдарм у деревни Княж Двор.

Стойко держалась 1-я рота батальона. Даже захватила сорок человек пленных. Хотя в течение суток было отбито несколько дневных и ночных атак. Батальон в общей сложности потерял 440 человек.

За мужество и большую стойкость, проявленных в боях 5-8 мая, Чапаева награждают Георгиевской медалью.

В дальнейшем положение на этом участке стабилизировалось, и Белгорайский полк в составе своей 82-й дивизии убыл в Стрый для его обороны. Трое суток защитники отстаивали город, а к исходу 21 мая отошли, понеся большие потери. Отходили с боями, а 25 мая удачной контратакой белгорайцы захватили в плен 5 офицеров и 299 солдат. Потери полка: 2 человека убитыми, 7 раненых. В ходе дальнейшего преследования противника 26-28 мая у него отбили несколько деревень, а в деревне Березинца-Крулевка захватили в плен ещё 780 солдат, 23 офицеров и 1 врача. У города Жидачова Белгорайский полк 30 мая был сменен Богодуховским и Новочеркасским полками. 5 июня занял позицию у переправы на Днестре, западнее Моссоровки. В бою 8 июня 1-я рота понесла большие потери.

9 июня Царевский и Белгорайский полки 1-й бригады были сменены 327-м Корсунским и 328-м Новоузенским полками 2-й бригады 82-й дивизии. Белгорайский полк получил 1000 человек пополнения и до конца месяца приводил себя в порядок. Приказом по полку от 10 июля 1915 года в районе деревни

Дзвиняч рядовой первой роты Василий Чапаев был произведен в младшие унтер-офицеры, минуя звание ефрейтора. За мужество и храбрость унтер-офицер Чапаев 16 сентября 1915 года был награжден Георгиевским крестом 4-й степени.

С 1 по 24 июля полк снова находился в боях, а затем до 11 августа залечивал раны в районе деревни Бильче. 13 августа полк сменил Ново-Московский полк в районе местечка Золотой Поток (в пятидесяти километрах восточнее Ивано-Франковска). К часу ночи 14 августа была закончена смена, а в четыре утра на позиции обрушился сильный артиллерийский огонь противника. В пять часов его пехота пошла в наступление. В целом атака успеха не имела. Потери составили: 400 убитых и 92 пленных. Противник отступил. В общем, обстановка на фронте была очень тяжелой. В 22 часа 15 августа полк, согласно приказу, начал отход за реку Стрый.

Река Стрый, петляя в лесистых Карпатах узкой лентой, несла помутневшие после продолжительных дождей воды. Они растекались по широкой долине с пышными лугами, садами, виноградниками и перелесками. По берегам живописно смотрелись избушки-мазанки.

Огибая одноименный прикарпатский городок, она делала поворот и текла на северо-восток к Днестру. На возвышенных берегах Стрыя красовались дубравы с вековыми буками и дубами. Самый что ни на есть благодатный край! Быть бы тут тишине и безмолвию с таинственным шепотом лесов, а по вечерам — гуцульским песням, хороводам да соловьиным трелям в садах!

Только не судьба была Прикарпатью. Совсем другая музыка разливалась, разносилась и потрясала. Война, война, воина... По обоим берегам реки — почти не прекращающиеся залпы, трескотня пулемета, взрывы артиллерийских снарядов.

Именно здесь и проходили передовые позиции 1-го батальона Белгорайского полка.

Команду пеших разведчиков именовали «охотничьей». Самих же разведчиков, разумеется, «охотниками». В их обязанности входили: переход линии фронта с целью выявления расположения передовых сил и резервов противника и захват пленных.

Василий Иванович Чапаев был сильным «охотником». У него многие учились сноровке, смекалке и решительности. Разведчиком он был от Бога. Противник зорко нес службу. Если что ему почудилось — сразу ружейно-пулеметный и артиллерийский огонь! Казалось, что мышь и та не перебежит незамеченной. Не то, чтобы человек! И все же... однажды произошел случай, который очень ослабил позиции австро-

венгров и поднял дух русских. А случилось вот что...

Боевая обстановка на фронте у населенного пункта Сновидов, где располагались части Белгорайского полка, сложилась крайне неблагоприятно для русских. Под вечер австрийцы неожиданно атаковали сторожевую роту и ворвались в окопы. В рукопашной схватке полегло много бойцов роты, а оставшиеся в живых вынуждены были отойти на вторую позицию. В числе раненых был и фельдфебель роты Василий Иванович Чапаев.

Несмотря на ранение в голову, он задумал дерзостную операцию. Уткнувшись головой в бруствер окопа, притворился мертвым. Австрийцы, обходившие ночью опустевшие окопы русских, ушли, выставив предусмотрительно свой пост невдалеке от Чапаева. Пост состоял из трех человек. Они добросовестно дежурили. Часто вставали со своих мест и проходили по несколько метров вдоль окопов. Развели костер. Достали кружки и стали рассказывать друг другу небылицы. Рассказывали не долго. Стало страшно. Ведь кругом лежали русские покойники. Тогда было решено всем вместе пройтись вдоль окопов и еще раз просмотреть обстановку. Так и сделали. Самый полный из них подошел к лежавшему Чапаеву и носком сапога повернул его голову в сторону. Василий не произнес ни звука, и австрияк ничего не заподозрил.

Убедившись, что кроме мертвых никого в округе нет, противник вернулся к костру и через какое-то время позволил себе расслабиться, а именно выпить немного крепкого и задремать. Тот, что трогал Чапаева, оказался самым стойким. Он долго плевал на нагрудные кресты и протирал их замусоренным рукавом. Потом улыбался кому-то невидимому, словно мысленно разговаривая. Но и он «сдал позиции». К утру все трое спали, а костер почти перестал гореть. Сон ведь самый сладкий на заре...

Чапаев решил, что настал очень удобный момент и «воскрес» из мертвых. Он подкрался к наблюдательному посту, оглушил одного так, что тот уже никогда не придет в сознание, а двух других обезоружил. Приказал им подняться, взять на руки раненого русского товарища и нести в сторону отошедшей роты.

Каково же было изумление солдат, когда они увидели живого Чапаева, да еще с раненым товарищем и двумя пленными австрийцами. Ведь ему пришлось притворяться мертвым около восьми часов. Ни пошевелиться, ни вздохнуть... Да еще с раненой головой!

Этот подвиг был очень высоко оценен командованием: приказом по 82-й пехотной дивизии фельдфебель Василий Чапаев был награжден Георгиевским крестом 3-й степени за проявленное

мужество, исключительную смелость и отвагу в тылу противника в бою под местечком Сновидов.

Случай этот стал широко известным и приобрел статус легенды. О нем с удовольствием рассказывали во всех частях дивизии братья по оружию.

Бои приобретали все более упорный характер. Ведя активную оборону на чортковских позициях, русские войска наносили ощутимые удары противнику.

Белгорайский полк, перейдя в наступление, овладел станциями Бяла-Чертковская и Белоблжица. Потеряв 19 человек убитыми и 133 ранеными, сам пленил 15 офицеров, 1500 солдат противника, захватил бомбомет, много оружия, снаряжения и патронов.

К 30 августа на некоторых участках противник был отброшен за Днестр. Белгорайский полк 2 сентября вышел к реке Стрый, но затем был снова отведен на чортковские позиции. Оборона на этом рубеже стабилизировалась.

По сложившейся обстановке 82-я дивизия передавалась в состав XIII армии. В 19 часов 21 сентября со станции Черный Отров убыл на Проскуров (Хмельницкий), Шепетовку и далее на Ровно первый эшелон Белгорайского полка. Выгрузившись на станции Клевань, полк сосредоточился в районе деревни Скречетовки и на другой день, 24 сентября вступил в бой.

26 сентября 1-му и 4-му батальонам, наступавшим в первом эшелоне полка, было приказано ударить во фланг и тыл противнику в помощь еще одному Царевскому полку, наступавшему левее. Маневр не удался. Сосед слева не только не развил успеха, но и позорно отступил. 13-я рота Белгорайского полка при заходе в тыл противнику в лесу излишне оторвалась, была окружена и с трудом пробилась штыками к своим. 15-я и 16-я роты потеряли своих командиров убитыми и вынуждены были отойти.

27 сентября полк потерял 3-х офицеров и 54 солдата убитыми, 227 ранеными. 5-го октября 9-я и 12-я роты при наступлении в лесу заблудились и были уничтожены противником. Потери составили 308 человек. В дальнейшем наступление успеха не имело.

В боях между пунктами Цумань и Карпиневка 27 сентября 1915 года Василий Иванович Чапаев был ранен и отправлен в госпиталь. Перебитое сухожилие руки долго не заживало. Из госпиталя он вернулся в полк лишь 29 ноября того лее года. В то время пока он находился на излечении, вышел приказ о производстве его в старшие унтер-офицеры.

Со времени прибытия на фронт Чапаев только за полгода был

трижды награжден и стал старшим унтер-офицером.

Невозможно не оценить по достоинству героизм и стойкость, решимость и отвагу, верность и преданность русских солдат. Абсолютно неисчислимые жертвы, невероятный материальный урон и всяческие лишения несла русская армия из-за иностранных прихотей. Страшная статистика в санитарном отчете старшего врача Белгорайского полка. В нем указывалось:

«За период с 1-го августа 1914 года по 1-е января 1916 года общие потери полка составили: 14 офицеров, 488 солдат — убитыми; 51 офицер и 2699 солдат - ранеными; 17 офицеров и 3444 солдата без вести пропавшими».

Всю тяжесть войны 1915 года Россия вынесла на своих плечах без помощи союзников. Русская армия была вынуждена оставить Польшу, Галицию, Литву и Курляндию. К осени 1915 года русские войска отошли на линию Рига, Двинск, Пинск, Дубно, Тернополь, Новоселица (на реке Прут). На этом фронт стабилизировался, обе воюющие стороны окопались, образовав по всему фронту сплошную линию укреплений.

Царская Россия, истощенная войной, была вынуждена оказывать помощь союзникам, спасая их от разгрома. В декабре нависла угроза над Сербией. Выполняя просьбу союзников и самой Сербии, русское командование сосредоточило на реке Стрый вновь сформированную XII армию и повело наступление на левом крыле Юго-Западного фронта с целью оттянуть на себя австро-германские войска. Плохо подготовленная армия операцию провела неудачно. Цель не была достигнута и Сербия была выведена из войны.

Конференция союзных армий в декабре 1915 года в Шантильи (Франция) выработала оперативно-стратегический план согласованных наступлений на главных фронтах (Русском, Англо-французском и Итальянском), которые были назначены на весну 1916 года. На очередной военной конференции в марте 1916 прежний план был уточнен и дополнен. Время общего наступления было назначено на вторую половину июня, 16-го... Выходило, что русская армия должна была начать наступление двумя неделями раньше остальных, дабы оттянуть на себя резервы немцев. Но в связи с осложнившейся обстановкой на фронтах союзников они стали торопить, чтобы подготовка к общему наступлению союзных армий была полностью завершена ко времени окончания весенней распутицы. Окончательный план наступления русских войск был завершен на совещании Ставки с главнокомандующими фронтами 1 (14) апреля 1916 года.

Так решило высшее командование. Нижние же чины начинали думать иначе. Совсем по-другому...

Все складывалось просто ужасно. Постоянные военные неудачи, людские и материальные потери, цинга, тяготы и лишения фронтовой жизни, тяжелейшее положение в тылу и нерадостные письма из дом)' — все это отрицательно влияло на настроение солдат и, соответственно, снижало их боевой дух.

Был такой случай. В начале сентября 1915 года командный состав 82-й пехотной дивизии насторожило анонимное письмо из Белгорайского полка, адресованное начальнику дивизии. Во время следствия автор письма был установлен. Им оказался старший унтер-офицер Д.Е. Родичкин. Чапаев с ним дружил. Родичкин был из деревни Семеновки, Клинцовской волости, что недалеко от Саратова, полный Георгиевский кавалер. Суть его письма заключалась в том, что он предупреждал о солдатском решении. Солдаты решили «не пойти в будущем в наступление без своего начальства, а в особенности без командиров батальонов, которые по их мнению во время наступлений прячутся неизвестно куда». Но в ходе расследования Родичкин категорически отказался назвать единомышленников. Его дело было передано в военно-полевой суд. Родичкина наказали по всей строгости... Казнили...

Вообще в Белгорайском полку было немало случаев умышленного отставания солдат от своих команд и подразделений по пути следования на фронт, дезертирства, саморанения и добровольной сдачи в плен. Это объяснялось не столько трусостью солдат или малодушием, как нежеланием руководства обеспечить хотя бы минимальную заботу об армии. В окопах было по пояс тухлой воды, младший военный состав болел все чаще и чаще цингой. Не хватало не только витаминов, но и боеприпасов, питания и многого, многого другого. К тому же старшие чины часто просто издевались над солдатами, подвергая их палочной дисциплине, избиениям без причины, прилюдным пощечинам и унизительным словам, типа «кухаркины дети». Все это, разумеется, накладывало свой неизгладимый след на подневольных людей.

Копились злоба и обида на несправедливые отношения высших военных чинов к низшим. И постепенно все это выражалось в солдатских волнениях и поддержке большевистских течений.

И сам Чапаев, как и общая масса солдат, больше и больше втягивался в критический анализ происходившего. Серьезнее задумывался над выходом из создавшегося положения. Однако фронт был фронтом. Он еще множество раз будет подставлять себя под пули и снаряды противника. Ничего не поделаешь — долг.

Но если бы только долг и честь России приходилось защищать им. Каждый воин имел семью, детей и родственников. И если бы лишь пули могли приносить ранения. Хуже, когда тебя ранят самые желанные, самые близкие, самые любимые. Это не физическая боль. Это другое… Это почти не заживающее…

Однажды на фронт Василию пришло письмо из дома. Писал отец. То, что узнал Чапаев, пронзило самое сердце. Мир, за который он боролся, — рухнул в одно мгновение. Его любимая, его Поленька… Она ушла к другому. Тот, другой, ради нее бросил семерых детей и очень больную жену. Она же ради него бросила троих детей, младший Аркашенька еще и ходить-то не умел как следует. Только ползал. Много ранений пережил Василий, но такого еще не было. Такой боли не приходилось испытывать. Он почти не разделял день и ночь, все время стремился броситься под самые пули. Но смерть почему-то обходила стороной. Будто бы смеялась над ним: «Помучайся, помучайся еще!» И он мучался. Получив легкое ранение, недолго лечился в госпитале и попросил дать ему кратковременный отпуск. Отпуск предоставили.

Приехав домой, Василий Иванович решил простить неразумную Поленьку. Он приехал в новый дом, который снимал для нее любовник. Встреча была такой нежной, что Пелагея без раздумий вернулась к своему мужу, к своему любимому, к Васеньке.

Потом она ему объясняла, что ушла не от него, от той жизни, что сложилась с его родителями. Постоянное непонимание друг друга, физические наказания, все это было не для нее, не для такой жизни она выходила замуж.

Василий понимал, что длительное отсутствие дома накаляет обстановку. Но изменить практически ничего не мог. Нужно было возвращаться на эту никому не нужную войну.

Хуже настроения у него еще не было в жизни. Внутренне он чувствовал, что жена снова уйдет, и на сей раз от него самого, а не от той жизни, которую ей создали родители… Перед самым отъездом он с Полей сфотографировался. Это была их последняя фотографическая карточка. Всё! Больше они никогда не возьмут друг друга за руки. Впереди лишь боль утраты, боль непонимания и предательства. Впереди смерть…

Перед отъездом Чапаев посещает дома соседей и рассказывает подробнейшим образом, какая обстановка на фронте. Те слушают и просят рассказать ещё и ещё. У каждого там кто-то находится: брат, сын, муж или отец. Каждый ждет от родных хоть какую-нибудь весточку… Поэтому Чапаева не хотят отпускать и провожают всем селом…

Ещё в дороге Чапаев узнал, что 10 апреля русские солдаты устроили братание с австро-венгерскими частями. Все, кто об этом читал в газетах, — одобряли. Мужики кивали, смолили цигарки и говорили лишь об этой новости. Предрекали быстрый мир. Мол, наконец-то мужик вздохнет и вернется в семью. Но получилось иначе. Получилось — страшнее не придумать.

13 апреля Чапаев вернулся на фронт, а уже 18-го генерал Брусилов издал приказ, в котором говорилось о недопустимости братания! Делалось строжайшее предупреждение о суровом наказании в случае повторения.

Страшный приказ за номером 643... Корреспондент, который заснял само братание и обладал уникальными кадрами, не знал, как ему теперь поступить: показать это или нет высокому военному начальству? На пленке были радостные лица вчерашних врагов. А уже через несколько дней те же радостные лица с обеих сторон качались на виселицах с высунутыми черными языками. Он тоже это заснял. Всех, кто позволил спонтанный мир, наказали по воле генерала. Много, много жизней лишил генерал Брусилов одним росчерком пера. Одним приказом за номером 643... Самым страшным приказом против мира.

Войскам Юго-Западного фронта предстояло наступление. Командующий войсками фронта, возвратясь из Ставки, 5 апреля 1916 года созвал командующих армиями и начальников штабов, а уже на следующий день подписал директиву на предстоявшую операцию. План наступления сохранялся в строжайшей тайне. Он был доведен лишь до командующих армиями. О группировке русских войск, о готовившемся наступлении и его сроках австрийское командование знало, но считало, что наступать русские не в состоянии.

В ходе подготовки русских армий к наступлению со стороны союзников последовал очередной сигнал бедствия. 1-я итальянская армия, занимавшая позиции в Трентино и бездействовавшая там в течение года, 6 (19) мая была атакована австрийцами и потерпела поражение, потеряв до 16 тысяч одними только пленными и 80 орудий. И конечно же надо было спасать союзников! Русской Ставке пришлось менять свой оперативный план. Первым в наступление раньше установленного срока должен был перейти Юго-Западный фронт в направлении на Луцк. Поэтому с половины мая 1916 года подготовка Юго-Западного фронта была закончена. 19 мая были отданы все распоряжения, и войска заняли исходные позиции. В период подготовки этого наступления 82-я дивизия вошла в состав

сводного корпуса IX армии.

Всё было сделано на месяц раньше срока, установленного «Союзным военным советом». Русский царь в телеграмме итальянскому королю 18 мая 16-го года писал: «Мой начальник штаба доложил мне, что 22 мая (4 июня) моя армия будет в состоянии начать атаку австрийцев. Это даже несколько раньше той, которая установлена Военным союзным советом... Я решил предпринять это изолированное наступление с целью оказать помощь храбрым итальянским войскам и во внимание к твоей просьбе».

Командующий войсками Юго-Западного фронта генерал Брусилов 20 мая докладывал в Ставку: «Войска воодушевлены и ждут наступления».

Но это было только в телеграмме. В действительности же солдаты не горели желанием идти в бой. Абсолютно! Они все больше понимали, кому эта бойня выгодна. Угнетало тяжелое положение своих семей в тылу. Сами, лишенные почти всего, испытывали жестокую расправу над собой военно-полевых судов за малейшую провинность.

Так, 24 апреля 1916 года был объявлен приговор военно-полевого суда по делу рядового 59-й маршевой роты А. Вязникова, прибывшего в Белгорайский полк. Этот солдат, доведенный до отчаяния придирками и издевательствами, отказался отдать воинскую честь командиру отделения, а когда тот его выругал и ударил по лицу, ответил: «Господин Вязников, я не сволочь, а такой же человек, как и все». Такого заявления было достаточно, чтобы солдата приговорили к 4-м годам каторги, а затем снова судили и расстреляли.

В целом, Юго-Западный фронт к началу наступления имел превосходство над противником в 1,3 раза по пехоте и в 1,1 раза по артиллерии. На направлении главного удара превосходство достигало по пехоте в 2-2,5 раза, по артиллерии — 1,5-1,7 раза. Для прорыва хорошо укрепленной обороны было явно не достаточно.

С рассветом 22 мая (4 июня) войска Юго-Западного фронта перешли в наступление.

Войска IX армии, действовавшие на левом крыле фронта, начали свои боевые действия в районе села Черный Поток газовой атакой. Утро было тихое и безветренное. А легкий туман благоприятствовал пуску газов. Восходящее солнце выгодно освещало расположение австрийцев и очень затрудняло наблюдение за русскими войсками.

Густое облако пущенного газа сначала шло прямо на окопы противника, а через некоторое время всё случилось совсем

наоборот. Поднялся легкий ветерок, подувший с юга, и часть газов пошла на русские позиции.

Хотя атака была и неудачной, всё же австрийские войска испытали серьёзную панику. В 6 часов русская артиллерия открыла огонь, который продолжался в течение шести часов. В 12 часов по полудни ударная группа 11-м и 41-м корпусами атаковала позиции противника. К пятнадцати часам овладели участком первой оборонительной полосы, и отдельные передовые части достигли села Окна. На остальном фронте IX армия успеха не имела. Армия двинулась в глубину всего на несколько километров. За один день было взято в плен 305 офицеров, 11330 солдат, захвачено много орудий и пулеметов.

Противник спешно стягивал резервы и отбивался ожесточенными атаками. Развития успеха не получалось. Сказываюсь отсутствие подвижной группы и больших потерь 11-го армейского корпуса, которые за два дня боев достигли 35-ти процентов. Командарм отдал приказ закрепиться на занятом рубеже и привести части в порядок.

28 мая (10 июня) войска IX армии после 6 часовой артподготовки вновь перешли в наступление и вторично нанесли VII австрийской армии крупное поражение, захватив 347 офицеров, 18 тысяч солдат и 10 орудий. К исходу 29 мая 11-й армейский корпус, пройдя за день 15 километров, достиг рубежа Вителювка, Садагура. Всего лее за 10 дней VII армия противника потеряла 52 орудия и 50 процентов личного состава, в том числе было пленено 758 офицеров, 37832 солдата, захвачено 49 орудий, 21 бомбомет, 11 минометов, 120 пулеметов и много военного имущества. Только отсутствие конницы на направлении главного удара, а также неэнергичные и несогласованные действия VII и IX армий спасли VII армию противника от полного уничтожения.

С 30 мая 82-я и 103-я пехотные дивизии вошли в состав 11-го армейского корпуса, а штаб Свободного корпуса был расформирован. Белгорайский полк в составе 82-й дивизии наступал на левом фланге 11-го армейского корпуса.

Приказом по 326-му пехотному Белгорайскому полку №169 от 3 июня 1916 года старший унтер-офицер Василий Иванович Чапаев, на основании рапорта командира 1-й роты от 23 мая, произведен в фельдфебели и утвержден в должности фельдфебеля 1-й роты.

Стремясь вырвать инициативу у русских, Австро-германское командование нанесло контрудар 3 июня (16 июня) на правом крыле Юго-Западного фронта. Трехдневные бои решительных результатов противнику не дали. План по разгрому русских

армий на Луцком направлении провалился.

В ночь на 5 июня, несмотря на сильный артиллерийский и оружейно-пулеметный огонь противника, части 11-го армейского корпуса форсировали реку Прут, а к семи часам фланговым Ударом овладели городом Черновцы, захватив 3000 пленных и много военного имущества. Черновцами овладел Новоузенский полк 82-й пехотной дивизии. Туда же был введен и Белгорайский полк, который был встречен у мэрии представителями горожан различных национальностей во главе с пастором, вручившим командиру полка ключ от города.

К середине дня корпус вышел на рубеж Бобести, Кучумаре, Котулбаньский. В дальнейшем главные силы IX армии повернули на северо-запад для нанесения удара во взаимодействии с VII армией в общем направлении на Станислав (Ивано-Франковск), Галич. Часть сил, обеспечивающих операцию с юга, продолжала преследование противника за реку Сирет. При этом 82-я дивизия сосредоточилась в районе Задова и Лукавец.

Следуя за подвижными частями на левом фланге армии, 11-й армейский корпус выдвинулся значительно вперед. В ночь на 13 июня Белгорайский полк перешел через реку Черемош и занял город Куты. С утра следующего дня завязался бой. Подтянув резервы, противник прочно удерживал выгодные позиции на рубеже урочище Калятура и высоты юго-западнее Куты в течение двух суток. 16 июня сопротивление было сломлено. При выполнение задач Белгорайский полк был выведен в корпусный резерв в Куты. В боях 14-16 июня полк потерял 1499 человек; из них 266 убитыми, 1097 ранеными и 136 пропавшими без вести. Награды получили 733 человека.

В их числе Василий Иванович Чапаев получил Георгиевский крест 2-й степени. В приказе по 11-му армейскому корпусу от 23 октября 1916 года о нём сказано: «Фельдфебель Василий Иванович Чапаев в бою 15 июня 1916 года у гор. Куты руководил подчиненным примером отличной храбрости и мужества, проявленным при взятии занятого неприятелем укрепленного места, ободрял и увлекал за собой подчиненных и, будучи опасно ранен, после сделанной ему перевязки вернулся в строй и снова принял участие в бою».

После ожесточенных боев с войсками, переброшенными противником из Италии, Франции и других участков фронта, IX армия продолжала наступление. Её 11-й армейский корпус 25 июня захватил Делятин. Но вследствие большой растянутости фронта и сосредоточения сил противника, дальнейшее наступление IX армии было приостановлено.

В это время Василий Иванович Чапаев воевал вместе со своим хорошим другом Петром Камишкерцевым. Солдатам приходилось бывать в боях не только во время наступления, но и при оборонительных действиях. В одном таком местном бою Камишкерцева ранило в живот разрывным снарядом. Чапаев вынес друга с поля боя и самолично отнес в лазарет. Зная, что Камишкерцеву осталось совсем немного времени на этой земле, старался от него не отходить. И когда тот во время агонии вдруг пришел в себя, наклонился и улыбнулся Петру, Петр вздохнул и почти беззвучно проговорил одну-единственную просьбу: не оставлять его маленьких девочек на произвол судьбы. У него их две — Олимпиада и Вера. Что до жены — пусть решит сама, как жить дальше...

Василию Ивановичу было до слез жалко расставаться с преданным другом, и он поклялся до самой своей смерти опекать его дочек. Если бы он знал...

Камишкерцев ещё раз облегченно вздохнул и... умер. Чапаев похоронил его по всем законам и обратился к начальству дивизии с просьбой не сообщать семье погибшего, что тот умер. Более того, надо, чтобы аттестат или жалование, которое теперь получает он, Чапаев, пересылали семье Камишкерцева. Якобы от имени самого Петра Камишкерцева.

Руководство ответило не сразу. Уж очень странной показалась просьба Василия Ивановича. Но учитывая его заслуги перед отечеством и личное к нему уважение, в конце концов, согласилось. Так и поступили. Теперь все свое жалование, за исключением малых надобностей, Чапаев переводил в село Березово, где проживала камишкерцевская вдова по имени... Пелагея. Получая приличные по тем временам деньги, она была страсть как довольна: повезло — и мужик цел, и деньги хорошие шлют. Живи и радуйся! Вот ежели б и сам он скоро вернулся, и войне б конец — то счастью не было бы предела!

Своему отцу Василий написал покаянное письмо: «Прости меня, тятя! Не смогу более высылать вам деньги на жизнь. Перевожу теперь их семье погибшего друга. Вот так-то… Не сердись, пойми — поклялся перед умирающим, понимаю — тяжко будет... Простите... Низко кланяюсь вам с мамой в пояс... Целуйте и обнимайте моих деток. Сладкого таракашку — Аркашку, лапушку-раскрасавицу Клавдюню и Саньку».

Вскоре пришел ответ. Отец не ругался. Даже похвалил, сказав, ежели обещал — выполни, а уж поклялся — умри, но сделай. Так у них в роду Чапаевском заведено. И негоже ему, Василию, от этого отступать. Об них пусть и не беспокоится...

Пока живы, руки-ноги целы — детей прокормим. А там как Бог пошлет. Неизвестно, мол, скоро война кончится, тогда и сам приедешь.

Легче на душе у Василия после того письма стало. Понял его тятя, не осудил, значит, правильное дело сделал.

27 июня на одном из участков противник предпринял атаку несколькими батальонами. Он обошел с обоих флангов 1-й батальон Белгорайского полка, нанес удар по расположению 4-го батальона артиллерии и нескольких подразделений. Неожиданное нападение вызвало замешательство наших войск. Но затем контратакой 4-го батальона нападение было отбито. Хотя Южной группе удалось зайти в тыл. После этого возникла опасность. Командир 1-го батальона бездействовал.

Тогда 1-я рота и часть солдат 2-й под командованием прапорщика Павлова и фельдфебеля Чапаева, используя огонь пулеметов батальона для обеспечения флангов, штыковым ударом пробились через австрийские цепи и вышли к своим. Рота сохранила пулеметы и заняла оборону по западной окраине Яблоновцы. Остальная часть батальона, не приняв боя, ушла в глубь обороны противника и, пробиваясь по горным и лесным тропам, через сутки вышла в расположение своих войск, потеряв 100 человек.

Фельдфебель Чапаев за бои под городом Делятин был награжден Георгиевским крестом 1-й степени.

И еще один случай произошел с Чапаевым. Как опытный «охотник» он разведал, что приближается религиозный праздник у немцев. В такие праздничные дни считается большим грехом воевать. Поэтому ни атак, ни разведок, ни артиллерийского огня с их стороны не ожидается. Он решил, что таким «подарком судьбы» обязательно следует

зеваться для соединения наших частей. Доложив начальству о своих планах, Василий Иванович еще раз сходил в разведку и подтвердил намерения германских войск в плане празднования. Было решено пробиваться через лагерь противника, явно рассчитывая на их невнимание в связи с принятием спиртного по случаю отдыха. Расчет оказался верным. Чапаев со своими подчиненными шел ночью впереди, прямо через лагерь противника. Предусмотрительно лошадям обмотали копыта. Люди шли почти не дыша. Так велик был риск.

Германцы много пили, много молились и еще больше спали. Спали так, что совсем и не заметили, как через них напрямую прошли крупные подразделения русских.

На утро завязался большой бой. Меньше всего противник

ожидал атаки с тыла. Таким образом были соединены наши части и выиграно сражение. Это была еще одна победа Брусиловского прорыва, который проходил в мае-августе 1916 года...

Спасая своих союзников, русская армия не раз принимала на себя удары армий противника в течение всей войны. Немецким и австро-венгерским командованием было переброшено на восток с французского, итальянского и салоникoвского фронтов до 45-ти дивизий. Россия выполняла многие требования союзников исключительно в их интересах. Они же свои союзнические обязательства выполнять совсем не торопились. Зачем? Таким образом, проявлялось их «уважение»...

«Царская помощь» бездействовавшим союзникам обошлась России только с 28 мая по 13 июля 1916 года убитыми и умершими от ран 62 155 человек, ранеными и контуженными — 376 910 и пропавшими без вести — 59 802 человека. Потери нее австро-германцев на этом фронте убитыми, ранеными и пленными составили до 1,5 миллиона человек. Из них было взято в плен — 8924 офицера, 408 000 солдат, захвачено 581 орудие, 1795 пулеметов, 448 бомбометов и минометов, большое количество военного имущества.

Такого результата можно было достигнуть лишь благодаря невероятному героизм)' русских солдат, которые при слабом вооружении, недостатке боеприпасов, материального обеспечения, без провианта, лишь на одной самоотверженности вынесли всю тяжесть проводимых боевых операций при наступлениях.

После братания русских с австро-венгерскими войсками началась тщательная конспиративная деятельность большевиков. Они вели агитацию против существующего строя. Против угнетения солдатских масс. Не могло такое влияние пройти мимо Чапаева. Его критическое настроение появлялось в озлобленности и недовольстве к высшему военному начальству, совсем не понимающему простого солдата.

Особенного влияния агитация большевиков достигала после неудачных боев, больших потерь и солдатского уныния. Большевики четко знали, когда, как и на кого надо воздействовать, чтобы с наибольшим результатом переагитировать в свой лагерь народные массы.

В конце лета 1916 года Василий Чапаев тяжело заболел. 20 августа он был отправлен в перевязочный отряд 82-й пехотной дивизии. В роту же вернулся только 10 сентября. Но ему суждено было провоевать только лишь один день. Уже 11 сентября он снова получает шрапнельную рану в левое бедро и отправляется

на излечение в 81-й отряд Красного Креста.

В это время положение русской армии ещё более ухудшилось. Военные неудачи, безрезультатные бои, приносившие только людские потери, бесперспективность войны и просто крайняя усталость переполнили чашу долгого солдатского терпения.

Так, в частности, в секретном распоряжении начальника 82-й пехотной дивизии командирам полков было отмечено «полное отсутствие порыва и энергии», в полках — это «важные спутники удачи» в бою.

А 17 ноября, когда 82-я дивизия находилась снова в составе VIII армии, солдаты 1-й и 3-й рот Белгорайского полка категорически отказались идти в бой на горе Прислип. «Мятежные» роты были немедленно расформированы, а 248 солдат (119 солдат из 1-й роты) привлечены к следствию.

Под суд отданы 197 человек и осуждены 185 солдат. Командир полка и командир 1-го батальона отрешены от должностей по несоответствию.

Во время происходивших событий Чапаев находился на излечении по ранению, а затем был переведен в 153-ю команду выздоравливающих в Херсоне.

В общем-то, это его и спасло... Узнав о расформировании своей 1-й роты и отдаче многих солдат под суд, он решил не возвращаться в полк. И это ему удалось. От начальника 153-й команды выздоравливающих 20 декабря 1916 года последовало ходатайство об оставлении фельдфебеля В.И. Чапаева на службе в названной команде. Ходатайство было удовлетворено. В приказе по 326-му Белгорайскому полку за №9 от 9 января 1917 года было объявлено: «Выздоравливавшего от ран и переведенного на службу в 153-ю команду выздоравливающих фельдфебеля 1-й роты Василия Чапаева исключить из списков полка, роты и числа раненых». В феврале 1917 года Василий Иванович еще находился на службе в названной команде выздоравливающих, так как в приказе по 326-му Белгорайскому полку за №36 от 5 февраля 1917 года предписано жалование фельдфебелю 1-й роты Василию Чапаеву за сентябрь 1916 года и за награды перечислить в Херсон начальнику 153-й команды выздоравливающих для вручения по принадлежности.

Фронт многому научил Василия Чапаева, а главное — закалил его духовно. Он не разделял взглядов Временного правительства, пришедшего на смену царю Николаю... Правительство подготавливало почву, чтобы продлить начатую войну до «победного логического конца». Чапаев знал, что такое кровопролитие воочию... И больше не желал воевать на союзников...

Таким образом его взгляды уже сформировались. Дело остается за идеей. За случаем. За судьбой. Впереди Февральская, а за ней и Октябрьская революции. Нет возможности передохнуть и снова соединиться с семьей. Но он почти готов. Он — солдат. Только теперь новый солдат. Думающий...

Глава 3. Февральские ветры

Расположенный на судоходной реке Иргиз город Николаевск связан со многими памятными событиями в жизни Василия Ивановича Чапаева. Именно здесь он вступил в партию большевиков. Отсюда, из заволжских степей, начался легендарный путь чапаевских отрядов, полков и соединений. В 1917 году это был небольшой уездный центр с населением чуть более 20 тысяч человек (по данным 1913 г.). Правда, в это время число его жителей заметно выросло — в основном за счет военного гарнизона, сыгравшего серьёзную роль в становлении и упрочении власти Советов в городе и уезде. Затерянный в степях Николаевск был удален от крупных промышленных центров. Однако он был связан узкоколейкой с Волгой и таким образом имел выход в различные районы страны. В годы революции и гражданской войны это сыграло свою роль.

Верховодили городом богатые купцы, или, как их называли, «отцы города», имевшие в своем распоряжении даже земельные угодия, духовенство (в городе было много церквей и три монастыря), местные помещики и различные предприниматели.

В Николаевске было несколько заводов (спиртоводочный, маслобойный, два кирпичных, два лесопильных), мукомольные мельницы, железнодорожные мастерские, типография и некоторые предприятия кустарного типа. Дешевых рабочих рук в городе всегда хватало. Со всего огромного Николаевского уезда, из Самарской и других губерний сюда шли в поисках лучшей доли разорившиеся крестьяне. Но здесь их встречал неограниченный произвол и дикая эксплуатация со стороны местных промышленников. Их методы наживы были подчас ещё более изощрёнными и хищническими, чем на крупных предприятиях в центре страны. Всё это крайне обострило классовые взаимоотношения между рабочими и хозяевами, революционизировало рабочий класс города.

Николаевский уезд был типичным аграрным уездом степного Заволжья. На его территории разбросаны крупные торговые села, производившие большое количества хлеба и других сельскохозяйственных продуктов. Помещиков в уезде было немного. Но они имели крупные земельные латифундии, которые обрабатывались батраками, крестьянами-бедняками и середняками. Последние нанимались на работу обычно со своей тягловой силой. И инвентарем.

Как и повсюду в стране, крестьянство в Николаевском уезде

было социально неоднородным. С одной стороне зажиточные кулаки-хуторяне, владевшие богатыми землями, которые обрабатывались батраками. С другой — бесчисленные массы бедняцких хозяйств, кое-как сводившие концы с концами. Многие из них разорялись, крестьяне шли в батраки или же подавались на заработок в город. Таким образом, в Николаевском и других уездах губернии проходил активный процесс пролетаризации сельского населения. Это обстоятельство наложило свой отпечаток на особую остроту классовой борьбы.

Февральская революция вывела из подполья николаевских большевиков, которыми руководил донецкий шахтер, член большевистской партии с 1909 года. В.И. Ермощенко. В Николаевск он прибыл в конце 1916 года из Астрахани, где отбывал политическую ссылку. Здесь Ермощенко был зачислен писарем в 138-й пехотный полк. Связавшись с местными большевиками, Вениамин Иосифович создал из революционно настроенных солдат большевистскую ячейку, которая вела агитацию среди рабочих. Эта же ячейка и стала основой Николаевской организации РСДРП.

После Февральской революции Ермощенко возглавил Николаевский Совет солдатских депутатов. Оба эти Совета стояли на большевистских позициях. Но в совете крестьянских депутатов, организованном также при участии большевиков, большим влиянием пользовались эсеры. В апреле 1917 года на объединенном заседании Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов по инициативе В.И. Ермощенко было решено слить эти три народных органа в один. 2-го июня 1917 года состоялось их официальное объединение. Большевики составляли в объединенном органе треть всех членов.

Председателем уездного исполкома Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов был избран лидер николаевских большевиков В.И. Ермощенко. Вместе со своими товарищами он предпринял энергичные усилия по привлечению на сторону большевиков крестьянства, в котором тон всё ещё задавали эсеры. Лишнее тому

доказательство — быстрый рост партийной организации. В мае 1917 года в ней числилось всего до 20-ти официальных членов партии: 5-6 рабочих, 14-15 солдат, а в июле к началу VI съезда в Николаевской парторганизации насчитывалось уже до 250 человек, из которых более 150 работало на селе.

Прибыв в июле в Николаевск, В.И. Чапаев, был назначен фельдфебелем в 4-ю роту революционно настроенного 138-го запасного пехотного полка. Незадолго до этого многие офицеры и унтер-офицеры были отправлены на фронт. Случаи, когда

«засидевшийся» в тылу офицерский состав отправлялся в действующую армию, встречались не

столь редко в то время. Этим командование пыталось решить две задачи: укрепить свои позиции в тылу за счет ещё «неиспорченных» революционным влиянием фронтовиков и одновременно пополнить командные кадры на передовой свежими силами.

Однако В.И. Чапаев, бывший фронтовиком, да к тому же и полным георгиевским кавалером, явно не оправдал надежд своего начальства. С первых же дней пребывания в полку он близко сошелся с большевиками.

После июльских событий местные меньшевики и эсеры, как это было повсюду по стране, открыли шумную клеветническую кампанию против партии Ленина. Как известно, обстановка в это время резко изменилась в пользу контрреволюции. Расстрел контрреволюционными силами мирных рабочих демонстраций в Петрограде положил твердый водораздел между большевиками и меньшевиками в уездном Совете. На заседаниях земской управы, городской думы, на митингах и собраниях буржуазные ораторы не скупились на самые черные эпитеты по адресу большевиков, называя их «немецкими шпионами», «грабителями». Но особую ярость у них вызывал Вениамин Ермощенко. Как раз в это время в уездном исполкоме была совершена крупная кража денег. Меньшевики и эсеры тут же пустили слух, будто бы эти деньги похитил Ермощенко и теперь собирается бежать из города. Вениамин Иосифович действительно собирался отбыть на VI съезд РСДРП, делегатом которого он был избран от Самарской губернской парторганизации, но его арестовали на вокзале. Группа ретивых сторонников Временного правительства арестовала также некоторых других большевиков и выставила свой караул у здания Николаевского Совета. Большевистский уездный комитет выступил с резким протестом против этих провокационных действий, который был поддержан революционными солдатами. На расширенном заседании полкового комитета 138-го запасного полка было принято решение снять эсеро-меньшевистскую «охрану» Совета и освободить Ермощенко. Это решение было немедленно принято и выполнено. Расчеты контрреволюции потерпели крах.

Именно в эти напряженные дни состоялась встреча Василия Чапаева с Ермощенко, который в последствии оказал большое влияние на его политическое развитие. В романе Дмитрия Фурманова упоминание об этом времени мы находим в биографии Чапаева, записанной Федором Клычковым с его слов:

«А времена ведь какие тогда? В Пугачеве (Николаевске. — Прим. авт.) совнарком был свой, и председатель этого совнаркома был парень — ну, одним словом, настоящий...

Как послушаю, аж самому охота умным жить. Он-то меня, совнаркомщик, и стал выучивать да просвещать. С тех пор я всё по-другому разумею».

Потерпев поражение, контрреволюционные элементы не сложили оружия. В августе и сентябре 1917 года они разгромили винные склады, втянув в это отдельные группы солдат и горожан. Это обстоятельство было использовано ими для вызова из Саратова юнкерского карательного отряда. Он прибыл как раз к началу корниловского мятежа. И это вовсе не было случайным совпадением. Однако по требованию созданного большевиками «Комитета общественной безопасности», поддержанного солдатами гарнизона, каратели вынуждены были удалиться.

Василий Чапаев — в это время уже признанный солдат, вожак, пользующийся среди своих однополчан большой любовью и популярностью. Он был единодушно избран в состав ротного комитета. «Помню, он сразу понравился солдатам», — свидетельствует А.Ф. Клементьев, бывший писарь 4-й роты, фельдфебелем которой был Чапаев.

В разговорах с солдатами В.И. Чапаев все чаще делится своей сокровенной мыслью о новой революционной армии, которая будет создана, по его словам, «на совершенно иных условиях». На вопрос, хотел бы он принять участие в её организации, Василий Иванович с увлечением отвечал, что готов предложить свои военные знания и опыт городскому комитету РСДРП.

Идея создания новой армии В.И. Чапаев вынашивал давно. Об этом он часто упоминал во время своей побывки в Балаково (со слов его дочери — Чапаевой К.).

И вот теперь Василий Иванович, как никогда, был близок к своей мечте. Его имя становится известным среди солдат. Чапаев принимает живое участие в политической жизни города, в делах гарнизона. Он посещает заседания Советов, старается не пропускать ни одного полкового собрания, ни одного митинга. Внимательно прислушивается к речам выступающих. Нередко выступает и сам, высказывая от имени своих солдат недовольство политикой Временного правительства. Особенно его линией на продолжение империалистической войны. Его выступления слушались с большим вниманием и сопровождались одобрительными выкриками. Чапаев умел выразить самое наболевшее, самое выстраданное в солдатских душах простым и понятным для них словом.

Вскоре прапорщик Чапаев выбирается председателем ротного комитета, а затем выдвигается в полковой. В октябре же 1917 года — в Совет солдатских депутатов.

В дни корниловского мятежа в Николаевске зашевелилась местная контрреволюция. Однако большевики были начеку. Они начали готовить отряд Красной гвардии для борьбы с корниловцами, поручив его формирование члену укома РСДРП солдату Пахомову.

Полковой комитет 138-го полка провел общегарнизонное собрание, решившее отправить на защиту революции отряд в 300 человек. Его возглавили балаковцы, товарищи В.И. Чапаева, а впоследствии его боевые сподвижники — братья Николай и Сергей Захаровы.

На солдатском митинге Чапаев призвал солдат «вступить в добровольный отряд и идти на защиту Советов». Более 500 добровольцев изъявили желание вступить в его ряды. Позже, в декабре 1917 года на объединенном заседании 3-го уездного крестьянского съезда и Совета рабочих и солдатских депутатов Василий Иванович говорил:

— Когда буржуазное правительство сдало Ригу и хотело сдать Петроград, буржуазия ликовала, потому что надеялась этим сберечь свои капиталы. В то время на наш гарнизон со стороны буржуазии было много нареканий. Но солдаты нашего полка на воззвание товарища Ермощенко и моё откликнулись, и 500 человек пошли на защиту свободы от казаков.

Разгром контрреволюционного мятежа генерала Корнилова имел глубокие последствия. Он явился поворотным моментом в политическом настроении масс, которые стали все решительнее порывать с эсерами и меньшевиками.

«Масса солдат, — писалось в то время, — вопреки злостным клеветам и нападкам эсеровско-меньшевистких вождей офицеров, депутатов... все решительнее и решительнее переходит на сторону большевиков». Это имело место и в Николаевском гарнизоне. Руководство воинскими частями фактически перешло к секции Совета солдатских депутатов, где большое влияние имело большевистское движение. Однако командование Казанского военного округа делает попытку взять управление Николаевским гарнизоном в свои руки. Оно направляет на должность командира 138-го запасного пехотного полка своего ставленника подполковника Отмарштейна.

Зная, что гарнизон настроен по-большевистски, он, Отмарштейн, лично решил поговорить с солдатами. Полк собрали в большом кинотеатре. Отмарштейн произнес длинную речь, в которой призвал солдат сражаться до последнего, поддерживая

Временное правительство.

— Все согласны? — спросил он в заключении. И тут раздался голос Чапаева:

— Нет, не все! — Василий Иванович вышел на сцену и стал говорить о том, что мировая война не нужна народу. Что солдатам нельзя зря проливать кровь.

— Правильно я говорю? — крикнул Василий Иванович, обращаясь к залу. В ответ раздался громовой рев:

— Правильно!

Это было неслыханным неповиновением начальству. Но полковник испугался и не рискнул арестовать бунтаря. Время было уже не то...

Немалое значение в борьбе большевиков за массы имел 2-й крестьянский съезд Советов Николаевского уезда. Он проходил в Николаевске с 19 по 21 сентября 1917 года. Из прибывших 300 делегатов только 9 поддерживали большевиков. Однако после того как изложили свои требования, за политическую линию большевиков проголосовала треть делегатов. Свыше 90 человек.

Василий Иванович на этом съезде не присутствовал. Но он был в курсе всех событий. Помогал как мог большевикам в их борьбе с эсерами, старавшимися удержать свое влияние на крестьянские массы с помощью лживых обещаний.

Охотнее всего выступал Василий Иванович на митингах в Народном доме, куда съезжались крестьяне со всего обширного уезда. Здесь он был в своей стихии. Говорил броско, с большим воодушевлением. Не случайно его считали самым популярным оратором. Он много занимается своим самообразованием на тот период, читает политическую литературу, внимательно следит за политическими событиями в мире и стране. В разговорах с большевиками особенно интересуется жизнью Ленина: кто он, откуда, почему ему так близка судьба крестьян.

28 сентября 1917 года Николаевский комитет РСДРП(б) провел городское собрание большевиков. «Партия выразила недоверие коалиционному министерству и требует передачи власти Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», — записало оно в своей резолюции.

В тот же день состоялось открытое заседание Николаевского укома партии, на котором в ряды большевиков был принят Василий Иванович Чапаев.

Это заседание проходило в небольшом домике-пристройке к купеческому особняку на Никольсткой улице (ныне Революционный проспект, дом 123, город Пугачев).

Так вспоминает 28 сентября Раиса Борисова, бывший

секретарь Николаевского укома партии.

«В сентябре 1917 года Василий Иванович Чапаев пришел в уком партии и сказал коротко:

— Решил вступить в партию большевиков!

Уездный комитет партии располагался в трех комнатах бывшего купеческого дома. И в этот день они были заполнены до отказа людьми. Пришли однополчане Чапаева и рабочие с мельниц. Несмотря на дождь и непролазную грязь, приехали активисты из уезда. Стульев не хватило, присаживались на корточки, курили козьи ножки, переговаривались, ждали...

Чапаева хорошо знали в уезде, всем было очень интересно, что скажет он, вступая в партию. Василий Иванович, серьезный и сосредоточенный, пригладил усы и взглянул на Ермощенко. Показалось, что Вениамин волнуется: его смуглое лицо залила краска. Принимали в партию его друга, человека, которого он подготовил к такому важному шагу. Поэтому Ермощенко и спросил Чапаева:

— Скажи-ка, Василий Иванович, как собираешься служить партии и народу?

В комнате стало тихо. Чапаев встал, ухватился левой рукой за ремень.

— Говорил ты мне, Вениамин, что служишь революции, как шахтер. Что же тебе скажу: буду служить революции, как солдат.

Чапаев сел... умолк и всем показалось: не нужно больше его ни о чем спрашивать. Самое заветное он высказал... Приняли Чапаева единогласно».

Позже, в ноябре 1918 года, заполняя анкету при поступлении в Академию Генерального штаба Красной Армии, В.И. Чапаев в графе «К какой политической организации принадлежите. Если к ВКП(б), то укажите, с какого времени состоите в партии (фактически и официально)» запишет «Большевиков 28 сентября 1917 года».

В конце сентября — начале октября 1917 года состоялись перевыборы Николаевских Советов. Они принесли убедительную побуду большевикам. В исполнительном комитете Совета солдатских депутатов, куда вошел и Василий Чапаев, большевики составили две трети.

В октябре 1917 в городе в унисон с Петроградом прошли демонстрации рабочих и крестьян под лозунгами «Вся власть Советам!», «Заводы — рабочим!», «Землю — крестьянам!», «Долой войну!», «Мир народам!».

Среди демонстрантов был и Василий Иванович. Вступив в партию, он быстро выдвигался в её актив, выполняя

ответственные поручения Николаевского комитета в городе и уезде. В октябре 1917 года он не раз вместе с Ермощенко выезжал в село. Там они создавали партийные ячейки, проводили собрания, выступали на сельских сходках, распространяли среди крестьян политическую литературу, плакаты, листовки. Беседовали с деревенской беднотой. Из этих поездок Чапаев всегда возвращался с ворохом новостей, которыми он оживленно делился с укомовцами.

Обстановка уезда была сложной. У эсеров в каждом крупном селе действовали свои ячейки, старавшиеся перетянуть крестьян на свою сторону, вырвать их из-под большевистского влияния. Однако большевики не только не сдавали своих позиций, но с каждым днем увеличивали число своих единомышленников в крестьянской среде. Их серьезной опорой в деревне были вернувшиеся с фронта солдаты, подавляющая часть которых являлась сторонниками новой ленинской партии. Фронтовики входили в Советы, в земельные комитеты, проводя там политику бедноты.

25 октября 1917 года Николаевский комитет РСДРП получил телеграмму о победоносном вооруженном восстании в Петрограде и переходе власти в руки Военно-революционного комитета — органа Петроградского Совета. Почти одновременно в адрес уездного комиссара Временного правительства эсера Медведева пришла другая телеграмма, подписанная московским городским головой Рудневым. Сообщая о событиях в Петрограде, он требовал принятия необходимых мер для укрепления органов Временного правительства на местах и сплочения вокруг них верных ему сил. В 8 часов вечера Медведев собрал в зале земского собрания представителей буржуазных и мелкобуржуазных партий. Большевики на это «демократическое совещание» (как окрестили эсеры и меньшевики) приглашены не были. Узнав об этом, городской комитет РСДРП предпринял все усилия, чтобы сорвать замыслы контрреволюции. В уездное земство было направлено категорическое заявление о незаконности совещания, игнорирующего партию, пользующуюся поддержкой широких масс населения. Тем временем военная секция разработала «план предупредительных операций». Он включал в себя следующие пункты:

Обеспечить надежную охрану здания Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, вызвав для этого 4-ю и 11-ю роты 138 полка.

Усилить патрулирование по городу для поддержания порядка.

Провести заседание военной секции Совета с членами

полкового и ротных комитетов.

Послать на телеграф большевика из военной секции для контроля телеграмм, поступающих из Петрограда и Москвы.

К осуществлению этого плана приступили немедленно. К зданию земства был направлен солдатский караул, который грозно предупреждал всех прибывающих на «демократическое совещание» об его отмене. В результате это сборище было сорвано. Состоялось совсем другое совещание — расширенное заседание военной секции Совета с членами полкового и некоторых ротных комитетов с представителями рабочих. Оно выразило полную солидарность с Петроградом. Но вместе с тем было решено «не брать бразды правления до возвращения товарища Ермощенко из Петрограда», оставив всё, как было, — уездный комитет народной власти (т.е. уездный исполком Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов). На следующий день была назначена революционная демонстрация 138-го полка. На буржуазию города она подействовала отрезвляюще, хотя и не оставила её попыток парализовать это действие.

Тогда городская дума поспешила принять резолюцию, осуждающую действия большевиков. К ней присоединились представители уездной земской управы, корпорация офицеров гарнизона и другие противоборствующие силы.

27 октября 1917 года большевики снова собрались на экстренное совещание. Было решено создать красногвардейскую боевую дружину, революционный комитет и провозгласить Советскую власть в городе. Вопрос о передаче власти Советам обсуждался также на расширенном пленуме Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Представители мелкобуржуазных партий, отвергнув предложения большевиков, в знак протеста покинули его. Вопрос о власти так и остался открытым.

28 октября большевиками был образован Революционный комитет (сокращенно Ревком). В его состав вошли четыре большевика и левый эсер.

30 октября — опять бурное пленарное заседание Совета; вопрос о власти не решен.

31 октября Ревком официально провозглашает Советскую власть в городе. Но конкретных мероприятий по устранению старых органов власти им проведено не было. Большевики всё ждали приезда Ермощенко. Этим же и воспользовались эсеры из исполкома Крестьянского Совета. Осудив действия Ревкома, они выделились из уездного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в самостоятельный орган, назвав его

«уездным крестьянским комитетом народной власти».

Новоиспеченный «комитет» стал нащупывать опору в зажиточных слоях крестьянства. В эти напряженные дни вернулся Василий Иванович Чапаев из командировки. Он сразу же включился в революционные дела.

А 10 ноября 1917 года приехал из Петрограда Вениамин Ермощенко, принимавший там участие в Октябрьском вооруженном восстании. Он сразу же провел совещание, на котором присутствовал Чапаев. В его повестку были внесены такие вопросы, как реорганизация Военно-революционного комитета, оглашение декрета о передаче земли крестьянам и некоторые другие. Лидеры правых эсеров не согласились с повесткой, предложенной большевиками, и, перетянув на свою сторону группу левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов, фактически сорвали заседание уисполкома. В связи с этим большевистская фракция решила впредь действовать самостоятельно в осуществлении пунктов своей программы.

На экстренном собрании городской парторганизации был вновь поставлен вопрос о взятии власти Советами.

— Страна находится в состоянии войны, — говорил меньшевик-интернационалист Цых, — за три года этой войны русский народ истощен до крайних пределов, повсюду происходят беспорядки и грабежи, хлеба не хватает. Власть брать ни в коем случае нельзя. Если мы это сделаем, то не продержимся и несколько дней...

Против этих доводов в резкой форме высказались В.И. Ермощенко, А.А. Михайлов и Василий Чапаев. После всестороннего обсуждения собрание проголосовало за взятие власти Советов полностью во всем уезде.

В первую очередь решено было подчинить себе военные силы гарнизонов и, опираясь на них, реорганизовать органы управления городом и уездом, где сидело много сторонников старой власти. На этом же собрании был обновлен состав военно-революционного комитета, который возглавил Вениамин Ермощенко. Однако новый ревком не успел полностью реализовать намеченный план по установлению власти в городе, включившись в кампанию по выборам в Учредительное собрание. На это важное дело был брошен весь избирательный актив Николаевской парторганизации. Самое деятельное участие в избирательной кампании принимал Василий Чапаев. Он выступал на митингах, выезжал в села, в общем, старался охватить весь уезд. Побывал он, в частности, в крупном заволжском торговом селе Семенихе, где кулаки имели немалый вес и влияние, но даже

здесь Чапаев сумел повести за собой большинство крестьян. Благодаря большой агитационной работе, проведенной большевиками, членом Учредительного собрания от Николаевского уезда был избран старый подпольщик Вениамин Ермощенко.

После выборов борьба за власть разгорелась с новой силой. 14 ноября 1917 года уездный Совет рабочих и солдатских депутатов постановил взять «всю власть в свои руки». Он утвердил выдвинутый большевиками состав Ревкома, который стал официальным органом революции в Николаевске.

В тот же день на квартире Вениамина Ермощенко собрался большевистский актив. Собравшиеся, среди которых был Василий Иванович, обсудили план практических действий при взятии власти Советами в свои руки. Им были предусмотрены такие акции, как арест уездного комиссара Временного правительства Медведева, отстранение от командования 138-м полком подполковника Отмарштейна, разоружение офицерского состава и организация Красной Гвардии. Вскоре в Военно-революционный комитет был доставлен главарь местной контрреволюции эсер Медведев. Ему было предложено распустить земскую управу и волостные земства. Тот ответил категорическим отказом, после чего был арестован и препровожден в городскую тюрьму.

Командование 138-м полком Ревком поручил взять на себя В.И. Чапаеву.

Утром Чапаев явился в штаб полка. Подполковника ещё не было. Усевшись в его кресло, Василий Иванович призвал к себе адъютанта Отмарштейна и потребовал книгу приказов, в которой записал: «С сего числа вступаю в исполнение обязанностей командира 138-го запасного пехотного полка. Чапаев».

В это время вошел подполковник Отмарштейн. С удивлением уставившись на сидевшего в его кресле подпрапорщика с Георгиевскими крестами, произнес:

— Уважаемый... Прошу вас освободить моё место. Мне надо заниматься своими делами.

Чапаев, не двигаясь с места, продолжал внимательно разглядывать подполковника. Отмарштейн вскипел:

— Вы что, меня не знаете? Я — командир полка... Извольте убраться вон!

— Нет, теперь командиром полка буду я, — спокойно сказал Чапаев, протягивая ему книгу приказов и бумагу с решением ревкома. Прочитав её, побледневший подполковник пробкой вылетел из штабной канцелярии. А Чапаев обратился к штабным работникам с короткой речью:

— Кто хочет со мной работать и честно служить

пролетарскому и бедняцкому народу — работайте. Кто же думает втихомолку разводить здесь «контру» — вылетайте отсюда ко всем чертям, пролетариат и без вас обойдется.

Став во главе 138-го полка, Чапаев повел решительную борьбу со всякого рода неустойчивыми элементами, укрепляя дисциплину. В это время в городе шло формирование красногвардейской дружины. Василий Иванович одним из первых вступил в её ряды. По рекомендации укома партии и ВРК (военно-революционного комитета) на первом же организованном собрании дружины Василий Иванович был избран её военным руководителем. Начальником дружины стал член ВРК И.Н. Демидкин.

Уже через несколько дней в красногвардейцы записалось около 90 добровольцев — рабочих, солдат, военнопленных интернационалистов. Благодаря энергичным усилиям Василия Чапаева они вскоре полностью были снабжены оружием, обмундированием и продовольствием.

Красногвардейская дружина стала надежной опорой николаевских большевиков во время взятия ими властей в городе. В назначенный час красногвардейцы блокировали железнодорожный вокзал, телеграф, почту, городскую управу. Они же разоружили милицию, в составе которой было немало выходцев из кулацких семей.

Чапаев с группой красногвардейцев и большевистски настроенных однополчан произвел разоружение офицерского состава 138-го полка, а затем выставил охрану у казарм, кладов и арсенала. В результате власть в Николаевске полностью перешла в руки большевиков. Отдельные попытки контрреволюции этому воспрепятствовать были быстро подавлены.

Оставаясь на должности командира 138-го полка, Чапаев, кроме того, назначается ревкомом начальником Николаевского гарнизона. В середине ноября он делегируется уисполкомом на II-й военно-окружной съезд представителей Советов солдатских депутатов Казанского военного округа.

Съезд открылся 12 ноября, и, разумеется, Чапаев на него опоздал. Но он прибыл к самому его разгару, когда на нем решались основные вопросы.

Глава 4. На казанском съезде

В ноябрьские дни в Казани бесновалась непогода. Порывистые ветры рвали провода, валили фонарные столбы, гнали по улицам, пустырям вывески лавок и магазинов.

Но сильнее непогоды бушевали политические страсти. Назревало вооруженное восстание, подготавливаемое большевистской организацией Казанского Совета.

Казань — центр военного округа, одного из крупнейших тыловых военных округов России. Здесь размещался штаб управления и службы, склады боеприпасов и пр. Военный гарнизон Казани насчитывал до 40 тысяч солдат и офицеров.

1917 год, во всяком случае, его первая половина, совсем не изменил тяжелейшей солдатской жизни: они по-прежнему отправлялись на фронт и приносили себя в жертву «на алтарь отечества». Мобилизовались и выписанные после ранений из госпиталей.

И все-таки перемены неутомимо приближались. Из Петрограда, Москвы пришли вести о вооруженном восстании пролетарских масс и революционных солдат. Казанские красногвардейские отряды обсуждали дошедшее до них эхо залпа «Авроры» и выступления моряков Балтики. Они тоже решили вступить в баррикадные бои с юнкерами военных училищ и школ, поддержавших Временное правительство.

26 октября (8 ноября) 1917 года народная власть Казани провозгласила себя полномочной.

В последующие дни в городе на улице Лево-Булачная в здании гимназии, названном «Домом солдата», собрался 2-й военно-окружной съезд солдатских Советов. На съезд прибыло около 300 человек, представлявших многотысячную армию Казанского военного округа. Предстояло решить много вопросов, выдвинутых Октябрьской, и в их числе: переизбрание членов военно-окружного комитета, замена единоличного командования коллегиальным, осуществление демократических реформ в войсковых частях, планомерная демобилизация и отправка их по домам.

Вокруг этих вопросов возникла острая борьба делегатов от большевистских организаций с представителями эсеромеиыевистских течений, пытавшихся сохранить свое влияние на солдатские массы и направить работу съезда в нужное им русло.

Так, на одном из заседаний, когда обстановка до предела

накалилась, председатель съезда большевик Александр Евлампиев объявил:

Слово имеет от Николаевского гарнизона Самарской губернии фельдфебель Василий Чапаев.

В левом ряду поднялся вызванный делегат и неторопливой походкой направился к трибуне.

Давай только покороче, дружок, поближе к делу! — крикнул кто-то из зала, недовольный многословием предыдущих ораторов.

Чего переливать их пустого в порожнее! Много разглагольствовать не привык, не умею, — отпарировал в ответ Чапаев.

Зал насторожился. Чапаев поднялся на трибуну. Среднего роста, худощавый, с чисто выбритым лицом, вздернутыми кверху усами над тонкими губами, со впалыми щеками и смелым взглядом голубоватых глаз. Его грудь украшали георгиевские кресты и медаль и большой красный бант. Он сразу же ополчился на «правоскамеечников». (Тогда враждующие партии занимали противоположные ряды, к примеру, большевики всегда сидели слева, а меньшевики и эсеры — справа. — Примеч. авт.)

— Который день выслушиваю некоторых, — кивнул Чапаев в сторону делегатов — эсеров и меньшевиков, — и чего только не говорят! Как попы с амвона. Большевиков обвиняют в анархии, произволе и в этой самой узурпации прав командования — слова-то всё какие-то ученые. А ежели толком разобраться что хотят — дело ясное: агитируют за старые порядки. А может, кто-то из вас хочет продолжить войну до победного конца?..

Справа поднялся шум и раздались протестующие голоса.

— Что? Аль не так сказал? Я три года воевал в Белгорайском, а здесь являюсь делегатом от 138-го запасного и знаю, чего хотят солдаты и о чем они мне наказывали. Не согласны они с вами, — Чапаев сделал жест в правую сторону. — Кто вас уполномочил говорить от имени солдат о продолжении этой войны? Быть того не может! От своего имени солдатским мандатом козыряете!..

Взрыв протеста прервал его.

— А-а! Не по нутру мои слова! — крикнул Чапаев. — Значит, чует кошка, чьё мясо съела...

Закончил Василий Иванович своё выступление под одобрительные возгласы большинства делегатов призывом избрать Совет комиссаров Округа. А ещё провести выборы командиров.

Во время перерывов Чапаев много беседовал с другими делегатами. Вспоминал о службе в Карпатах, делился своими впечатлениями о работе проходящего съезда. Говорил о личных

делах. До нас дошел его диалог с солдатом:

— Воевал, как все солдаты, не то чтоб с охотой, но трусости не проявлял, а иной раз и сам напрашивался на рискованное дело. Правильно ли поступал, плохо ли — не разбирался, пока не грянула революция. Теперь-то понял, кому нужна и выгодна война...

Об офицерах Чапаев говорил, когда его спрашивали:

— Так разные они, офицеры-то, бывают. И подлецы встречаются, особливо которые повыше чинами бывают. Раз я чуть сам под военно-полевой суд не попал. Не выдержал и грубо сказал одному из штаба полка, ударившего солдата нашей роты. А тот подал на меня рапорт по команде. В лучшем случае закатили бы на год-два в каталажку. Выручил командир нашей роты поручик Прихожаев. Справедливый был офицер, да мои кресты-медали помогли.

На вопросы о своей семье Чапаев отвечал более чем сдержанно.

— Дома пятерых детей оставил; своих трое и двои приемышей.

И всё, больше ни о чем не рассказывал. Только мрачнел, как туча. Видимо вспоминал о своей самой прекрасной и самой любимой Поленьке-предательнице. Никак не мог отпустить её, красавицу.

Семью друга Петра Камишкерцева он действительно содержал довольно долго. Пелагея Камишкерцева получала аттестат якобы от мужа и жила припеваючи, радуясь его повышению. После февральской революции Василий разыскал их и рассказал, как погиб её Петруша. Долго та не могла во всё это поверить. Плакала. Но Чапаев ей объяснил, что бросать её семью не собирается. Мол, она — как хочет, пусть так и поступает, а детей (двух девочек) он забирает. Так он поклялся другу. Так и поступить должен.

Пелагея тогда быстро узлов накрутила и своё нехитрое барахлишко по корзинам распихала. Василий сильно удивился и спросил: «А ты куда собралась?» «Как куда? — ещё сильнее удивилась Пелагея. — К тебе, куда же ещё?»

Чапаев постоял, покусал свой пшеничный ус и снова спросил как-то с хрипотцой:

— И в качестве кого?

— А всё едино — твоей жены, разумеется... — ответила Поля не мигая, заливаясь краской по рябому лицу.

— Но мне не нужна ещё одна жена. Я свою Пелагею имею, — сказал он и замолчал, стиснув зубы.

— Ну, не знаю, не знаю, какая у тебя Пелагея есть, только мне маманя вчерась говорила, что она от тебя сбегла. Так что, выходит, нет у тебя жены, нет Пелагеи.

Василий вспыхнул и ответил:

— Нет и не надо, а только ты мне тоже не нужна. Мне кроме моей венчанной жены вообще никто не нужен!

— Ах, не нужен? — вспылила та. — Не нужен, говоришь? А раз не нужен, так и детей своих не дам. А детей не дам — не выполнишь волю умирающего, а не выполнишь волю умирающего Петра — большой грех на душу возьмешь! Так-то, выбирай, Вася!

Не любил вспоминать эту сцену Василий Иванович. Омерзительна была она, да жена Петра ровна пиявка присосавшаяся. И лицом страшна, и совсем ему не по нраву, да и старше. Только дал слово — умирай, а выполняй. И пришлось тогда ему брать её с собой к родителям. Вместо хозяйки. Но только видимость одна от того хозяйства. Он теперь любой удобный предлог ищет, чтобы домой пореже появляться. Только вот о детях сильно тоскует, да и предлогов особо не надо искать — вон они, предлоги эти, по улицам ходят, народ дезориентирует. Не до любви теперь. Война продолжается...

Советская власть в Казани восторжествовала, но не унималась притаившаяся контрреволюция. Из-за угла гремели выстрелы, антисоветские выступления были почти ежедневными.

В работе съезда принимали активное участие видные большевики Казанского Совета и руководители большевистской фракции Яков Шейкман, Николай Ершов и Карл Грасис. Они являлись фактическими руководителями октябрьского вооруженного восстания и возглавили Казанский ревком, или, как его тогда называли, Революционный штаб Казани.

По предложению Ершова и Грасиса, из делегатов съезда было образовано несколько небольших красногвардейских отрядов для локализации контрреволюционных выступлений и поддержания порядка в городе. В одном из таких отрядов оказался В.И. Чапаев.

Шло патрулирование города.

— Эх, послали ли бы меня с десятком красногвардейцев против контры, — говорил Василий Иванович Николаю Ершову и Карлу Грасису, называя улицы, где засели белогвардейцы. — Словами-то их не убедишь — рубить надо под корень. Безо всякой пощады!

— Не горячись, Василий, не все там контра. Есть среди них обманутые, несознательные. Туда ворвешься — резня получится, невинные жертвы будут. Выждем немного и, если не выдадут главарей и зачинщиков — рубить под самый корень будем, —

урезонивал его Грасис.

— Так-то оно так, — соглашался Чапаев, — всё же лучше скорее ликвидировать эту сволочь и съезд закончить!

Однако дождаться окончания работы съезда Чапаеву не пришлось, его срочно вызвали в Николаевск. Накануне отъезда он говорил:

— Видать, не совсем ладно, коль решили со съезда отозвать! Жаль уезжать. Хороших людей здесь встретил, у которых можно многому научиться. Но что поделаешь — революция. И всяких кадетов, меньшевиков, эсеров, кулачья и прочих там хоть пруд пруди.

Находясь в Казани, Василий несколько раз заходил в гости к своему старшему брату Михаилу. Тот встречал его не слишком любезно. Хотя понимал, что если бы не брат Василий, ему сейчас пришлось бы ох и туго...

А размолвка между ними произошла вот на какой почве.

Всё началось с женитьбы Михаила. Он выбрал себе в жены купеческую дочь. И всё бы ничего, да только не по любви он женился. Жадность в нём взыграла, капиталец купца второй гильдии захотел без труда прибрать. Узнал об этом отец Иван Степанович и проклял сына за жадность. Проклял и забыл о нем. Василий решил всё исправить. Он долго думал, как получше это сделать. Думал и наконец придумал.

Вначале он навестил брата и убедился, что тот превратился в самого настоящего купчишку с двумя лавками скобяных товаров. Василий понимал, что, вкусив денег и навара с обмана, брат ни за что не откажется от выбранного им пути. И тогда Василий Иванович решил пойти на небольшую хитрость, вроде тактического маневра в боевой ситуации.

Зная скопидомство своего брата, он предложил Михаилу срочно продать свои лавки, а деньги вложить под очень большие проценты в английский клуб, который гостеприимно открыл свои двери в Саратове для обеспеченных людей.

Михаил довольно долго не соглашался, советовался со своей супругой, но жажда выгоды и легкой прибыли всё же вскружила ему голову. Он продал тогда свои лавки и деньги отдал Василию, для того чтобы тот незамедлительно повыгоднее вложил их под большие проценты или же приобрел акции клуба, открывающие светлую дорогу в безоблачное и успешное будущее.

Василий Иванович, разумеется, взял его деньги. Но вложил их не в акции английского клуба, а в развитие Красного креста и помощь неимущему классу. Долго ждал прибыли Михаил. И почувствовав недоброе, приехал в отчий балаковский дом. Там он

выяснил, что никакого английского клуба нет и не было, а Василий его деньги обернул в прах. Злобе Михаила не было предела. Трудно описать его гнев. Он всё громил на своем пути. В ход шла вся нехитрая утварь. И неизвестно чем бы всё кончилось, если бы ему на хребет не опустился тяжелый кулак отца. Михаил пришел в себя, но пригрозил, что при первой возможности убьёт Василия.

Маленькая дочь Василия Ивановича Клавдюня после этих слов долго благодарила своего Боженьку, что в тот день её любимого папочки не оказалось дома. А когда тот приехал, с дрожью в голосе передала все угрозы нелюбимого и злого дядьки Миши.

Отец сидел на стуле и хохотал до слёз. Он далее стал на нем раскачиваться в такт своего смеха.

— Не бойся, детка, никто меня не убьёт, не зарежет! А я всё сделал правильно. Мишка мне ещё большое спасибо скажет, что бескровно его раскулачил. Теперь время другое пришло. Конец эксплуататорам и купцам. Да здравствуют трудовые люди!

Девочка долго заучивала папино слово «эксплуататоры». Но выходило как-то смешно «эксплутаторы», «таторы» и «эксиски». Ну, ничего, ей ещё будет время его выучить. Много много времени…

Михаил лютовал. Но вскоре понял, от чего избавил его брат Василий. И в революцию он пришел голым, босым, почти нищим. Почти, не считая его запасливой жены Гани…

Теперь братья встречались и даже мирно беседовали, но всё же нет-нет, да промелькнет тень злобы и раздражения у Михаила. А уж Ганя-то… Поэтому Василий долго у них не засиживался. Жили они теперь в маленькой комнатушке и вроде еле-еле сводили концы с концами. Михаил устроился на завод и стал пролетарием. В ногу со временем…

Из Казани Чапаев уехал за несколько дней до закрытия съезда. В конце ноября 1917 года в ряде районов Поволжья сложилась тревожная обстановка. В Оренбурге атаман Дутов поднял мятеж против Советской власти, разогнал Советы, угрожал Самаре и Саратову. В Уральске и области существовало двоевластие: наряду с новой властью продолжало свое правление и казачье войсковое правительство, которое категорически не признавало Советской власти.

Многие делегаты съезда и не предполагали, что вскоре вновь встретятся с Чапаевым, но уже совсем в другой ипостаси…

Вернувшись в Николаевск, Чапаев увидел, что офицеры 138-го полка встретили его не слишком гостеприимно. Подполковник

Отмарштейн категорически отказался признать его командиром. Отмарштейн пытался склонить на свою сторону весь полк. В связи с этим военно-революционный комитет и Совет рабочих и солдатских депутатов вынесли этот вопрос на обсуждение полкового собрания. Солдаты выбрали командиром Чапаева. Но в полку все еще сильно эсеровское влияние. Оценив обстановку, Василий Иванович предложил ревкому и укому партии ускорить демобилизацию солдат, которая в это время шла повсеместно. Так решил Казанский военно-окружной исполнительный комитет. Но при этом он предпринял все усилия, чтобы сохранить надежное ядро революционно настроенных солдат.

13 декабря 1917 года в Николаевск прибыл представитель Саратовского губернского исполкома Блинов. Он выступил с докладом на гарнизонном собрании о положении дел в районе Царицына, призвав оказать военную помощь Царицынскому Совету, отражавшему натиск отрядов генерала Каледина.

Одним из первых ораторов, горячо поддержавших предложение Блинова, был Василий Иванович. Было решено привести 138-й полк в состояние боевой готовности. Всякие отлучки разрешались только с санкции командиров рот. В протоколе был назван и срок выступления в Царицын — не позднее 17 декабря.

Поскольку подполковник Отмарштейн все еще продолжал упорствовать, тормозя сдачу дел, гарнизонное собрание записало 7-м пунктом в протоколе: «Отстранить командира полка бывшего подполковника Отмарштейна и утвердить командиром полка Чапаева».

14 декабря в установленном порядке произошла сдача дел новому командиру. Позже в анкете при поступлении в Академию Генштаба Чапаев запишет: «С 14 декабря 1917 года командир полка 138-го»...

Василий Иванович Чапаев, как и многие другие, формировал свои взгляды относительно нового времени, новой жизни и будущего. Только все это сопровождалось уж слишком большими усилиями, большой кровью и огромными потерями.

Хотя, если вспомнить старое время, то усилий было не меньше, крови и потерь — тоже. Итак, в большевики он вступил. Что же дальше?

Глава 5. Из фельдфебелей в комиссары

А дальше было вот что.

138-й запасной полк расформировать сразу не удалось. Потому что необходимость в нем диктовалась не только местными событиями. Атаман Войска Донского царский генерал Каледин образовал на Дону свое войсковое «правительство». И вскоре калединщина стала наиболее опасным очагом контрреволюции. Захватив Ростов и Таганрог, Каледин начал готовиться к наступлению на Донбасс. К тому же 27 ноября власть в Оренбурге уже захватил атаман Дутов.

16 декабря 1917 года в Николаевске открылся III уездный съезд крестьянских депутатов, на который большевики возлагали большие надежды. Но поначалу около трети депутатов потянулось за правыми эсерами. Тогда большевики решили войти в блок с левыми эсерами и максималистами. И таким образом перехватили инициативу.

Видя, что соотношение голосов складывается не в их пользу, правые эсеры пытались сорвать работу съезда с помощью разных демагогических проволочек. Тогда при содействии Чапаева специально выделенный вооруженный отряд оцепил все выходы здания, где происходил съезд, обеспечив строгий порядок пропуска депутатов.

Переизбрали президиум. Теперь им стал руководить Вениамин Ермощенко. По его предложению в адрес Центрального исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов была направлена приветственная телеграмма. Одним из главных на съезде стал вопрос о власти. Несмотря на упорное сопротивление эсеров, подавляющим большинством голосов (161 — «за», 67 — «против», 2 — воздержались) была принята резолюция большевиков, указывающая на необходимость перехода всей власти в уезде в руки Советов.

При обсуждении вопроса об отношении к империалистической войне выступил Василий Чапаев. «Все народы не хотят воевать, война желательна только капиталистам», — резко заявил он. Съезд также единодушно принял резолюцию, осуждающую войну, приветствующую Декрет о мире.

На вечернем заседании 17 декабря с докладом о Красной гвардии выступил член Укома партии Долматов. Он призвал

форсировать создание постоянно действующей Красной гвардии, какая уже существует в крупных городах России.

Василий Иванович Чапаев проинформировал съезд о положении дел с демобилизацией и также подтвердил необходимость создания красногвардейских отрядов.

Съездом было принято разработанное Долматовым-Чапаевым «Положение о Красной гвардии» и «Устав Красной гвардии». Делегаты приветствовали руководителя большевиков города Николаевск Ермощенко. Особенно тогда, когда он заявил, что «с отрядом солдат Николаевского гарнизона уезжает в город Царицын защищать свободу и революцию от казаков-калединцев». Одновременно было выражено удовлетворение деятельностью местного революционного гарнизона, возглавляемого В.И. Чапаевым.

Однако очень бурные дебаты развернулись при рассмотрении продовольственного вопроса. Острый продовольственный кризис испытывала тогда вся страна. В Николаевском уезде хлеб был, но кулаки, поощряемые эсерами, скрывали свои хлебные запасы, не желая их отдавать добровольно государству. Большевики предложили ряд мер принудительного изъятия хлеба по твердым ценам. Чапаев в своем выступлении говорил, что на выполнение этого важного мероприятия будут отправлены вооруженные отряды, которые смогут строго выполнять предписания Совета народных комиссаров.

Столь же остро обсуждался и земельный вопрос. Большинство делегатов высказалось за поддержку Декрета о земле. Под бурные аплодисменты съезд вынес решение «отобрать землю у помещиков и кулаков».

Затем начались выборы уездного Совета крестьянских депутатов, его исполкома, а также делегатов на III Всероссийский съезд Советов, который должен был состояться в Москве в январе 1918 года. Эсеры потребовали составлять списки от каждой фракции, но это предложение было отвергнуто большинством голосов. Тогда они демонстративно покинули съезд, подав в президиум заявление, где обрушились на «узурпаторов» и «диктаторов», как они окрестили большевиков.

Выслушав это полное бессильной злобы послание, находившийся в президиуме Чапаев встал и со свойственной ему прямотой крикнул, обращаясь к покидавшим зал эсерам:

— Да, мы — диктаторы и штыки в землю не втыкаем! Мы за беспощадную борьбу, но против кого?.. Вот то-то и оно!

И придерживая рукой шашку, стремительно опустился на свое место. Послышались возгласы:

— Правильно, товарищ Чапаев!

— Вот это по-нашему...

Зал взорвался громом аплодисментов. На заключительном заседании слово вновь было представлено Василию Чапаеву. Едва он произнес первую фразу, как кто-то попытался его перебить. Но из задних рядов громко закричали:

— Не мешай!

— Говори, Чапай!

Василий Иванович выждал, пока зал утихнет, и спокойно произнес:

— Товарищи! Съезд — это хозяин уезда, и его слово — закон для всех. Раньше... вы не могли бы сюда собраться. Так как на левое течение было гонение. Буржуазное правительство угощало левых только тюрьмой да каторгой...

Вечером 18 декабря крестьянские делегаты собрались на объединенное заседание с уездным Советом рабочих и солдатских депутатов. Чапаев единодушно избирается заместителем председателя президиума. Как видно, его выступления пришлись многим по душе. Целью заседания было избрание уездного Совета народных комиссаров. Такие органы в подражание центральной власти действовали в то время в ряде губерний и даже уездов страны. Чапаев занял в этом совнаркоме пост комиссара Красной гвардии и начальника гарнизона.

В конце заседания Ермощенко и Чапаев предложили послать приветственную телеграмму товарищу Ленину. И их слова были встречены бурей оваций. «Чапаева нельзя слушать без волнения, так он зажигал аудиторию, — вспоминали очевидцы. — Когда он окончил свою горячую речь и сел на председательское место, весь зал кричал: «Ура!», бросая кверху шапки!»

Вскоре после окончания работы съезда Василий Иванович Чапаев с отрядом в 550 человек выехали на помощь Царицыну. В их задачу входила активная борьба с бандами генерала Каледина. Добирались они эшелоном по железной дороге. Вместе с отрядом выехал и Вениамин Ермощенко. Но по прибытии в город Покровск (ныне Энгельс) Ермощенко с Чапаевым узнают, что надобность в помощи отпала. Царицынский Совет справился. А совместными усилиями отрядов, прибывших из Самары, Иванщекова (ныне г. Чапаевск) и других городов были разгромлены и банды Дутова. 18 января в Оренбурге установилась Советская власть.

Поэтому было принято решение о возвращение в Николаевск. И в 20-х числах отряд в полном составе вернулся обратно.

22 декабря уездный совнарком приступил к ликвидации

старых органов власти. По его указанию была распущена городская дума. Но главным рассадником контрреволюции являлась земская управа. Именно здесь нашли пристанище изгнанные с крестьянского съезда эсеры, а также члены так называемого «Союза фронтовиков», шедшего на поводу у офицеров, привлекших на свою сторону кулацких сынков из солдат. В начале января 1918 года ими было спровоцировано выступление части демобилизованных солдат 138-го запасного полка. Подогреваемые мелкобуржуазными элементами, они двинулись к зданию бурсы, где располагались красногвардейцы.

Но Василию Ивановичу Чапаеву удалось удачно организовать оборону. А затем красногвардейцы вместе с подоспевшими рабочими Чемодуровской мельницы обратили мятежников в бегство. И вскоре их главари были арестованы.

Эти же события предрешили и участь земской управы. На местном заседании укома с членами уездного совнаркома было решено упразднить управу, а все её дела передать в ведение совнаркома.

Комиссар Красной гвардии В.И. Чапаев тут же получил указание быть готовым к отражению возможных провокаций со стороны земцев. Эта мера не была лишена оснований. Как стало известно позднее, как раз в это время в Николаевске созревал новый антисоветский мятеж. В его подготовке принял участие левый эсер Бескровный — комиссар просвещения в уездном совнаркоме. Когда Ермощенко с другими делегатами выехал на П-й Всероссийский съезд Советов, Бескровный временно стал выполнять вместо Барскова обязанности управляющего делами совнаркома. Получаемые от Ермощенко письма с грифом «секретно» он скрывал от членов совнаркома, передавая их содержание главарям заговора.

Бескровный несколько раз выезжал в село Липовку, где обсуждал с бывшими офицерами и местными кулаками детали будущего выступления. Только лишь благодаря бдительности членов военной коллегии Чапаева и Демидкина заговор был вовремя раскрыт. Его организаторы, в том числе и Бескровный, подверглись аресту. Бескровный сумел бежать из Николаевской тюрьмы. Но в марте 1918 года возмездие все таки настигло белогвардейского заговорщика. Он был убит во время ликвидации Василием Чапаевым Липовского кулацкого эсеровского восстания.

Несмотря на полный провал контрреволюционного заговора, земцы не сложили своего оружия. Вожаки земской управы спешно стали готовиться к созыву уездного съезда глас- ных земства. Это

был и без того открытый вызов новой Советской власти. Он очень осложнял обстановку в городе и уезде. В Петроград была срочно послана телеграмма с изложением создавшегося положения. Вскоре оттуда приехал А.М. Барсков с личным указанием Якова Михайловича Свердлова: «Кулацко-эсеровский съезд не допустить, земскую управу упразднить».

Срочно было созвано заседание совнаркома, а затем собрание большевиков, на котором были разработаны меры по ликвидации уездного земства. В первую очередь надо было во что бы то ни стало воспрепятствовать проведению устраиваемого им сборища. Тут же при непосредственном участии В.И. Чапаева был разработан план обороны города. На тот самый случай, если начнутся контрреволюционные выступления. В соответствии с ним город был разбит на районы. Они находились под контролем особых отрядов, во главе которых стояли уездные комиссары. Красногвардейцы заняли посты у железнодорожного вокзала, у ряда других учреждений. Общее командование красногвардейскими отрядами возлагалось на Чапаева.

20 января 1918 года земцы открыли свой самозванный «съезд».

В президиуме земского собрания сидели лидеры правых эсеров: Ложкин, Бабенков, Власов и комиссар Временного правительства помещик Медведев. Ораторы с пеною у рта доказывают:

— Потребовать карательный отряд для усмирения большевиков и грабителей, захватывающих у помещиков имения!

Зал полон народу. Окна в земской управе большие, почти во всю высоту стен. Делегаты переговариваются, перекрикивают друг друга. Каждый хочет взять слово. В общем, было шумно и беспорядочно.

Несколько человек во главе с Чапаевым зашли незаметно в зал. Двое: пришедшие с Чапаевым Демидкин и Бауэр, подошли к президиуму и попросили слова. В президиуме вначале растерялись, а потом им отказали. Что же началось в зале! Свист, топот, крики: «Долой большевиков!», «В тюрьму разбойников!»

Городской голова Власов взобрался на стол и попробовал призвать всех к порядку. Но его схватили за полы пальто и потащили вниз. Тогда за него вступился комиссар Временного правительства Медведев, и началась свалка. Кто-то испугался большевистской интервенции и, подняв панику, бросился к окнам. Эсерами начал овладевать массовый психоз. В окнах затрещали толстые бемские стекла, потому что многие решили выбежать на улицу через них. И вдруг неожиданно стало тихо. В

дверях показался Василий Иванович. Он подошел к президиуму и в минуту взобрался на стол, покрытый зеленым сукном. К ужасу членов президиума, вынул шашку и, помахивая ею перед ухом председательствующего, сказал:

— Кто мне не подчинится — пристрелю на месте, как бешеную собаку. Президиум объявляю арестованным и приказываю ему оставаться на месте. Остальным р-ра-зойтись!

Таким образом, в Николаевске было покончено с последним гнездом контрреволюции — уездной управой.

На следующий день, то есть 21 января, в городском кинотеатре состоялось совместное с крестьянами заседание уездного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Он подтвердил и одобрил роспуск уездного земства и принял предложение большевиков о расширении состава уездного Совета народных комиссаров.

Правда, контрреволюционеры, возглавляемые местными эсерами, сделали на другой день ещё одну попытку поднять народ против советской власти. Уездный комитет партии эсеров опубликовал специальное обращение к населению, в котором обливал грязью большевиков, призывая к свержению «советской диктатуры». По колокольному звону на площади города собрались бывшие гласные земства, члены городской думы, офицеры, купцы. Эсеровские ораторы до крика призывали всех собравшихся «идти и громить уездный совет, наконец-то разделаться с большевиками и восстановить прежнюю власть».

В это время к митинговавшей толпе подошла группа красногвардейцев во главе с Чапаевым. Василий Иванович спокойным голосом предложил всем разойтись. Однако эсеры и их приспешники ответили на это насмешками. Они откровенно начали глумиться над красногвардейцами, предпринимая попытки их разоружить. Видя, что уговорами здесь ничего не сделаешь, Чапаев незаметно дал одному из красногвардейцев знак, и тот исчез за углом ближайшего дома. Вскоре на площади появился автомобиль с установленными на нем пулеметами. Василий Иванович быстро вскочил на его подножку и приказал пулеметчику Плоцкому дать несколько предупредительных очередей поверх голов собравшихся. Это подействовало отрезвляюще. И сборище стало быстро таять. Его организаторы были арестованы.

23 января на первом же заседании уездного совнаркома в его новом расширенном и измененном составе Василий Чапаев был выдвинут на должность комиссара внутренних дел уезда. Однако в связи с обострением классовой борьбы в уезде, выразившимися

в эсеро-кулацких восстаниях, совнарком 24 января пересмотрел этот вопрос, назначив его военным комиссаром Николаевского уезда. Вскоре Василий Иванович должен был выехать в Балаково, где активизировались контрреволюционеры.

А 24 января на заседании Николаевского совнаркома было заслушано внеочередное сообщение начальника военного отдела И.Н. Демидкина о беспорядках в Балакове, чинимых Союзом фронтовиков. Обсудив решение, совнарком постановил: «Немедленно командировать в Балаково командира полка тов. Чапаева». Это было последнее поручение Василию Чапаеву как командиру 138-го запасного пехотного полка. В дальнейшем полк в связи с полной демобилизацией его личного состава перестал существовать.

В тот же день Василий Иванович выехал в Балаково. Обстановка в городе действительно сложилась тяжелая. Если Февральская революция прошла для Балакова без осложнений, то Октябрь вызвал негативную реакцию. Буржуазия не признавала Совета новой власти. Для его дискредитирования широко использовались продовольственные и иные трудности. Хозяева заводов их закрывали, новых заказов не брали. В итоге рабочие остались без заработков. Крестьян, приезжавших на базары, подбивали на протест против сдачи государству хлеба. Особенно большую активность во всем этом проявляло вернувшееся офицерство.

Чапаев объявил о роспуске «Союза фронтовиков», враждебно настроенного против Советской власти. За мятежами в Балаково последовали мятежи в Большой Глушице, Большой Луке и Марьевке. Восстанавливая и укрепляя новую власть, Василий Иванович арестовывал и накладывал контрибуции деньгами, а особенно хлебом, который потом отправлял эшелонами в Петроград и Москву. Проводил политическую агитацию среди простого населения, укрепляя их веру в будущее.

После выхода декрета об организации Красной Армии, из николаевского отряда и дружины Красной гвардии был сформирован 1-й Николаевский батальон Рабоче-крестьянской Красной Армии. Его первым командиром избрали В.И. Чапаева. Батальон разместили в здании бурсы (духовного училища). Василий Иванович в письме от 15 февраля 1918 года просил Николаевский Совет освободить помещение от посторонних: «В бурсе помещается социалистическая Красная Армия, а также склад оружия и взрывчатых веществ, где недопустимо быть посторонним лицам и ученикам, которые тесно связаны с контрреволюцией».

1-й Николаевский батальон принял от 138-го запасного полка вооружение, имущества, средства и взял на себя тяжесть нараставшей борьбы. Так было положено начало формированию части регулярной Красной Армии в Николаевском уезде.

В феврале произошло крупное кулацкое восстание в селе Березово. Его возглавил бывший полковник царской армии Баширин. Кроме винтовок у мятежников были пулеметы и большой запас патронов. Прибывший на подмогу березовской бедноте сулакский отряд Красной гвардии потерпел неудачу. Восставшие кулаки, во главе которых стояли кадровые офицеры, разоружили и арестовали красногвардейцев. Командир отряда военный комиссар И.Н. Топорков был подвергнут со своими товарищами допросу и пыткам.

Не сумел одолеть мятежников и сводный отряд, состоявший из красногвардейцев сел Сулака, Мало-Перекопное и Суховки под общим руководством Рязанцева, Майорова и Плясункова. Узнав об этом, уездный совнарком направил в Березово Чапаева и комиссара Бочкарева с отрядом в 100-150 человек.

После подавления кулацкого восстания Чапаев докладывал: «В селе Березове развернулась настоящая гражданская война; село, имевшее оборонительные узлы, пришлось брать с боем».

Еще не успели стихнуть выстрелы в Березове, как в Николаевск пришла весть о новом кулацком выступлении — в селе Липовка. Оно быстро распространилось по всей волости. Кулаки разгоняли Советы, восстанавливая старые порядки. Готовили вооруженные отряды для развертывания более широких операций.

В связи с этим 28 февраля Николаевским совнаркомом был создан «Штаб охраны революции», наделенный особыми полномочиями. Он состоял из председателя совнаркома В.И. Ермощенко, комиссара внутренних дел Дмитриева и четырех членов военной коллегии — Чапаева, Демидкина, Ульянова и Санталова. Для более оперативных действий в борьбе с контрреволюцией уезд был разбит на 10 районов (Сулакский, Липовский, Любицкий, Баронский, Солянский, Андросовский, Николаевский, Болыне-Глушицкий, Духов- ницкий и Балаковский). Липовская волость объявлялась на военном положении.

«Вся власть в этом районе принадлежит военному комис.сару Чапаеву, — говорилось в специальном приказе, — все вооруженные силы этого района подчиняются его распоряжениям. Местные общественные и правительственные организации также обязаны беспрекословно подчиняться всем распоряжениям

военного комиссара Чапаева. Не подчиняющихся его требованиям, сопротивляющихся Советской власти немедленно арестовывать и под усиленным конвоем отправлять в Николаевск».

По пути своего движения к Липовке Чапаев вливал в свой отряд красногвардейцев из окрестных сел. В результате создалась солидная ударная сила. Молниеносным ударом чапаевский отряд захватил Липовку, а затем навел революцион- ный порядок во всей волости. На кулаков была наложена контрибуция деньгами и хлебом.

Однако этим дело не кончилось. Будучи в Липовке, Чапаев узнал о новом кулацко-эсеровском восстании в Балакове, где проживали его дети и родители. И о том, что мятежники убили его младшего брата Григория.

А дело было так.

Восстание проводилось по заранее разработанному плану. Начальник штаба отряда Красной гвардии находился в заговоре. Он-то и распорядился вывести из Балакова отряд красногвардейцев под видом учений. Обезоруженные члены Совета 4 марта были все арестованы. А к этому времени белогвардейцам было выдано со склада обмундирование и оружие.

Изолировав Совет и таким образом обезопасив себя, мятежники обеспечили полную свободу действий. Подготовленные к восстанию белогвардейцы хлынули огромной толпой к Троицкой площади. Накаляя атмосферу, разжигая страсти, восставшие призывали сбежавшихся обывателей выступить против комиссаров и Совета.

Тем временем рабочие заводов Мамина и Блинова, узнав об аресте членов Совета, направились к месту их заключения и потребовали немедленного освобождения, предупредив, что иначе перебьют охрану и разнесут здание. Охрана была вынуждена уступить. Рабочие сообщили освобожденным комиссарам о сборище на площади, но убеждали туда не ходить, так можно было легко попасть в руки озверевшей толпы.

Григорий Иванович Чапаев с этими доводами не согласился. Не мог он, как коммунист и военный комиссар города Балакова, допустить контрреволюционного разгула, отсиживаясь в безопасном месте. Он выступил на митинге с призывом не поддаваться на провокацию.

Но договорить ему не дали. Два белогвардейца — брата Мушонковы стащили его с трибуны и один из них выстрелил в Григория прямо в упор. Григорий Иванович упал, но был ещё жив.

Отец его, Иван Степанович, увидел, что сына ранили и тот, лежа в мартовском снегу, пытается подняться на локтях. Он поспешил к нему. Но тут вернулись Мушонковы. Они перегородили Ивану Чапаеву дорогу к Григорию и, первыми добежав, стали колоть живого комиссара штыками. Потом, озверев, подняли умирающего на штыки вверх и понесли, крича во весь голос: «Посмотрите, как мы расправляемся с красными комиссарами! Всех, кто пойдет за ними, ждет такая же участь! Собакам собачья смерть!»

Иван не верил своим глазам: его сын чуть дышал, вися на штыках этих нелюдей. В минуту он посидел как лунь. Потом Мушонковы долго ходили со своим «трофеем», висящим на их винтовках, по всему городу, устрашая местную бедноту своим видом. Под вечер они сбросили труп Григория в каком-то овраге и вернулись победителями к себе домой под одобрение местных эсеров.

Рабочие увидели, в каком овраге валялся труп их любимого комиссара, и ночью припорошили его снегом, чтобы наутро никто больше не смог издеваться над ним.

Иван Чапаев не мог успокоиться. Он не мог ни пить, ни есть, ни спать. Катерина снова была без памяти. Посмотрелся в зеркало. Борода и голова были так белы, что даже резало в глазах. Иван Степанович решил собрать всю голытьбу и с ними пойти воевать против мятежников. Решил и сделал.

Всю ночь он стучался из дома в дом и собирал дружину. Все были согласны завтра выступить и отомстить за своих детей. Многие вооружились вилами, топорами, колунами, в общем, кто чем мог.

Утром горсть оборванных, голодных и решительно настроенных крестьян выступили против кулаков и эсеров. Но где им! Их в одночасье разоружили и арестовали. А арестовав, всех запихнули в мучной лабаз, что находился в самом центре города на Сенной площади. Лабаз был не слишком большим, на его окнах были металлические жалюзи. Когда в него загнали крестьян, оказалось, что им практически негде стоять. Так было тесно. Двери его закрыли на большой амбарный замок, а окна закрыли этими самыми жалюзи. Всё! Живыми оттуда никто не должен был выйти.

О восстании в Балакове первым узнали Алексей Рязанцев из Сулакского отряда и Василий Чапаев из Литовского района. Выехав на подавление этого восстания, Чапаев по пути следования подавляет и в других населенных пунктах вспыхнувшие спонтанные мятежи.

Только одно известие о приближении Чапаева с отрядами к

Балакову повергло мятежников в ужас. Они бросали оружие и старались разбежаться ещё до его приезда. Мушонковым удалось скрыться. Подавив восстание, Чапаев возложил на балаковскую буржуазию большую контрибуцию деньгами. Сумма была большой — 1,5 миллиона рублей и вагон хлеба.

Узнав, что его отец и многие другие представители бедноты заперты на Сенной площади в лабазе, Василий срочно подъезжает туда и сбивает замки. Когда отрыли дверь, его взору предстала страшная картина. В лабазе стояли вплотную друг к другу трупы. Многие так и умерли с открытыми глазами и перекошенными ртами. Красногвардейцы стали их выносить на руках на улицу. И к большой радости, некоторые из них были ещё живы. Но их мало. Даже слишком. И среди живых оказался Иван Степанович. Но только он глотнул воздуха, как потерял сознание и долго в него не приходил.

На следующий день, 7 марта, хоронили Григория Чапаева со всеми почестями военного комиссара города Балаков. На похоронах присутствовал почти весь город. Потом похороны превратились во внушительную демонстрацию. Многие тут же записывались к Чапаеву в красногвардейский отряд, не имея сил выдерживать такие издевательства над собой и своими родственниками. Похоронили Григория на месте его гибели.

После Балаковского мятежа, Чапаевым был проведен ещё ряд успешных операций по ликвидации очагов контрреволюционных выступлений. Им был разгромлен крупный отряд Вольских юнкеров и потушено восстание в немецкой колонии Рамбаум.

В начале 1918 года по всей стране начался процесс объединения отрядов в революционную армию пролетариата, или, как говорили, «в новую военную организацию нового класса». Она стала создаваться на основе декрета Совнаркома от 28 января 1918 года. В основу его были положены принципы «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Это принял ЦИК 3 января этого же года. Впервые в истории был признан и открыто провозглашен строго классовый характер вооруженных сил.

В Николаевском же уезде видная роль в организации регулярных подразделений революционной армии принадлежала В.И. Чапаеву. А 30 января им и уездным военным комиссаром И.Н. Демидкиным было написано воззвание к населению уезда. В нем говорилось, что перед лицом угрозы со стороны внутренней контрреволюции и возможности нападения извне трудовой народ должен иметь свою армию. Это обязательно для защиты

завоеваний революции.

Воззвание заканчивалось призывом: «Вперед, товарищи! Идите все трудящиеся под знамена Рабоче-Крестьянской Красной Армии».

По предложению Чапаева уездный совнарком объявил запись добровольцев. Добровольцы записывались в 1-й Николаевский батальон РККА. Его костяк составили красногвардейский отряд революционных солдат, созданный Чапаевым, боевая рабочая дружина И.Н. Демидкина, возникшая еще в Октябрьские дни также при участии Чапаева, и отряд бывших военнопленных-интернационалистов, возглавляемый словацким коммунистом Шмиловичем — активным деятелем Николаевской большевистской организации.

На должность командира батальона был выдвинут В.И. Чапаев, комиссаром стал Демидкин.

В Николаевском батальоне собрались люди самых разных возрастов. Они были плохо одеты, слабо вооружены. Своей военной выучкой и дисциплиной среди них выделялись только интернационалисты. Они и стали для Чапаева образцом, к которому он стремился всех подтянуть. На это он постарался употребить все свои военные знания и весь свой богатый опыт. Его занятия с бойцами и командирами проходили всегда интересно и на высоком эмоциональном подъеме.

Предвидя, что в будущем самым серьезным противником будут уральские белоказаки, сильные в конном бою, Василий в спешном порядке начал создавать кавалерийский эскадрон. Во главе его он поставил большевика Пантелея Сурова — кавалерийского вахмистра старой армии. В феврале по заданию Чапаева он выехал в район сел Гусиха и Старая Порубежка для вербовки кавалеристов-добровольцев из числа деревенской бедноты. Тем временем Василий Иванович употребил все свои силы и изобретательность на поиски лошадей, седел, упряжки, и вскоре эскадрон был создан. С ним Чапаев провел ряд специальных занятий.

В марте из Самары в батальон прибыло два орудия. Василий Чапаев тщательно их осмотрел и распорядился устранить замеченные им неисправности. По его же приказу среди солдат нашли артиллеристов. Теперь у батальона появилась своя батарея под началом фронтовика Трясеева.

Со второй половины февраля, когда пришла инструкция о правилах организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии, приток добровольцев в 1-й Николаевский батальон заметно увеличился. В основном это была беднота из окрестных сел и деревень. Чапаев старался беседовать с каждым лично. Но

особенно его интересовали солдаты-фронтовики.

И уже в марте батальон насчитывал 300 обученных и снаряженных бойцов. Ближайшие события показали, что это формирование было очень своевременным.

В ночь с 28 на 29 марта в Уральске произошел контрреволюционный переворот. К власти пришло так называемое Уральское войсковое правительство, объявившее вскоре открытый поход против Советов. Уральский областной Совет рабочих и крестьянских депутатов был разогнан. Большая часть его руководителей арестована и брошена в тюрьму.

Захватившая власть уральская верхушка казачества привела в боевое состояние 10 полков, насчитывавших около 10 ООО человек. На их вооружении было 6000 винтовок, 30 пулеметов и две артиллерийские батареи. Кроме того, повсюду начали создаваться отряды «белой гвардии», «дружины самообороны», новые и новые войсковые формирования. И уже целая часть этих сил скопилась на границе Николаевского и Новоузенского уездов. Начались непрерывные набеги белоказаков на поволжские села и деревни. Они сопровождались зверскими убийствами коммунаров, их семей, советских активистов. А также — грабежом мирного населения.

Не жалели никого. Только вчера соседки мирно беседовали о предстоящем севе, а уже сегодня несколько подружек висело на своем собственном заборе, а по дворам бегали беспризорные куры и мычали тощие коровы...

Василий Чапаев понимал, что война только-только начинается. И она не уступит Первой мировой. Где взять силы, чтобы воевать без передышки почти пять лет? Но их надо где-то найти. Иначе никак нельзя. Или они нас, или мы их. Нет, лучше мы их. Пусть ценой собственной жизни...

Глава 6. Бои за Уральск

Как только в Николаевске стало известно о событиях в Уральске, уездный совнарком направил Уральскому войсковому правительству своего рода «ноту». В ней предлагалось уладить конфликт мирным путем при условии немедленного освобождения членов Совета и восстановления Советской власти. 29 марта председатель Саратовского губернского исполкома Антонов-Саратовский послал в Уральск телеграмму с теми же требованиями. Но ответа на неё так и не последовало…

В то время империалисты приступили к организации совместной интервенции и развязыванию гражданской войны в нашей стране. Американский посол в России телеграфировал государственному секретарю США: «…Я серьезно настаиваю на необходимости взять Владивосток под наш контроль, а Мурманск и Архангельск передать под контроль Великобритании и Франции… Для союзников пришло время действовать…»

Непосредственное вторжение англо-американских и французских интервентов началось в марте с Мурманска и Архангельска, откуда им было ближе всего выйти к центру

России: Петрограду и Москве. В начале апреля 1918 года, после провокационного убийства двух японцев во Владивостоке, начали высадку войск японцы и их союзники. Английские войска проникли в Среднюю Азию и Закавказье. Крым же, Украина, Белоруссия и Прибалтика были захвачены немцами. Оккупанты действовали методично и расчетливо. Захватив огромную территорию (важнейших экономических и стратегически районов) России, они стали сжимать молодую страну кольцом блокады. При этом поднимали на борьбу и силы внутренней контрреволюции.

Особые надежды интервенты возлагали на контрреволюционные силы Поволжья, Урала и Сибири. В Самаре группа правых эсеров готовила вооруженное восстание.

Уральская буржуазия всячески приветствовала и поддерживала Временное правительство. Уральск был наводнен генералами, офицерами, капиталистами и помещиками, бежавшими из центральной России.

В отличие от зажиточных слоев значительная часть трудового населения Уральска всё решительнее и решительнее переходила на сторону большевиков. И в совершенно невыносимых условия вела свою работу организация Уральского Совета.

И все-таки буржуазия с помощью эсеров сумела одолеть влияние революционного комитета. Подкупленные его члены перешли на сторону «Войскового правительства». И областной Совет, оставшись безо всякой поддержки, теперь всячески притеснялся «Войсковым правительством», которое заставило Совет силой вооруженных казаков в течение 10 минут освободить занимаемое помещение. Теперь все телеграммы и почта, высылаемые в адрес Совета, перехватывались казачьим правительством. Ими же был захвачен и кредит в 15 миллионов рублей, отпущенный Совету Советским правительством на продовольствие.

Впрочем, «Войсковое правительство» не прочь было вступить в контакт с центральным правительством, а также и с Саратовским Советом на экономической основе, преследуя материальную выгоду. Но оно совсем не ставило себе цели подчиняться Советскому правительству.

Именно поэтому в Уральске наступила пора двоевластия, которое никого не устраивало. В марте 1918 года снова проходили два съезда: одновременно работали съезд войсковых депутатов и областной съезд Советов. Последний проходил с 18 по 25 марта. Со съезда Советов было послано приветствие Совету Народных Комиссаров РСФСР. А затем принял решение о роспуске «Войскового правительства».

Казачий съезд в противовес решению съезда Советов принял решение о сохранении самостоятельности Уральской области до Учредительного собрания, подтвердил необходимость иметь свое войсковое правительство и собственную армию во главе с атаманом. Ходовыми лозунгами по-прежнему были: «Автономия Уральской области!», «Казачье войсковое правительство!» и, самое актуальное, — «Ни к кому не пойдем и никого к себе не пустим!». По окончании казачьего съезда был проведен смотр всех воинских частей, а в ночь на 30 марта 1918 года они полностью захватили власть в свои руки: большинство вновь избранных членов исполкома областного Совета были арестованы и посажены в тюрьму.

У казачьего войска были несомненные преимущества перед Красной гвардией. Во-первых, это войско десятилетиями служило царю. Оно было хорошо вооружено, хорошо обучено, а полки, побывавшие на фронтах империалистической войны, получили боевой опыт, стали настоящими кадровыми частями. В этой армии было в избытке кадровых офицеров и высшего командного состава.

Саратовский Совет, стремясь урегулировать конфликт без

кровопролития, с момента контрреволюционного переворота до самого конца апреля вел переговоры с казачьим «правительством», но абсолютно безрезультатно.

Наконец 28 апреля военный совет Саратовского исполкома предъявил собравшемуся в Уральске казачеству свои следующие требования:

«1. Признание Совета Народных Комиссаров как верховную власть Советской республики.

2. Восстановление Совета уральской бедноты, ныне разогнанной.

3. Изгнание набежавших в пределы Уральской области контрреволюционных элементов — бывшего русского офицерства, помещиков и капиталистов.

4. Освобождение всех арестованных в связи с создавшимся политическим конфликтом».

Разумеется, казачество отказалось от выполнения этих требований. Поэтому в спешном порядке стало проводить смотры и приводить войска в боевую готовность. Ими были созданы группировки войск для действий на двух очень выгодных направления: Уральск-Саратов и Сломихинская-Саратов. Теперь боевые действия стали неизбежными.

Советское правительство не могло выделить достаточно сил на борьбу с уральским казачеством. Поэтому противостояние белогвардейской уральской армии первоначально взял на себя Саратовский Совет. Ни Самара, ни Астрахань помочь ему в этом никак не могли. В Самаре шла борьба большевиков с засильем эсеров и максималистов. Тем более что буржуазные группировки захватили исполком и объявили ликвидацию Самарского Совета. В городе действовала анархистская банда. И 17 мая, после успешного проведения анархо-максималистского мятежа были захвачены почта, телефон, телеграф и некоторые отделения милиции. Из тюрем выпустили уголовников, которые устроили погромы. Местная буржуазия готовилась послать телеграмму генералу Дутову.

В Астрахани же Советская власть была совсем ещё неокрепшей, она постоянно вела борьбу с местным казачеством, продолжавшим оказывать всяческое сопротивление большевикам.

По сравнению с другими регионами, в Саратове была очень сильная партийная организация и сравнительно небольшой, но надежный гарнизон. В первые месяцы 1918 года в Саратове было расформировано 55 воинских частей, прибывших с фронта, и 15 частей местного гарнизона. После их расформирования осталось 133 орудия, 150 пулеметов, 35 тысяч винтовок, 5 миллионов патронов, 2500 шашек, более 26 тысяч шинелей, 11 тысяч пар

обмундирования и др. имущество.

Такая материальная и техническая основа являлась для начала гражданской войны тоже немаловажным фактором. Саратов стал базой IV, IX и X действующих армий.

Контрреволюционный переворот в Уральске затронул не только общие политические интересы, но и непосредственно интересы Николаевского уезда. Во время восстания были арестованы советские работники Николаевска, находившиеся в это время на территории Уральска. Казаки начали вторгаться в пределы Николаевского и Новоузенского уездов, убивая партийных работников, грабя население и угоняя скот. И достаточных сил у Николаевска на борьбу с этим произволом не было.

Саратовский губисполком отдал распоряжение о прекращении всякой «железнодорожной и телефонно-телеграфной связи с мятежной областью. Рассматривались вопросы, связанные с отражением нападений белоказацких банд, угрожавших теперь не только Николаевску, но и всей Саратовской губернии в целом.

Получив необходимые распоряжения из губернского центра, В.И. Чапаев немедленно сформировал свой боевой подвижный отряд, во главе которого поставил опытного в военном отношении большевика Инюткина. Тот был направлен на железнодорожную станцию Ершово в качестве заслона на пути дальнейшего продвижения казачьих войск в этом районе.

Чапаев же тем временем выехал в село Сулак для проведения срочной мобилизации. Здесь он выступил на объединенном собрании сулакских красногвардейцев с жителями села. Несмотря на всю напряженность обстановки, Василий Иванович был, как обычно, весел и бодр.

— С орлами-добровольцами воевать — сущая благодать, — заключил он свою речь, — а по принудке попадут и ублюдки. Вопрос, надеюсь, ясный? Кто без лишних слов готов за большевистскую власть драться... Будем запись добровольцев производить...

Затем Василий Иванович побывал в Мало-Перекопном и некоторых других крупных селах уезда, вербуя добровольцев.

Вскоре из Сулака в Николаевск прибыл первый красногвардейский отряд в 300 человек под командованием районного военного комиссара И.В. Топоркова. Село Липовка прислало также 300 добровольцев во главе с комиссаром Баулиным. Здесь, в Николаевске, все они были вооружены,

обмундированы, разбиты по взводам и ротам. Их влили в только что организованный 1-й Николаевский советский полк Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Совнарком утвердил командиром этого полка Василия Чапаева, а политическим комиссаром — Демидкина.

На первых порах полк не насчитывал даже и тысячи бойцов. В нем имелось несколько пулеметов, артиллерийская батарея неполного состава и небольшой кавалерийский эскадрон.

Но к концу апреля 1918 года в Николаевске собралось уже около 4000 красногвардейцев. Они вошли в оперативное подчинение командующего Саратовской армией, созданной специально для борьбы с уральскими белоказаками.

В середине апреля Чапаев вместе с другими партработниками Николаевского уезда участвовал в работе Саратовского совещания. Обсуждались вопросы, связанные с координацией предстоящих боевых действий, подготовкой боевых сил, имевшихся в распоряжении уездных Советов. Оговаривалось время и место сосредоточения отрядов Саратовской армии.

Впоследствии эти отряды выросли в самостоятельные полки, объединившиеся в бригаду, а затем вошедшие в состав 1-й Николаевской дивизии.

Вот как описывали очевидцы «чапаевский набор» добровольцев:

«День выдался хлопотливый и радостный: в Николаевск всё прибывал и прибывал народ. Люди хотели сражаться вместе с Чапаевым.

Василий Иванович старался поговорить с каждым лично. Но в штабе ждали неотложные дела. Наконец он махнул рукой и сказал:

— Я должен уйти. Распределите народ по ротам сами, — обратился Чапаев к подчиненным, глядя на огромное количество добровольцев.

Тогда перед ним выросли словно из-под земли четверо крестьян.

— Запиши нас к себе, Василий Иванович!

Чапаев пристально посмотрел на них. В лаптях и онучах. А по лицам — чуваши. Трое с пустыми руками, а у четвертого посошок. Ну хоть бы одна берданка.

— Откуда вы сами-то будете? — строго спросил он их.

— Чуваши мы, — ответил один крестьянин.

— Сам вижу. А точнее?

— Богдашкинские, — добавил второй.

— Симбирской губернии будем, — уточнил третий.

Ленина земляки! — твердо закончил четвертый.

—Ленина? — вскинул брови Чапаев. Его усталые глаза посветлели. Он весело тронул усы и оглядел рядом стоящих командиров.

— Ясно! — заключил он, обращаясь к одному своему боевому товарищу: — Ну, принимай пополнение. Помни: земляки Ленина!»

На Чапаеве была ответственность не только за встречу и собеседование с добровольцами, но и их размещение, вооружение и обмундирование.

В виду того что формирование 1-го Николаевского полка шло на добровольных началах, в приказе №42 от 4 апреля Чапаев требовал представить списки желающих ехать на уральский фронт. Нежелающие исключались из списков полка с 5-го апреля, а должностные лица — после сдачи дел. В то же самое время, строго соблюдая классовый принцип отбора, приказом №49 от 11 апреля Василий Иванович исключил из рядов Красной Армии 5-х человек как «недостойных быть защитниками пролетарской революции». Немногочисленные силы Николаевска готовились к предстоящим боям основательно.

Командование Саратовской армии считало, что имевшихся сил вполне достаточно для подавления уральской контрреволюции. Предусматривалось овладеть железной дорогой Саратов — Уральск. А по мере продвижения войск оставлять на станциях необходимые гарнизоны. Затем взять Уральск и оказать помощь местной бедноте. Обезоружить в станицах казаков и, наконец, восстановить Советскую власть. Предполагалось, что с падением Уральска боевые действия будут прекращены. Но командование явно недооценило силы противника. К тому же и не в полной мере использовало вооружение и людские резервы.

В сложившейся обстановке командование армии приняло экстренные мэры. Прибыв в середине апреля на станцию Ершов, оно решило привлечь как можно больше красногвардейских отрядов из прилегающих к Уральску и его области.

Таким образом, на марше в хуторе Бернардак отряд Топоркова, которым фактически командовал Чапаев, разбил казачий отряд. Казаки прибыли в Бернардак для расправы над коммунистами и расположились в имении помещика Мальцева. 250 коммунаров, отбитых из рук белоказаков, тут же не раздумывая добровольно вступили в отряд Топоркова.

Из штаба Красной Армии Саратовского Совета пришел приказ: №18, Алтата «Е2. Объявляю для сведения всем частям армии постановление Военного совета полевого штаба армии.

Военным советом полевого штаба армии 29 сего апреля постановлено большинством голосов при открытой баллотировке, что штаб армии по наступлении на Уральскую область может действовать самостоятельно без особого на то указания со стороны Саратовского совдепа...

Начальник штаба Молдавский».

В конце апреля Саратовская армия сосредоточилась на границе Уральской области в районе станции Озинки.

ИЗ ПРИКАЗА ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ САРАТОВСКОГО СОВЕТА...

№ 20 ст. Озинки 2 мая 1918 г.

1. Объявляю для сведения копию донесения 2-го Николаевского отряда от 2 9 апреля сего года:

«В штаб Восточной армии. В ночь на 2 6 апреля казаки сделали набег на хутор Овчинникова, который расположен в 7 верстах от ст. Семиглавый Мар. Казаков бы- ло числом 120 человек. По получении нами сведений мы послали 12 человек кавалерии, которые выяснили, что казаки вывозят хлеб. Тогда мы послали 50 человек кавалерии, которые разделились надвое, и первый взвод встал в заставу, а второй сделал нападение на казаков, которые так были ошеломлены ударом, что позорно бежали. Но наша кавалерия начала их преследовать, несмотря на то что (численностью была) в четыре раза меньше казаков. Казаки скрылись, наши 12 человек заняли хутор, а остальные поехали на отдых в дер. Меловое. Но не успели наши заехать за гору, (как) казаки сделали снова наступление на хутор, но в числе уже 75-ти человек. Увидя их, (наши) засели в канаве и допустили казаков к себе на расстояние 2 00-ти шагов. Потери им нанести было нельзя, потому что казаки впереди себя пустили два воза соломы и мирных жителей. Но наши ребята не растерялись. Первый раз дали залп вверх, жалея мирных жителей, а когда казаки выскочили из-за возов, наши начали стрелять по ним, убили 2-х офицеров и одного казака и 2 лошади. В настоящее время хутор в наших руках, и казаки больше не являются.

28 апреля наша артиллерия сбила 2 наблюдательных пункта и разбила разъезд. Убит был казак и ранена лошадь и разбит один пулемет с прислугой.

Командир военного отряда ЧАПАЕВ

Николаевскому 2-му отряду, действующему под командой

Чапаева, выражаю глубокую благодарность от себя и отколлегии штаба за геройское отражение казачьей воинской части, напавшей на хутор Овчинникова. Казаки выставили впереди себя несколько подвод с мирными жителями для того, чтобы наши красноармейцы обстреляли их, но после первого залпа в воздух мирные жители разъехались в стороны, а наступавший казачий отряд в количестве 75 чел. был оружейным огнем отогнан, потеряв убитыми 2 офицера и одного казака и 2 лошади. Наш отряд состоял из 12 человек спешившейся кавалерии.

Я верю, что, подобно Николаевскому отряду, все советские войска будут сражаться до последней капли крови, отстаивая завоевания Октябрьской революции и уничтожая контрреволюцию.

Командующий армией ЗАГУМЕННЫЙ

Третьего мая Саратовская армия перешла в наступление на Уральск. Для охраны коммуникаций на станциях оставлялись подразделения. На Новоузенском направлении в Александровом-Гае был остановлен астраханский интернациональный отряд бывшего венгерского военнопленного Винермана.

Движение частей в предбоевом порядке шло медленно. Из-за внезапных атак казачьей конницы с флангов оно напоминало каре.

Перестрелки с казачьими разъездами, частые остановки, а затем наступившая темнота очень нервировали бойцов и их командиров. И Чапаев решает оторваться от главных сил. Доложив командованию, он уклонился несколько севернее и походным порядком двинулся в обход. Его задачей было пройти в тыл противнику.

Казаки, сосредоточившие свое внимание на главных силах армии, обнаружили Чапаева только тогда, когда он уже вел наступление с прилегающих высот на станцию Семиглавый Мар. Застигнутые врасплох, они не могли оценить появившихся в тылу сил красных и, боясь окружения, отступили, так и не приняв боя. Отступали они к станции Шипово.

Инициатива и решимость Чапаева дали возможность войскам армии ускорить движение и занять первый населенный пункт и железнодорожную станцию Семиглавый Мар без боя.

Чапаев решил преследовать противника и, таким образом, в тот же день продвинулся ещё на 12 километров восточнее Семиглавого Мара. Два полка казаков пытались в тот же день

отбить станцию, но красные части к тому времени уже окопались, приготовились к встрече неприятеля и в конечном счете отбили атаку.

Новоузенский отряд, находившийся впереди главных сил в 13 километрах, оказался окруженным. Чапаев, не испытывая особого нажима со стороны противника, оставил на месте прикрытие и пошел с основными силами Николаевских отрядов на помощь новоузенцам. Ночь способствовала скрытности действий. И отряды Чапаева, совершив пятикилометровый марш-бросок, атаковали противника и соединились с Новоузенским отрядом.

5 мая противник дал бой на подступах к станции Шипово. Перед фронтом на выгодной позиции оборонялась пехотная дружина, поддерживаемая артиллерийским огнем с бронепоезда. Казачья конница атаковала правый фланг красных, стремясь нанести удар наступавшим частям, прижимая их к реке Деркул.

Новоузениский отряд не выдержал удара и стал отходить, разворачиваясь фронтом на юг. Но на помощь новоузенцам Чапаев перебрасывает часть сил и пулеметы, которые очень эффективны против конницы. Таким образом, он стабилизировал положение Новоузенского отряда. Теперь подоспели ещё два отряда и решительно атаковали пехотную дружину противника. Атака была настолько стремительной, что население станции Шипово, наслышанное о зверствах красных, бежало, бросив всё: в печах стояла горячая пища, во дворах бродил скот, встречались даже повозки, запряженные лошадьми. К исходу дня Чапаев занял станицу Каменка.

Утром 6 мая части выступили на станцию Деркул. Бой за этот пункт был тяжелейшим. Противник встретил наступавшие части фланкирующим артиллерийским огнем с юга. Правофланговый Новоузенский отряд залег под огнем, так и не успев развернуться фронтом в сторону противника. Из-за холмов во фланг и тыл отряду лавой прошла казачья конница. Наступил критический момент. Чапаев, вида такую ситуацию, послал пулеметные тачанки, прикрыв таким образом фланг и тыл новоузенцев.

Противник, встретив пулеметный и ружейный огонь с наших позиций, растерялся и, неся большие потери, стал отступать.

Одновременно с боями исправлялись повреждения на железной дороге, и 7 мая на станцию Деркул прибыл поезд со снабжением. Охрана же поезда оказалась израненной. Прибывшие сообщали, что утром казаки произвели начет на станции Семиглавый Мар и Шипово. Поезд проследовал через эти станции.

В общем, положение становилось угрожающим. Продолжать наступление оставшимися ослабевшими силами было нецелесообразно. Ожидать существенной помощи в Уральске было не от кого. Да и дойти до него — требовалось ещё много и много сил.

На совещании командиров, созванном Загуменным, было принято решение об отступлении. Но решение и его претворение в жизнь расходились. Дело в том, что втайне командование надеялось на успешное овладение железнодорожных станций нашими частями и восстановление связи с Саратовом. Но, к их большому разочарованию, этого не произошло. Войска изнемогали от усталости, так как более двух суток не отдыхали в ожидании атак противника. Настроение бойцов было подавленным. И в полдень 8 мая начался отход.

Впереди шел Саратовский отряд с бронепоездом, который во время боев использовался лишь как охрана штаба. Слева двигался Новоузенский полк, а замыкал движение Чапаев со своими отрядами. Тут же возобновились атаки противника, и чапаевцы, отходя, их отбивали. Отход был только до станции Шипово. На станции его приостановили, и войска окопались.

Утром 9 мая атака противника в 1000 сабель была отбита с большими потерями врага. Но удержать станцию Шипово не удалось, восстановить движение на Саратов — тоже, и, более того, наши войска потеряли станцию Озинки. Противник же в это время сосредотачивал свои силы и готовился к нанесению решительного удара. С самого утра 10 мая он начал активные боевые действия.

В то же утро в наши части пришла телеграмма с приказом об обороне железнодорожных станций Шипово и Каменская.

ИЗ ПРИКАЗАНИЯ ПО КРАСНОЙ АРМИИ САРАТОВСКОГО СОВЕТА РАБОЧИХ, ВОЕННЫХ И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ ОБ ОБОРОНЕ ж/Д СТАНЦИЙ ШИПОВО И КАМЕНСКАЯ

№6 10 мая 1918 г.

Командующий армией приказал: распределить отряды для обороны ст. Шипово и ст. Каменская следующим порядком:

1. Восточный фас (фас — прямолинейный участок крепостной ограды или полевого укрепления с определенным направлением огня) примерно по линии кладбища через церковь северо-восточнее мельницы обороняет Саратовский отряд.

2. Северный фас по окраине ст. Каменская от северо-

восточной до северо-западной мельницы обороняет 1-й Николаевский отряд.

3. Западный фас от северо-западной мельницы до отдельного строения, что к юго-западу от станции, обороняет 2-й Николаевский отряд.

4. Южный фас от вышеозначенного строения до кладбища по цепи холмов, проходящих у железной дороги, обороняет Новоузенский отряд...

Начальник оперативной части армии
Ржевский
адъютант Усачёв

Целый день 10 мая шел кровопролитный бой. С наступлением темноты бой не только не затих, но принял ещё более ожесточенный характер. Повсюду слышалось казачье «ура!». И для удержания обороны вою ночь с одного участка на другой наши части перебрасывали резервные роты.

Через сутки красные войска остались почти без боеприпасов. Сведений об отрядах, оставленных на станциях, не поступало. Начальник штаба, вылетевший самолетом со станции Шипово для организации боевых действий, тоже молчал. Тогда командующий сам оценил обстановку и отдал приказ о дальнейшем отступлении. С утра 11 мая части начали отход. При этом красноармейцы с большим трудом отбивались от наседавшего противника. Чапаев с Николаевскими отрядами прикрывал отступление.

Эту задачу они выполнили очень достойно: отбивали многочисленные атаки, сдерживали врага, во много раз превосходившего по численности, и тем самым обеспечили организованный отход армии.

12 мая красногвардейские отряды полностью оставили земли Уральской области. В результате боев и отступлений бойцы были истощены, морально подавлены и обессилены. Дисциплина при этом сильно упала. А неустойчивые элементы упорно разжигали в отрядах недовольство. Новоузенцы, узнав о вторжении казаков в их родные места и нависшей угрозе их семьям и родным, оставили Озинки и ушли в Новоузенск.

Аналогичное положение создалось и в некоторых волостях Николаевского уезда.

В бывшем имении помещика Зейферта перебили членов

сельскохозяйственной коммуны. Зверскую расправу учинили они и в селе Семеновка, где было вырезано до 200 человек — советских работников, активистов, красноармейцев и женщин с детьми. В отрядах Чапаева находилось 150 человек из этого и других сел. Узнав о зверствах, творимых там кулаками, они обратились с просьбой разрешить им выехать на помощь для защиты своих детей.

Василий Иванович был в затруднительном положении, так как обстановка ещё больше осложнилась. Казаки заняли станцию Озинки. А сильно ослабленные отряды красных отошли на станцию Алтата. Туда же было приказано отойти и ему самому. Так как он в это время находился в селе Натальино, в восьми километрах севернее. Но отказать боевым товарищам он не мог. Просто не имел морального права. И тогда он выделяет из отрядов часть бойцов. Командиром назначает Семена Потехина и отправляет эту часть в село Семеновну.

Сам же Чапаев прибыл в село Дергачи (ст. Алтата), согласно приказа, который получил накануне. Туда же доставили и донесение от Семена Потехина, в котором говорилось: «После упорного боя в 8 часов 18 мая занял село Семеновку и освободил из заключения 500 человек... Жду дальнейших распоряжений».

Хоронили жителей села 19 мая. На похоронах присутствовал и Василий Иванович, приехавший из Алтаты. У братской могилы лежало 200 человек. А рядом в скорбном молчании стояли тысячи человек...

Чапаев начал говорить прощальное слово. Но голос его срывался, а глаза становились ещё ярче и злее от совершенного злодейства. Постепенно он овладел собою. Он говорил, что именно так поступают хозяева со своим народом, если тот заявляет о своем праве на жизнь. И единственный путь — это беспощадная борьба с мироедами. В заключение он призвал всё трудовое население помогать Советам и Красной Армии.

Над растерзанными телами родных, близких и детей чапаевцы поклялись драться с противником до последнего дыхания, до последней капли крови. Под прощальные оружейные залпы похоронили погибших. Многие жители сел здесь же, около могилы, вступили в отряды к Чапаеву.

С поражением Саратовской армии в уральской операции ужесточились контрреволюционные выступления по всему Поволжью. 16 мая вспыхнули мятежи в Саратове, Самаре, Нижнем Новгороде и других городах. И хоть поражение частей Красной Армии вызвало волну мятежей, оно также активизировало слои трудящихся. В помощь Саратовскому Совету из Москвы прибыл

батальон добровольцев численностью в 600 штыков, из Пензы — отряд в 800 штыков, из Балашова — 380 штыков.

А 12 мая в Николаевске проходил V чрезвычайный уездный съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Василий Иванович Чапаев с группой соратников выехал в Николаевск для участия в этом съезде.

Съезд должен был провозгласить Николаевский уезд Трудовой социалистической коммуной. А затем решить ряд хозяйственных вопросов, связанных с переходом на «социалистические рельсы хозяйствования и производства».

Однако на первых же заседаниях эсеры стали создавать панику среди делегатов, утверждая, что отряды Красной Армии под Уральском «порублены на капусту». Вениамин Ер мощенко, а вслед за ним и Василий Чапаев категорически опровергли эти провокационные слухи. Но эсеры на этом не успокоились. На другой день их приспешниками в зал заседаний была брошена бомба. От взрыва пострадало несколько человек.

Перед лицом этих провокаций после доклада председателя уездного совнаркома В.И. Ермощенко было решено:

Съезд объявить прерванным по ликвидации контрреволюционного восстания в Уральске.

Выбрать из состава съезда исполнительный комитет.

Город Николаевск, а также весь уезд объявить на осадном положении.

Всю власть передать военно-революционному комитету, выбранному из состава исполнительного комитета.

Делегаты съезда разъезжаются по местам организовывать добровольческие отряды красногвардейцев и сами становятся во главе их.

Съезд обратился к трудящимся со специальным воззванием:

«Товарищи и рабочие и крестьяне!

В то время, когда враг уже на пороге, мы, ваши избранники на 5-м Учредительном крестьянском съезде Николаевского уезда, обращаемся к вам с призывом встать под ружьё для защиты нашей революции от Уральского казачества. Мы обращаемся к вам, рабочие и крестьянская беднота, если вы хотите удержать землю и волю, стать в ряды Красной Армии во главе с представителями от Советов для борьбы с казачеством. Мы, ваши избранники, не можем сидеть и обсуждать обыденные дела во время, когда враги со всех сторон атакуют нашу революцию, и мы решили разъехаться по местам для организации добровольческих отрядов Красной Армии, во главе которых мы пойдем против

казачества. К этому мы, товарищи, вас призываем. Всё здоровое население должно стать под ружьё... Мы, делегаты 5-го Учредительного крестьянского съезда, призываем вас в ряды Красной Армии».

После окончания съезда Чапаев с группой добровольцев, среди которых было много делегатов, выехал в Дергачи, где в это самое время располагались николаевские отряды. По его предложению последние вновь были реорганизованы в полк РККА трехбатальонного состава. Его командиром были избраны Топорков И.П., комиссаром — И.Н. Демидкин, командирами батальонов — А. Инюткин, И.М. Плясунков, И. Баулин.

Вслед за этим из некоторых переформированных подразделений, ряда красногвардейских отрядов и вновь прибывших добровольцев Василий Иванович создал 2-й Николаевский полк, командиром которого на первых порах был он сам. А в июле 1918 года этот полк возглавит бывший подпрапорщик Д.И. Курсаков.

Эти два полка были слиты в 1-ю Николаевскую бригаду. Комбригом её командование утвердило Чапаева, комиссаром — Я.А. Белолипова.

29 мая ВЦИК вынес постановление о мобилизации в некоторых районах страны, где разгорелась вооруженная борьба с контрреволюцией. В постановлении говорилось, что «переход от добровольческой армии ко всеобщей мобилизации рабочих и беднейших крестьян повелительно диктуется всем положением страны, как для борьбы за хлеб, так и для отражения обнаглевшей контрреволюции, как внутренней, так и внешней».

Принимались активные меры по организации войск и для борьбы с уральским казачеством. Образовался Уральско-Оренбургский фронт. Саратовская армия пополнялась людьми и вооружением. Отдельные красногвардейские отряды объединялись в роты, батальоны и полки.

Рейды уральских казаков в пределы Николаевского уезда продолжались. Продолжались и восстания с мятежами. Один из отрядов Красной гвардии под командованием Санталова, находясь в Любицком, 29 мая был окружен белоказаками. И Чапаев пошел его освобождать, имея только 200 человек, которые только что пришли в его подчинение.

Командиру 1-го Николаевского полка Топоркову пришла записка следующего содержания:

НЕ ПОЗДНЕЕ 29 МАЯ 1918
ТОВАРИЩ ТОПОРКОВ, дайте немедленно помощи. Санталова

отряд бежал в Любитское, окружен. Я с 200 людьми иду на выручку. Казаков много, число указать не могу. (Село) Порубежка в руках казаков.

ЧАПАЕВ

1-2 июня полки Топоркова и Чапаева выбили противника из Семеновки, Клинцовки и нанесли ему поражение.

Несмотря на проделанную работу, объединение красногвардейских отрядов в части регулярной Красной Армии проходило все же без должного размаха и решительности. Пополнение личным составом, вооружением и всем необходимым в Саратове было крайне неудовлетворительно. После подавления мятежа в Саратов прибыла высшая военная инспекция РККА во главе с Н.И. Подвойским. Были заслушаны доклады командования Саратовской армии о неудавшемся походе на Уральск и принято решение о смене командования армии.

Новым командующим был назначен старичок А.А. Ржевский. Он был бывшим полковником, начальником оперативного отдела армии в первом её походе. И, кстати, крайне бесталанным в области военного искусства. А по личному настоянию Подвойского, руководство боевыми действиями армии передавалось от Саратовского Совета командующему Уральско-Оренбургским фронтом, штаб которого находился в Самаре.

Но с отъездом командующего фронтом в Самару связь со штабом фронта прервалась: Самара оказалась захваченной чехословацкими мятежниками.

Чехословацкий мятеж начался 25 мая. Он был очень хорошо спланирован руководителями Антанты. Белочехи захватили Пензу, Самару, Челябинск и Омск. Мятежами охватило Поволжье, Урал, Сибирь. В Самаре, Омске и некоторых других городах образовались «правительства». Хотя в самой Самаре ещё и до чехословаков был создан «Комитет членов Учредительного собрания» (Комуч), прозванный в народе «учредилкой».

Николаевский и Новоузенский уезды оказались между чехословацкими войсками и уральским казачеством. И тот и другой враг был способен в любое время нанести удар, двигаясь навстречу друг другу. Сведения о происходивших событиях поступали скудно и преимущественно от лиц, бежавших из районов, занятых чехословаками.

Командование же Саратовской армии, несмотря на резкое

изменение обстановки и плохую осведомленность о событиях в районе Самары, продолжало вести подготовку частей к наступлению на Уральск. Ни сведений о силах, ни сведений о группировках и намерениях уральских казаков в штабе армии не было. Считалось, что казаки могут только находиться на границе Уральской области на двух направлениях — в районах Семиглавый Мар и Александров-Гай.

Командующий Армией Уральского фронта А.А. Ржевский с поспешностью докладывал в оперативный отдел наркомата по военным делам его начальнику С.И. Аралову:

№25 Не ранее 9 июня 1918 года

«Доношу, что 6 июня в 8 часов 1-й Николаевский полк под командованием т. Топоркова вверенной мне армии, двигаясь из Жестянки, что северо-восточнее ст. Алтата, по направлению на хут. Пигари, прибыл на хутор. Население сообщило, что в с. Балаши стоят 700 казаков и бежавшая буржуазия из сел Семениха, Жестянка и других мест Николаевского уезда. Из (хут.) Пигари полк двинулся на Балаши. Сбив заставу, он подошел к селу. Казаки, не выдержав натиска, позорно бежали, преследуемые нашим артиллерийским огнем, причем нами было отбито две парные брички с овсом, два парных тарантаса с печеным хлебом и фуражом. Потери казаков в этих боях с этим полком таковы: 3 5 подвод раненых и 6 убитых. С нашей стороны потерь не было. При разговоре с местными жителями с. Балаши и ближайших сел поступали заявления, что члены Совета были приговорены казаками к смертной казни, но при нашем быстром натиске казакам пришлось оставить свои кровавые начинания .

2-й Николаевский полк под командой т. Чапаева двигаясь левее 1-го полка на дер. Солянка, сбил на своем пути натиск казаков и, перейдя в контрнаступление, разбил казаков наголову, забрав у них свыше 3 00 (голов) рогатого скота и 2 00 лошадей. Во время боев названного полка с казаками последние понесли огромные потери, не поддающиеся никакому исчислению.

Из Новоузенска от 9 сего июня получены следующие сведения: Александров-Гай разбит, операция с казаками закончена. Войска временно отступили, дабы не оставить Новоузенск безнадежным. Во время бомбардировок Александрова-Гая казаки и соглашатели из села вышли в степь, неся большие потери. С нашей стороны один ранен.

Командующий армией
Уральского фронта:

РЖЕВСКИЙ

Комиссары вооруженных сил
Уральского фронта
ЛЕВИН
МОЛДАВСКИЙ

Войска Саратовской армии сосредотачивались для наступления в трех районах. Группа отрядов, возглавляемая Винерманом, находилась в Новоузенске, имея задачу — овладеть Александровым-Гаем. Главные силы, предназначавшиеся для наступления в направлении Озинки и Уральска, сконцентрировались в районе Дергачей. А третья группа, в которую входили Николаевские полки, занимала Балаши и Малаховку. Её задача — наступать во фланг и тыл противнику в направлении Семиглавого Мара.

Наступление на Уральск командование армии связывало с восстановлением железной дороги, которую казаки систематически разрушали. И потребовался почти целый месяц, чтобы очистить от противника станцию Озинки и восстановить железнодорожное полотно.

5 июня пал Александров-Гай и для его освобождения потребовались дополнительные силы. Но те, не выполнив задачу, отошли на защиту Новоузенска. 7 июня казаки атаковали 1-й Николаевский полк в Балашах. Но понесли при этом поражение, оставив полку большие трофеи. Там они потеряли 65 человек убитыми и около 200 ранеными.

11 июня на хуторе Петров казаки принуждали мужское население вступить в их ряды. Извещенный жителями Чапаев выслал кавалерию 2-го полка с пулеметами. Противник бежал, бросив 135 голов скота, отнятого у населения.

А 19 июня казачья конница до 3-х тысяч человек проследовала через Семиглавый Мар и хутор Коровин. 20 числа, на рассвете казаки атаковали 1-й Николаевский полк в Балашах. Завязался ожесточенный бой. И только с помощью 2-го Николаевского полка, ударившего в тыл и во фланг противнику, его удалось отбросить.

В результате чехословацкого мятежа и активизации уральских казаков нависла угроза над Новоузенском и Николаевском. 18 июня командование армии объявило уезды на осадном положении и все равно продолжало заниматься восстановлением железной дороги.

И наконец 21 июня командарм отдал приказ Николаевским полкам овладеть станцией Семиглавый Мар.

№ 310 21 июня 1918 года

«Предписываю с получением сего сейчас же перейти в наступление и занять станцию Семиглавый Мар.

Командующий армией (подп. отсутств.)

Военный комиссар (подп. отсутств.)

С исходного положения части выступили, но каждая своим маршрутом. Конечным пунктом было соединение у Семиглавого Мара. Но с утра 22 июня противник встретил наступавших у хутора Коровин. Их было не менее 16 сотен. Однако концентрическими ударами и огнем артиллерии им был нанесен большой урон. В конце концов, их спасло то, что местность была пересеченной и высокая маневренность. А то бы полный разгром казакам был бы обеспечен. В этот день Семиглавый Мар был взят нашими. А дорога от границы Уральской области до станции Семиглавый Мар оказалась разрушенной.

И снова старикашка Ржевский спешит с донесением:

ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО АРМИЕЙ УРАЛЬСКОГО ФРОНТА А.А. РЖЕВСКОГО НАЧАЛЬНИКУ ОПЕРАТИВНОГО ОТДЕЛА НАРКОМАТА ПО ВОЕННЫМ И МОРСКИМ ДЕЛАМ С.И. АРАЛОВУ О ХОДЕ НАСТУПЛЕНИЯ НА УРАЛЬСКОМ НАПРАВЛЕНИИ И ЗАНЯТИИ станции СЕМИГЛАВЫЙ МАР.

№ 334 22 июня 1918 г.

К утру 22 сего июня были выдвинуты наши части против казаков, находившихся у Коровина хутора на дороге между Балашами Камышлакскими и ст. Семиглавый Мар. Казаки были взяты в кольцо выставленной нами артиллерией. В дальнейшем предполагалось концентрическим наступлением захватить казаков в пехотное^кольцо. Казаки избежали полного разгрома лишь благодаря крайней пересеченной местности на участке здешних Синих гор и бегству, имевшему панический характер. Урон со стороны казаков под действием нашего артиллерийского ураганного огня — огромный. Со стороны казаков было выставлено до 16 сотен. Станция Семиглавый Мар нами занята. Разрушенный совершенно участок железной дороги от казачьей границы до станции спешно восстанавливается. Настроение в

войсках отличное.

Командующий армией
РЖЕВСКИЙ
Военный комиссар Уральского фронта
ЛЕВИН
Заведующий оперативной частью
МЕЛЬНИКОВ

Дальнейшее наступление армии было приостановлено в связи с приездом представителя Советского правительства Ф.М. Неусыпова, командированного в Уральск для переговоров о мирном урегулировании конфликта. Прибыв в расположение 1-й Николаевской бригады Чапаева, Неусыпов рассказал красноармейцам о цели своей поездки. Это было ещё одно бесполезное обращение Советского правительства к казачеству с предложением признать власть народа и прекратить кровопролитие.

Правители Уральска мириться не хотели. Они в звериной злобе убили Неусыпова, а сопровождавших его красноармейцев после долгих издевательств и пыток отпустили, наказав, чтобы те расходились по домам, иначе их постигнет неусыповская участь.

Телеграммой от 26 июня Реввоенсовет Восточного фронта потребовал отказаться от восстановления железной дороги. Так как командарм Ржевский был по-прежнему ею занят и бомбил бодрыми сводками наркомат об успешном её ремонте. И что якобы войска активно отбивают налеты противника, нанося ему большие потери...

Чапаев стоял в селе Меловом, в 25-ти километрах северо-восточнее Семиглавого Мара. 27 июня он отправил стрелковую роту в хутор Цыганов. Там расположилась сотня казаков. Красноармейцы отбили у противника 20 семей, которые те угоняли с собой, косяк лошадей, сотню коров и пятерых казаков, которые сопровождали свой трофей.

Позже Василий Иванович сообщал в своем донесении в штаб армии Восточного фронта:

30 июня 1918 г.

Довожу до сведения, что 27 июня было столкновение с казаками на хут. Цыгановом, куда было послано 50 кавалеристов

и рота пехоты, где была одна сотня казаков. Нами казаки были выбиты, отбито 2 0 казацких семей, которые бежали вместе с ними. Захвачен косяк лошадей, стадо коров и с ними 5 казаков. Разбитая сотня просила помощи и главных сил (из) с. Красненькое, откуда посланы наперерез один полк (пехоты) кавалерии при трех орудиях, которые атаковали нашу роту , но мы успели своевременно выслать два батальона, и бой дошел до широкого размера. Батарея противника выпустила 2 00 снарядов.

Место сражения было между Большой и Малой Ичками, где в долине стояла батарея противника. Пехота перешла в наступление с обеих сторон. В 8 часов вечера полк кавалерии пошел облавой на фланги, где был слева встречен 1-й ротой пехоты, а справа нашей кавалерией. Пехота сошлась на расстоянии 400 шагов, уже с той и с другой стороны готовились к штыковой атаке, но в это время нашим оружейным огнем была сбита батарея противника и стали бить по коневодам. Пехота противника дрогнула и стала убегать, но преследовать (её) было невозможно, потому что стало темно и мы далеко отошли от своих главных сил, где находился парк.

По словам вольных жителей, всю ночь казаки убирали тела оставшихся на поле; особенно много побито лошадей. У нас раненых два человека и один разбил ногу — упал с орудия во время преследования противника.

Командир полка,
Командующий Николаевской Бригадой
Чапаев

О другом бое командарм Ржевский докладывал в своем рапорте от 1-го июля, что люди воюют неплохо: два полка кавалерии и два полка пехоты противника с артиллерией и пулеметами налетели на наши части, стоящие в Меловом. Но в результате боя противник потерял много убитыми, ранеными и в итоге просто бежал. Также бросил разбитое орудие, транспорт, канцелярию штаба полка с печатями и перепиской. А ещё ими был брошен табун лошадей и гурт скота.

Всё правильно. Люди воевали неплохо. Если можно так сказать. Если можно вообще сказать о таком самоотверженном героизме — «неплохо»... И по ходатайству всё того же командарма Ржевского Саратовская армия стала именоваться «ОСОБОЙ»... Хотя значительных перемен от её переименования не произошло. Несмотря на тяжелейшие условия, в которых воевали

наши части, Ржевскому казалось, что продвижение армии слишком пассивно. Что задержка движения на Уральск происходит вследствие необходимости восстановления железной дороги. При крайней напряженной работе, докладывал он командующему Восточного фронта, восстановлено лишь 60 верст до станции Семиглавый Мар и далее 8 верст в сторону Шилова.

Вот протокол совещания при штабе Особой армии Восточного фронта о наступлении на Уральск.

3 июля 1918 г.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: Командующий армией Ржевский Военный комиссар Левин

Зав оперативн. отделом Мельников

Командир 1 Московско-Саратовск. полка Аброскин

Командир 1 Новоузенского полка Решетников

Военный комиссар 1 Новоузенского полка Сафонов

Командир бригады Николаевских полков Чапаев.

СЛУШАЛИ: 1. План наступления и распределение сил.

ПОСТАНОВИЛИ: 1. Наступление на Уральск необходимо. По сведениям противник сгруппировался в Красненьком в составе нескольких конных полков, вследствие чего и придется дать там первый бой, пополнить запас снарядов и продовольствия и идти дальше.

2. Распределение сил должно последовать в следующем порядке: база — Семиглавый Мар (отдел снабжения, артиллерийский парк, штаб и т.д.); прикрытие базы — Пензенский отряд, комендантская рота и бронированный поезд. Вторая база — Озинки. Прикрытие — Тамбовский отряд.

3. Действия (при) наступлении:

а) На гору Ичка произвести демонстрацию Московско-Саратовским и Новоузенскими полками.

б) Обстрелять противника из орудия бронированного поезда по направлений хут. Кузнецова.

в) после демонстрации на гору Ичка сделать захват последней, для чего удар развить под артиллерийским огнем орудий Московско-Саратовского полка, пяти Новоузенского и с левого фланга — шести орудий Николаевских полков. Последние выходят на правый фланг казаков.

Тыл до Чалыклы и находится в распоряжении военного руководителя т. Сапожкова.

СЛУШАЛИ: 2. О времени наступления.

ПОСТАНОВИЛИ: 1.Наступать всем частям, перечисленным в пункте «а», одновременно в 4 часа утра по новому времени 5 сего июля, для чего всем командирам для общей согласованности сверить часы.

2. Всем командирам 4 сего июля заблаговременно представить схемы с обозначением направления взводов , рот и батальонов и строго придерживаться порядка наступления.

Командующий армией
РЖЕВСКИЙ
(Военный комиссар)
ЛЕВИН

Ровно в 4 часа 5 июля войска армии перешли в наступление. В тяжелых боях они овладели хуторами Цыганов, Красненький, Торопов и высотами Большая и Малая Ички.

Чапаев докладывал командарму, что на станции в Зеленом находятся полки, выбитые из Ермошкина, и туда же отошел полк из Шипово. И что атаковать силами одного полка, оставив второй на обеспечение тыла и левого фланга, он не решился.

С утра следующего дня наступление продолжалось. Через несколько часов пути невыносимая жара и пыль ослабили движение. Люди стали выходить из строя. Расслабленные бойцы медленно брели, опираясь на винтовки. И даже не обращали внимания на обстрел со стороны встречавшихся на пути казачьих разъездов. Слабые атаки противника отбивались пулеметным огнем и артиллерией.

В трех километрах западнее станции Переметное неожиданно из высоких хлебов поднялась пехота противника и энергично пошла в атаку на бригаду. Завязался сильный огневой бой. Полки Чапаева, встреченные таким организованным огнем, уже готовы были залечь. И такие минуты, к сожалению, бывают губительными для войск. Нужен был какой-то толчок или личный пример.

И тогда Чапаев поскакал с обнаженной шашкой вдоль фронта с криком: «Вперед!!!» Нуждавшиеся в поддержке своего командира бойцы с криками «Ура!!!» устремились в атаку. Неприятель сразу усилил огонь, но это уже не останавливало наших бойцов. Почти не чувствуя усталости, они мгновенно ворвались в окопы белоказаков. И пехота неприятеля побежала прочь, бросив вещевые мешки и винтовки, сапоги и боеприпасы. Преследование продолжалось до станции Переметное. Но там оказала сопротивление спешившаяся казачья конница.

Прошло немного времени — и оно тоже было сломлено. Переметное было взято. Противник нес огромные потери.

Армия шла на Уральск. В авангарде находилась бригада Чапаева. За ней следовали Новоузенский и Московско-Саратовский полки. Выбив две сотни казаков из хутора Халилова, Чапаев продолжал движение. При подходе к озеру Камыш- ково повернул бригаду на северо-восток и повел наступление против выдвигавшейся пехоты противника в 1000 штыков.

А в это время казачье «войсковое правительство» готовилось к защите Уральска довольно энергично. Были мобилизованы все силы, пополнение приходило за пополнением. И, в конце концов, «правительство» обратилось к самарским учредиловцам. Через них казачество получило от чехословаков партию тяжелых пулеметов, огромное количество боеприпасов и броневиков.

Брать Уральск было сложно. Сложно ещё и потому, что подступы к нему были ох как не легкие. С севера — путь в город преграждают реки Деркул и Чаган, с юга и юга-востока — река Урал, с запада — Чаган. Казачье командование в победе было просто уверено. Но все же оборону выстраивало активную. С сильными атаками и наступлением. С этой самой целью река Чаган была оставлена позади позиций, а отступление исключалось. На флангах северо-западнее Уральска сосредотачивалась конница.

Чапаев доносил в штаб:

... после боя в пос. Ермишкино полки противника отошли в Зеленый фортпост, где портят станцию Деркул, которую при всем моем желании нужно сохранить, но одному полку двигаться вперед рискованно. Противнику пришло подкрепление ещё из Шипово, один полк кавалерии, который нами обнаружен, обстрелян артиллерией. В настоящее время против нас стоят три полка, и один полк по продвижении нас с Цыганова хутора ушел туда, но влево, как видно из слов жителей Цыганова хутора, ушел в с. Таловый.

Мы свою задачу выполнили свято, но вы почему-то задерживаетесь и не даете нам ходу. Солдаты рвутся вперед. При содействии BaifleM желательно было бы на третьи сутки обедать в Уральске. Ждем вас.

Бригадный командующий
Чапаев
Начальник штаба .....

Наконец командарм Ржевский отдал приказ Николаевской бригаде взять Уральск, Новоузенскому полку обеспечить правый фланг бригады с юга, Московско-Саратовскому полку прикрыть тыл и охранять обозы.

Когда бригада перешла в наступление, оборонявшиеся встретили её пулеметным огнем и стало ясно, что противник стойкий и намерен дать решительный бой. Наступление развивалось крайне медленно. Казаки отходили, оставляя на флангах пулеметы, которые сильным косоприцельным и фланговым огнем прижимали цепи наступавших к земле.

Бригаде удалось продвинуться вперед лишь на два километра. Намереваясь поднять полки в очередную атаку, Чапаев послал связного к соседу с просьбой не отставать и ликвидировать разрыв между бригадой и Новоузенским полком. Через час новоузенцы дружно поднялись в атаку.

Всю ночь противник вел огонь и демонстрировал атаки. А с рассветом атаковал конницей с юга. Пострадали обозы в районе хутора Халилов. Погибло около ста красноармейцев. С началом действий казачьей конницы в тылу управлению армии пришлось перейти в район обозов.

В полдень по приказу командующего части перешли в наступление. Начался упорный огневой бой. И до конца дня удалось продвинуть наши части на 3 километра. Чапаев вышел к реке Чаган. Но только под вечер того же дня противник при поддержке броневика и артиллерийского огня с бронепоезда заставил полк отойти.

За неделю силы частей заметно поубавились. Запасы заметно истощились, а подвоза провианта так и не последовало. Красноармейцы воевали голодными. Командарм Ржевский приказал держаться на занятых позициях до прихода транспорта. Только противник перешел в атаку и снова отбросил части на прежнее положение.

Сил для борьбы уже не было, да и конница казаков парализовала действия наступавших.

Армия оказалась в тяжелейшем положении. Изможденные и измученные боями, красноармейцы более двух суток питались лишь колосьями ржи. В войсках росло недовольство. Надежды на подвоз боеприпасов и продовольствия стали

нереальны. К тому же командование, проявлявшее и ранее пассивность, теперь и вовсе бездействовало: начальник штаба Тихон Хвесин, находившийся во время боев на станции Семиглавый Мар, ждал восстановления железной дороги, чтобы отправить транспорт с охраной. Командарм же в это время,

господин Ржевский, слег в лазарет. Заболел, видите ли. От ответственности...

Обеспокоенные создавшимся положением, командиры прибыли в штаб бригады. Из докладов заместителя начальника штаба армии выяснилось катастрофическое положение войск.

Нависла угроза полнейшего уничтожения армии. И тогда на совещании пришли к окончательному выводу, что необходимо отступать. Опять отступать...

Возглавить управление войсками доверили Чапаеву. Тут же на совещании был выработан план отхода, который немедленно стали приводить в действие.

В ночь на 13 июля бесшумно снялись с позиций. В окопах оставалась лишь спешившаяся конная разведка полков. Некоторые участки железной дороги Чапаев приказал заминировать. В полночь чапаевские полки снимались последними, оставив на позициях от каждого полка по роте. Хотя до отхода полков артиллерия вела редкий, беспокоящий огонь по противнику, давая тем самым понять, что войска стоят на месте. Так притуплялась бдительность казаков. Оставленное прикрытие вело перестрелку до самого рассвета, после чего снялось и выступило вперед за ушедшими частями в Переметное.

В авангарде отходивших частей шел Московско-Саратовский полк, в арьергарде — полки Чапаева. Всю ночь войска шли безостановочно. Остановившись утром на привал, бойцы валились с ног и тут же засыпали, не получив и куска хлеба.

Обнаружив отступление, командование противника направило для преследования конницу, бронемашину и бронепоезд. Когда войска готовились к движению после привала, охрана бригады Чапаева заметила бронемашину. Артиллерийская батарея изготовилась и открыла по ней огонь. Но он был не точен.

Бронемашина, маневрируя, приблизилась и открыла огонь.

Обозы с красноармейцами понеслись вперед. Произошло замешательство и в рядах частей, готовых последовать обозникам. И только появление выехавшего вперед Чапаева возымело действие. Бестолковщина прекратилась. Бойцы быстро успокоились и стали занимать места в боевых порядках. Батарейцы, видя, что они не оставлены пехотой, спокойнее и точнее повели огонь. Скоро один снаряд угодил прямо в броневик противника. Тот встал на месте. Плененный экипаж машины показал, что у разъезда Ростошский подорвался их бронепоезд.

Но вскоре показалась конница казаков. Её полки

развернулись и, обнажив клинки, пошли в атаку. Чапаев приказал широко не рассыпаться. И таким образом принял боевой порядок почти вкруговую. Подпустив конницу на дальность действительного огня, батареи открыли огонь.

Всадников будто скосило. Не отбить атаку, а тем более дрогнуть перед конницей — означало верную гибель. Противник не выдержал губительного огня — и отхлынул, понеся огромные потери.

Стойкость и организованность чапаевцев передалась и другим частям. В них тоже установился порядок, и войска за время отхода не паниковали. Конница противника, оцепив отступающие войска, весь день продолжала их обстреливать, но пойти в атаку так и не решилась.

Беспрерывный марш, равный 75 километрам, был совершен голодными людьми под огнем противника с колоссальным напряжением моральных и физических сил.

Утром бойцы были подняты огнем противника. Был отдан приказ продолжать движение, но около четвертой части личного состава стрелковых полков не могли двигаться от потертости ног. До полудня размещали больных и обессиленных на лошадей и обозы. Движение от этого было чрезвычайно медленным. И при подходе к Семиглавому Мару казаки навязали красноармейцам ещё один бой. Они намеревались добить измученных красных. Красноармейцы экономили патроны и отражали атаки только организованным огнем.

В первой половине дня 15 июля главные силы армии вошли-таки в Семиглавый Мар. Бригада Чапаева остановилась и взяла их на прикрытие с юго-востока. Воины, наконец, получили горячую пищу, отдых и боеприпасы.

Противник продолжал распространяться на запад. Опасаясь быть отрезанным от Саратова, командарм приказал Московско-Саратовскому и Новоузенским полкам в 16 часов 15 июля выступить из Семиглавого Мара и занять Озинки. Через сутки под прикрытием Николаевской бригады с севера до Синих гор и пензенцами с юга из Семиглавого Мара убыли последние поезда.

Николаевская бригада выполнила свою задачу сопровождения.

Второй поход на Уральск был ОКОНЧЕН.

Глава 7. Эти нелёгкие победы

Военная интервенция всё расширяла и расширяла свои границы. А Красная Армия только-только зарождалась. Пеехоод от добровольческих частей и отрядов в регулярную армию проходил болезненно и трудно. Народ устал от войны и мобилизовывался с трудом.

Восстание Чехословацкого корпуса создало смертельную опасность. Разоренные и слабые отряды красногвардейцев не могли противостоять чехословакам. Поэтому в районах усиленной опасности стали создаваться местные ревкомы, проводилась мобилизация, формировались отряды, «местные» армии и даже фронты.

Советом Народных комиссаров 13 июня 1918 года был образован Реввоенсовет Восточного фронта. А в июле началось формирование 1-й регулярной армии под командованием Тухачевского. Её задачей было повести войска против чехов.

В конце июля из отрядов, действовавших в районе Челябинска, Уфы и Самары, организовалась 2-я армия. Основу 3-й армии составили отряды Северного Урала под командование Берзина.

С 20-го июля 1918 года Особая армия получила название IV армии.

Несколько позже, в первой половине августа 1918 года, когда чехословаки уже захватили Казань, из частей, действовавших в этом районе, началось формирование V армии. 12 июля командующим Восточным фронтом (после расстрела левого эсера-предателя М.А. Муравьева) правительством был назначен бывший полковник И.И. Вацетис.

Захватив Самару, белочехи вскоре взяли Сергиевск, Бугуруслан, Абдулино, Бугульму, то есть половину Самарской губернии. 2 июля Дутов снова захватил Оренбург и в Бузулукском уезде соединился с белочехами. 6 июля белогвардейцы захватили Уфу, 22 июля — Симбирск, а 7 августа — Казань. Контрреволюционные силы Поволжья и Урала образовали единый фронт. Белочехи и самарские учредиловцы стали распространять свои действия на юг, стремясь изгнать с левобережной части Волги части IV армии, захватить Николаевский и Новоузейский уезды, а еще соединиться с уральским и астраханским казачеством. На правом же берегу Волги ими велось наступление с целью захвата Саратова. Дальше они должны были выйти в тыл войскам в районе Царицына и соединиться с донскими казаками.

29 июля Центральный Комитет РКП(б), рассмотрев вопрос о ходе интервенции и борьбе с ней, пришел к выводу, что судьба революции решается на Волге и Урале. Постановление ЦК партии о мероприятиях по укреплению Восточного фронта было направлено как циркулярное письмо во все комитеты РКП(б).

На основании декрета Совета Народных Комиссаров от 12 июня 1918 года началась мобилизация трудящихся 1893-1897 годов рождения в Приволжском, Уральском и Западно-Сибирском военных округах.

Огромную работу по мобилизации вели партийные организации на местах. В Самарской губернии в 1918 году наиболее успешно эта работа велась в Николаевском и Новоузенском уездах, где и было сформировано 10 и 5 полков.

Так, в Николаевском уезде, в конце июня, когда войска Особой армии выступили на Уральск, для борьбы с чехословаками была объявлена срочная мобилизация пяти призывных возрастов. На призывной пункт Николаевска явилось до 5000 человек. Мобилизацию проводили наспех и без должной подготовки. Среди призванных оказывалось много кулацких сынков, которые задавали антисоветский тон. Бойцы Николаевской бригады, отправившиеся в поход на Уральск, находились в то время в 150 километрах от города, в районе Семиглавого Мара. Однако, проявляя живейшую заинтересованность в успехе проводимой мобилизации, они в период затишья живо обсуждали поведение мобилизованных. Предлагалось доставить призванных в войска, а уж бойцы личным примером и путем убеждений постараются влить их в свои ряды.

Чапаев говорил, что нужно послать в Николаевск делегатов. И конечно же выразить желание видеть пополнение в своих рядах. Но только силой никого брать не следует. «Кто согласится, тот с нами, — говорил он, — кто не согласится, тот против нас». В подтверждение к сказанному была объявлена копия протокола духовницкого районного собрания от 23 июня, где говорилось, что восстанут от мала до велика. Но на «братоубийственную» войну не пойдут.

Делегация во главе с командиром 1-го Николаевского полка Топорковым была-таки послана. Но к её прибытию призванные разъехались по своим домам. Поведение мобилизованных в Николаевске и решение собрания в Духовницком районе говорили о многом...

Чапаев очень внимательно подходил к подбору своих кадров. Он к ним приглядывался и старался сразу, с самого первого,

взгляда определить, кто пойдет с ним в бой: «свой» или «чужой». Ждать или нет от них выстрела в спину?

Неизвестно, знал Василий Иванович или нет, но командование уральской армии тоже очень пристально к нему присматривалось. Именно к нему... Оно не могло не отдать должное его полководческим способностям. И оно видело в нем, пожалуй, самого опасного врага.

А поэтому в своих белогвардейских газетах старалось показать Чапаева чуть ли не палачом. При том Уральское казачество объявило через свои печатные органы за голову Василия Чапаева огромную по тем временам сумму денег. Действительно, в газете «Яицкая воля» часто мелькало имя Василия Ивановича, но его боевые дела толковались только в самом превратном свете.

Командование армии Самарской учредилки разместило в селе Липовки Николаевского уезда группу формирования белогвардейских частей. Окрестные сельские Советы были разогнаны, производились аресты сторонников Советов. Репрессировались семьи красноармейцев. Действия группы были настолько активны, что даже стали известны командующему фронтом. А в Народном комиссариате по военным делам зав. оперативного отдела С.И. Аралов телеграммой от 25 июля запрашивал командарма Ржевского: «Не ясно, кем занята Липовка?» После этого Ржевский приказал одному из помощников начальника штаба армии Буренину возглавить отряд и немедленно выступить в Липовку. Через сутки тот телеграфировал командарму: «Выехал из Саратова в 15 часов 25 июля, но только в час ночи 26 июля привезли в Анисовку. Сплошной саботаж между Увеком и Саратовом. Теперь еду с 300 красноармейцами Липовского отряда. Так как нет паровозов, прошу указать, куда направить отряд и куда ехать самому. Адресуйте на ст. Ершов где я буду ждать указаний».

Примечательно, что Увек — железнодорожная платформа на правом берегу Волги в Саратове, а Анисовка на левом берегу. И как видно из телеграммы, только на это и хватило способностей одного из руководящих работников штаба армии.

Только благодаря умелому управлению Василия Чапаева Саратовская армия при отходе на исходные рубежи была сохранена как боевая единица. И вошла в состав Восточного фронта. Фронт, как говорилось выше, был создан в связи с выступлением чехословацкого корпуса. Его эшелоны, растянувшиеся по линии железной дороги от Пензы до Приморья, оказались разбитыми на несколько группировок. Особо крупная, численностью до 8000 человек, находилась в районе Сердобска-

Балашова-Нензы.

Линия фронта проходила через Казань, Симбирск, Сызрань, Хвалынск и Вольск. Далее она шла по левобережью Волги через весь Николаевский уезд до Александрова-Гая. На участке Николаевск-Новоузенск-АлександровТай боевые действия вела белоказачья армия.

Захватив Казань, Симбирск, Уфу, Сызрань, Самару, группировка белочехов под командованием полковника Чечека слилась с так называемой «народной армией» Самарской «учредилки» и развила наступление в двух направлениях: по правобережью Волги на Хвалынск-Вольск-Саратов и по левобережью — по Самарскому тракту на Николаевск, стремясь соединиться здесь с армией уральских белоказаков.

Таким образом, Николаевский уезд превратился в крупный военный плацдарм с большим стратегическим значением.

В Реввоенсовете республики об этой ситуации говорили: «Находясь на стыке, вклинившись в расположение двух организованных центров контрреволюции (Самара и Уральск), город Пугачев (Николаевск) мешал координированию действий последних, что, естественно, было в пользу Красной Армии. Благодаря своему выгодному расположению (на фланге Самарского плацдарма) Пугачев, покуда находился в руках Красной Армии, висел постоянной угрозой для власти «Комуча» (Самарского учредительного собрания) и владение последнего Самарой, как и во всем Среднем Поволжье, не могло считаться обеспеченным. Отсюда понятны стремления эсеро-учредилов- цев-чехов овладеть этим важным стратегическим пунктом.

На левобережье Волги белочехам, войскам Самарской учредилки и казакам противостояла 4-я армия. В неё вошли Новоузенская, Уральская, Николаевская и Поволжская группы войск.

Бригада Чапаева оказалась в очень трудном положении. Отдохнуть от боев так и не удалось. Только-только вернулись из второго уральского похода, как тут же вынуждены включиться в ликвидацию целой полосы кулацких мятежей в уезде. Пришлось отражать натиски и казаков, и белочехов, и отрядов Самарской учредилки.

В донесении Николаевского уисполкома штабу 4-й армии указывалось:

«...Банды эти наводнили весь уезд, и бороться с ними уже пришлось не партизанским путем, а определенным боевым фронтом».

И все-таки, несмотря на всю сложность обстановки, Чапаев ни на минуту не прекращает деятельности по созданию новых регулярных подразделений. В июле он завершает создание 3-го Николаевского советского полка. Вслед за этим Василий Иванович создает 4-й Николаевский советский полк и реорганизует кавалерийский дивизион И.С. Сурова в кавалерийский полк. Тогда же на базе 2-го Балаковского красногвардейского отряда и некоторых других отрядов Красой гвардии Чапаев организует Балаковский полк. В конце июля бригада Чапаева была включена командованием 4-й армии в состав Николаевской группы войск, которой командовал Сергей Парменович Захаров.

В это самое время чапаевцы, как и другие красноармейцы, испытывали острейшую нехватку вооружения и снарядов. Всё это неизмеримо осложняло борьбу с вооруженными до зубов и прекрасно обмундированными белогвардейцами.

«...Полки в смысле снабжения оружием, снаряжением и обмундированием находятся в самом плачевном состоянии, — говорилось в том же донесении Николаевского уисполкома штабу 4-й армии, — около 2500 человек красноармейцев... в полном смысле босы, наги и без оружия, кроме того, масса оборванных и обтрепанных».

В конце июля — начале августа 1918 года левобережная группа войск белочехов и отрядов Самарской учредилки заметно активизировала боевые действия. Стоящий во главе чешский полковник Чечек создал две крупные группировки: одну в районе сел Марьевки и Ивантеевки, устремившуюся по Самарскому тракту на Николаевск, другую — в районе сел Духовницкое и Липовки, действующую в том же направлении через Балаково. Противник располагал мобильными, хорошо выученными частями белочехов и отличной конницей уральских казаков. А главное — он имел многократное численное превосходство...

По традиции, установившейся со времени ведения правительством выборности командиров, на совещании командно-политического состава полков 2 августа были оговорены кандидатуры на замещение должностей командиров соединения и частей

На должность начальника 1-й Николаевской дивизии был выдвинут Чапаев. На основании этого он, как временно исполняющий обязанности начальника дивизии сформированных полков, рапортом донес: «...что на объединенном собрании Николаевских полков и Балаковского отряда в присутствии комбрига Чапаева и военного руководителя Захарова нашли

нужным на выборных началах и с согласия Захарова назначить начальником 1-й Николаевской дивизии Чапаева, командиром 1-й бригады — Курсакова, 2-й бригады — Гаврилова, командирами полков Плясункова, Данилова, Баулина». Решение собрания просил утвердить.

Но командование 4-й армии с кандидатурой Чапаева не согласилось. Сформированные им полки были включены в Николаевскую группу, получившую наименование «Дивизия Николаевских полков».

Более того, вновь назначенный комиссар 4-й армии Зорин в телеграмме комиссару дивизии Семенникову 7 августа писал: «Предписываю Вам немедленно выяснить обстоятельства выбора начальником дивизии Чапаева. Штаб назначил и знает единственного руководителя Николаевской дивизии только Захарова. Напоминаю о декрете Совнаркома об отмене выборного начала. Ответственным за операцию является командарм Ржевский. Согласно декрету ему принадлежит право назначить соответствующих военных специалистов. Мое право санкционировать назначение. Немедленно выясните всесторонне личность Чапаева, его влияние на солдат. Укажите последним на недопустимость кустарным способом делать начальников. Штаб, политком Чапаева начальником дивизии не признают, он не имеет технической подготовки. Кроме того, Чапаев заражен манией самовластия, боевых приказов штаба не выполняет в точности. Это чрезвычайно опасно».

Василий Иванович беспрекословно подчинился приказу командующего армией о назначении Захарова начальником дивизии. Неутверждение Василия Чапаева начдивом для бойцов было не совсем понятно... Но самому Чапаеву времени на обиды личного свойства не было. Враги упорно шли на Николаевск и его надо было оборонять.

Чапаев выдвинулся навстречу противнику. Со своими полками он с боем взял Большую Таволжанку и Старую Порубежку. А ещё Ивановку. 2-я бригада под командованием Гаврилова овладела Селезнихой, Левинкой, Озинками и Озерками. Балаковский полк подошел к селу Бартеневка (Бортновка). Неудача постигла лишь Балашовский полк, который не смог закрепиться на занятых рубежах. Чапаев двинулся в эту Ивантеевку на помощь балашовцам. Там разгорелись кровопролитнейшие бои. Но вскоре чапаевцы стали теснить белых.

Прямо с боевых позиций Чапаеву пришлось ехать на заседание Николаевского уисполкома. Там ему предстояло

сделать доклад о боевых действиях. Доклад о борьбе Николаевских полков был встречен стоя под бурю аплодисментов. В протоколе говорится: «В знак благодарности все встали с мест, приветствуя народного героя за его боевые успехи».

Заседание вынесло решение: «Преподнести Николаевским полкам, доблестно сражавшимся, от исполкома в знак благодарности Красный флаг».

Это было первое революционное знамя, полученное чапаевской бригадой за боевые отличия в борьбе с врагами Советской власти.

«Надо отдать справедливость товарищам красноармейцам Николаевских полков, — говорилось в донесении Николаевского уисполкома штабу 4-й армии, — за их мужество и геройство, которые, несмотря на плохое вооружение, сражаются с противников, превосходно вооруженным, выше всякой похвалы и сметают целые отряды его с лица земли...»

Но утром 10 августа противник снова занял села Журавлиха и Камелик. Чтобы приостановить его выход в тыл нашим частям, Чапаев приказал командиру 2-го полка выступить из Старой Порубежки и овладеть селом Камелик. И попытка произвести маневр, чтобы атаковать засевшего в селе противника, обошлась очень дорого. Не было возможности не только подняться, но и оказать помощь многочисленным раненым, взывавшим о ней. В таком безвыходном положении полк пролежал дотемна, обливаясь кровью. С наступлением темноты цепи отползли из зоны действительного огня, и полк снова вернулся в Старую Порубежку. В бою было потеряно 135 убитыми и более 150 ранено.

Неприятель не понял состояние полка и не обнаружил его отхода. Однако наступать не решился. И оставленный эскадрон для наблюдения за противником обнаружил отход белоказаков и занял Камелик без боя.

С рассветом 11 августа чехословаки выступили из Ивантеевки и атаковали 1-й полк в Большой Таволожке. Полк не выдержал такого удара и откатился в Малую Таволожку. Спасти положение удалось лишь Чапаеву с помощью двух батальонов и эскадрона. Ободренные бойцы поднялись в контратаку, и противник был выбит. Большая Таволожка освобождена.

Таким образом, если и до этого дивизия в течение полумесяца вела бои отдельными полками на фронте протяженностью более 80 километров, то теперь один полк должен был патрулировать на юго-востоке, не допуская уральских казаков к Николаевску с тыла.

Странными казались Чапаеву приказы, идущие из штаба армии. Командирам полков приказывалось держать тесную связь между частями, выставляя промежуточные заставы, не находиться в населенных пунктах, а располагаться с биваками. И получалось, что полки, разбросанные на расстоянии 20-30-40 км друг от друга, в случае наступления врага на Николаевском и Балаковском направлениях сдержать его не могли, а парировать удары тоже было нечем: резервов не оставлялось...

Василий Иванович видел опасность складывавшейся обстановки: разбросанность частей дивизии и отсутствие мобильной группы для обороны Николаевска. Начальник дивизии ставил задачи непосредственно полкам, минуя командиров бригад. А полки бригады Чапаева разрывались на протяжении до 100 километров. К тому же выполняли различные задачи. Таким образом, Чапаев временно оказался не у дел. Он выехал в Николаевск и стал собирать резервы для защиты города. О сложившейся обстановке доложил Совету исполкома. Так, Березовскому Совету была направлена телеграмма с категорическим требованием немедленно провести мобилизацию пяти призывных возрастов и направить их для

формирования и вооружения в штаб 2-го Николаевского полка. Аналогичные срочные телеграммы были разосланы и в другие Советы, но, к большому сожалению, было уже поздно.

С рассветом 17 августа уральские казаки перешли в наступление на полки Уральской дивизии. Бои с белочехами становились всё напряженнее. Легионы белочехов и отряды Самарской учредилки сгруппировались у Ивантеевки и Марьевки, наступая. На следующий день ими была взята Ивантеевка. А затем, оттеснив 1-й Николаевский полк к Старой Порубежке, белочехи заняли село Раевку. После ожесточенного боя отошел к хутору Владимирский Балашовский полк.

3-й Николаевский полк, прикрывший непосредственно Николаевск, также был вынужден с боями отойти к Большой Таволожке. Ему попытался оказать помощь 1-й Николаевский полк, но белочехи, захватив единственную в этом месте переправу через реку Иргиз, заставили его отступить на левый берег к селу Старая Порубежка.

3-й Николаевский полк под давлением противника откатился к селу Преображеново, находившемуся всего в нескольких километрах от Николаевска. Балаховский полк, зажатый с двух сторон на хуторе Владимирском, также через Каменку отходит к Николаевску.

20 августа белогвардейцы произвели артобстрел Николаевска и, сбив подразделения 3-го Николаевского полка с занимаемых

позиций на городских окраинах, вошли в город.

«Бомбардировка города чехами началась неожиданно, — сообщала Николаевская газета «Известия». — Первый снаряд разорвался над бурсой во время заседания исполнительного комитета. Члены исполкома немедленно приступили к эвакуации ценностей. Во время вывоза последних члены исполкома были обстреляны белогвардейцами. Когда же подоспели на помощь красноармейские части и хотели войти в город, то белогвардейцы открыли сильный огонь. Они вели его с крыш, из окон, чердаков. Поэтому наши части были вынуждены очистить город и занять позиции за городом».

В этот критический момент в 1-й Николаевский полк прибыл Василий Чапаев. Здесь как раз собирались выполнять приказ начальника 1-й Николаевской дивизии С.П. Захарова: оставить Старую Порубежку и брать Николаевск в лоб. Оценив ситуацию и обстановку Чапаев приказал развернуть операцию по-своему. Приказ же начдива Захарова он отменил как ошибочный...

Первым делом он приказал комполка Плясункову отбить переправу через реку Иргиз. Комполка Кутякову, находившемуся в Карловки со своим полком, было предписано сделать обходной маневр и через село Гусиху выйти в тыл противника.

И здесь Чапаев придумал один хитрый ход. Лобовая атака белочехов через мост, как приказывал начдив Захаров, все- таки состоялась. Но...

Василий Иванович распорядился согнать весь крупнорогатый скот из близлежащих деревень. Его согнали и подвели к мосту. Впереди огромного стада шла цепь из бойцов. И все это сопровождалось невероятной пылью и шумом. Летом в Николаевске и без стада коров пыльно, а тут такое! Чехи на противоположном берегу Иргиза смотрели и видели, что на том берегу идет такое несметное полчище красноармейцев, что даже шум был слышан на их берегу. Разумеется, все силы были стянуты на мост. А в это время Кутяков обошел с фланга и зашел в тыл со своим полком. По приказу Чапаева первым делом надо было захватывать бронетехнику противника, а уже после расстреливать его из своего же орудия. Паника у белочехов началась невероятная: видано ли, техника взбесилась и их же расстреливает. Белочехи были окружены и полностью разгромлены. Чапаевцам достались богатые трофеи: множество обозов с имуществом и боеприпасами.

К ночи усталые чапаевские полки подошли к Преобра женке, где сделали кратковременную остановку. На совещании командного состава Чапаев предложил незамедлительно

наступать на Николаевск, чтобы выиграть время для внезапного удара. Однако неожиданное обстоятельство отложило наступление до утра. Ночью к расположению чапаевских полков подошел белочешский полк, двигавшийся на помощь белогвардейцам, захватившим Николаевск.

Разведка доложила, что к Пугачеву (Николаевску) двигаются воинские части. Бубенец вышел к первой телеге обоза. Оттуда донесся полусонный голос, сообщивший, что это чешская армия. Бубенец быстро сообразил, в чем дело, и, вытянувшись во фронт, стал «заговаривать зубы» чешскому полковнику. В это время Потапов связался с основными частями и через полчаса чехи были окружены. А ещё через полчаса наголо разбиты.

Чапаев действовал быстро и решительно. По его приказу Кутяков со своим полком подошел вплотную к белочехам и нанес по голове колонны фронтальный удар. Одновременно 1-й Николаевский полк ударил во фланг. В результате вражеский полк был наголову разбит, а его командный состав захвачен в плен.

Узнав об этом, засевшие в Николаевске белочехи спешно сбегали из города через Селезниху, на Марьевку.

Утром 21 августа Чапаев со своей бригадой вступил в Николаевск, горячо приветствуемый населением.

Газета «Правда» в статье «Крупные успехи нашей армии на чехословацком фронте» писала в те дни: «Разбиты наголову чехословаки у города Николаевска. Город в наших руках. Захвачен весь обоз противника, пулеметы, масса снарядов. Потери противника громадны».

Чапаева ждало ужасное известие: его дети Александр, Клавдия и малыш Аркадий бесследно исчезли из города...

А дело было так.

В тот день, когда белочехи заняли Николаевск, утром дети Чапаева играли во дворе. Пелагея Камишкерцева, как хозяйка, готовила завтрак. Вдруг Клавочка заметила на противоположном берегу Иргиза конницу. Она вбежала в дом и закричала: «Мама, мама, там папа скачет с бойцами». Пелагея выскочила на улицу, посмотрела на скачущих и сказала:

— Это не папа. У папиных бойцов шашки, а у этих пики. Это белые. Ой, что же нам теперь делать?

И в этот момент во двор на тарантасе въехал молодой красноармеец. Он приказал немедленно всем садиться в тарантас. Пелагея так и не вернулась в дом. Он хлестнул лошадь и быстрой рысью выехал со двора.

Красноармеец спешил вывезти семью Чапаева из города. Но было уже поздно. Всюду стояли часовые-чехи и жестами показывали, мол, поворачивай снова в город. Потеряв всякую надежду выехать из города, Камешкерцева попросила отвезти её с детьми к железнодорожному мосту. Она надеялась пройти под мостом и уйти в лес. Но и там путь был закрыт. В город возвращались медленно. Улица, которую проезжали, была абсолютно пуста. Подъехав к крайнему дому на ней, красноармеец вдруг остановил лошадь и спрыгнул. Он бегом забежал в дом и сразу крикнул, чтобы Пелагея с детьми быстро вылезала и шла в дом.

Дети спрыгнули и вбежали во двор. Там их ждал хозяин. Он выглянул за калитку и сказал: «Никого нет». Тогда красноармеец быстро вскочил на лошадь и умчался в город.

Хозяин взял детей за руки и сказал:

—Отныне вы — мои дети. А вашу мать мы спустим в погреб. Вы меня должны слушаться, а мою жену называть мамой. Поняли?

Пелагея было собралась уйти из дома, но хозяин ее перебил, сказав:

—Чехи развесили приказы, в которых говорится, что пустые и брошенные дома будут расцениваться как дома красноармейцев и комиссаров. Поэтому предлагается всем жителям Николаевска в 24 часа выдать все семьи красноармейцев. А кто вздумает укрыть их, того ждет та же участь, что и красных комиссаров. Через сутки будет везде повальный обыск. Так что садись в погреб и жди, пока не придут красные.

—А как же твоя семья? Что будет с ней, если нас обнаружат?

5. Если обнаружат, — немного помолчав, ответил хозяин дома, — убьют. Зверски. Но я хоть буду знать, за что погибаю. А так, отпустить тебя на верную гибель не могу. Я — человек, а не предатель. Так что, женщина, милая, полезай-ка в подпол.

После этого он прошел в горницу, отодвинул большой сундук, стоявший у стены, оторвал от пола доску, помог Пелагее спуститься в подпол, подал ей ведро воды, питание, кружку и постель. Потом снова забил оторванную доску, а щель в полу затер мокрой землей. Придвинул на место сундук и постелил на него постель для своей матери.

Ровно через сутки начался обыск. Постучались и в этот дом. На счастье это оказались два белочеха, которые ни «бум-бум» ни говорили, и почти не понимали по-русски.

Хозяева встретили их с хлебом и солью. Стол накрыли и все, что у них было припасено, — выставили. Чехи кушали яйца,

курочку, молочко, а потом пили хмельной квас и водку. Но обыск все же провели: обыскали двор, сарай и следом стали осматривать дом. Даже сундук открывали, на котором лежала старушка. Пересмотрев все, снова принялись за угощенье. Настроение у них было отличным, и они решили поговорить с такими милыми хозяевами.

—Чапа, Чапа... — говорил один из них.

Хозяин приложил руки к своим ушам и ответил:

—Чапа — слыхал, но не видал, — и снова приложил руки, но теперь уже к глазам. Белочехи заулыбались и закивали.

—Чапа, Чапа яроплан, Саратуфф, — показал рукой другой чех и налил себе рюмочку.

—Да — обрадовано ответил хозяин, конечно, Чапа струсил и вместе с женой удрал в Саратов, удрал, удрал...

Чехи закивали и, встав из-за стола, направились к двери. И в этот момент маленький Аркашка вдруг обиженно закричал, что было сил:

—Это не правда, наш папа не трус, он чехов бьёт!!! Папа не трус!!!

Хозяйка так резко побледнела, а хозяин дома так растерялся, что на минуту в доме воцарилась гробовая тишина. Чехи развернулись и смотрели на детей насупившись. В этот момент Клавдии пришло в голову, что надо как можно сильнее щипать Аркушку, чтобы тот заплакал. Она незаметно схватила его за выпирающую лопатку и больно царапнула. Тот, как и ожидалось, заорал дурным голосом. Началась обычная детская потасовка. Чехи плюнули и вышли вон. Ситуация была спасена.

Позже, ночью, хозяйка плакала и причитала:

—Глупые вы, глупые, да разве так можно было говорить! Да ведь если бы чехи по-русски чуть лучше понимали, висеть бы нам всем сейчас на осине! Глупые вы.

Всю ночь шел проливной дождь, гроза была такой сильной и казалось, что молния влетит в маленькое оконце избы. Дети не могли спать. Потом послышались канонады орудий. И теперь уже было не разобрать: где молния, где стрельба...

Утро следующего дня выдалось солнечным и необычайно тихим. Ребятишки, несмотря на предостережения взрослых, сразу же выбежали на улицу. Повсюду были огромные лужи, а на сухих местах валялись отстрелянные гильзы.

По улице медленно шли мокрые и грязные красноармейцы. Кто-то с трудом тащил пулемет, кто-то нес раненого на руках.

Вдруг в конце улицы показалась необычная телега. В неё были запряжены пара лошадей, и на козлах сидел красноармеец.

Лошади тихонько шли, а он спал, спустив руки между колен. Телега была не русской. Она была очень плотно сбита, борта у неё были высокими и, как потом узнали ребята, называлась полуфурком. Клавочка присмотрелась к спящему и узнала в нем Петра Исаева, боевого друга отца.

—Дядя Петя! — закричала она и бросилась к телеге. Петр вздрогнул и открыл глаза.

—Так вот вы где! А мы-то весь город обыскали, а вас и след простыл! Василий Иванович уж и надежду потерял...

—А нас в доме железнодорожника какой-то красноармеец спрятал, — начали рассказывать ребята наперебой, — а мать до сих пор в подполе сидит. Её туда хозяин дома заколотил!

—А ну-ка, садитесь быстрее ко мне в полуфурок, я вас к Василию Ивановичу домчу.

Ребятам дважды повторять не пришлось. Они быстро забрались в телегу и... почти там утонули в грязной жиже, которая скопилась за ночь. Щелей в бортах не было, и она стояла, почти не выливаясь. Но никто на такие неудобства и не обратил внимания.

Исаев стегнул лошадей и ещё присвистнул. Лошади помчались во весь опор, и детей обливало водой с головой. Грохот кованых колес привлекал и пугал местных жителей. Люди боялись выходить на улицу, но приникали к окнам, чтобы увидеть, кто же это все-таки едет?

Когда телега свернула на улицу, где жили Чапаевы, из окон дома стали выглядывать красноармейцы и кому-то кричать: «Едут! Едут!»

Петр с большим трудом остановил лошадей перед домом. Бойцы подбежали к полуфурку и стали вынимать оттуда ребят. Они быстро пробежали к дому и, пройдя коридор, на мгновение остановились. В доме, в самой горнице ничего не было. Ни-че-го. Ни полов, ни обшивок на стенах, ни мебели, ни икон...

Остались лишь балки, на которых крепились половые доски. И вот на одной из таких балок сидел отец на треногом стуле. Чапаев ничего не сказал, увидев детей. Даже не улыбнулся. Он почему-то как-то странно скривил губы и сразу полез в карман. Достал из него красное-красное анисовое яблоко и поспешно откусил от него кусочек...

Ребята моментально спрыгнули вниз и, ныряя под балками, побежали к отцу. Через минуту они все сидели у него на коленках и норовили откусить от того самого яблока по куску. Стул, на котором сидел Василий Иванович, подломил последние ножки, и они дружно рухнули под балки. Хохот стоял неистовый.

Красноармейцы смеялись до слез и говорили:

— у, Василь Иваныч, тебя ни штык не берет, ни пуля, ни сабля, ни снаряд, а собственные детки все-таки тебе когда-нибудь шею-то свернут...

И снова взрыв хохота. И только тут Чапаев улыбнулся. Клавочка прижалась к щеке отца губками и почувствовала, что они почему-то очень соленые. Почему? Она так и не поняла, да, впрочем, теперь это было и не важно.

Через какое-то время привезли Пелагею. Она всё ахала и охала, причитая и глядя на дом.

«Господи, Иисусе! Что бы тут с нами было! Ведь вон и стен-то не осталось, все штыками искололи да пулями исштробили!

— Ну, хватит, хватит причитать, — успокаивал её Василий Иванович, — живы, и ладно. А вещи —дело наживное. Так-то...

В тот же день состоялся многолюдный митинг жителей города и бойцов 1-й Николаевской дивизии, на котором выступил Василий Чапаев. Тогда же заседал и исполком. На заседании присутствовали все командиры чапаевских полков. Николаевск объявлялся на осадном положении. Для борьбы с контрреволюцией была создана Чрезвычайная комиссия из 8 человек во главе с большевиком Шумным. Василий Иванович Чапаев назначался военным комендантом города.

Эти чрезвычайные меры были прямым ответом на неслыханные зверства белогвардейцев во временно взятом ими Николаевске. Сразу же после вступления белочехов в город командиром 4-го чехословацкого полка, поручиком Вобрателеком был издан приказ №1, один из пунктов которого гласил: «Выдать немедленно всех сторонников советской власти и всех подозрительных лиц. Виновные в их укрывательстве будут преданы военно-полевому суду».

42 большевика, попавшие в руки врага, были живьем зарыты белоказаками в землю. Пленные красноармейцы расстреливались партиями. В городе начались повальные обыски.

Представители буржуазии, с восторгом встретившие белочехов, обратились к населению с особым воззванием, приглашая всех желающих принять участие в «охране» города и явиться в дом Безрукова для получения оружия и инструкций.

В белую гвардию записалось около 1000 человек — преимущественно гимназисты, бывшие офицеры и студенты.

Не случайно Василий Чапаев, как военный комендант города в своем первом же постановлении потребовал, чтобы все лица, имеющие оружие, сдали его в течение 24 часов. Все офицеры старой армии и чиновники должны были в тот же срок пройти регистрацию в штабе 1-й Николаевской дивизии. Освобожденным

белогвардейцами арестованным предписывалось немедленно явиться советским властям. В случае неповиновения — расстрел.

В результате всех этих необходимых мер революционный Порядок в городе был восстановлен в течение нескольких дней. Газета «Правда» в связи с этим отмечала, что в Николаевске «царит образцовый порядок. Исполком приступил к изданию своей газеты. Некоторые буржуа за содействие чехословакам — расстреляны. Отношение населения к солдатам самое хорошее».

22 августа 1918 года Василий Чапаев, выполняя пожелания бойцов своей бригады, внес на заседание уисполкома предложение переименовать город Николаевск в Пугачев.

Оно было поддержано членами уисполкома, которые решили обратиться с ходатайством к центральной власти.

На следующий день в Николаевскую дивизию, находившуюся на кратковременном отдыхе, прибыли руководители 4-й армии Восточного фронта во главе с командующим Ржевским и политкомиссаром Зориным, чтобы поздравить чапаевцев с одержанной победой. Их сопровождал Василий Иванович с членами укома и уисполкома.

Зорин от имени Советской Республики поблагодарил чапаевцев и их командира за мужество и воинскую доблесть, проявленные в борьбе с объединенными силами контрреволюции. В частности, он обещал ходатайствовать перед Совнаркомом о награждении особо отличившегося 2-го Николаевского полка боевым революционным знаменем. Политкомиссар обещал также выполнить просьбу николаевских полков о переименовании их в пугачевские.

После отъезда командования 4-й армии Чапаев совместно с уездными органами Советской власти организовал торжественные похороны бойцов, павших при освобождении Николаевска. На братской могиле он выступил с горячей речью, призвав собравшихся продолжать дело павших героев по защите рабоче-крестьянской власти.

Состоявшееся за этим партийное собрание уездной организации РКП(б) записало в своем протоколе:

«Мы, члены Николаевской организации РКП большевиков, горячо приветствуем наших бойцов за свободу и диктатуру пролетариата, причем, дабы усилить священные ряды Красной Армии в целях скорейшего подавления поднявшейся контрреволюции, мы все как один готовы встать под Красное знамя в защиту Советской власти. Да здравствует социальная революция! Да здравствует власть и диктатура пролетариата! Да здравствует Рабоче-Крестьянская Красная Армия!»

Несколько дней передышки были использованы Чапаевым

для политической работы с бойцами, реорганизации сил и пополнения полков добровольцами. Он начал работу в подготовке к новым боям. В селах укреплялись коммунистические ячейки и оттуда же шло пополнение. Иногда к Чапаеву приходили целыми ячейками, и он был вынужден уговаривать их, чтобы хоть часть людей оставалась на местах. Ведь нужны же свои люди в селах и деревнях! А потом в отряды потянулись девушки. Некоторые из них переодевались юношами. Чапаев сердился, но позже все-таки оценивал их помощь. Внезапно среди бойцов бригады вспыхнула эпидемия «испанки», так девушки помогали перевозить больных в город и там самоотверженно ухаживали за ними...

А что же в штабе 4-й армии?

А в штабе — донесение командующего тов. Ржевского в штаб Восточного Фронта об освобождении Николаевска и захваченных трофеях...

№ 977 22 августа 1918 года 10 ч

Вчера Николаевск очищен от чехословацких банд. Захвачен весь обоз противника, два 42-линейных орудия, одно скорострельное, несколько пулеметов, масса снарядов. Потери противника громадные. Бой продолжается . На остальных участках фронта без перемен.

Командарм 4
РЖЕВСКИЙ
Военполитком
ЗОРИН

И четыре дня спустя:

Ходатайство политкомиссара 4-й армии Б.П. ЗОРИНА в Совет Народных Комиссаров о награждении 2 Николаевского полка Революционным Красным Знаменем за отличия в боях.

№ 283 26 августа 1918 года

Революционные Николаевские полки Уральского фронта отличаются товарищеской дисциплинированностью.

Под умелым командованием товарища Захарова они неоднократно разбивали противника. Среди доблестных

Николаевских полков особенно выделяется 2-й Николаевский полк.

Преисполненные революционного энтузиазма товарищи красноармейцы 2-го Николаевского полка во главе с командиром Чапаевым особенно отличились в последнем бою под Николаевском, разбивши наголову чехословацкие и казацкие банды. Они отобрали громадный обоз противника, до 2 000 снарядов и 4 тяжелых орудия и 6 пулеметов . Я объявил от имени РСФ Советской республики благодарность 2 Николаевскому полку и всей Николаевском дивизии.

Ходатайствую перед Совнаркомом о награждении 2 Николаевского полка за отличие боевым Революционным знаменем, а также удовлетворить желание Николаевских полков переименовать их в Пугачевские полки. Отмечая воинскую доблесть командира Чапаева, я уверен, что наша 4 армия, получивши необходимое обмундирование и вооружение, проявит чудеса храбрости; и около боевого Революционного знамени николаевцы теснее сомкнут ряды и дружно ударят по белогвардейским бандам.

Прошу Совнарком удовлетворить мою просьбу в срочном порядке.

Политический комиссар 4 армии
ЗОРИН

О нанесении поражения чехословакам и освобождении Николаевска 8 сентября 1918 года был издан специальный приказ командующего войсками Восточного фронта за №13, в котором говорилось:

С глубоким вниманием следя за боевыми операциями войск вверенного мне фронта, считаю своим долгом отметить доблестную боевую работу Николаевского полка. В минувших период тяжелых боев у г. Николаевска... когда организованный противник, напрягши свои подкрепленные после предыдущих потерь силы, вновь бросился вперед на участке г. Николаевска... чтобы сокрушить наши изнемогающие в борьбе полки, а с ними и так трудно завоёванную нами дорогую свободу, доблестные части Николаевской дивизии достойно встретили напор осмелевшего врага. Главная тяжесть боя легла на ещё молодой, но уже показавший прежде в многочисленных боях свою мощность и

доблесть славный Николаевский полк. Герои-николаевцы не только победно отразили отчаянные атаки врага, но и сами, перейдя в наступление, нанесли ему громовой удар, и ошеломленный этим противник позорно бежал. Блестящему успеху этого боя способствовала не только самоотверженность и храбрость солдат Николаевского полка, не только их твердая решимость победить или умереть, не только горячая вера в свое правое дело, но и искусное руководство командира полка тов. Чапаева. Верно оценивая обстановку, твердо управляя полком и бесстрашно подавая личный пример своим подчиненным, этот славный начальник смело вел своих храбрых солдат на геройские подвиги. Эти блестящие действия Николаевского полка показали, что николаевцы сознательно относятся к своему революционному долгу и честно несут свои обязанности перед родиной; они показали, что могут сделать герои-солдаты свободной революционной России, руководимые талантливым героем командиром. Честь и слава вам, доблестные солдаты-николаевцы! Родина с радостью прочтет о ваших великих подвигах и будет гордиться своими достойными сынами, храбро стоящими на страже революции. С верой и надеждой взирает на вас революционный народ и ждет от вас избавления от наседающего врага. Да послужат ваши героические подвиги примером для нашей молодой, еще не окрепшей армии.

Командующий Восточным фронтом ВАЦЕТИС
Член Реввоенсовета ДАНИШЕВСКИЙ
Член Реввоенсовета СМИРНОВ
Начальник штаба фронта МАЙГУР

Военный Совет Восточного фронта высоко оценил героизм чапаевцев и военное искусство Василия Ивановича Чапаева. Поэтому, 6 сентября 1918 года им было послано в

Высший военный совет представление, в котором говорилось: «Ходатайствуем о вручении Красного знамени Николаевскому полку Чапаева, особо отличившемуся в период борьбы в районе Николаевска, Хвалынска. Вместе с тем для поощрения выдающихся подвигов личного характера и полезной личной деятельности Реввоенсовет считает необходимым создание анналов революционной борьбы с занесением туда выдающихся подвигов личного характера и имен отличившихся и просит занести туда имя Чапаева». А на самом документе стояла резолюция: «В комиссию ЦК по созданию знака». Орден Красного

Знамени тогда ещё не был учрежден...

Итак, предпринятое чехословаками наступление 17-20 августа успеха не имело. Однако командование IV армии не использовало благоприятный момент для развития успеха. Попрежнему велись бои отдельными полками и в разных направлениях. Вместо непосредственной работы по организации и проведению наступательных операций командование продолжало «предписывать» наступательные действия войскам. К примеру, начдиву Новоузенской дивизии, стоявшей в обороне, предписывалось «безо всяких отлагательств и излишних отговорок немедленно приступить к развитию активных действий в направлении на Александров-Гай и Николаевку, которые должны во что бы то ни стало быть взяты. Через три дня ждем исполнения». Такое же приказание, не директива и не приказ, а приказание было дано начдиву Уральской дивизии. Но войска продолжали оставаться на месте. Предписывалось повторно, но результат был тот же. Наконец начдив Новоузенской был заменен начальником Уральской дивизии Штромбахом, а на его место был назначен Марко-Сыч. Но и это не помогло. В течение месяца, то есть до 20 сентября на участках уральского направления положение оставалось без перемен. Необходимость наступления понимали и без требований командования, но НИКТО НЕ УМЕЛ НАСТУПАТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНО... Командование же армии такими способностями ТОЖЕ НЕ ОБЛАДАЛО... Его стиль был не браться ни за что, а «предписывать» наступать и слать благодарности в случае успеха.

В довершение всего в штабе IV армии в этот период вскрыли заговор контрреволюционной группировки, проводившей подрывную работу в войсках. В нее входил начальник штаба армии Буренин.

В телеграмме от 20 августа командующий фронтом Ваце тис писал командарму 4 и Высшему совету в лице Бонч-Бруевича: «IV армия открытым заговором приведена в большое расстройство. Прошу срочного распоряжения об усилении этой армии частями Саратовского гарнизона, как пехотными, так и артиллерийскими». В последующем 15 заговорщиков были расстреляны...

Придавая большое значение продвижению полков вдоль левого берега Волги на север, командующий фронтом Вацетис не замедлил дать директиву командарму 4, требуя наступать также вдоль правого берега реки. Он говорил, что Хвалынск представляет собой важный подступ к фронту Сызрань-Самара. И его просто необходимо взять. Общее руководство наступлением

возлагалось на командарма Ржевского, в распоряжение которого передавались Волжская группа 1-й армии, Волжская речная флотилия и все, находившиеся в районе Хвалынска, части.

Но тем временем противник, подтянув свои силы, 28 августа выбил полки из занимаемых позиций, и они откатились на станцию Рукополь. Продвижение казаков серьезно угрожало Николаевску и тылу дивизии Николаевских полков. Резервов не было. Командарм приказывает начдиву Уральской немедленно выслать полки с артиллерией в направлении Семеновки.

Именно по этому поводу между штабами дивизии и армии начинаются телефонные переговоры, которые ни к чему не приводят. И начдив Захаров приказывает Чапаеву, всё ещё комбригу 1-й бригады, ликвидировать угрозу силами бригады.

Чапаеву не остается ничего, как взять из каждого полка по батальону и выступить на станцию Рукополь. И следуя 29 августа через Николаевск, он заезжает на общее партийное собрание николаевских коммунистов.

Ему, как прибывшему с фронта, дают слово вне всякой очереди. Он сделал сообщение о положении в районе Хвалынска, об успехах 4-го Николаевского полка, овладевшего Духовницким, и заверил собрание, что, несмотря на отступление частей из Семеновки, наше положение прочное. В Рукополе 30 августа Чапаев объединяет два полка и выступает на Семенов- ку. Бойцы дрались ожесточенно. И уже в оперативной сводке от 1 сентября говорилось: «31 августа наши части Николаевской дивизии под командованием командира бригады тов. Чапаева заняли Семеновку и Клинцовку, что к югу от Николаевска. Казаки в числе 2000 человек бежали на Жестянку».

С наступлением войск «народной армии» на правом берегу Волги чехословаки сосредоточили свои силы в левобережье. И сгруппировавшись, перешли в атаку. 2-й Николаевский полк не выдержал натиска. Комбриги Кутяков, Бубенец и начальник пешей разведки были тяжело ранены. Началось беспорядочное отступление к реке Большой Иргиз. Артиллерия, обозы и люди бросились к единственному мосту, который, не выдержав такой нагрузки, рухнул.

Всю массу поглотила глубокая река. Спастись удалось лишь немногим. Оставшиеся на берегу бросились вплавь, расстреливаемые на воде противником. Потери были огромными. Один из батальонов, численностью 800 человек, был полностью уничтожен. В реке и у противника осталось много оружия. Одновременно со 2-м полком был атакован и 1-й Николаевский полк. Он, правда, стойко защищался, но силы были неравны.

Полк быстро выбили из Большой Таволожки. Но самое странное произошло в другом. Фактически помогло несчастье...

Заметив отходивший батальон 2-го Николаевского полка, бойцы приняли его за подкрепление, воспрянули духом и снова овладели Таволожкой.

Узнав, что 2-й Николаевский полк понес большие потери и вынужден отойти к Старой Порубежке, Чапаев вскипел, вскочил на тачанку с пулеметом и с группой ординарцев поскакал навстречу отступающим, собирая их по пути.

Прибыв в Старую Порубежку, он выстроил полк на площади и, заметив, что некоторые стоят без винтовок, грозно спросил:

— А где же ваше оружие?

Бойцы сконфуженно молчали.

— В реке? Позор! Оружие достать немедленно!

А о том, как бойцы ныряли в воду, доставая свои винтовки, нет нужды описывать подробно. Этот эпизод весьма красочно передан в фильме «Чапаев».

После того как часть винтовок была поднята со дна их владельцами, Василий Иванович приказал разойтись всем на отдых и привести себя в порядок.

Утром Чапаев с остатками полка двинулся на Гусиху, притом не с южной стороны села, где у белочехов была сильная оборона, а с западной — как раз там, где противник меньше всего ожидал.

Внезапный удар чапаевцев увенчался успехом. Потеряв большое число живой силы и военной техники, белочехи бежали в панике к Ивановке, а затем откатились дальше — к Ивантеевке.

Как выяснилось позднее, 2-й Николаевский полк стал жертвой предательства. В тот день, когда напали белочехи, сторожевую охрану несла Ивановская (по названию села) рота, куда удалось пробраться кулацким сынкам, сумевшим разложить и остальных бойцов. В результате эта рота не только беспрепятственно пропустила белочехов, но даже сама открыла огонь по своим товарищам. Возникла паника, которой и воспользовался противник.

Бой под Гусихой ещё раз подтвердил незаурядное тактическое искусство Чапаева, сумевшего малыми силами разгромить численно превосходящего врага.

Оперативная сводка штаба 4-й армии об освобождении бригадой В.И. Чапаева дер. Гусиха северо-восточнее Николаевска

№ 1107 2 сентября 1918 г., 24 ч

Доношу, что командир Николаевской бригады т. Чапаев, собрав отступавшие наши части, перешел в наступление на противника, занявшего Гусиху. Чехосло- ваки были выбиты, и нами взято два тяжелых и два легких оружия, три пулемета и несколько винтовок, число которых пока не выяснено. Противник отступил в Ивантеевку (к северу от Николаевска).

Врид командарма
.....
За военполиткома
ПЕТРОВСКИЙ
Зав. оперативным отделом
СИРОТЕНКО

И за проведенные бои Василий Иванович получил телеграмму от командарма-4.

№ 1108, г. Покровск
3 сентября 1918 г., 0 ч 55 мин.

От лица службы приношу вам искреннюю благодарность за лихой подвиг, оказанный вами у дер. Гусиха. Николаевскую дивизию необузданные банды белых уже знают. Ваша бригада ещё раз доказала доблесть и рвение скорее победить заклятого врага.

Память о полках славной Николаевской дивизии в сердце настоящего революционера никогда не умрет, и я надеюсь, что и в будущем вы оправдаете неоценимые геройства бойцов Николаевской дивизии.

Врид командарма
Тихон Хвесин
За военполиткома
Петровский

В телеграмме командарма командующему войсками фронта Вацетису говорилось: «За неоднократные геройские подвиги первой бригады Николаевской дивизии в течение двух месяцев в боях с чехословаками, где бригада под командованием товарища

Чапаева успела завоевать себе славу, ходатайствую перед высшим Революционным Советом о награждении первой бригады Николаевской дивизии революционным Знаменем».

Наступление войск Самарской учредилки создало серьезнейшую угрозу Саратову. Воинские части из Саратова, Интернациональный полк из Покровска и другие части выдвигались на линию село Березняки-Баронск. Штаб 4-й армии переместился в Покровск. Балаковские полки, которых к этому времени было уже два, по приказу начдива Захарова сосредоточились в районе Балакова. Положение под Саратовом считалось настолько опасным, что туда стягивались все силы, какие только можно было собрать, чтобы удержать занимаемый рубеж обороны.

На правом берегу во время наступления противника был полностью разбит Московский полк, разложился 2-й Саратовский пехотный полк. А бывший командир Интернационального полка перешел на сторону белых, возглавил части противника и, выйдя с ними в тыл нашим войскам, стал наносить им поражения. Командование 4-й армии отлично понимало опасность потери Саратова. Именно поэтому начальник штаба Т.С. Хвесин б сентября подал рапорт об освобождении его от занимаемой должности ввиду «болезненного состояния»...

Внимание командования было сосредоточено на ближайшей к Саратову правобережной группировке противника. Правда, левобережная группировка была также не менее сильной, но она была более отдаленной. Во временное командование дивизией Николаевских полков, оставшейся против левобережной группировки противника, согласно приказу по дивизии, вступил Чапаев.

Выписка из приказа № 27 по дивизии Николаевских полков

5 сентября 1918 года, город Николаевск

На 6-е сентября назначается ДЕЖУРНЫЙ: по канцелярии тов. РОМАНОВ

ПО СТРОЕВОЙ ЧАСТИ.

§1.

Отъезжая сего числа по делам службы, вр. командование действующих сил дивизии Николаевских полков возлагаю на командира 1-й бригады товарища Чапаева.

Начальник дивизии
ЗАХАРОВ
Начальник штаба
Галактионов
Пом. Военно-Политического комиссара
Точилкин

Выписка из приказа № 28 по дивизии Николаевских полков

6 сентября 1918 года, город Николаевск>
На 7-е сентября назначается ДЕЖУРНЫЙ:
по канцелярии тов. САХНОВ

ПО СТРОЕВОЙ ЧАСТИ.
§1.
Объявляю всем частям Николаевской дивизии, что согласно приказа по дивизии №27, в командирование действующих сил дивизии Николаевских полков я сего числа вступил.

Вр. и. д. Начальника дивизии
ЧАПАЕВ
Начальник штаба
ГАЛАКТИОНОВ
Пом. Военно-Политического комиссара
Точилкин

Полки дивизии, как обычно, были разбросаны на 100-километровом фронте: Краснокутский полк находился в Клинцовке, Балашовский — в Любицком, кавалерийский — в Рахмановке; 1-й, 2-й, 3-й и 4-й Николаевские полки — в Ивантеевке, Гусихе, Подшибаловке и Левенке. Конкретных же целей перед дивизией не становилось.

Василий Иванович понимал, что время решительного наступления на Саратов настало. И здесь, за Волгой, также будет нанесен удар — силами белочехов, самарской «народной армии» и уральского казачества.

Теперь было необходимо нанести поражение группировке чехословаков и частям армии Самарской учредилки, находившимся восточнее Духовницкого, чтобы обязательно сорвать замыслы противника...

Чапаев понимал, чтобы удачно провести операцию, прежде

всего нужно наладить дисциплину во вверенной ему дивизии. И поэтому он первым делом проводит в жизнь предписание, спущенное из Штаба Армии командармом...

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА № 29 по дивизии Николаевских полков

7 сентября 1918 года, город Николаевск

На 8-е сентября назначается ДЕЖУРНЫЙ:
по канцелярии тов. ТАРАСОВ

ПО СТРОЕВОЙ ЧАСТИ.
§1.
При сем объявляю §§ 1, 2, 3, 4, 5, б, 7 приказа по 4-й армии Восточного фронта за №14.

§I. При объезде мною Николаевского фронта я с удовольствием обнаружил везде стремление к воинскому порядку, необыкновенно высокий подъем духа, несмотря на просчеты в обмундировании, снаряжении и т.д., а также дружную работу чинов штаба Николаевской дивизии, за что объявляю благодарность военному руководителю Николаевского фронта тов. Захарову.

§2. При посещении моем 24 сего числа 1-го Советского Николаевского полка командир полка т. Плясунков позволил себе неуместные обращения к солдатам, клонившееся к возбуждению ропота среди солдат по вопросу о деятельности Штаба относительно обмундирования, снаряжения и вооружения товарищей красноармейцев. Предо мной ясно проходит вся картина работы штаба, и потому отчетливо представлялась вся необоснованность и несправедливость обвинения, которые взваливал товарищ Плясунков против штаба. Обвинения были обоснованы на совсем неосновательных предположениях. Подобные выступления имели характер либо заискивания какой бы то ни было ценой расположения солдат, либо характер речи контрреволюционера, старающегося во что бы то ни стало возбудить ропот или неудовольствие красноармейцев против высшей военной инстанции. Напоминаю тов. Плясункову, что призыв к ропоту или неудовольствию составляет одно из наиболее тяжких преступлений против воинской дисциплины. Лишь принимая во внимание блестящую боевую деятельность тов. Плясункова, я ограничиваюсь на этот раз объявлением ему

выговора за неуместное выступление с необоснованными обвинениями. Кроме того, предлагаю тов. Плясункову отправить командира батальона, выступавшего тогда же с речью, на излечение как страдающего сильной истерией, вызванной раной, полученной в бою.

§3. При посещений полков Николаевской дивизии мною было замечена какая-то глухая работа провокаторов, клонящаяся к подрыву доверия между частями войск, как, например, между 1-м и 3-м Советскими Николаевскими полками.

Предлагаю начальнику дивизии тов. Захарову .принять все зависящие от него меры к искоренению этой работы провокаторов.

§4. Для отличия полков между собою, что вызывает необходимость установления порядка в бою во время могущего быть перемешивания частей, предписываю в каждом полку дивизии установить отличительные знаки в

виде кистей, или бантов, или розеток, причем в 1-м полку эти отличительные знаки должны быть красного цвета, во 2-м полку — малинового, в 3-м — синего, в 4-м полку — смешанного из красного или синего цветов.

§5. Предписываю в каждой отдельной части завести фотографический альбом наиболее отличившихся красноармейцев, причем один экземпляр фотографической карточки с описанием боевого подвига отправлять в Штаб Армии.

§6. Всем начальникам дивизий по получении сего приказа немедленно распорядиться о составлении списков командного состава по форме, указанной ниже. Списки представить в Штаб Армии и впредь о всех изменениях командного состава по службе незамедлительно доносить.

ФОРМА

№ Имя, отчество и фамилия

п/п Время и место рождения Какую должность заним. и с какого числа Примеч.

§7. Всем лицам и военнослужащим Штаба вверенной мне армии, у кого имеется удостоверение личности за подписью Дегена Буренина, явиться в канцелярию штаба с таковыми для замены их новыми.

ВЫПИСКУ СДЕЛАЛ:

Вр. и. д. Начальника дивизии

ЧАПАЕВ
Начальник Штаба
Галактионов
Пом. Военно-Политического комиссара
Точилкин

Уральские казаки действовали в направлении Уральск-Саратов и Александров Гай-Новоузенск. Продолжались их провокации и в Николаевске. Для изоляции казаков от Николаевска и обеспечения тыла дивизии Чапаев приказал Новоузенскому полку выступить в Алтаты и занять село Бобровку. Но в пути полк был атакован казаками и вернулся в Алтату. В общем, сдержать натиск врагов — сил было недостаточно...

Тогда, по обыкновению, Чапаев обращается за помощью в уездный комитет партии. На собрании он просит мобилизовать силы и помочь Балаковскому Краснокутскому полкам. Предложение Чапаева было одобрено. Тут же были выделены члены исполкома для проведения мобилизации. А из местного арсенала срочно выдавалось оружие. И через несколько часов Николаевский отряд уже отправлялся со станции Николаевск на Рукополь. Из воспоминаний очевидцев:

«Рассказав о положении на фронтах, Чапаев предложил сосредоточить все силы дивизии на фронте против чехословаков, чтобы нанести им сокрушительный удар. Но для этого военные части, ведущие борьбу с белоказаками в районе села Клонихи, перебросить против чехословаков, а туда отправить отряд вооруженных рабочих.

Предложение Чапаева было единодушно принято. Совет профсоюзов решил призвать всех рабочих с оружием в руках выступить на защиту Советской власти. И конечно, своего родного города.

Рабочие с большим подъемом откликнулись на этот призыв. Уже через несколько часов во дворе дома бывшего воинского начальника собралось около 1000 человек. Возник митинг, на котором выступил Чапаев. Говорил он мало, но образно и убедительно.

Командиром отряда был назначен секретарь уездного комитета партии Дмитриев, а я (В.Ф. Бородин) был командиром роты.

Наш отряд занял боевые позиции у села Клонихи, а части чапаевской дивизии были переброшены против чехословаков.

Рабочий отряд вооружен был плохо — старыми американскими винтовками. Патронов к ним было недостаточно. Обмундирование отряду не выдавалось: его не хватало и для красноармейцев. Одеты и обуты были кое-как. Несмотря на этоо, рабочие отряда героически сражались со значительно превосходящими по численности, хорошо вооруженными и обмундированными бандами уральского казачества.

Все попытки белогвардейцев захватить наши позиции были отбиты с большими потерями для белоказаков».

Чапаев выехал в дивизию сосредотачивать полки для наступления. План боя, который он детально изложил командирам, сводился к следующему: 4-му полку в ночь на 8 сентября выступить из села Озинки и на рассвете атаковать противника в Левенке с юга; главным силам —1,2, 3-му стрелковым и 1-му кавалерийскому полкам — сосредоточиться в районе Раевки-Подшибаловки и на рассвете атаковать противника в Орловке 3-м полком — с юго-востока, 1-м и 2-м полками под личным командованием Чапаева — с северо-востока. Кавалерийскому полку выступать в ночь на 8-е из района Раевки и с рассветом атаковать противника в Орловке с севера, то есть с тыла. Общим сигналом к атаке должен служить сигнал — залп батареи 4-го полка в установленное время.

Медлить было нельзя: Чапаев предпочел быстрое наступление — обороне. И предпринял решительные действия, чтобы бить противника по частям...

Чапаев быстро собрал разбросанные на сотню километров полки в кулак численностью до б тысяч штыков и 380 сабель. Он скрыто повел их на исходные положения для наступления. Только для демонстрации атаки с фронта оставил один 4-й полк, что являлось менее одной пятой части (около 900 штыков), а остальные 4 полка сосредоточил с флангов и тыла противника. На все это у Василия Ивановича ушло 24 часа...

Темной сентябрьской ночью полки вышли на исходное положение для наступления. Шли они очень тихо. Почти бесшумно. Все было прилажено, подогнано, завязано, чтобы ничто не могло произвести шума. Запрещалось курить и разговаривать в голос. Только шепотом. Ну, в крайнем случае, вполголоса...

Полки встали на позиции далеко заполночь. Люди напряженно ждали установленного часа. Тишина нарушалась лишь перекличкой петухов, а предутренний холодок усиливал нервную дрожь.

Наконец, как только забрезжил рассвет, вдали грохнул

артиллерийский залп. Это означало, что наступление 4-го полка на Левенку началось...

Послышались негромкие, но властные приказы командиров батальонов и рот. Цели главных сил, не обнаруживая себя, двинулись на редкие огоньки Орловки. Полчаса спустя по селу ударяли артиллерийские батареи. Цепи наступавших сразу же оживились. Скрытность больше не имела значения. С обеих сторон застучали десятки пулеметов. Полки пошли в атаку.

4-й полк, подошедший скрытно к противнику, ворвался в цепь его окопов. Среди «народников» поднялась паника. Им был нанесен большой урон. Но затем неприятель оправился от первого удара и, увидев, что перед ним всего лишь один полк, сам перешел в атаку. 4-й полк красных стал беспорядочно отступать. И противник, окрыленный успехом, продолжил преследование.

В Орловке же чехословаки, атакованные с трех сторон, старались ожесточенно обороняться. Но маневрировать им никак не давали дружные атаки полков, подбадриваемых Чапаевым. В ходе боя он лично управлял частями, отдавал необходимые распоряжения. И только такое личное руководство могло обеспечить желаемую победу.

Под Василием Ивановичем убили лошадь, но даже это не смогло повлиять на управление боем. Полки, которые он поднимал в атаку за атакой, наносили удары за ударами. И вскоре противник дрогнул. Чапаев знал, как преследовать казачью конницу. И не только кавалерийские, но стрелковые полки устремились бегом за отступавшими. Узнав, что в Левенке противник закрепился, Чапаев направил туда четыре стрелковых полка и кавалерийский Сурова. Противник в итоге потерял убитыми только до 1000 человек, 250 подвод со нарядами, десять пулеметов и много-много тысяч винтовок. Вот как описывали этот бой очевидцы: «Когда кончилось совещание по плану предстоящего боя, — вспоминает бывший командир 3-го Николаевского полка И.Н. Патрикеев, — Чапаев задержал меня и, положив Руку на плечо, сказал:

— Ты вот что, командир, учти, что у неприятеля хорошие, почти неприступные позиции. Взять его с фронта нелегко. Да ты особо и не торопись брать. Твое дело отвлечь на себя внимание противника. А мы его тем временем главными силами ударим с фланга и с тыла. В общем, зажмем в кольцо... И не выпустим. Понятно?

— Понятно, Василий Иванович!

— И вот что, ты береги людей! Помни, что за каждого человека будешь в ответе».

Чапаев лично руководил боем. Он появлялся то на одном участке наступающих бойцов, то на другом. Отдавал краткие распоряжения, ловил на лету ответы и мчался на своем коне дальше, увлекая за собой пехоту и конницу, воодушевляя их, вселяя уверенность в победу.

По рядам проносилось:

— Чапаев! Чапаев!

Как стрела мчался он на взмыленном коне и, узнав о бесплодных атаках, командовал:

— Вперед, за мной! В атаку!!!

И сам впереди всех. За ним бойцы. Все как один.

Когда чапаевцы приблизились к окраине Орловки, заговорили вражеские пулеметы, которые, казалось, были сосем подавлены огнем артиллерии 4-го полка. И когда под Василием Ивановичем убили коня, он быстро вскочил на ноги и пошел в первых рядах пехотинцев. Затем взял коня у ординарца и поскакал дальше, увлекая их за собой.

Фланговый удар был настолько стремительным и неожиданным, что войска «учредилки» в панике стали отступать к Левинке. Чапаев направил им вдогонку все три своих полка. Одновременно кавалерийский полк Сурова, как это было предусмотрено кланом операции, сделал стремительный налет на тылы Левенской группы учредиловцев и чехословаков. После этого беспорядочное отступление противника превратилось в настоящее бегство. Разрозненные группы белогвардейцев бежали к Волге.

Чапаев приказал своему помощнику Петру Исаеву поставить пулемет на автомашину. И совсем неожиданно выскочил на ней прямо перед бегущими чехами.

Кавалеристы Сурова преследовали врага прямо до самой Волги. Здесь остатки белых сели на пароходы и отплыли на другой берег. Разгром левобережной группировки чехословаков и учредиловцев был полный. Чапаев тут лее отправил в штаб 4-й армии донесение об одержанной победе. Другая телеграмма была направлена в адрес конференции коммунистов 4-й армии, проходившей в это время в Покровске (ныне Энгельс). В ее протоколе об этом сказано:

«С внеочередным заявление выступает тов. Мутафова, которая читает телеграмму, полученную от начальника Николаевской дивизии о результатах боя с противником. Конференция единогласно постановляет: послать Николаевской дивизии телеграмму следующего содержания: «Конференция коммунистов 4-й армии Восточного фронта шлет привет

доблестным борцам Николаевской дивизии во главе с товарищем Чапаевым.

Конференция коммунистов».

А в газете «Правда» была помещена информация заведующего оперативным отделом Реввоенсовета республики Ара лова, в которой сказано: «Экстренная оперативная сводка за 12 сентября 1918 года. Восточный фронт. Николаевское направление. Наши войска, перейдя в наступление на противника, взяли сс. Орловка, Линовка, Левинка, что восточное Хвалынска, и захватили 10 пулеметов, 250 подвод со снарядами и автоматическое орудие, потери противника колоссальные — одних только убитых — 1000 человек».

После окончания Орлово-Левинской операции Василий Иванович побывал в Николаевске.

«... Поздно вечером, — вспоминает И.Д. Демидкин, — весь город радостно встречал своего героя. Усталый Чапаев подошел к членам уисполкома и отрапортовал: «Объединенные силы белой армии и чехов разбиты и в панике бежали».

В ночь с 9 на 10 сентября в Николаевске состоялось заседание уисполкома, на котором Чапаев сделал обстоятельный Доклад о битве под Орловкой и Левинкой и познакомил с планом ведения дальнейших боевых действий на территории уезда. Вскоре после этого Чапаев побывал на позициях Уральского участка фронта, где сражался Николаевский рабочий отряд. Вот что вспоминают очевидцы:

«На состоявшемся митинге Чапаев рассказал о разгроме чехословаков, о ближайших задачах, стоящих перед дивизией и нашим отрядом. Рабочие с большим воодушевлением выслушали сообщение о замечательной победе чапаевской дивизии. Вспоминается такой факт. После митинга один боец спросил Чапаева:

— Когда нас отправляли на фронт, вы говорили, что, как только разобьете чехословаков, нас заменят воинскими частями. Скоро ли это будет?

— А как ты думаешь, скоро ли будет восьмичасовой день или земля у крестьян? — вместо ответа спросил Чапаев.

— Вот как победим врагов Советской власти...

— И что же, уже всех победили? — вновь спросил Василий Иванович.

Рабочий смутился, улыбнулся и сказал:

— Выходит, я задал вопрос не подумавши...

...Вскоре наш рабочий отряд с Уральского фронта был снят и заменен частями чапаевской дивизии. Некоторые рабочие

вернулись на свои предприятия, но многие остались добровольцами в Красной Армии».

Разгром чехословаков и «народников» в районе Левинки и Орловки резко изменил положение не только на левом, но и на правом берегу Волги. Противник, лишившись левобережной группировки, приостановил наступление на Саратов, перешел к обороне и даже оставил село Воскресенское. Уральские казаки прекратили свои настойчивые устремления на Саратов с востока и даже отвели свои полки от Николаевска. Получилось, что с разгромом левобережной группы была вырвана инициатива у противника...

К тому же большое значение имело и то, что мобилизованное Самарской учредилкой крестьянство наконец-то стало узнавать сущность белой армии. Многие бросали оружие и расходились по домам. Большую роль в этом играла пропаганда Красной Армии. Из разбрасываемых листовок многие солдаты белой армии узнавали правду о классовой борьбе.

Получив 9 сентября донесение от Чапаева, командарм в тот же день телеграфировал в Баронск Захарову: «Ввиду того, что чехословаки... под Орловкой разбиты наголову и, понеся огромные потери, бежали на Брыковку, предпишите Вашим войскам, расположенным на правом берегу, немедленно перейти в наступление и, поскольку возможно, поспешно настигнуть противника. Против правой группы находится не более 1000 человек, вынужденных вследствие резко изменившейся обстановки отступить».

Но для развития достигнутого успеха в районах Левенки и Орловки ни командованием армии, ни командиром Поволжских групп не предпринималось. Наоборот, сразу же после боя по требованию Захарова 4-й полк был отправлен в Балаково для «обеспечения фланга Николаевской дивизии». Находившийся же там Балаковский полк был отведен ниже по Волге для переправы его на правый берег.

Отрыв полка от наступавшей дивизии Николаевских полков не вызывался необходимостью. Противник, лишившись левобережной ударной группировки, не только не мог продолжать наступление и тем более высадить десант на левый берег в районе Балакова да наступления, но и вынужден был отступать.

Оставшиеся в его распоряжении войска Чапаев нацеливал на дальнейшее наступление. Узнав о сосредоточении противника в районе сел Никольское, Чувичи, Богородское, он выдвинул полки навстречу, заняв Левинку и прочие населенные пункты.

Противник, так и не приняв боя, отошел в Хворостянку.

В результате наступления вдоль правого берега Волги организовавшаяся из правобережных частей Вольская дивизия 12 сентября освободила Вольск, после чего, действуя временно в составе 1-й армии, участвовала 17 сентября в освобождении Хвалынска и в операции на Сызрань. Командарму-4 было приказано выделить достаточно войск для действия против Хвалынска и Сызрани по левому берегу Волги, пере дать их в распоряжение командующего 1-й армией, а остальными частями организовать решительное наступление на Самару. С севера, после освобождения 12 сентября города Симбирск, на Сызрань и Самару шла Симбирская группа 1-й армии. Таким образом, с 14 сентября, после освобождения Вольска, действия 4-й армии на правом берегу Волги были закончены. Закончилась на этом и работа командования армии данного состава.

Глава 8. Троцкий и Чапаев

После освобождения от белогвардейцев Симбирска, Вольска, Хвалынска и Казани войска Красной армии стали продвигаться в сторону Самары, которая до сих пор была оккупирована врагами.

17 сентября в Саратов прибыл председатель Реввоенсовета Лев Давидович Троцкий. Угрозы там уже не было, поэтому он чувствовал себя совершенно спокойно и уже утром того же дня, в 9 часов 15 минут отправил телеграмму В.И. Ленину, в которой говорилось: «Докладываю, что прибыл сегодня в Саратов, где был встречен врид. командарма-4 Хвесиным, членом Реввоенсовета-4 Линдовым и чинами штаба. Хвалынск взят частями 4-й армии согласно заранее намеченному плану без запозданий. Несмотря на недостатки снабжения, части 4-й армии дерутся превосходно, по отзыву командарма и комиссара. Сейчас направляюсь в Хвалынск».

К освобождению Хвалынска командование 4-й армии отношения почти не имело. Дело в том, что воинские части 4-й армии, действующие на правом берегу Волги после освобождения Вольска, по приказу главкома, были переданы под командование I армии, которая и освобождала Хвалынск и Сызрань.

Командующий фронтом об успехах армии был иного мнения. В тот лее день, т. е. 17 сентября, он написал Хвесину, что для развития достигнутого успеха требуется энергичное наступление. Между тем как IV армия и правофланговые части 1-й армии действуют очень вяло. Что совершенно не допустимо. IV армия обязана взять Самару и доказать, что она способна решать вопросы первостатейной важности.

Командование 4-й армии, куда прибыл Троцкий, не поставило в известность партийных руководителей Саратова. Более того, оно настроило Льва Давидовича против советских органов Саратова. Дело в том, что командарм Ржевский был от должности освобожден, а начальник штаба Хвесин вел себя с партийным комитетом и исполкомом Саратовского Совета неправильно. Особенно он противопоставил себя местным органам власти в самый опасный период Саратова: с 1 по 10 сентября. Покровительство Троцкого вскружило ему голову. И так, при полной смене командования 4-й армии, он был оставлен на месте и даже поставлен на должность командующего армией. На что он очень охотно согласился, абсолютно не разбираясь в военном искусстве, так как всю свою жизнь был цирюльником, К тому же рапорт, поданный всего три дня назад об освобождении

от занимаемой должности «ввиду болезненного состояния», был забыт навсегда.

Троцкий объявил Саратов и Саратовскую губернию на военном положении. Но именно в этом-то и не было никакой необходимости: ведь военное положение не вводилось даже тогда, когда противник наступал на Саратов. Теперь же, когда он панически бежал, военного положения вообще не требовалось... Саратовцы очень возражали против такого. Во-первых, это нанесло ущерб хозяйству города. Во-вторых, жители города понимали бессмысленность такого запоздалого приказа.

Хвесин же, получив такую поддержку в лице Троцкого, пошел ва-банк. И без ведома Саратовского губисполкома приказал саратовскому военкому мобилизовать для 4-й армии 40 грузовых и 10 легковых автомобилей. Саратов таким количеством исправных машин и не располагал. Но делать было нечего, и губисполком принял решение сдать все автомобили, дабы не было нареканий, что Саратов не поддержал армии.

Командованием 4-й армии без ведома и объяснений Саратовскому исполкому был отстранен от должности губернский военком. Новый комендант Саратова пытался ввести в городе комендантский час без согласия с партийными органами.

Даже о положении на фронте военный совет IV армии не информировал Саратовский Совет, несмотря на введение военного положения в губернии. А требования исполкома об информации полностью игнорировал. Создалась абсурдная ситуация: об освобождении Сызрани и Самары Саратовский Совет узнавал «по слухам»! И был ещё один случай, который не поддавался логике. 10 октября из города Вольска председателем ревкома было сообщено Саратовскому губисполкому, что мимо города Вольска в сторону Саратова прошел пароход с замаскированным названием. На сигналы и требования остановиться пароход не отреагировал: не остановился и не ответил. Поскольку в Саратове всё ещё было военное положение, то Саратовский исполком принял все меры, чтобы задержать пароход.

Задержали. На нем оказались командарм Хвесин, член военного совета Линдов и член Реввоенсовета Республики Кобозев. Последовал страшнейший скандал. Коммунистов, задержавших пароход, арестовали. Притом Линдов настаивал на их расстреле.

Кроме Саратова, Троцкий побывал в Хвалынске. Оттуда с огромной свитой и на двух бронепоездах, полностью оснащенных орудием и пушками, прибыл в Николаевск. С ним вместе

приехали Хвесин и вызванный из Вольска Захаров. Чапаев как начальник дивизии Николаевских полков срочно извещался телефонограммой об их приезде.

Троцкий запланировал посмотреть парад войск. К тому же он прибыл «выжечь огнем партизанщину» и наконец-то «навести порядок». Чапаев всё предусмотрел. Он отозвал с фронта некоторые части и устроил-таки наркомвоенмору и его окружению грандиозное зрелище. Хотя его очень поразило то, что утром по приезде Троцкий не вышел сразу на перрон, как предполагалось, а долго, часа два-три находился в поезде. К тому же все орудия, размещенные на бронепоездах, были развернуты в сторону площади, где должен был проходить смотр. Это был знак. Это был вызов Чапаеву как бандиту, а не герою, без которого не было бы побед в целом ряде городов и уездов...

Лев Давидович действительно не торопился выйти из вагона. Они с Хвесиным и прочим окружением долго завтракали и ждали доклада об обстановке в городе. Последним на доклад пришел Василий Иванович.

Лев Давидович пристально вглядывался в лицо Чапаева. Плотно сжатые губы, колкие васильковые глаза, усы пышные и очень ухоженные. Говорит на «о». Строен. Подтянут. Аккуратен. Нет, не таким представлял его себе Троцкий. Совсем не таким. Воображение рисовало разухабистого и нагловатого бандита-выскочку. А здесь — собранный и проницательный. От такого, пожалуй, и ждать чего хочешь можно. К тому же за ним, за Чапаевым, солдаты вслепую идут. Есть, есть гипноз. Вот и сам чуть не поддался...

Чуть позже оба стояли на броневике «Черепъ». Лев Давидович на самом верхнем люке, а Чапаев ниже. Троцкий смотрел на проходящий парад и трапезничал одновременно. Все-таки хороши волжские арбузы, ничего тут не скажешь! Вот только куда косточки девать? А, наверное, можно и сплюнуть. Не держать же во рту! И он плевал. Плевал почти в лицо стоящему навытяжку Василию Ивановичу. Тот старался не показать виду, что такое хамство его задевает. Даже самый отсталый и неграмотный крестьянский мужик никогда не позволил бы себе ничего подобного. А тут — высочайшее руководство молодой Социалистической Республики!

Троцкий был в растерянности. Он-то ехал с твердым убеждением снять этого Чапаева с должности, предать суду за невыполнение приказов свыше, и если повезет, обязательно его расстрелять по законам революционного времени. А тут на тебе — такой прием и такой парад! Его голыми руками не возьмешь!

Да и войска у него одно к одному. Муштра во всем видна. Умение. Что же делать? Судя по всему не расстреливать сейчас надо, а награждать. Лев Давидович нащупал в боковом кармане френча большие и экспроприированные золотые часы. Вот это как раз. Кстати, если можно так выразиться...

По окончании парада Троцкий обратился к Чапаеву:

— Василий Иванович! Все, что я сейчас увидел, — чрезвычайно меня порадовало. Хочу выразить Вам свою благодарность и наградить Вас золотыми часами. Это очень точные и дорогие часы. Швейцарские. А дружное войско крикнет по этому поводу троекратное «Ура!».

— Товарищи бойцы! — начал Лев Давидович, обращаясь к красноармейцам. — Только что мы просмотрели ваш замечательный парад. Надо сказать, что провели вы его просто отменно. И в первую очередь это заслуга вашего замечательного командира. Ему — ваше троекратное «Ура!».

Троцкий помолчал, дожидаясь окончания дружного «ура».

— Но должен вам сейчас сказать, что по решению командования армии вы сегодня попрощаетесь со своим славным командиром Василием Чапаевым и перейдете под командование всем вам хорошо известного Сергея Парменовича Захарова. Он примет дела у товарища Чапаева, и вы под командованием Захарова отбудете на фронт.

— Уважаемому Василию Ивановичу, — продолжал Троцкий в гробовой тишине, которая воцарилась на площади, — мы поручаем создать новую дивизию. Она будет называться Второй Николаевской... И ещё: создать её нужно будет за два-три дня. Такова обстановка... Время не ждет... Разумеется, мы, руководство, конечно лее понимаем всю сложность создавшейся ситуации, но поручить столь важное и ответственное дело можем только такому герою-командиру, как Чапаев! Верим в его великолепные организаторские способности и думаем, что он достойно справится с возложенной на него задачей. И если младшие командиры и комиссары захотят остаться вместе с ним, мы возражать не будем. Оставайтесь, но не все. Дивизия Захарова тоже нуждается в кадрах. Итак, троекратное «ура»! «Ура» на прощание перед отправкой на фронт.

Тишина затянулась. Льву Давидовичу она показалась вечной. Дивизия же ничего не понимала. Стало ясно лишь одно: от них забирают любимого командира или, наоборот, их отнимают у него... Да не все ли равно? Важно, что они расстаются и почему-то должны этому радоваться... Почему?? Но приказ главнокомандующего есть приказ и «ура» прозвучало, но не

троекратное, и уж совсем не стройное.

Чапаев был раздавлен. Такого публичного унижения ему ещё не приходилось испытывать. Да что они, совсем с ума посходили. Виданное ли дело, дивизию сформировать за два дня? Ни боеприпасов, ни людей, ни командиров, ни оружия,

ни провианта, ни-че-го... Одна бумажка с приказом. Вот так...

ПРИКАЗ
ПО ДИВИЗИИ НИКОЛАЕВСКИХ ПОЛКОВ...

№42, г. НИКОЛАЕВСК 20 сентября 1918 г.

1. Прибыв сего числа, я вступил в командование вверенной мне Николаевской дивизии. Врид. начальника дивизии командиру 1-й бригады т. Чапаеву предлагаю обратиться к своим обязанностям...

Начальник дивизии
ЗАХАРОВ
Военно-политический комиссар
СЕМЕННИКОВ
Начальник штаба
ГАЛАКТИОНОВ

ПРИКАЗ
ПО 2 НИКОЛАЕВСКОЙ ДИВИЗИИ О НАПРАВЛЕНИИ ДИВИЗИИ В ДЕЙСТВУЮЩУЮ АРМИЮ

№3 Д. Армия 24 сентября 1918 г.

1. Сего числа вверенная мне дивизия выступила в действующую армию.

УТВЕРЖДАЮ: НАЧАЛЬНИК ДИВИЗИИ
ЧАПАЕВ
ПОЛИТКОМИССАР
П. СИДЕЛЬНИКОВ

Чапаев совершил невозможное. Он создал настоящую дивизию за три дня. И вот как об этом вспоминает его соратник и подчиненный Стефан Федорович Данильченко:

«В качестве основы новой 2-й Николаевской дивизии Чапаеву

выделялись три полка: Балашовский, Пензенский и 4-й Николаевский. Но вместо трех Василий Иванович получил только два: 4-й Николаевский так и не поступил в его распоряжение.

А Балашовский и Пензенский полки вели в это время бои с белоказачьими частями в 45-50 км южнее Николаевска. Балашовский полк к 23 сентября занял с боем село Вязовка (Клинцовка), а Пензенский полк — Любицкое. 23 сентября в Вязовку, где находился штаб Балашевского полка, прибыл начдив В.И. Чапаев с небольшой группой командиров.

Время было за полдень. Воспользовавшись затишьем, я (Данильченко) и командир эскадрона Ефим Филиппов объезжали молодых коней за околицей села. Прискакал связной, кавалерист Григорий Бабанин, посланный из штаба полка, и доложил, что прибыл Василий Иванович с «комиссией». Сейчас он разговаривает с комиссаром и требует меня к себе.

Я тотчас отправился в штаб. Чапаев с «комиссией» в составе трех человек оживленно беседовал с комиссаром полка А.И. Самсоновым на крыльце, а рядом, у коновязей, стояло несколько верховых лошадей под казацкими седлами.

До меня доносился несколько взволнованный голос Чапаева:

— Ваш брат, комиссары, все на один лад: просвещать бойцов, говорят, надо. А когда этим заниматься? Ведь казару и прочих бандитов бить каждодневно надо и гнать безоглядно. Вот разве несознательных просвещать, которые то вперед, то назад посматривают, — тогда другое дело.

Увидев меня, приветливо сказал:

— Принимай гостей, жданных аль нежданных — всё едино. Дивизию формировать будем.

Я ответил, что знаю об этом от начдива Захарова, которому приказано передать три полка.

— Без этого никак не возможно, — перебил меня Василий Иванович, — Чапаев ли будет формировать аль кто другой.

Тут никуда не денешься — фронт. За Волгой ежели бы формировать, там другое дело, а тут кругом казаки, неспокойно.

Чапаев перешел к разговору о цели своего приезда.

— Твой Балашовский вместе с Пензенским мне тоже придан, — сказал он и пытливо взглянул на меня и комиссара: какое, мол, произвел впечатление.

— Будете смотреть полк? — спросил я.

— Незачем, не привык, не люблю и не углядишь всего сразу, что требуется.

— Бойцам интересно: сам начальник дивизии Чапаев смотреть будет! — поддержал меня комиссар полка Самсонов.

— Повидают не раз. Непременно буду в ротах, батальонах.

Завсегда с них начинаю. Как же иначе! — сказал Чапаев безапелляционно.

Он также интересовался количеством штыков в ротах, в командах, сабель в эскадроне, пулеметами. А ещё — имеются ли гранаты и, одним словом, — боеприпасы. Словом, все, что характеризует боевой состав и огневую мощь. Сопровождавшие Чапаева товарищи записывали мои ответы.

— Не люблю кольтиков, — неодобрительно отозвался Василии Иванович о пулеметах Кольта, которые имелись в командах полка.

— Обуза с ними в цепи: при перебежках за собой не потянешь, а как ствол накалился докрасна — прекращай огонь, меняй его. А разве враг будет поджидать, пока заменишь! Вот «максим» не подведет, ежели пулеметчик при нем что надо, только ленту подавай, коси противника!

Чапаев переходил с одного вопроса на другой, замечания чередовались советами:

— Сабель в эскадроне маловато. До сотни-полутора надо иметь, вот это будет эскадрон!

Я не пытался возражать, да и, собственно, нечему было: Чапаев прав. Но не удержался, чтобы не сказать по опыту кавалериста, что не каждого бойца на коня посадишь, если и есть лишние седла; а так, для счета-пользы мало: при первой же схватке с казаком потеряешь и бойца и лошадь. Учить надо и езде, и рубке.

— Верно! Обязательно нужно учить, без этого никак нельзя, — согласился Чапаев, а потом спросил:

— Ты, говорят, специалист в конном деле? А?

Я ответил, что большим специалистом себя не считаю, но три года воевал в гусарском конном полку в мировую войну. И дослужился до вахмистра эскадрона...

— Три года! Вахмистр! — наука в кавалерии, чего говорить, а сейчас пехотой командуешь, — одобрил Чапаев.

— Не пришлось формировать конного полка, пехотный дали, да и сформировать его скорее.

— Конечно, — перебил меня Чапаев, — не только люди — лошади, седла и всякая упряжь потребны. Теперь конный полк будем формировать. Очень нужно. И как нужно! — повторил он. — И командир к нему должен быть из конников. — Василий Иванович обратился к своим спутникам: — Ломал голову с вами, а командир кавалерийского полка — рядом.

— Как ты на это смотришь? Согласие будет? — спросил он меня.

Я не ожидал такого предложения, но считал, что дело с

новым назначением без командования армии не решится, о чем и сказал Чапаеву.

То ли он не понял, а вероятнее всего, не хотел согласиться с тем, что решать будет штаб армии, но нервно подернул усами, и, как мне показалось, на лице его изобразилось недовольство: мол, зачем пристегнул штаб.

— Штаб, конечно, — с неохотой протянул он, — да ты не сомневайся: раз Чапаеву доверили, он, значит, и командиров должен подбирать себе сам. Заместителя на Балашовский полк найдем. Да вот он — Ухов. Готовый командир, из фронтовых подпрапорщиков, — кивнул Василий Иванович на сидящего рядом с ним молодцеватого мужчину лет 22-х, с открытым приятным лицом, с шашкой в серебряной оправе, в черной папахе, как у самого Чапаева.

— Так как же? — вновь спросил он у меня.

Я ответил, что с полком сроднился, привык, а переходить в другую часть, пусть даже конную, нецелесообразно.

— Прикажут — подчинюсь, а чтобы с охотой — нет.

— Без охоты чего говорить. Чай не дружка на свадьбу приглашаю, — с нескрываемым недовольством сказал Чапаев и больше на своем предложении не настаивал.

— Донесение в штаб армии отправить нужно, — изменил он тему разговора, — а то когда ещё обратно доберемся!

И тут же продиктовал донесение командующему 4-й армией: «Сего числа Балашовский и Пензенский полки полностью принял. 4-й Николаевский полк пока задерживается в Ивантеевке начдивом Захаровым. Прошу подтвердить скорейшую передачу его в мое распоряжение. Начдив 2-й Николаевской ЧАПАЕВ».

Вечерело. Чапаев собрался в обратный путь. Все подошли к коновязи.

— Где расположился ваш штаб? — поинтересовался я.

— Штаб? — переспросил Чапаев, — при мне он, весь тут: Потапов, Ухов, Стрельцов, — называл он своих спутников, — да трое в Николаевске остались. Вот и весь штаб для первого раза. Только в Николаевске делать нечего. Корнеевку облюбовали. Место подходящее по всем статьям и к вам ближе. Завтра же перемахнем туда, — и он тронул коня.

— Да вот что! — крикнул Василий Иванович мне уже на пути. — Один батальон с пулеметами — в Корнеевку. И тебе со штабом туда перебраться! Завтра к вечеру! Чтоб были!

Через сутки в штаб полка поступил письменный приказ Чапаева, который гласил:

ПРИКАЗ ПО 2-й НИКОЛАЕВСКОЙ ДИВИЗИИ №1
г. НИКОЛАЕВСК, 22 сентября 18 г.

§1. Личным приказом врид командующего 4-й армией я назначен начальником 2-й Николаевской дивизии и сего числа вступил в командование ею.

§2. Политкомиссаром вверенной мне дивизии назначен товарищ Седельников и политкомиссаром штаба дивизии - тов. Базанов.

СПРАВКА: Удостоверение Реввоенсовета 4-й армии №799 от 22.9.18.

§3. Объявляется список частей, входящий в состав вверенной мне дивизии:

1 — Балашовский полк. 2 — Пензенский полк. 3 — 4-й Николаевский советский полк.

§4. Объявляется список командного состава штаба вверенной мне дивизии:

1. Галактионов Петр — начальник штаба дивизии
2. Чеков Петр — начальник оперативной части штаба дивизии
3. Долгушев Иван — помощник по административной части
4. Белов Георгий — начальник канцелярии
5. Орехов Николай — казначей дивизии
6. Чулков Алексей — делопроизводитель по снабжению
7. Молофеев Николай — делопроизводитель по инженерному снабжению
8. Сердюков Дмитрий — для поручений по артснабжению
9. Вехов Александр — заведующий этапной частью

НАЧДИВ
ЧАПАЕВ
ВОЕНПОЛИТКОМ
СЕДЕЛЬНИКОВ

В конце сентября Чапаев получил боевой приказ командарма. На пакете и в тексте приказа № 422 от 30 сентября 1918 года адресовалось: «Начальнику ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА тов. Чапаеву». Таким образом, Василий Иванович узнал, что 8 дней назад он был назначен начальником такой дивизии, которую оставили маломощной бригадой в составе двух неукомплектованных полков, а теперь командарм официально именовал её «ПАРТИЗАНСКИМ ОТРЯДОМ» и его, Чапаева —

«партизаном»!

Итак, власть, пользуясь своим правом и положением, изощрялась в унижениях! Но Чапаев не выбросил унизительную бумагу, именуемую приказом. Он даже не стал бороться с врагами Советов действительно партизанскими методами. Командир Красной Армии, он был выше по всем вопросам вридствовавшего командарма IV, цирюльника Хвесина.

В полученном приказе № 422 говорилось, что в связи с переходом в наступление на Самарском и Уральском направлениях отряду следует выступить на Кузябаево, Ишимбаево и долину реки Таловой. А для поддержания связи с другими частями, действующими к югу, приказывалось ядро отряда иметь с 3 по 4 октября — в Кузябаеве, с 5 по 7 октября — в районе Ишимбаева. Отряду ставилась задача к 12 октября перерезать путь на север от Уральска в районе хуторов Чаганский и Новоозерный. Но не было сказано, где находились эти части и также каким образом держать с ними связь. Чапаев не располагал ни силами, ни средствами, чтобы иметь хоть какой-нибудь контакт с ними.

Снова выходило, что командарм-4 занимался фикцией. Он лишь обозначал линию фронта, вместо того чтобы грамотно сосредоточить силы на Самарском и Уральском направлениях и лишить его возможности маневра.

После того как красные войска освободили Казань и Симбирск и пошли на Самару, в частях белогвардейцев началась паника и бегство на Бугуруслан и Бузулук. Самарским «правителям» было не до Уральска, а Уральск и не мог им оказывать помощь, имея перед собой нацеленную на него дивизию. Следовательно, перехватывать 300-километровую рокадную дорогу Уральск-Самара, а затем немногим меньшую дорогу Уральск-Бузулук не имело смысла. И было непонятно, почему все-таки к этому так стремится командарм-4.

Эти дороги значения для противника совсем не имели, а потому там его и не было...

На Николаевскую дивизию возлагалась задача пройти с боями на восток до 200 километров и перерезать упомянутые выше дороги на участке 40-65 км севернее Уральска. Это была фантастически сложная задача. Предстояло фактически наступать на Уральск, а затем выйти севернее его на правый фланг казачьей армии, действуя в отрыве от своих войск. К тому же Уральская дивизия, которой предстояло наступать на Уральск, находилась в 150 км от него!

Рано утром 2 октября Василия Иванович получил

телеграмму, в которой сообщалось, что он и комиссар Седельников вызываются на станцию Рукополь к поезду, которым следуют командарм Хвесин, член Реввоенсовета Линдов и член Реввоенсовета Республики Кобозев, которые выехали из Покровска (Энгельса) в 23 часа. К сожалению, точное содержание разговора не известно, но, несомненно, он касался Николаевской дивизии, предстоящих задач и решения складывающейся ситуации.

Дивизии предстояло активными до дерзости наступательными действиями на Уральск максимально привлечь на себя внимание уральских казаков, действовавших против Уральской дивизии, а также обезопасить тыл главных сил IV армии. Но ни сил, ни средств во вновь организованной Николаевской дивизии для выполнения такой задачи не было. На учете был каждый человек, каждая винтовка и каждая лошадь.

Наглядный пример приводят очевидцы тех событий, о том, как мало возможностей было у Василия Ивановича в самом начале формирования 2-й Николаевской...

«...Для набора добровольцев посылали командиров частей и подразделений, работников штаба дивизии. Выезжал и сам Василий Иванович. Командированные выступали на сходах сел, хуторов и агитировали вступать в Красную Армию. В селениях, расположенных близко к фронту, набор добровольцев проходил успешнее — население быстро откликалось на наши призывы. Вероятно, хорошо познало «прелести» белоказачьего хозяйничанья в этих местах: те, кто жил подальше от линии фронта, поглядывали друг на друга, выжидали, кто первым объявит себя добровольцем, а иные кивали на соседа: «Кузьмич, записывайся, что тебе: один как кол на заимке, польза опчеству и сам в почете».

Но по-иному получалось у Чапаева. И вовсе не потому, что обладал он ораторским талантом. Речи порой были у него сумбурны, пересыпаны едким остроумием, прибаутками, присловиями и «солеными» словечками. Но всегда отличались своей простотой, доходчивостью и искренностью. Это очень пленяло окружающих. Это «било», что называется, в самую точку, и цель достигалась. Сам тон и манера держаться, вглядываясь пристально в лица присутствующих, доброжелательная улыбка тем, кто ему нравился, и сверкающие гневом глаза, наполненные ненавистью к врагам, гипнотизировали и волновали толпу.

Слушали Чапаева, как правило, с открытыми ртами. Одобрительно поддакивали, и никогда он не возвращался со

сходов без добровольцев служить под его командованием.

— Год воюет Чапаев с казарой и прочими бандами, вас же обороняет от этих извергов и сволочей, — говорил он на сходе в селе Вязовка. — А где они, казаки-то? В Уральске?.. В Семеновке, небось, слыхали, какую резню устроили, сколько народу перебили! А завтра в Вязовку, к вам нагрянут. Им что: крестьян, мужиков жалко? Как бы не так: пожалел волк кобылу. На Чапаева надежду имеете? Конечно, Чапаев обиды не позволит, сам такой, ваш же, крестьянский, из мужиков — завсегда за крестьянское и рабочее дело...

И тут же после его выступления в одной только Вязовке записалось добровольцами 42 человека и в их числе 10 кавалеристов.

Обычно Василий Иванович старался сам лично побеседовать с вновь прибывшими, чтобы разъяснить популярно и доходчиво, с кем и как человеку придется воевать. Надо было дать правильное направление, разъяснить, что теперь тот будет сражаться за правое дело всех бедняков, рабочих и крестьян.

Однажды среди добровольцев оказался житель села Клопиха Дмитрий Моргунов. Явился он не один, а с молодой женой и своим отцом.

— Василь Иваныч, а как же быть с молодухой, с бабой, значит, Дмитрия? — обратился к Чапаеву отец Моргунова.

— О чем жалеешь? — переспросил Василий Иванович.

— Не то чтобы жаль, а ведь два работника сразу уходят. Убыток, значит, хозяйству. Ведь наотрез баба отказалась оставаться. Вот и пришла вместе с Митькой. Пристыди её, а мне теперича с ней не сладить, — досадовал старый Моргунов.

— А-а-а! — рассмеялся Чапаев, — что же, один в хозяйстве, вдовый, значит? — И, не дождавшись ответа, обратился к молодке:

— Ты и впрямь решила в Красную Армию? Зовут-то тебя как?

— Ксения я. Не для того шла в их дом за Дмитрия. Уйду с ним служить в вашей армии, а не примете — вернусь к матери, — с каким-то отчаянием ответила женщина.

— Знать, неспроста взбунтовалась Ксюша, коль не хочет оставаться у тебя, папаша, — серьезно сказал Чапаев. — Но двоих брать пока не можем. Помогать же Красной Армии ты сможешь и дома, в хозяйстве. Где будешь работать — у матери аль свекра — все едино. А для Советской власти и так и эдак выгодно. Ты уж, папаша, не неволь её, а мне таких прав не дано. Вот скоро закончим войну и все вернемся домой, — примирительно закончил Василий Иванович, как оказалось, к общему согласию и

удовлетворению.

А иной раз к Чапаеву обращались по делам женитьбы, сватовства или даже развода. Однажды пришла к Василию Ивановичу беременная молодая женщина. И рассказала ему о том, что один боец из его дивизии не хочет на ней жениться. Вот обещал, соблазнил и бросил...

Василий Иванович попросил своего ординарца позвать этого красноармейца. После того как тот явился, Чапаев его спросил, его ли «рук» дело? Боец утвердительно кивнул и покраснел.

— Тогда почему же не женишься? — строго спросил начдив.

— Вот, — мямлил красноармеец, переминаясь с ноги на ногу, — любил, а теперь разлюбил.

— Разлюбил, говоришь? — сдвинул брови Чапаев. — А может, струсил? Так вот, даю тебе два часа, нет, даже час на решение этого вопроса. Если через час ты не обещаешь девушке райской жизни, не женишься на ней, то и из дивизии — вон! Мне предатели на фронте не нужны. Ежели ты бабу предал, меня — подавно сможешь! А Красной Армии такие на дух не нужны. Понял?

Через пятнадцать минут боец и его суженая подошли к Василию Ивановичу и объявили о своей свадьбе. Гот очень обрадовался, велел тому же ординарцу «слетать» в сельсовет и принести печать. И уже через полчаса на листе белой бумаги было написано рукой Чапаева, что такого-то числа, такого- то месяца и такого-то года красноармеец такой-то сочетается законным браком с девицей такой-то... И подпись, и печать, все как положено: начальник 2-й Николаевской дивизии Чапаев и сельсоветовская печать. Брак законный, как и полагается...

А ещё приходилось быть свидетелями паломничества к Чапаеву. Слушать его беседы с людьми и не раз удивляться, что никто ему не перечит, все соглашаются с его решением и советом.

«Как решил Василий Иванович, так тому и быть должно», — говорили крестьяне, уходя от него.

Добровольцы поступали, но часто их было недостаточно для формируемых частей и пополнения полков, ведущих бои. Нет-нет да и скажет Чапаев с сожалением на совещании командиров: «Одними добровольцами не создашь дивизию, ведь не полк, не отряд — много людей надобно».

Чапаев появлялся во всех формирующихся частях, подразделениях, поспевал и туда, где шли бои. И редкий день не бывал он в органах снабжения армии. Служебная субординация по линии снабжения для него значения не имела. Без всякого

стеснения бичевал он тех, кто не сразу удовлетворял его требования, называл их «зажимщиками».

— Ишь, интендантские крысы! Привыкли зажимать! Ан нет, с Чапаевым не выйдет — не из таких! — пушил он снабженцев.

— Ты бы, Василий Иваныч, полюбезнее с ними, как бы чего не получилось. Как никак — армия, — пытался урезонить Чапаева политком штаба Базанов.

— А за что их любить? — не унимался Василий Иванович. — Как были интендантскими крысами, так и остались. Разве не так?

В оценке должностных лиц служб снабжения армии, особенно из так называемых «бывших», Чапаев придерживался мнения, снискавшем себе дурную славу. И переубедить его было практически невозможно.

Большое внимание Чапаев уделял формированию кавалерийского полка, которое протекало в основном гладко. Но «споткнулись» на седлах: нет их и достать негде, просто беда.

Тогда Чапаев приказал отобрать седла в тыловых подразделениях. Спешил кого нужно и не нужно. «Обойдетесь, — говорил, — пока не разбогатеем». И так в каждой части и команде. Осмотрел все склады — пусто. И кто-то подал мысль послать запрос в Москву. Там, мол, не откажут. Только вот когда их дождешься? На себе не привезешь, а багажом — словно улитку жди. Поезда ходили черепашьим шагом. В общем, отказался Чапаев от этой идеи.

Но кавалерийский полк не ждет. Там люди, лошади... Только успевай сажать людей на коней и репетировать, ведь бои на носу. Думал Чапаев долго, но все-таки нашел выход. Приказал мобилизовать по всей округе шорников и всех, кто мало-мальски соприкасался с шорным делом. Послал в Николаевск с наказом без шорников не возвращаться.

Собрали тогда полтора-два десятка человек, посадили их в доме рядом со штабом дивизии. И всю кожу, найденную по близлежащим селам, свезли сюда же.

— Советская власть и Красная Армия отвесят вам низкий поклон! — подбадривал Чапаев дружно работавших шорников, навещая их.

Хорошо ли, плохо ли, а седла изготовили. Тяжелая забота свалилась с плеч Василия Ивановича. Очень уж он возлагал большие надежды на Гарибальдийский полк.

Но были и другие трудности. Немногочисленный штаб дивизии во главе с Петром Галактионовым едва успевал представлять в штаб армии точную и своевременную отчетность: не было машинисток или хотя бы опытных писарей.

— Как дела, начальник штаба? — спросил Чапаев у Петра

Галактионова, возвратившись как-то после поездки в части.

Обычно спокойный и уравновешенный, но теперь измаявшийся над бумагами, Галактионов будто взорвался.

— Какой из меня начальник штаба? И вообще, какой у меня штаб? Ты уехал, забрал Стрельцова, Ухова и работать некому. Требуют десятки сводок, разных там ведомостей... Вот, посмотри, какую кипу бумаг прислали, и всем в срок отвечай!

— А что делал Чеков — твой законный помощник?

— Что Чеков! Такой же штабист, не больно-то он силен.

— Знаю, знаю, Петя, — успокоил Чапаев Галактионова. — Командующий Хвесин обещал прислать опытных штабистов, я не раз говорил ему об этом. А насчет «не могу» — забудь. Вон Хвесин — саратовский парикмахер, окопный унтер- офицер, а сейчас армией командует. Я — плотник, а стал начдивом. А ты — потомственный маляр, хуже их, что ли? Такое, брат, дело — революция...»

Уже на следующий день после встречи с командармом Хвесиным на станции Рукополь Чапаев официально доносил, что приказ № 422 выполнить не может. Единственный броневик был совсем не исправен, к тому же не было горючего. И несмотря на все его усилия, снаряды так и не были получены. По его словам выходило, что везде он встречал «тормоз». Кроме того, Василий Иванович высказал мнение, что считает совсем нецелесообразным оставлять уже занятые с боями населенные пункты, чтобы идти в места, указанные в приказе. Это сможет открыть прямой путь уральским казакам в тыл Самарской дивизии.

Василии Иванович просил об отмене или подтверждении приказа: «В последнем случае, — писал он, — брошу броневик (казакам) и буду выполнять задачу».

Кстати, это не было его личным капризом. Это было мнением, имевшим смысл. Кроме Чапаева, телеграмму подписали начальник штаба Галактионов, начальник оперативной части Чеков и комиссар дивизии Седельников (без подписи которого как комиссара в то время никакие документы не отправлялись и считались недействительными). Таким образом, командование Николаевской дивизии считало, что при такой неукомплектованности и необеспеченности войск отправляться в рейд к Уральску нельзя. И оставлять позиции на основном направлении уральских казаков к Самаре тоже невозможно.

О решении командования содержать вместо Николаевской дивизии отряд в штате отдельной бригады этой же телеграммой запрашивалось: «Пензенский и Балашовский полки составляют бригаду, командиром которой является Потапов. Никаких других отрядов отдельной бригады здесь нет. Прошу разъяснить: кому

оставаться бригадным командиром — Потапову или Чапаеву?»

Василий Иванович понимал, что при назначении его на дивизию был снова обманут. Потому, не желая оставаться и далее в ложном положении, сделал официальный запрос. Врид начальника штаба IV армии ответил, что Потапов остается на своей должности — командира «пехоты», а Чапаев — начальником всего отряда, то есть двух полков пехоты и одного полка кавалерии. Ответ, в общем, был ясный, но не убедительный. Так как кавалерийский полк входил в штат бригады, но фактически его не было, и ничего для его организации командованием армии не делалась. Получалось, что Чапаев становился командиром бригады над командиром бригады Потаповым.

Хвесина такое положение не удовлетворяло. Он подводил Чапаева к окончательному устранению и действовал при этом очень методично.

Он не стал отвечать Василию Ивановичу прямо, как сделал это врид начальника штаба. Он телеграфировал Чапаеву так: «Отставка ваша от командования дивизией не принимается... Реввоенсовет армии напоминает вам всю важность положения участка, занимаемого вверенными вам частями, и ставит на вид вашу ответственность в случае самовольного оставления командования дивизией и неисполнения приказаний, исходящих из штаба армии».

Получалась полная бессмысленность: Чапаев о своем желании и тем более самостоятельном оставлении бригады не писал. Он просто запросил, кому быть бригадным командиром. И всё.

Ознакомившись с такой формой приказа, в виде телеграммы от Хвесина, Чапаев решает отдать свой приказ. Пензенскому полку одним батальоном при двух орудиях приказывалось выступить на час раньше общего наступления, обойти хутор Растяпин с севера и, таким образом, отрезать противнику путь к отходу.

В 21 час того же дня он докладывал, что неприятель встретил наши полки артиллерийским огнем, который затих лишь с наступлением темноты. А пятого сентября в штаб армии было донесено, что после жаркого боя, продолжавшегося 5 часов, заняты хутора Растяпин, Масловский и Каменский. В бою со стороны противника участвовали 3-й Уральский учебный казачий конный полк, Гурьевский пехотный дивизион и белогвардейская.

При первом ударе с помощью броневика было захвачено 3 орудия, но была подбита сама машина. И тогда противник, воспользовавшись этим обстоятельством, перешел в контратаку.

Он вернул свои орудия и захватил бронемашину. Повторной атакой у противника были отбиты броневик, три орудийных передка и два пулемета. Тогда неприятель сбросил в реку орудия, оставил около 200 убитыми и ОТСТУПИЛ.

В плен было взято 32 человека, из них — 2 офицера и 5 возов со снарядами. Потери наших частей составили: 3 человека убитыми, 9 раненых. Потеряно 15 лошадей. В бою участвовали все работники штаба. Они шли вместе с рядовыми красноармейцами. В цепи также шли начальник штаба и начдив Чапаев. У Василия Ивановича было серьезное ранение в руку.

Вечером 5 октября Чапаев приказал Пензенскому и Балашовскому полкам к 18 часам б октября взять село Кузябаево. Кавалерийскому полку установить связь с упомянутыми полками и выступить на Ишимбаево. Разведку выслать на село Перелюб. Штаб дивизии переместить в хутор Кочетки, в восьми километрах восточнее села Любицкое.

В связи с продвижением частей от Николаевска к границе Уральской области более чем на 100 километров Чапаев просил штаб IV армии прикомандировать к нему для связи телеграфное отделение. Но все просьбы просто игнорировались. Василий Иванович постоянно сообщал в штаб армии, что в ожесточенных боях они несут большие людские потери. Сообщал о том, что силы противника во много раз превосходят их части. Постоянно просил пополнения, укомплектования вооружением, транспортом, боеприпасами. Но штаб словно вымер. Ни одного ответа на все просьбы и требования. Будто Чапаева и его частей не существует вовсе...

Между тем положение всё более и более осложнялось. И без того скудное обеспечение дивизии из-за большой удаленности от баз снабжения и отсутствия механизированного транспорта резко ухудшилось. Управление полками при слабых и ограниченных средствах связи осуществлялось конным способом и личным общением. Когда требовались маневренные характеры боевых действий быстрые решения в изменениях обстановок, то проделать это было практически невозможно. Чапаев не успевал побывать на всем протяжении фронта. А это — верный проигрыш.

Василии Иванович, видя и понимая, что его просьбы командармом Хвесиным просто не берутся в расчет, в 20 часов '5 октября телеграфировал командарму, что будет на него жаловаться Центральному Исполнительному Комитету. В, телеграмме говорилось, что ему ставят задачу, но совсем не обеспечивают её выполнение. Вместо давно обещанных автомашин в дивизии имеется только одна и то негодная...

ДОНЕСЕНИЕ В.И. ЧАПАЕВА

КОМАНДУЮЩЕМУ 4 АРМИЕЙ С ПРОСЬБОЙ... 5 октября 1918 г.

19 ч 55 мин.

Тов. Хвесин, я буду жаловаться на вас Центральному Исп(олнительному) Комитету: уже прошло ... месяца, как вы шлете 7 машин, и до сего времени у меня одна машина и то негодная. Вы приказ мне даете и требуете его выполнить, но пешком по всему фронту я ходить не могу, верхом мне ездить невозможно. Как вам известно, у меня вышиблена рука и порваны жилы, управлять лошадью не могу, а полки стоят очень далеко и во время действий мне необходимо как командиру быть при них. Поэтому прошу выслать мне для дивизии и для дела революций один мотоциклет с коляской, 2 легковых автомобиля, 4 грузовика для подвозки снабжения. За невысылку таковых я обязан сложить с себя обязанности, не считаясь ни с какими приказами, о чем довожу до сведения.

НАЧДИВ ЧАПАЕВ

(И на этом документе стоит резолюция врид начальника штаба С.А. Меженинова.

Начинарму — справку, сколько и когда отправлено автомобилей в отряд Чапаева.

6 октября. МЕЖЕНИНОВ)

И все же Чапаев делал почти невозможное... Полки с боями продвигались вперед. К 9 часам 7 октября Балашовский полк овладел Нижней Покровской. Пензенский наступал на Агеевку, кавалерийский освободил села Ишимбаево и Перелюб. И в 19 часов 8 октября Чапаев сообщает в штаб армии:

Доношу, что полки Николаевской дивизии с боем заняли следующие села: Николаевку, Кузебаева, Ишимбаева, потерь с нашей стороны нет.

Наша разведка прибыла на хут. Бенардак, где был казачий склад продуктов и фуража, захватив одного пленного казака, который оказался поставщиком продуктов и фуража. По сведениям пленного, продукты и фураж увезены, куда, не

выяснено. Противник отступил на хут. Вечно-Молоканский, стоящий на р. Таловка близ с. Таловый на расстоянии в три версты. На р. Камелик, восточное с. Перелюб в поселке Юртавский и окружающих его хуторах находятся 400 казаков.

Начальник оперативной части
ЧЕКОВ
Политком
СТАУВЕР

В тот же день...

ЗАПИСЬ РАЗГОВОРА ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ ПОМОЩНИКА НАЧАЛЬНИКА ОПЕРАТИВНОГО ОТДЕЛА ШТАБА 4 АРМИИ КУЗНЕЦОВА И В.И. ЧАПАЕВА О ПОЛОЖЕНИИ НА УЧАСТКЕ ДИВИЗИИ

8 октября 1918 год

(КУЗНЕЦОВ): — У аппарата пом. начоперод Кузнецов.

(ЧАПАЕВ): — У аппарата начдив Чапаев.

(КУЗНЕЦОВ): — Просим указать место расположения полков вашей дивизии.

(ЧАПАЕВ): — Пензенский полк — на хут. Холманский. Балашовский полк — в ауле Шинтаево. Кавалерийский полк — в Николаевке. 9-го утром перейдут в наступление на хут. Вечно-Молоканский, который стоит на реке Таловка, левее на три версты с. Таловый. Из башкирских деревень в наши полки поступает много добровольцев, для которых требуются винтовки, а винтовок в полках не имеется и шинелей нет. Прошу прислать.

Настроение населения хорошее. В русских деревнях встречают Красную Армию со звоном колоколов. На хут. Бенардак взят один казак в плен, который поставлял фураж для войска. Восточнее Перелюба на реке Камелик расположены хутора казаков, стоит 600 (человек). На хут. Вечно-Молоканский ив с. Таловый 1-й учебный Уральский полк и 3-й Уральский. От Шипово прибыло два эшелона стариков по направлению на Цыганский хутор. 1 Гурьевский дивизион ушел на Семиглавый Мар и ещё какие-то части находятся в Балашове. Какие именно, не выяснено. Больше ничего сказать не могу.

(КУЗНЕЦОВ): — Благодарю вас, до свидания.

И еще...

РАПОРТ В.И. ЧАПАЕВА В РЕВВОЕНСОВЕТ РЕСПУБЛИКИ 0 НЕОБХОДИМОСТИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИЧЕСКОГО ОСНАЩЕНИЯ ДИВИЗИИ

8 октября 1918 г.
ВНЕ ВСЯКОЙ ОЧЕРЕДИ

Доношу до вашего сведения: я выбился из сил, мне командарм 4-й не дает развитая на фронте, без чего я жить не могу. Желаю воевать или отстать. Вы назначили меня начальником дивизии, но вместо дивизии дали растрепанную бригаду, в которой всего 1000 штыков. Самостоятельным полком можно назвать только один. Хотел пополнить и сделать полные полки и поспешить взять г. Уральск, в чем моя задача, но пополнений мне не дают. Ко мне со всех сторон идут добровольцы, которые хотят умереть со мной вместе за Советскую власть и очистить страну от бандитов. Но винтовок мне не дают, шинелей нет, люди раздеты. В ряды много вступило башкир и татар, которые с песнями уходят из своих деревень и аулов и хотят дружно ударить на казацкие и кулацкие банды под руководством моим, чтобы больше нога бандитов не вступала не только в Николаевский уезд, но и не было чтобы и в Сибири.

В настоящий момент стою на казацкой границе. Имею 60 0 человек невооруженных, которые с палками стоят в рядах вверенной мне дивизии. До сего времени нет ещё ни одного автомобиля. Пулеметов во вновь сформированном полку всего один. В Балашовском — 9. Словом, во всем мне задержка — хлеб, снаряды подвозить не на чем. Казаки в Уральске имеют бронированный автомобиль, который курсирует на моем участке. У меня такового не имеется, в чем прошу вашего содействия дать мне возможность исполнить обещанное мною вам слово, во что бы то ни стало в скором будущем взять Уральск, для чего требуется техническое вооружение.

Начдив Николаевской ЧАПАЕВ Политком СТАУВЕР

И далее...

РАПОРТ В.И.ЧАПАЕВА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ВСЕМИ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ РЕСПУБЛИКИ И.И. ВАЦЕТИСУ О

НЕОБХОДИМОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДИВИЗИИ АВТОМОБИЛЯМИ

8 октября 1918 года

Довожу до вашего сведения, что 2-я Николаевская дивизия 4-й армии находится от линии железной дороги в 130 верстах, куда вся доставка снарядов и патронов очень затруднительна. Обоза своего нет, и я неоднократно обращался с просьбой к командующему 4-й армии о снабжении 2-й дивизии автомобилями, что и было приказано лично председателем РВСР Троцким дать мне 7 автомобилей, из них 3 легких, 4 грузовика полуторатонных, но до сего времени я имею только один грузовой автомобиль и тот изломанный. На моем участке телеграфной и телефонной сети нет, поэтому не представляется возможным своевременно доносить о положении дел на фронте, для чего необходимо хотя бы два мотоциклета. Во время боев мне приходится от фланга на фланг для лучшего управления боем ездить в тарантасе на лошадях, по чему противник бьёт беспощадно артиллерийским огнем. Верхом мне ездить нельзя, ввиду вышиба моей правой руки, которую ношу на повязке, я просил у командарма-4 один мотоциклет с коляской, но тоже не получил, в чем и прошу вашего содействия для всеобщего успеха на фронте.

Начдив
ЧАПАЕВ
Политком
БАНЫКИН
Начальник штаба
ГАЛАКТИОНОВ

И все это, к большому сожалению, опять тщетно. Попытка Василия Ивановича заставить командарма считаться с нуждами дивизии не имела успеха. О его телеграмме было сообщено опять же тому же Хвесину, который в свою очередь донес Троцкому, что развертыванию отряда не только не препятствует, но и всеми мерами способствует. Мол, Чапаев снабжается всем необходимым, и, к сожалению, часть грузов, направляемых в Самарскую дивизию, систематически задерживает по дороге.

Это донесение выше всяческой критики. Потому что никаких мер по развертыванию отряда в дивизию не производилось и даже не планировалось. Единственный кавалерийский полк, созданный заново, формировался Чапаевым по деревням абсолютно без участия командования. И уж тем более штаба армии.

А заявление о том, что Чапаев занимается перехватом грузов — вымысел неграмотного цирюльника Хвесина от начала до конца...

И если даже допустить такое, что Василий Иванович все же был способен на такое, достаточно только взглянуть на карту, чтобы убедиться в несостоятельности такого заявления. Чапаев шел на юг и вел бои в 70 км от Уральска, тогда как Самарская дивизия шла на север и была к тому времени в освобожденной ею же Самаре. Расстояния между дивизиями, действующими в противоположных направлениях, составляло 300-500 километров. Интересно, откуда и какими путями шли грузы к Самаре, которые мог «перехватить» Чапаев, находившийся под Уральском?! Тем более не имевший связи...

Положение Николаевской дивизии становилось с каждым днем всё безвыходнее и безвыходнее. Вместо помощи из дивизии были отозваны (без замены!) комиссар Седельников, комиссар штаба дивизии Баныкин и другие работники.

За Седельникова и Баныкина остались политработники Стаувер и Базанов, назначенные в дивизию политотделом армии всего лишь 5 октября...

Начальник штаба дивизии Петр Галактионов, выехавший в штаб армии, был оставлен в Самаре и больше в дивизию не вернулся. И все-таки, несмотря на все эти трудности, дивизия продолжала наступление и 11 октября Пензенским полком овладела селом Таловое, Балашовским — хутором Вечно-Молоканский Гарибальдийским кавполком — хутором Канаевский. Притом за семь дней она прошла более 100 километров.

Приказом по IV армии №1 от 12 октября командующий подтверждал ей прежнюю задачу. Эти определялись дальнейшие действия всей армии после освобождения Самары.

Содержание приказа позволяет судить об складывавшейся обстановке, об уровне оперативного мышления и руководства, лучше понять дальнейшее положение Николаевской дивизии и весь её драматизм...

«Войска IV армии, — говорилось в приказе, — заняли Самару, ст. Кинель и Семиглавый Мар. Дальнейшая задача армии — наступление правым флангом на Уральск и главными силами — на Бузулук и Оренбург Ближайшей задачей армии ставлю овладение Уральском, для чего:

Самарской дивизии удерживать линию Н. Семейкино, дд. Падовка, Сырейка, Н. Студенцы, ст. Кинель, Бобровка, Спиридоновка и Никольское (Домашкино).

Вольской дивизии перейти через Марьино и Пестравка в

район Большая Глушица, согласно телеграммы № 1609.

4-му Малоузенскому полку войти в состав Вольской дивизии, немедленно перейти в Яблоновый Гай и Б. Глушицу и удерживать её до подхода Вольской дивизии, заняв сильными заставами дд. Ореховка, Морша, Пестравский Выселок и Августовка (Лемеховка).

Отряду Чапаева (по телеграфу) энергично продвинуться на линию Игумново, Умет Переметный, имея дальнейшей задачей перерезать дорогу из Ореховки к Уральску на участке Новоозерный, Красный.

Уральской дивизии (по телеграфу) продолжать энергичное наступление на Уральск. Ближайшей задачей ставлю овладение ст. Шипово, для чего вторую бригаду направить с фронта вдоль железной дороги и Мусульманский полк по дороге от форпоста Чижинский 1-й на Шипово для удара во фланг, а остальные два полка 1-й бригады перевести в форпосты Чижинский 2-й и 1-й. Конную бригаду направить для захвата Переметное.

Отряду Винермана (по телеграфу), обеспечивая правый фланг армии, прочно удерживать занимаемое положение.

Всем дивизиям и отрядам поддерживать тесную связь по фронту».

Как думал командующий и его штаб поддерживать тесную связь по фронту между дивизиями и отрядами, которые находились друг от друга на расстоянии более 150 километров?

Получалось, что главные силы армии наступали на Бузулук и Оренбург, а совсем не на Уральск. Это во-первых.

Во-вторых, главные силы армии к выполнению ближайшей задачи не привлекались. А именно от них и зависело успешное выполнение операции. Более того, им приказывалось лишь удерживать линию фронта, а не наступать. И если знать, что противник в этом направлении не наступал, а отходил, это по меньшей мере выглядело странным...

Получалось, что замысел операции выглядел не лучшим образом, а точнее — он вовсе отсутствовал.

И все последовавшие за этим приказы и распоряжения тяжело отразились на войсках. Цель не была достигнута. При неиспользовании сил Самарской дивизии и плохом руководстве Уральской Уральск так и не был взят...

Командование белоказачьей уральской армии, зная, что Самара взята красными войсками и наступает очередь Уральска с Оренбургом, не было пассивным. Помимо налаживания связи с оренбургским казачеством, решило уничтожить пробивавшийся к Уральску отряд Чапаева. Им было необходимо это сделать, пока к частям Чапаева не подошли другие войска. К тому же Уральская

дивизия, имевшая главной своей задачей овладеть Уральском, совсем не преуспевала. Так, заняв 6 октября на границе Уральской области станцию Семиглавый Мар, она до 17 октября совершенно не продвигалась. Именно ее инертность и способствовала осуществлению замысла противника в ночь на 13 октября.

В селе Таловое, где находились полки Чапаева, сосредоточились казачьи части. С утра 13 октября противник при поддержке артиллерии перешел в наступление пехотой. И хотя в результате боя он был остановлен, там же его пехота и окопалась. Позже, подтянув силы, 14 октября враг начал энергичное наступление с целью полнейшего разгрома частей Николаевской дивизии.

В результате в бою за Таловое со стороны противника действовало пять полков, два из которых — конных.

Итак, в штаб 4-й армии пошло срочное донесение штаба Николаевской дивизии...

№4, с. Нижняя Покровка 14 октября 1918 года
5 ч 20 мин.

На участке Николаевской дивизии противник повел активное наступление с целью забрать мой отряд, который занимает с. Таловый. Два полка уральских конных (наступали) с юго-восточной стороны в 5 верстах от ст. Таловый, с восточной стороны наступала пехота от дер. Климовское (товарищество) в количестве 2000 человек, и один полк кавалерии наступал с северной стороны по р. Таловка от Нововасильевского поселка, и один полк с северной стороны с. Перелюб по р. Камелик на Николаевку и Холманский. Указанный полк разбился на две части. Половина осталась в селе Перелюб и вторая сделала налет на наш обоз со снарядам, движущийся из с. Нижняя Покровка на с. Таловый, в котором было прикрытие 80 человек. Прикрытие своевременно обнаружило надвигающегося противника, рассыпалось в цепь, задерживая противника оружейным огнем. Обоз повернул обратно, и своевременно дали знать в штаб дивизии, откуда была выслана команда разведчиков и вся конная связь, чем был обоз отбит обратно. Противник наступал на с. Таловый при 2 0 пулеметах и 8 орудиях трехдюймовых и одном взводе мортир.

Численность противника 5 полков, из них два полка оренбургских, три полка только что прибыли из Уральска, из них два полка кавалерии и один полк пехоты.

В настоящее время идет сильный артиллерийский бой. Атаки противника отбиты пулеметным и оружейным огнем. Противник подходил на расстояние 400 шагов. После отбитой нами атаки противник озлобленно начал штурмовать наши позиции артиллерийским огнем.

Ввиду перевеса больших сил противника против моего отряда и благодаря большим разъездам никакой возможности не представляется направлять в полки транспорт. На каждом шагу казаки налетают на наши обозы, для чего необходимо организовать этапные пункты, для чего требуются солдаты. Прошу дать распоряжение штабу 4-й армии выслать из г. Николаевск мобилизованных солдат 800 человек. За невысылкой таковых я буду вынужден отступить со своим отрядом к Ишимбаеву и Николаевке.

Ввиду невозможности доставки хлеба и снарядов, которые без прикрытия доставлять невозможно, отнимать прикрытие у полков тоже не представляется возможным. Противник и так превышает численностью в два раза.

Еще прошу прислать один взвод тяжелой батареи и бронированный автомобиль. Со стороны противника участвует бронированный автомобиль, но благодаря плохому мосту через р. Таловка броневик противника участвовать в бою не мог. Жду поддержки.

Прибывшие жители со стороны противника сообщают, что участвующие полки направлены из Уральска 3 дня тому назад, куда прибыли из Оренбурга два полка. По частным сведениям, противник стягивает свои силы от Бузулукского уезда через Имильева, Большая Черниговка на хут. Устинов.

Начдив .....

Политком .....

Начальник оперативной части ЧЕКОВ

15 октября противник повёл наступление на Таловое с северо-востока и почти одновременно с юга. Со стороны хутора Волчанского. Его наступление поддержалось сильнейшим артиллерийским огнём с востока. Но и на этот раз совместными усилиями Пензенского и Балашовского полков все попытки противника овладеть их позициями были отбиты.

16 октября Пензенский полк продолжает удерживать Таловое, Балашовский — хутор Канаевский, а кавалерийский имени Гарибальди — в одном километре южнее Балашовского. Просьбы Чапаева о пополнении силами и средствами связи, впрочем, как и другие, не удовлетворялись. Несмотря на это, начальник

оперативной части штаба дивизии Чеков регулярно отправлял сводки в установленные сроки.

Положение было отчаянное. В тот же день при перемещении штаба дивизии из Нижней Покровки в Холманку пришлось выбивать противника, в том числе и силами штаба. Выбитый противник отходил в северо-восточном направлении к хутору Дмитриевскому. Кавалерийский полк, отрезая неприятелю путь, столкнулся с конным полком оренбургских казаков и батальоном пехоты. В общем, Гарибальдийский полк кавалерии не выдержал удара и потерпел поражение. В бою казаки зарубили 30 человек, захватили 2 орудия, 2 пулемета и обоз полка. К месту боя прибыл Чапаев с учебной командой, в которой он с начала формирования Николаевской дивизии готовил младших командиров. Гарибальдийский полк был им остановлен, спешен, так как в конном строю он действовал слабее, и повернут в контратаку. Противника удалось отбросить, но захваченные им орудия, пулеметы и обоз со снарядами и продовольствием не вернули. Вслед за этим с восточной стороны два полка казаков атаковали Балашовский полк, который ошибочно принял вначале их за своих. Это-то и позволило казакам ворваться в ряды балашовцев и зарубить до 200 человек. Положение в полку стало ужасно. В схватке помощник командира полка Костьяненко лично убил 10 казаков и от удара пики погиб сам. Погибли также командир 1-й роты А. Марчук, его помощник А. Камышанский, командир 5-й роты К. Сурков, его помощник Ф. Жемчугов и многие, многие другие. Погибли самые отважные...

ДОНЕСЕНИЕ В.И. ЧАПАЕВА КОМАНДУЮЩЕМУ 4 АРМИЕЙ О ХОДЕ ВОЯ В РАЙОНЕ С. ТАЛОВЫЙ

№6, хут. Токмаки 16 октября 1918 г., 10 ч 05 мин.

Доношу, что бой идет без остановки четверо суток. Противник набросился на наш кавалерийский полк количеством до 2000 кавалерии и одного батальона пехоты. Наш кавалерийский полк не выдержал, бросился в паническое бегство, причем оставили противнику два орудия, весь обоз и два пулемета. Потери громадные, много убито и ранено. На поддержку кавалерийскому полку я выступил с учебной командой. Кавалерийский полк был остановлен, спешен и снова перешел в контратаку. Противник был выбит из занятых позиций, но обоз (со) снарядами был увезен противником. Балашовский полк неоднократно переходил в атаку, последний раз был сбит с

позиции, где противник забрал две роты в плен, два пулемета. Положение восстановлено. В Пензенском полку много убитых и раненых. Жду поддержки. Положение критическое, противник силами превышает в 5 раз, необходим бронированный автомобиль.

Начдив ЧАПАЕВ
Политком СТАУВЕР
Начальник оперчасти ЧЕКОВ

И в этот же день летела следующая телеграмма:

ДОНЕСЕНИЕ В.И. ЧАПАЕВА В НАРКОМАТ ПО ВОЕННЫМ ДЕЛАМ О КРИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ ДИВИЗИИ
16 октября 1918 года

Доношу, что неправильными действиями оперативной части штаба 4 армии Вольская дивизия направлена в район левого фланга Николаевского уезда на с. Глушица, где противника быть не может, а мой отряд направлен между сил противника на Умет Переметный, где противник численностью превышает в 5 раз. Целые две недели ежедневно прошу помощи, но мне не прислали ни одного солдата и ни одного автомобиля. Четвертый день мои солдаты истекают кровью, голодные ввиду того, что кругом в кольце. На все мои просьбы штаб 4 армии запрашивает, какие дать пополнения, в чем замечаю цель штаба отдать (дивизию) на съедение вместе со мной. По пяти атак в день отбивали, часть орудий подбито, две роты отданы в плен, положение пока восстановлено благодаря моему личному участвованию в цепи. Потери громадные — две роты забраны в плен, много убитых и раненых. Вся сила противника обрушена на мой отряд.

Начдив ЧАПАЕВ
Политком СТАУВЕР

Просьбы, просьбы, просьбы... Требования... Но, как и прежде, вместо срочной помощи, появилась холодная резолюция командарма: «Наштарму. Выяснить положение, в случае необходимости выслать Малоузенский полк».

Нет, командарм не отказывал, но и полка не высылал.

Исполнявший обязанности начальника штаба Лазаревич в свою очередь адресовал оперативному дежурному: «Прошу выяснить истинное положение отряда и доложить».

Что было им неясно? И какие основания были у них ставить под сомнение поступающие два раза в сутки донесения за двумя-тремя подписями...

И сомневаться в неосведомленности командования невозможно: командармом и его штабом были «отданы» десятки приказов якобы для помощи Николаевской дивизии.

Не считаясь с положением, в котором находилась дивизия, командарм повторял свои прежние приказы, давая понять, что они-то и игнорируются Чапаевым. В приказе по армии № 02 того же 16 октября требовалось:

«Отряду Чапаева выдвинуться к вечеру 16 октября на линию Игумнов, Умет Переметный, имея дальнейшей задачей перерезать дорогу на Уральск вдоль реки Чаган на участке Новоозерный, Красный».

На следующий день Чапаев повторил содержание предыдущих донесений. Сообщил, что находится в кольце, силы противника по сравнению с отрядом огромны — до 10 полков. Противник все больше и больше наседает. «Решили все умереть на месте, но не отступить», — писал он...

Вот это донесение:

№7 с. Верхняя Покровка 17 октября 1918 г.
15 ч 20 мин.

Доношу, что после пятидневного боя, окруженный в кольцо, не получаю никаких продуктов. У противника силы громадные. 16 октября на моем участке участвовало в бою против моего отряда около 10 полков. На кавалерийский полк (во) встречном бою обрушились два полка кавалерии, один батальон пехоты с помощью 4-х орудий с северной стороны в направлении с Дмитровского хутора Канаевский. В кавалерийском полку лошадей под орудием подбила неприятельская батарея. Причем наши два орудия достались в добычу противнику. В кавалерийском полку изрублено 30 человек казаками.

С юго-восточной стороны (противник) численностью до двух полков накинулся на Балашовский полк, который противника не узнал, думали, что свои. (Противник) воспользовался случаем, врезался в ряды пехоты, где изрублено пехотинцев до 200 человек, в том числе убит помощник командира полка, который

убил сам десятерых, но ударом пикой был убит.

Положение ужасное. Пензенский полк своевременно помощи дать не мог. На него наступали с восточной стороны два полка кавалерии и полк пехоты. Лишь была оказана помощь Балашовскому и кавалерийскому полкам от штабы дивизии учебной командой и одной резервной ротой, чем было положение восстановлено.

После боя был послан отряд за хлебом. Около Кучембетова, устье рек Камелик и Таловки был наш отряд окружен полком казаков со стороны с. Перелюб, куда был послан Балашовский полк на выручку, где и остановился. Один Пензенский полк оставлять в с. Таловый было рискованно, которому я приказал отступить в Харитоновку, которая стоит на р. Камелик, что в двух верстах от Кучембетова. Противник наступает дальше.

Решили все умереть на месте, но не отступить.

Начдив ЧАПАЕВ
Политком БАЗАНОВ
Начальник оперчасти ЧЕКОВ

И еще одна телеграмма:

РАПОРТ ЧАПАЕВА В НАРКОМАТ ПО ВОЕННЫМ ДЕЛАМ С ПРОСЬБОЙ О РАЗРЕШЕНИИ НА ПРОВЕДЕНИЕ МОБИЛИЗАЦИИ И ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛКА

С. Верхняя Масловка 17 октября 1918 года

Довожу до вашего сведения: я поклялся быть вечно революционным солдатом и идти на помощь свободной революционной России, но вижу большой недостаток в войсках революционного духа, в воспитании солдат. Для чего прошу вашего разрешения мобилизовать один полк досрочного призыва 1919 г. и дать разрешение на три месяца обучать его, который будет находиться в резерве вверенной мне дивизии, который будет обучаться ежедневно, и одновременно дивизия будет чувствовать, что у нас за спиной есть поддержка.

(Полк) может послужить примером и рядовым, авангардом в будущем для защиты Российской Федеративной Социалистической Республики, что уже и доказала вам примером знакомая моя учебная команда в числе 48 человек, выбившая казаков до 500 человек. Простых солдат было 300 человек, не

могли выбить. Чем я ручаюсь в будущности, с воспитанной мною молодежью и одним полком я смело пойду на дивизию, на что потребуется обучение военному искусству и революционное воспитание, с которым, может быть, и придется идти воевать на ту же кровожадную Англию.

Начальник дивизии ЧАПАЕВ
Политком БАЗАНОВ

Глава 9. Бенардак

Эти сутки проходили в ожесточенных схватках с противником, наседавшим на Николаевскую дивизию со всех сторон. 18 октября с севера неприятель захватил Сырт (высоту со стороны хутора Тегшовский) и с востока — Ишимбаево, с юго-востока — хутор Бруслянский на реке Солдатка. Артиллерийский и пулеметный огонь не затихал ни днем, ни ночью. Особенно сильное давление противник оказывал со стороны хутора Бенардак...

Вот как описывают это время очевидцы: «После налета на хутор Сулакский и освобождения его от противника решили овладеть хутором Бенардак. Пытались проникнуть туда небольшой конной группой, но безуспешно: крепко там окопался противник.

Бенардак — бывшее богатое имение коннозаводчиков и крупных землевладельцев Мальцевых. Вся округа с десятками тысяч десятин земли — все мальцевское. В имении много кровных рысаков, разного породистого скота и птицы всех видов. Наемных рабочих в имении свыше трех сотен, не считая многочисленной дворни.

До революции Мальцевы имели театр, содержали оркестр. В званые дни закатывали балы, на которые съезжались губернская знать и гости из Петербурга и Москвы. Навстречу им высылались кареты с рысаками в сопровождении гайдуков, как при крепостном праве.

В имении содержалась охрана из уральских казаков. Обо всем этом рассказывал нам Василий Иванович, хорошо знавший это имение в дореволюционные годы.

В дни Октябрьской революции помещики Мальцевы бежали, захватив с собой все, что можно было увезти. В имении остались одни наемные рабочие.

С началом гражданской войны оно переходило из рук в руки: займут его красные части, передвинутся в другом направлении, а через день туда нагрянут белые: видно, зорко следили Мальцевы за своей вотчиной, щедро пополняли казну белоказачьей армии. Приходилось вновь направлять в Бенардак красные части, выбивать противника, чтобы сохранить имение для народа.

Пристально интересовался им и Чапаев. Раз на досуге он охотно рассказал нам, что в молодости два сезона плотничал с отцом на мальцевских угодьях. Много всякой диковинки насмотрелся: лебедей в пруду, «индюков величиной с теленка», тридцатипудовых боровов, красавцев-павлинов, знатных рысаков,

а также и причуд господ Мальцевых: разных скоморохов, травлю борзыми волкодавами мужиков, переодетых в овчину. А зимой — кулачных побоищ. Однако не таких, как в деревнях, а по-своему. Разделят, бывало, Мальцевы на две части мужиков хутора, дворню, охочих и неохочих — никому не позволяли отказываться. Подвезут ещё с Камелика (речка Камелик в 15 километрах от Бенардака) до сотни башкир и их разделят на две части. Потом выкатят бочки с водкой для подзадоривания и начинают бой. Водка давалась тем, кто одолеет и больше уложит, а кое-кому из здоровых мужиков и до боя давали по стакану водки, чтобы злее бились.

Бились беспощадно, а Мальцевы со всей своей челядью гогочут, визжат, кричат, подуськивают: «Поддай! Наддай! Бей! Вали!»

И валили, сворачивали носы, скулы, ломали ребра, оставались без глаз. Бились, как те... — Чапаев запнулся, вспоминая слово, — как гладиаторы.

А ещё другой забавой тешились господа. Это уже в крещение было, после водосвятия. Подпоят для задора хуторских мужиков, а потом бросят их в пруд или прорубь. В реку опустят бочку с водкой, а чтобы та тонула, камнями её обвяжут. Ныряй, кто хочет!

Бросались в прорубь, ныряли, становились дублеными от мороза, а потом отлеживались неделями. В жару и без памяти.

— Сволочи, в общем, — подытожил Чапаев. — Бесились с жиру. Народ калечили.

Население ближайших сел и хуторов понемногу растаскивало хозяйство имения. Не обходилось и без того, что приедет какой-нибудь начальник из уездного центра с инспекцией и увозит с собой пару-тройку рысаков и что-нибудь ещё. Следом за ним — новый «учетчик» и уезжает с тем же результатом.

Чапаев учредил в Бенардаке комендатуру из рабочих имения. Лелеял надежду создать там коммуну. Об этом он не раз говорил командирам частей. Но разве от этого убережешь хозяйство имения!

Приехал в Бенардак, к примеру, начальник хозяйственной части нашего полка Василий Перов, взял несколько лошадей и повозок для полка. Может быть, и обошлась бы незамеченной эта «конфискация» — мало ли лошадей и прочего добра было в имении, но где-то встретил Чапаев начхоза Перова в коляске под парой рысаков.

— Откуда рысаки? — спросил он его.

Перов ответил.

— Больно быстр! Небось, в эскадроне нет таких, а ты для

обоза прихватил. Молодец, что и говорить!

Больше разговаривать с Перовым Чапаев не стал. Видно, гнев одолевал его. К вечеру вызвал Данильченко. Злой, громы-молнии мечет.

— Я в Бенардаке комендатуру организовал от всяких... — он не нашел что сказать от возмущения, — а ты туда же руку запускаешь!

Данильченко попытался что-то возразить.

«— Знаю, не сам ты, — перебил Чапаев, — начхоз твой на мальцевских рысаках этаким фертом раскатывает. Чего потакаешь! Кровные жеребцы и матки — не для боя и обоза. Они государству нужны.

Взятых рысаков приказал вернуть и добавил:

—Судить трибуналом будем твоего начхоза, чтобы неповадно для других было.

И большого труда стоило Стефану Данильченко уговорить Василия Ивановича не прибегать к такой суровой мере. Он немного остыл и согласился.

—Ладно, но попадется ещё раз — пущай пеняет на себя. Неровен час, без трибунала проучу, не погляжу, что балтийский матрос. Будет знать Чапаева.

Передвинулся полк ближе к частям дивизии, а в Бенардак нагрянули белоказачьи сотни и захватили его.

Не мог примириться Чапаев с тем, что хутор и имение у противника. Но кого направить в хутор, удаленный от расположения дивизии на 15 верст? Балашовский и Пензенский полки разбросаны поротно, побатальонно, а другие части не закончили формирования, им не до боев. Но надо выбить белоказаков, пока не поздно. Разведка доносила: угоняют казаки лошадей, скот, увозят самое ценное имущество.

Запросил Чапаев штаб армии, но ответа не получил: не придали, видимо, значения Бенардаку. Шли упорные бои под Самарой. И тогда Чапаев решил действовать самостоятельно. В полдень вызвал Данильченко к телефону:

— Твой полк ближе всего к Бенардаку, к утру захватить надо и казаков проучить. Кому поручишь дело?

— Надо направить 2-й батальон, он ближе к Бенардаку, а командир батальона Порошин — зверь в бою. Если и придется отходить при неудаче — не дрогнет, с любого противника отобьется, — порекомендовал Стефан Данильченко.

Григорий Васильевич Порошин до Красной Армии служил в Черноморском флоте. Был вначале командиром роты и вступил в командование батальоном, заменив комбата Евгения Петрушенко.

Чапаев с предложением согласился. Времени для подготовки операции оставалось мало. День был на исходе, а предстояло совершить 15 километровый марш-бросок.

План боя наметили простой: атака противника в лоб. Хорошо знали местность вокруг: равнинная степь без единого деревца, кустика, ни ложбинки, ни бугорка. Все очень хорошо просматривается. На десяток километров скрытно не подойти. Только в самом хуторе — ветлы на плотине и развесистые липы в небольшом парке.

Выступление батальона было назначено на полночь, с расчетом подойти к хутору на рассвете.

Комбату Порошину с тремя ротами и командой с 12-ю пулеметами дали еще одно орудие и взвод конных кавалерийского эскадрона. И уже в наступивших сумерках в расположение батальона прибыл Чапаев. Он выслушал сообщение о том, как намечены наступление и бой. Со всем согласился, только спросил:

— А где же броневик?

Получив ответ, что тот ремонтируется и раньше, чем через сутки, не будет готов, выразил свое сожаление:

— Жаль, не во время разобрали. Тут бы ему в самую пору пощекотать казару.

Однако откладывать наступление не стал. Уезжал из полка, сказал:

— Обойдетесь без меня. Бенардак возьмете, в том абсолютно уверен. Но пехоты там не должно быть. А конница в контратаку в лоб не бросится — учены. Глядите в оба за флангами и тылом. И пулеметы поближе попридерживайте. Орудие пускайте в дело по Бенардаку в самом крайнем случае. Народа рабочего там много, боюсь, побьете, покалечите. Ну, а уж ежели придется выбивать казару снарядам, тут ничего не поделаешь — бой!

...Ушла вперед конная разведка, за ней на подводах тронулись пехотные роты, пулеметная команда, орудие с зарядными ящиками со снарядами. И вдруг позвонили из штаба и сказали немного задержаться: выехал Чапаев. Через некоторое время к штабу полка прискакал Петр Исаев: «Василь Иваныч у крайней избы поджидает!» Крикнул — и стремглав обратно.

Тронулись верхами вслед за удалявшимся батальоном. Ехали шагом вперемежку с рысью.

Двигались долго. По расчетам, до Бенардака оставалось 3-4 версты, а сколько в действительности — не разберешь: трудно определить ночью в степи.

Впереди батальона — тишина, ни единого выстрела. Но было точно известно, что в Бенардаке располагается белоказачий

конный полк, а это значит 300-350 сабель (численность белоказачьих частей колебалась в зависимости от количества конных сотен в полках).

Именно тишина и настораживала. Но вот появились робкие проблески рассвета, а с той стороны, куда ушла конная разведка, донеслись первые выстрелы. Пришпорили коней и поскакали быстрее.

Огонь впереди усиливался: вместе с винтовочными выстрелами, и, перекрывая их, донеслась пулеметная трескотня, гулко разносившаяся в прозрачном степном воздухе раннего утра.

В общем, и без донесений было ясно, что под Бенардаком вступили в бой головные подразделения батальона. От хутора навстречу скакали десятка три подвох с верховыми.

— Куда, Бахтин? — окликнул Данильченко хорошо знакомого конника.

— Комбат приказал отъехать на версту, стать у омета и ожидать распоряжений, — ответил тот.

Впереди снова загрохотало орудие. Несколько человек с Чапаевым поскакали к нему.

— Куда стреляете? — крикнул Чапаев командиру орудия, сидевшему на омете.

— По кокошкам (по курам), — ответил тот, не признав спрашивающего, не отрываясь от бинокля.

— Еще трое шрапнэл! Бэглы, огон! — последовала команда с омета.

Один за другим загремели три пушечных выстрела.

— А, падло, централа заимэт вам! — крикнул командир орудия с омета. — Три гранат!

— Правэ о... — и дальше следовало указание прицела. — Бэглы огон!

Что означали слова командира орудия Томаша Студничка, по национальности словака, добровольца Красной Армии из бывших военнопленных австро-венгерской армии, Чапаев вначале и не понял. Но взобравшись на омет, разглядел мечущуюся конницу противника, в гуще которой метко рвались посланные снаряды.

С другой стороны хутора на левофланговую роту батальона с гиком и свистом неслась в атаку белоказачья конница с пиками наперевес.

— Пулеметы туда! Чего он медлит! В самый раз отсечь казару от хутора! — отрывисто бросил Василий Иванович Данильченко.

— Бабанин! Бодров! — крикнул Стефан Данильченко конным ординарцам. К комбату Порошину! Три пулеметные тачанки на левый фланг!

Контратакующую конницу видел и командир орудия Студничка и, не дожидаясь указаний, подал команду перенести по ней огонь орудия. Контрольный снаряд разорвался близко у цели, взметнув вверх глыбу земли. Вслед за ним разрывы шрапнелей накрыли казачью сотню, которая повернула обратно, скрывшись за хутором.

— Две подводы за ранеными! — крикнул конник Михаил Фоменко, подскакавший к омету. Увидел и понял, что не туда попал. Крепко выругался, огрел коня плетью и рванул дальше в тыл.

В Бенардаке, куда направились Чапаев с Данильченко, шел огневой бой. На его окраине преградило дорогу нагромождение борон, перевернутых телег и разного сельскохозяйственного инвентаря. У штабелей самана с проделанными бойницами — груды стреляных гильз, а рядом — убитый казак. Чуть поодаль — два других с убитыми лошадьми.

— Эти, видать, держались крепко. Ишь, какую уйму патронов расстреляли, — сказал Чапаев, кивнув в сторону убитых.

Шум боя — винтовочные залпы и пулеметная трескотня — то затихал, то возникал с новой силой, удаляясь к северу от Бенардака.

В барском доме, где, видимо, размещался штаб и командование белоказачьего полка, — огромный стол с недоеденной пищей.

— Ты, небось, своих командиров так не угощаешь, — пошутил Чапаев, обходя с Данильченко многочисленные комнаты особняка с дорогой мебелью, обилием картин, хрусталя и фарфора.

Появился комбат Порошин с обвязанной головой, успевший обскакать весь хутор; он коротко спросил: «Гнать противника дальше на хутор Молоканский или тут остановиться? А то бойцов бы покормить».

Данильченко посмотрел на Чапаева, как бы спрашивая: и в самом деле, что будем дальше делать?

— От полка и бригады оторвались на 15 верст, да и до Молоканского будет не меньше. Дальше пока — ни шагу. Посмотрим, что скажет армия, — решил Чапаев. — Мне бы рабочих повидать, поговорить с ними хочу.

Василий Иванович не упустил случая побеседовать с народом.

— Бывал я у вас и раньше, — говорил он рабочим имения, — небось, забыли, о чем говорил. Работали вы. на помещиков Мальцевых. Слов нет, как богато они жили, на всю губернию

гремели. Да что губернии — в Петербурге, в Москве славились. А теперь что осталось? Рысаки, скот, имущество и прочее — всё народное. Куда денется, ежели сохраните? Для вас же, для народа на пользу пойдет. Казаков и прочих бандитов сюда больше не подпустим, а кто появится охочий до народного добра — тому наш сказ: Чапаев строжайше не велел!

Вскоре пришлось оставить Бенардак, отозвать батальон и не под воздействием противника — другую задачу получил Чапаев от командования армией...

В труднейшей обстановке непрерывных боев и окружения Чапаев видел невысокую боеспособность необученных крестьян. Постоянно думал о необходимости боевой выучки и воспитания личного состава. Для Василия Ивановича ни в чем не было мелочей. Он считал, что и внешний вид, и внутренний настрой, и конечно же политическая подкованность — главный путь к победе.

Ярким примером явился такой случай.

Чапаев часто созывал совещания командиров и политкомов частей. Совещания носили характер обмена мнений, никому не возбранялось на них выступать, высказывать свою точку зрения. Часто вносили предложения, касающиеся предстоящих боев или прошедших атак.

Василий Иванович терпеливо всех выслушивал. Изредка поддакивал: «вот-вот», «так-так», а когда дело доходило до решения — всё поворачивал по-иному, по-своему, точно в разговорах была одна блажь:

— Ладно, много толковали, сразу и не разберешь, что к чему. Однако, слушайте теперь, что я скажу.

Говорил он о тех же вопросах, но касался их с другой стороны — с кажущихся мелочей. Все слушали его и соглашались: «И в самом деле, Чапаев прав». Иной раз не выдерживали, говорили: «Василий Иваныч, так я о том же и сказывал».

— О том же, говоришь? — поддерживал Чапаев. — Согласен, только не с того конца хватаешь. Чего тут рассусоливать, и в лоб надо метить умеючи, неровен час — промахнешься.

Это был ответ на реплику одного из командиров: «Что в лоб, что по лбу, все едино, всё о том же и говорилось». После такого ответа Василия Ивановича все умолкали: ему, мол, виднее.

С первого дня как-то самой собой повелось, что при обращении к Чапаеву его называли по имени и отчеству. И притом не только командиры, но и бойцы. Редко кто прибегал к официальному «товарищ начдив», «товарищ Чапаев», разве только кто-то из новичков, но и те вскоре называли его «Василий

Иванович».

Фамилия больше упоминалась за глаза и в выступлениях его самого. «Бедовый, горячий наш Чапаев», — иной раз скажут про него бойцы. Или: «Что вы хотите, чтоб один Чапаев за всем усмотрел? С Чапаевым не пропадешь — не такой он человек». А то и так: «Скажи им: сам Чапаев говорить будет».

На иные совещания Чапаев собирал командиров и политкомов не для обмена мнениями, а говорил только сам и больше о разных помехах, которые встречались при формировании дивизии, «тормозами» их называл. Хотел, чтобы бойцы и командиры знали, чего он добивается и какие при этом трудности надо преодолеть.

И все же одно из совещаний приняло совсем неожиданный оборот. Все хорошо знали нрав Василия Ивановича: за промахи, беспечность, непредусмотрительность и особенно за невыполнение приказа снисхождения не жди. Расчет по веем статьям, сколько ни оправдывайся. Зато удачливого, проявившего находчивость и смелость, обязательно похвалит, хотя на похвалы скуп был. А тут вдруг возникло новое, о чем никто и не подозревал.

Собрались на совещание старшие командиры и политкомы. Одет каждый во что горазд. В шинелях, фуфайках, кожанках, пальто, а некоторые — в полушубках (свирепствовала и трясла испанка). На головах: фуражки, папахи, шапки разных фасонов и даже шляпы.

Единой формы одежды в Красной Армии в то время не было. Не существовало централизованного снабжения обмундированием. Ни единого военного образца не было налажено, а если оно и поступало, то в весьма ограниченном количестве. Каждый из командиров одевался во что мог, а кое-кто, по нужде или без особой на то нужды, допускал мешанину в одежде и даже этим бравировал.

Командир батальона Григорий Порошин после боя на хуторе Бенардак добыл себе «новое обмундирование» взамен износившихся и расползавшихся по всем швам брюк клешем, матроски и бушлата. На совещание Порошин прибыл в пестрых шароварах, жокейском пиджаке и в шляпе; это «обмундирование» он добыл из реквизита помещичьего театра.

Чапаев где-то задержался. Среди собравшихся командиров и политкомов — ядреные шутки, смех, как будто и фронта поблизости нет. Привыкли без страха глядеть в глаза опасности. Каково бывает на душе, когда круто приходится в бою, о том не говорят, каждый знает это по себе. Рассуждают больше об удачах

с некоторым преувеличением собственной роли.

В разгар галдежа вошел Чапаев, а за ним Петр Исаев, постоянно его сопровождавший. Чапаев осмотрелся, точно соображал, все ли собрались, а потом отрывисто сказал Исаеву: «Ступай, нужно будет, позовут».

О чем он решил совещаться — никто не знал. Не первый раз так собирал он совещания без предварительного извещения. Кто-то как-то спросил Василия Ивановича: «Ты бы, Василий Иваныч, хоть намекнул бы, о чем разговор пойдет».

— О чем намекать! Не в армию и не в Москву вызывают! А хотя бы и туда. Каждый должен знать все дела у себя и около себя, на то ты и командир или комиссар. Как же иначе! — ответил Чапаев.

Но на сей раз и совещание началось необычно.

— Значит, собрались все старшие командиры, а ряженых я сюда не вызывал, — сказал Василий Иванович.

Все переглянулись: к чему бы это?

— Вы кто? — обратился он к Порошину.

— Комбат из Балашовского! — смело отрапортовал тот как ни в чем не бывало. — Аль не узнали, Василь Иваныч?.. — пытался он ещё что-то сказать в недоумении, далекий от мысли, что Чапаев будет обращать внимание на такую «мелочь», как обмундирование.

— Как не признать, беляками меченный! — сказал Чапаев, показывая на глубокий шрам от сабельного удара на щеке Порошина. — Из Балашовского, говоришь? Таких комбатов там не видывал. Боевых командиров очень уважаю, но только не в такой одежонке. Чего напялил на себя? Взгляни на Филиппова, сидит рядом с тобой, из одного полка, а каким молодцом выглядит. Бойцы им любуются, и каждая девушка аль молодка глаз не отведет. А в строю, как в бою, лихой вид командира много значит!

Назвал Чапаев и других командиров: одних журил за неряшливость, других подбадривал, на том и закончил совещание.

Сам Василий Иванович следил за собой, всегда был подтянут, одет в военную форм}' — гимнастерку или френч защитного цвета (хаки), темно-синее галифе, сапоги со шпорами. Носил фуражку или черную барашковую папаху с красной тульей. Шашка, револьвер системы «наган», бинокль, полевая сумка и хорошо пригнанное кожаное снаряжение завершали его внешний вид. Вольности в одежде не допускал.

Кстати, высокие черные папахи с красной тульей являлись

отличительной приметой ординарческого эскадрона Чапаева и конников Гарибальдийского полка. Изготовлялись они по заказу Чапаева и являлись его собственной инициативой в подражание Емельяну Пугачеву, которого Василий Иванович очень любил, много о нем знал и читал.

С самого первого дня формирования дивизии Чапаев решил создать при штабе кассу взаимопомощи. Это было необходимо для выдачи пособий наиболее нуждавшимся бойцам и их семьям. А особенно тем родственникам, у кого кормильцы пали в бою. Он называл это вспомогательной кассой.

Это было новшество. И поэтому никакими приказами и инструкциями не предусматривалось. Это — личная инициатива Чапаева, как забота о бойцах.

Но для кассы нужны деньги, а где их взять. Тем более оборотные суммы, которые могли выдаваться безвозвратно. Понадеялся было Василий Иванович на финансистов дивизии и армии, но у них свои законы: все расписано по параграфам, статьям и сметам. И нужной суммы для кассы не получишь.

В общем, для её пополнения Чапаев прибег к добровольным отчислениям из жалования командно-политического состава частей дивизии, широко оповестил об этом командиров частей, подразделений и при каждом удобном случае агитировал за добровольные взносы. Сам же свое жалование передавал во вспомогательную кассу.

Худо-бедно, добровольные отчисления поступали, но их не хватало и было абсолютно недостаточно для выдачи безвозвратных пособий. А нуждающихся было так много, потому что все бойцы в основном из бедных слоев населения.

Подумал Василий Иванович и решил, если добровольных отчислений не хватает, надо их изыскивать. И он ввел систему денежных штрафов. Штрафы шли из жалования комполитсостава. Как вид дисциплинарного наказания.

Штрафовал за неудовлетворительное содержание лошадей, обоза, орудий и другие неполадки. Потом за всякие нарушения в несении сторожевой службы.

Размер денежного штрафа определял тоже сам. О чем каждый раз объявлял в приказе по дивизии.

Кто-то из работников штаба дивизии доложил Чапаеву, что во 2-м батальоне Балашовского полка выставлено не по уставу сторожевое охранение и недостаточно бдительно ведется наблюдение за противником.

Прежде чем принять решение по этому докладу, Чапаев вызвал командира и потребовал объяснений — почему нарушено

требование штаба дивизии: вместо сторожевых застав на участке батальона выставлены только полевые караулы и посты.

И не удовлетворившись его объяснением, он тут же сказал: «За халатность в несении сторожевом службы 2-й батальон и Данильченко со своим помощником будут оштрафованы».

А через несколько дней после этого разговора поступил следующий приказ:

За халатное отношение к делу боевого охранения на участке 2-го батальона объявляю выговор командиру Балашовского полка Данильченко и штрафую его на 300 рублей, помощника командира полка Ухова — на 150 рублей; командира 2-го батальона Порошина — на 150 рублей, командиров рот Сонина, Попова и Беспалова — по 75 рублей каждого. Деньги внести в вспомогательную кассу.

Начальник дивизии ЧАПАЕВ
Политком штаба БАЗАНОВ

И что самое интересное, никто из оштрафованных не пытался протестовать и деньги в кассу взаимопомощи внесли полностью.

Спустя некоторое время Данильченко как-то спросил Чапаева, воспользовавшись его прибытием в полк:

— Скажи, Василий Иванович, за одну провинность — два наказания. Справедливо ли?

— О чем ты? — спросил его Чапаев, по-видимому, забывший о штрафе.

— Ну как же: выговор и штраф объявлены.

— А-а, — рассмеялся Чапаев, — а тебе что, денег жалко? Куда будешь их девать на фронте?

— Дело не в деньгах, они действительно без особой надобности, а приказ по дивизии с выговором... — пытался что-то доказать Стефан Данильченко.

— Вот чудак! — опять засмеялся Василий Изанович. — Так и ты пишешь приказы с выговорами, но у тебя нет вспомогательной кассы! — Потом сказал: — Вспомогательную кассу создали, обнадежили бойцов, а деньги где взять? Родить? На попятную, значит? Так Чапаев не привык. И ты на моем месте не поступил бы иначе. Вот и приходится, — усмехнулся он, — к выговору добавлять и штраф. А справедливо ли поступаю — суди сам.

А потом рассказал, сколько уже выдано пособий бойцам и

семьям погибших. И сколько ещё предстоит выдать. Он хорошо знал дела вспомогательной кассы и интересовался ими, распоряжался ее вкладами.

Кстати, созданная Чапаевым касса продолжала свое существование ещё очень долго: и после его отъезда из дивизии, и даже после его гибели...

Несмотря на все старания Чапаева по укреплению дисциплины в дивизии и политическом воспитании бойцов, иногда происходили ЧП. Подолгу не получая провианта, боеприпасов, орудий и оружия, красноармейцы падали духом, дисциплина, соответственно, страдала, и при отходе из Талового 40 человек просто напросто дезертировали. В Верхней Покровке дезертирство повторилось. В отсутствии помощи и надежды на неё выход из создавшегося положения мог быть только в одном — в наступлении. Необходимость наступления диктовалась потребностью в хлебе.

Секретарем собрания врид начальника штаба Гагаевым были оглашены телеграммы Чапаева в штаб армии о состоянии дивизии. И просьбы о помощи, которые обстоятельно объясняли причины их бедственного положения. По докладу выступило б человек. Среди них был руководитель парторганизации Пензенского полка Вернер, который заявил: «Выслушав доклад товарища Чапаева, пришел к заключению, что товарищ Чапаев выше всяких похвал». Петр Исаев отметил преданность Василия Ивановича делу революции, его большую организаторскую работу по созданию частей Красной Армии, его борьбу с саботажниками, которые имеются повсюду, в том числе и в штабе армии.

Так проходило дивизионное собрание представителей рот, эскадронов, батарей и команд, на котором присутствовали командиры и комиссары всех полков.

Комиссар штаба Базанов подчеркнул, что все требования Чапаева к штабу армии справедливы, что его лично оскорбляет слово «анархист», применяемое к Чапаеву. И хотя в штабе армии Чапаеву до сих пор мало доверяют, «мы, видя всю его деятельность, можем выразить Чапаеву полное доверие». Далее, на собрании было принято решение, направленное на укрепление дисциплины и повышение боеспособности.

Положение войск на другом участке фронта несколько менялось. В приказе по IV армии № 03 от 19 октября говорилось следующее:

Вследствие изменившихся условий наступление в направлении от Самары на Бузулук возложено на 1-ю армию, правофланговые части которой занимают Пешково, Богатое. Частям IV армии продолжать наступление на Уральск и обеспечить наступление правого фланга 1-й армии, для чего:

1. Самарской дивизии с утра 20 октября перейти в наступление и к вечеру 23 октября занять линию Ефремовка, Антоновка, Несмеяновка, Каралыцкий Умет, имея бригаду дивизионного резерва в районе Морша, Пестравский Выселок.

Конницей оказать содействие Николаевской дивизии, выдвинув её в район Украинка, М. Черниговка.

2. 4-й Малоузенский полк придается временно Николаевской дивизии.

3. Николаевской дивизии, вместе с 4-м Малоузенским полком, удержаться на линии Перелюб, Кучумбетово.

4. Уральской дивизии продолжать энергичное наступление на Уральск и к 23 октября занять Переметное. Обеспечить свой правый фланг занятием форпоста Чижинского 1-го.

5. Отряду Гербе (Гербе вступил в командование после гибели Винермана) удерживать занимаемое положение, обеспечивая правый фланг армии

Как видно из приказа, на оренбургском направлении теперь наступала 1-я армия. Части её правофланговой 24-й дивизии занимали на линии железной дороги станцию Богатое. А частям IV армии приказывалось продолжать наступление на Уральск. Отсюда видно, что самую сильную и боеспособную Самарскую дивизию необходимо было направить на выполнение главной задачи IV армии. На Уральск. Тем более что там не было успеха.

Однако части Самарской дивизии направлялись не на Уральск, а в район Большой Глушицы. Кроме Малоузенского полка, который находился там же, по приказу начдива №20 от 20 октября туда же выступила 3-я бригада с кавалерийским полком для «дальнейшего преследования и полнейшего поражения противника».

Прибыв в район, 22 октября части заняли строго согласно приказу, в котором указывалось, что «всякое запоздание и упущение влечет за собой предание виновных революционному суду». Кавалерийский полк занял село Морша. Интернациональный полк — Ореховку, 5-й Краснокутский — Несмеяновку, 1-й Саратовский полк — Каралыцкий Умет.

Но так как на этом направлении противника вовсе не было, за исключением действующих разъездов 1,3-го Оренбургского

казачьего полка, приказом начдива Захарова №21 от 22 октября части возвращались к Бузулуку.

Приказ был доведен до командиров частей с большим опозданием. (До 5-ти суток.) Вследствие этого 2-я бригада продолжала движение к Б. Глушице. Воины шли по раскисшим дорогам полураздетые и буквально босые. Когда же, пройдя 100(!) километров на юг, они узнали о приказе, требовавшем возвращения обратно, пришли в такое негодование, потребовали шинели и обувь. В общем, был самый настоящий бунт!

В книге Кутякова «Разгром Уральской белоказачьей армии», который был в то время комбригом Самарской дивизии, говорится:

«...Посредственный шахматный игрок более внимательно относится к перестановке фигур, чем начдив товарищ Захаров — к переброске целых бригаду одного фланга на другой, да ещё при наличии грязных осенних дорог».

И снова, и снова слышится глас вопиющего в пустыне:

ДОНЕСЕНИЕ ЧАПАЕВА КОМАНДУЩЕМУ 4 АРМИЕЙ О ХОДЕ БОЕВ НА УРАЛЬСКОМ НАПРАВЛЕНИИ И ПРИСЫЛКЕ ПОДКРЕПЛЕНИЙ

№014 с. Верхняя Покровка 21 октября 1918 г.,
17 ч 20 мин.

Доношу, что на фронте Николаевской дивизии уже две недели идет бой. Противник занял дер. Уразаева и Кузебаева, хутор Шмидт и с. Солянка, что южнее с. Нижняя Покровка, зашел в тыл икс. Новочерниговка, где прервал телефонную связь между селами Нижняя Покровка и Новочерниговка, то же самое от с. Новочерниговка до дер. Бобровый Гай. В силу вышеизложенного, если бы не радиотелеграф, не представлялось возможным установить сообщение со штабом 4-й армии. Продовольствие изошло. Противник ведет наступление северовосточное хут. Мухина, с юго-востока — (к) хут. Бенардак и с северо-запада — к Нижней Покровке, дер. Уразаева. Шлите подкрепление. Положение дивизии критическое.

Начальник дивизии ЧАПАЕВ
Политком БАЗАНОВ

Начальник оперативной части ЧЕКОВ

И что же в ответ?!

ПРИКАЗ
КОМАНДУЮЩЕГО 4 АРМИЕЙ В.И.ЧАПАЕВУ ОБ ОВЛАДЕНИИ ЛИНИЕЙ ПЕРЕЛЮБ, КУЧЕМБЕТОВА С ЦЕЛЬЮ ДАЛЬНЕЙШЕГО НАСТУПЛЕНИЯ НА УРАЛЬСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

№014 21 октября 1918 г., 23 ч 30 мин.

Дальнейшего отхода не допускаю. Приказываю вместе с временно приданным вам 4 Малоузенским полком выполнить поставленную вам приказом №03 задачу и к вечеру 23 октября занять линию Перелюб, Кучембетова для дальнейших действий в полосе Перелюб, Игумнов, Новоозерный и с юга Кучембетова, Таловый, Красный с целью перерезать сообщение между Бузулуком и Уральском по дороге, идущей вдоль реки Чеган. Требую самых энергичных действий. Задача должна быть выполнена точно к указанному сроку, после чего безостановочно продвигаться вперед для занятия следующих рубежей: Игумнов, Таловый.

Командарм 4 ХВЕСИН
Член Реввоенсовета В. КУЙБЫШЕВ
Наштарм БАЛТИЙСКИЙ

Что же остается непонятому Чапаеву — снова писать, писать и писать донесения и продвигаться по мере возможности.

ДОНЕСЕНИЕ ШТАБА НИКОЛАЕВСКОЙ ДИВИЗИИ В ШТАБ 4 АРМИИ О БОЯХ ДИВИЗИИ В КОЛЬЦЕ ОКРУЖЕНИЯ

№17 с. Нижняя Покровка 22 октября 1918 г.
17 ч 10 мин.

Доношу, что на фронте Николаевская дивизия находится в кольце. Противник все время делает налеты в тыл, рвет провода

телефонной сети, перехватывает наши транспорты с продовольствием и фуражом.

После объезда мною всех полков дивизии дух солдат несколько приподнялся, после чего для расширения кольца перешли в наступление в юго-восточную сторону на деревню Колокольцовку, что южнее Кучембетова в 10 верстах, откуда противник выбит. Занят с боем хут. Чилижный, что юго-западнее с. Нижняя Покровка в пяти верстах, где в бою казаки оставили 5 человек убитыми.

Взяты нами трофеи: две лошади с седлами, две шашки, две винтовки, одна повозка с овсом. С нашей стороны двое раненых, из них помощник командира полка, еще с боем взят пос. Ветелки. Бой идет под пос. Озерки, что южнее в 3-х верстах от Колокольцовки, севернее хут. Бенардак.

Противник наступает от дер. Ишимбаева, с восточной стороны на с.Харитоновка.

Начальник оперчасти ЧЕКОВ

И день спустя...

Глава 10. За победы - предательство

ДОНЕСЕНИЕ В.И.ЧАПАЕВА КОМАДУЮЩЕМУ 4 АРМИЕЙ О ПОЛОЖЕНИИ ОКРУЖЕННОЙ БЕЛОКАЗАКАМИ ДИВИЗИИ

№ 21, с.Нижняя Покровка 23 октября 1918 г.,
19 ч 20 мин.

Доношу, что противник занял в тылу с обходной стороны с. Новочерниговка. Всякие подкрепления и движения полков — пусть не сомневаются, двигаются на с. Нижняя Покровка. Одна (ко) встречи быть не может, потому что находимся в кольце. Сообщение с тылом все порвано. Прошу прекратить всю доставку — всё, что будет доставляться из тыла, перехватывают казаки. Спасти положение можно только добавкой полков и пробиться к нам. Настроение солдат ужасное.

Жду два дня. Если не придет подкрепление, буду пробиваться в тыл. До такого положения дивизию довел штаб 4-й армии, получавший ежедневно по две телеграммы с требованием помощи, и до сего времени нет ни одного солдата. Я сомневаюсь, нет ли той ЗАКВАСКИ в штабе 4-й армии в СВЯЗИ С БУРЕНИНЫМ НА ДВА МИЛЛИОНА. (Имеется ввиду раскрытый заговор в штабе 4 армии.)

Прошу обратить внимание всем начальникам дивизии и революционным советам, если ВАМ ДОРОГА ТОВАРИЩЕСКАЯ КРОВЬ, НАПРАСНО ЕЁ НЕ ПРОЛИВАЙТЕ. Я ОБМАНУТ МЕРЗАВЦЕМ ХВЕСИНЫМ, КОМАНДАРМОМ 4 АРМИИ, который мне сообщил, что идет ко мне подкрепление — вся конница Уральской дивизии и бронированный автомобиль и 4 Малоузенский полк, с которым мне дан приказ наступать на с. Перелюб 23 октября, но я не только не мог выполнить задачу с Малоузенским полком, но сего времени (не знаю), где он находится. Стою в Нижней Покровке, со всех сторон окружен казаками. Кузебаева занимают казаки, Новочерниговку тоже. С тыла, со ст. Ершов, двигалась какая-то рота в количестве 90 человек с 5-ю пулеметами, одним орудием, которая не знаю куда делась — или забрали казаки, или отступила назад. Из Николаевска были посланы 4 автомобиля, которые тоже, наверное, попали в руки казакам. В Клинцовке находятся 5 орудий. Прошу спасти их.

Начдив ЧАПАЕВ
Политком БАЗАНОВ

И снова, и снова, и снова...

ТЕЛЕГРАММА В.И.ЧАПАЕВА В РЕВВОЕНСОВЕТ 4 АРМИИ С ПРОСЬБОЙ О ПОДКРЕПЛЕНИИ

25 октября 1918 года, 9 ч 30 мин.

Прошу подкреплений и (распоряжение) послать радиотелеграммой, чтобы я узнал, где остановится полк (имеется ввиду Малоузенский), идет ли ко мне подкрепление. Прошу сообщать каждые четыре часа по радио.

Начальник оперативной части
Политком БАЗАНОВ

ТЕЛЕГРАММА В.И. ЧАПАЕВА В ШТАБ 4 АРМИИ С ПРОСЬБОЙ 0 ПОДКРЕПЛЕНИИ

25 октября 1918 года,
17 ч 41 мин.

Едим вареную картошку, хлеба нет. Окружен со всех сторон. Сообщите по радио, пойдет ли подкрепление и сделано ли распоряжение.
Начальник Николаевской дивизии ЧАПАЕВ
Политком БАЗАНОВ

ДОНЕСЕНИЕ ШТАБА НИКОЛАЕВСКОЙ ДИВИЗИИ В ШТАБ 4 АРМИИ 0 БОЕ С БЕЛОКАЗАКАМИ ЗА ВЫХОД ИЗ ОКРУЖЕНИЯ

№26, с. Нижняя Покровка 25 октября 1918 г.,
19 ч 25 мин.

Доношу, что на фронте Николаевской дивизии в 9 часов утра один батальон пехоты совместно с кавалерийским полком (выступил) на хут. Чилижный, что в 4 верстах юго-западнее с. Нижняя Покровка, для прорыва кольца и очищения пути

кавалерийскому полку, который должен был пробиться на с. Солянка для установки связи с 1-м Сар(атовским) кавалерийским полком.

Пройдя хут. Чилижный, противник повел атаку с хут. Павловский, что находится между селами Нижняя Покровка и Солянка (около 4 полков).

Наша батарея открыла огонь по противнику из двух орудий. Наша цепь залегла. Противник получил ещё два полка подкрепления и бросился в атаку, но благодаря скорой взявшего батальон начдива Чапаева (был остановлен). Противнику ещё прибыло около полка подкрепление, и (он) бросился на наши два батальона пехоты и на кавалерийский полк в атаку, где завязался неописуемый рукопашный бой, который продолжался около одного часа.

Противник оставил на поле убитыми и ранеными неподобранными БОЛЕЕ 300 ЧЕЛОВЕК. С нашей стороны 7 УБИТЫХ и (!) 6 РАНЕНЫХ.

Преследовать противника не пришлось, так как (к) противнику ещё пришло подкрепление около 4 полков при 6 орудиях, после чего ОТСТУПИЛИ ОБЕ СТОРОНЫ!

Начальник оперативной части ЧЕКОВ
Политком БАЗАНОВ

Вообще, о нецелесообразности направления войск в район Б. Глушицы, куда первоначально намечалось направить и Вольскую дивизию, Чапаев сообщал, указывая, что противника там нет и быть не может. А против него противник превосходит численностью в пять раз.

К тому же нецелесообразное использование Самарской дивизии на оренбургском направлении, в хвосте правофланговых частей 1-й армии, были очевидны. В телеграмме от 26 октября командующий войсками Восточного Фронта С.С. Каменев запрашивал командарма-4: «Какие меры приняты к улучшению положения Николаевской дивизии, а также правильно ли понимаю, что на Бузулук идут ваши части и части 1-й армии? Если это так, то, полагаю, более полезными ваши части, следующие за частями 1-й армии, использовать для улучшения положения вашего фронта, так как, по разведывательным сводкам, все же имеются против вас значительные силы противника».

Но и после такого предложения ничего не изменилось. Положение Николаевской дивизий не улучшилось.

Цирюльник Хвесин оставался цирюльником Хвесиным... По ошибке или чему либо ещё занимавшем не свое место...

Командарм-4 и его штаб о положении Николаевской дивизии в штаб фронта ничего не доносили. И все же по приказанию главкома от 26 октября им все-таки пришлось это сделать. И на другой день на имя командарма пришла телеграмма следующего содержания: «Вчера ваши сводки говорили о сложном положении Николаевской дивизии, якобы окруженной казачьими разъездами. В сводке же к 24 часам говорится глухо, что изменений в положении на фронте армии не поступило. Реввоенсовет считает, что такое донесение совершенно неудовлетворительно, так как не представляется возможным судить, что же делается в Николаевской дивизии (означается ли она окруженной) и какие меры Вами приняты для облегчения этой дивизии».

Ответ главкому (копия Чапаеву) 27 октября был следующим: «На поддержку Николаевской дивизии направлен Малоузенский полк от Большой Глушицы через Грачев Куст в район Ивановский, Холманка (НЕ ПРЯМЫМ ПУТЕМ, СОСТАВЛЯЮЩИМ 100 КМ, А В ОБХОД С СЕВЕРО-ЗАПАДА, НА 150 КМ, с целью избежать встречи с так называемыми «разъездами» противника, на деле же — ОТТЯНУТЬ ВРЕМЯ ОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ. - Примеч. авт.) Отправляется 1-й Саратовский кавполк из Уральской дивизии от Верхней Солянки на Волчанский, Черниговку (кавалерийский и Малоузенские полки, как увидим дальше, вовсе направлены не были. — Примеч. авт.). Из Покровска (за 400 км. — Примеч. авт.) направлено пополнение вооруженных 800 человек, из Николаевска — 600 человек с частью вооружения (таюке не были высланы. — Примеч. авт.). Ожидается распоряжение о направлении бригады Самарской дивизии из районов Алексеевка, Ореховка, Ильечевка на Игумнов, Умет Переметный».

Как видно, донесение совсем не соответствует действительности, лживо по своей сути, и непонятно, какую же все- таки цель преследует командарм-4?! Ведь ни одна воинская часть, кроме запоздавшего пополнения, на помощь дивизии так и не пришла...

В этот же день, 27 октября в штабе IV армии происходил разговор оперативного дежурного по прямому проводу с комиссаром телеграфа станции Рукополь:

— Пригласите комиссара к аппарату. Просит дежурный по полковому управлению штаба армии.

— Комиссар телеграфа здесь, у аппарата.

— Имеете ли вы связь с Николаевской дивизией (отрядом

Чапаева)?

— Не имеем. Направляем депеши на Николаевск.

— Не имеется ли у вас о нем каких-либо сведений?

— Были одни сведения № 194/бс. У вас читали его? Если нет, могу дать его.

— Прошу.

— «Штарм из 2-й Николаевской дивизии, 27 октября, 8 часов 40 минут. Штаб IV армии. Политический отдел. Товарищи, помощь нужна. Нет никакой возможности. Невозможно установить связь со штабом дивизии. Здесь нет ни одного вооруженного человека. Дивизия у противника, положение безвыходное. В хуторе беспрерывно слышен сильный артиллерийский бой по направлению Горюнова. СПАСИТЕ ХРАБРОГО, ВЕРНОГО КОМАНДИРА тов. ЧАПАЕВА. ОН ДОРОЖЕ ЗОЛОТА. В тылу, за малым исключением, растерянность... Транспорт задерживается в Любицком за неимением прикрытия, никакого подкрепления пока не прибыло. Шлите броневиков. Замечены шпионы. Политком (Николаевской дивизии) СТАУВЕР». Больше никаких сведений не имеем.

— Не поступали ли к вам какие-либо телеграммы из частей отряда Чапаева?

— Ещё никаких телеграмм не поступало. Если поступят, то они вне очереди будут направляться Вам.

— Хорошо.

В этот же вечер...

ДОНЕСЕНИЕ ШТАБА 4 АРМИИ КОМАНДУЮЩЕМУ ВОСТОЧНЫМ ФРОНТОМ О ПРИНЯТЫХ МЕРАХ ПО ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ НИКОЛАЕВСКОЙ ДИВИЗИИ

№066 27 октября 1918г., 23 ч 30 мин.

В течение 2 6 и 27 октября от Николаевской дивизии новых сведений об изменении обстановки не получалось. Телеграфная связь с дивизией прервана. Высланные из Корнеевки конные части для установления связи с дивизией Чапаева вернулись обратно, не дойдя до неё. Посланы запросы о положении дивизии по радио, но ответа не получено. Из Уральской дивизии послан для связи аэроплан. О принятых мерах для облегчения положения дивизии донесено телеграммой № 062/а.

Кроме мер, указанных в этой телеграмме, приказано было ещё 2 5 октября 1-му Саратовскому кавалерийскому полку

Уральской дивизии двинуться на соединение с Николаевской дивизией от Верхнесолянского на Волчанский, Канаевский, а пехотному полку перейти к Верхнесолянскому. Ликвидация выступления 2-й бригады Самарской дивизии задерживает 3 бригаду от движения на поддержку Николаевской дивизии. Обо всех изменениях в обстановке Николаевской дивизии будет доноситься в штавост по мере получения новых сведений.

За наштарм 4 В. ЛАЗАРЕВИЧ
ПОЛИТКОМ А. БРИТОВ

Василий Иванович продолжал отбиваться от наседавшего со всех сторон противника с измученными до предела и голодными людьми.

В двух других дивизиях армии в это самое время происходили внутренние неурядицы, вызванные недовольством бойцов. Для ликвидации инцидента во 2-й бригаде Самарской дивизии, вызванного необдуманными её передвижениями, командарм приказал начдиву Захарову с комиссаром Семенниковым отправиться в полки. То же самое происходило и в Уральской дивизии. Поэтому требовалось вмешательство старшего командования. Военный совет армии предложил выехать в дивизию командарм)? Хвесину. Но тот, свободно распоряжавшийся жизнями других, потребовал обеспечить безопасность своей персоне. И все же выехать пришлось... Правда, он не проследовал дальше станции Озинки, не переступал границ Уральской области и вообще держался вдалеке от собственных войск.

В радиограмме штаба армии Чапаеву 28 октября говорилось: «Сообщите ваше положение. Подошел ли к вам 4-й Малоузенский полк и 1-й Саратовский кавалерийский? Прибыло ли пополнение? Сегодня из Покровска в Уральскую дивизию выехал командарм Хвесин. Установите с ним связь».

На это Чапаев ответил, что положение Николаевской дивизии критическое, указанные полки не пришли, пополнений нет.

Настойчиво добиваясь поддержки слабым и измученным частям, Чапаев думал о возможных последствиях для соседней Уральской дивизии, если противник обрушит высвободившие силы против неё. И только поэтому продолжал держаться до последней возможности, приковав, таким образом, эти силы к себе.

Именно об этом он доносил:

КОМАНДУЮЩЕМУ 4 АРМИЕЙ ОТ ЧАПАЕВА. ДОНЕСЕНИЕ.

№2, с. Нижняя Покровка 28 октября 1918 г.,
19 ч 30 мин.

Доношу, что (из)-за не подхода подкреплений держаться более нет сил, 3 0 октября в 6 часов открываю фронт на ст. Алтата, что может быть катастрофой (для) Уральской дивизии.

Начдив ЧАПАЕВ
Политком БАЗАНОВ

ПРИКАЗ КОМАНДУЮЩЕГО 4 АРМИЕЙ НАЧАЛЬНИКУ УРАЛЬСКОЙ ДИВИЗИИ А.Д. КОЗИЦКОМУ ОБ ОКАЗАНИИ ПОМОЩИ ОКРУЖЕННОЙ ДИВИЗИИ ВАСИЛИЯ ЧАПАЕВА

№ 076, г. Самара 28 октября 1918 год

Николаевская дивизия окружена конницей противника и находится в тяжелом положении. Когда нужно выручить товарища, то нельзя останавливаться перед такими препятствиями, которые вы приводите в своей телеграмме.

Приказ о движении 1-го Саратовского кавалерийского полка на выручку Чапаеву должен быть выполнен. По выполнении возложенной на него задачи полк к вам возвратится обратно. Если удержание с. Верхнесолянский важно, чтобы не допустить конницу противника к вам в тыл, то займите Верхнесолянский батальоном из полка, направленного в хут. Меловой.

Командарм БАЛТИЙСКИЙ
Член Реввоенсовета ЛИНДОВ

Каковы же были представления соседей о положении бедствовавшей Николаевской дивизии и какова была их помощь, можно судить по следующей радиограмме начдива и комиссара Уральской дивизии от 30 октября:

«Прошу срочно приступить к разгрузке станции Озинки, ибо масса груза, предназначенного в Вашу дивизию, третий день стоит без разгрузки... Высылайте приемщиков, транспорт на станции Семиглавый Мар и Озинки».

И был ли Чапаев недостаточно заботлив в отношении

обеспечения своих частей, можно судить по всем его донесениям. А насколько им учитывались остатки сил и возможностей, видно из его приказов. Так, в приказе № 23 от 28 октября 1918 года записано:

«Мною замечено, что командиры полков не знают численного состава вверенных им полков, количество имеющегося у них вооружения, боеприпасов, лошадей и продуктов. Представленные в штаб дивизии сведения резко разнятся в итогах, хотя представляются на одно число. За такое халатное отношение к делу объявляю на первый раз строгий выговор...» В приказе за № 24 от 30 октября снова требовалось: «Для точного выяснения личного состава полков... командиров полков немедленно образовать комиссии из трех человек, в которые должны войти два человека из состава батальонов и один из штаба полка. Комиссиям точно выяснить списочный и наличный состав полков и сообразно с этим правильность получаемых ими продуктов».

Но днем раньше...

ДОНЕСЕНИЕ В.И. ЧАПАЕВА КОМАНДУЮЩЕМУ 4 АРМИЕЙ О КРИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ ДИВИЗИИ

№91, с. Ивановский 29 октября 1918 г., 12 ч

Доношу, что полки Николаевской дивизии расположены в районе хут. Ивановский. На фронте Николаевской дивизии противник лезет со всех сторон. Положение дивизии критическое. Жду две недели поддержки из штаба 4-й армии, до сего времени поддержки нет. Хлеб истек, снаряды и патроны на исходе. Малейшее ваше промедление с высылкой поддержки — и все оружие попадет в руки противникам, и вся живая сила. Жду ответа срочно по радио.

Держаться могу только не более двух дней, после чего получится полный крах.

Начдив ЧАПАЕВ
Политком БАЗАНОВ
Начальник оперчасти ЧЕКОВ

И наконец-то реакция командарма-4 на происходящее...

РАДИОГРАММА К0МАНДУ1ЦЕГ0 4 АРМИЕЙ НАЧАЛЬНИКУ

УРАЛЬСКОЙ ДИВИЗИИ А.Д. КОЗИЦКОМУ ОБ ОТПРАВКЕ ПОПОЛНЕНИЙ ДИВИЗИИ В.И. ЧАПАЕВА

№524 29 октября 1918 г., 19ч 50 мин.

Предписываю отправить из с. Верхнесолянский завтра, 30 октября, (на) рассвете пополнение 805 человек и 4-й Малоузенский полк в распоряжение товарища Чапаева.

Требую категорически исполнения сегодня, приказываю без оговорок.

Об исполнении донести мне.

Вр. Командарм-4 ХВЕСИН

Забота? Несомненно, забота... Только вот под чьим таким нажимом?! Уж не товарища ли Балтийского?

Но если эту «заботу» рассмотреть повнимательнее, можно заметить, что она отправлена ТОЛЬКО В 18 ЧАСОВ 40 МИНУТ. И совсем не 29 октября, а только 30 октября. Следовательно, НИКАКОЙ ПОДДЕРЖИ К УТРУ 30 октября БЫТЬ НЕ МОГЛО!

Разумеется, все удары противника при прорыве Чапаеву предстояло выдержать своими силами... И в тот же день, т. е. 30 октября Василий Иванович ответил на радиограмму командарма от 30 октября за №37 о положении частей.

«Подкрепления никакого до сего времени не получено. 4-й Малоузенский полк стоит в Б. Глушице, формирует Самарскую бригаду. 1-й Новоузенский полк неизвестно где. 805 человек пополнения не прибыло. Настроение в Николаевской дивизии солдат ужасное, в Балашовском полку было восстание против командного состава. Подстрекателей удалось выявить. 10 человек расстреляно... Связь восстановить не удается. Казаки в тылу. 31 октября выступаю из села Нижняя Покровка (она же Ивановка) пробивать кольцо противника. Как удастся и в какую сторону, неизвестно».

Все это лишний раз подтверждает, что донесения командарма-4 Хвесина командующего войсками фронта о поддержке Николаевской дивизии были абсолютно ложны. Малоузенский полк так и не высылался, а всего лишь навсего был привлечен для наведения порядка во 2-й бригаде Самарской дивизии...

В связи с изменением времени выхода Николаевской дивизии из окружения, которое вначале намечалось на 6 часов утра 30 октября, перенеслось на полтора суток.

И, несмотря на длительную задержу, распоряжение командарма начдиву Уральской дивизии от 27 октября успело дойти до Чапаева. На этом основании Василий Иванович поставил перед дивизией боевые задачи.

ПРИКАЗ ПО НИКОЛАЕВСКОЙ ДИВИЗИИ О ПЕРЕХОДЕ В НАСТУПЛЕНИЕ ДЛЯ ПРОРЫВА ОКРУЖЕНИЯ

Село Нижняя Покровка 31 октября 1918 года

1. Кавалерийскому Гарибальдийскому полку в 14 часов выступить в дер. Акурова с батареей, откуда бить во фланг противника; кавалерии перерезать путь отступления противника из Верхней Покровки, выслать дозор на Сырт, севернее дер. Акурова, чтобы противник не мог ударить с тыла.

2. Балаковскому полку развернуть фронт в 14 часов 3 0 минут по направлению на восток на дер. Верхняя Покровка . С занятием Верхней Покровки продвинуться на Харитоновку, где и остановиться.

3. Пензенскому полку одновременно с Балашовским полком выступить на Колокольцовку, держать тесную связь с Балашовским полком, при занятии Колокольцовки и Озерки донести мне; 3-му батальону Пензенского полка остаться в с. Нижняя Покровка, из которого 1 роту выслать по направлению хут. Чилижный, чем предохранить от паники полки в случае бегства казаков с хут. Чилижный.

4. Эскадрону Балашовского полка кавалерию выслать на правый фланг Пензенского полка.

5. 1-му Саратовскому кавалерийскому полку одновременно, т.е. в 14 часов выступить на хутор Бенардак, при занятии которого связаться с Пензенским полком, о чем донести мне.

6. 1-му Новоузенскому полку дать содействие 1-му Саратовскому кавалерийскому полку одним батальоном, остановиться на хут. Бенардак, а остальным частям полка оставаться в с. Малаховка.

Начдив ЧАПАЕВ

Зав. оперчасти ЧЕКОВ

И в тот же вечер...

ДОНЕСЕНИЕ ШТАБА НИКОЛАЕВСКОЙ ДИВИЗИИ В ШТАБ 4 АРМИИ О ПЕРЕХОДЕ В РЕШИТЕЛЬНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

№34, с. Нижняя Покровка 31 октября 1918 г.,

19 ч 20 мин.

Доношу вам, что Николаевская дивизия перешла в решительное наступление. С первой позиции противника сбили. Застигла ночь. Была рукопашная атака. Ввиду темноты потери с обеих

сторон не выяснены.

Начальник оперчасти ЧЕКОВ

За политкома НИКИТЕНКОВ

Опять, опять цирюльник-командарм-4 сделал очередной ход не в пользу Николаевской дивизии. В самый последний момент он отменил свое распоряжение о направлении 1-го Новоузенского полка в распоряжение Чапаева, а последнего даже не поставил об этом в известность. И только начдиву Уральской им продиктовано: «Во изменение отданного мною распоряжения об отправке в Николаевскую дивизию 1-го Новоузенского полка предписываю ОЗНАЧЕННЫЙ ПОЛК ОСТАВИТЬ В СОСТАВЕ ВВЕРЕННОЙ ВАМ ДИВИЗИИ».

К ночи 31 октября из Николаевской дивизии пришло повторное донесение.

В нем сообщалось: «...Противник стоял упорно, но со своих позиций сбит. Потери с его стороны значительны, с нашей, ввиду наступления темноты, не выяснены, но небольшие. Несколько раз сходились в рукопашные схватки. Бой продолжается. Перевес на нашей стороне».

Продвижение дивизии шло успешно, но противник начал обходить части правого фланга, южнее Колокольцовки, для нанесения главного удара. Там же, в 12-15 километрах южнее Колокольцовки, оставались на месте 1-й Саратовский кавалерийский и 1-й Нозоузенский полки. Оставались и... БЕЗДЕЙСТВОВАЛИ.

Это было равносильно предательству. Нет, пожалуй, не равносильно... Это было обыкновенное ПРЕДАТЕЛЬСТВО...

Дивизия, рассчитывавшая на их удар справа, теперь оказалась в тяжелейшем положении.

Чапаев, не подозревая об отмене командармом-4 своего же распоряжения о поддержке Новоузенским полком, сообщал тому же Хвесину о невыполнении его распоряжения: что 1-й Новоузенский полк стоит на месте и не предпринимает никаких действий против неприятеля... «Требую, — настаивал Василий Иванович, — немедленного участия в бою 1-го Новоузенского

полка. Задача означенному полку занять хутор Бенардак».

Комиссар дивизии Стаувер обратился в политический отдел армии:

«Немедленно сообщите, на каком основании 1-й Новоузенский полк совершенно неожиданно, в самый критически момент всей Николаевской дивизии, безо всякого предупреждения снова остался в распоряжении Уральской дивизии».

Получалась какая-то глупая игра: по требованию политотдела штаб армии, не будучи в курсе дел, «разъяснял», что, мол, Новоузенский полк НИКОГДА В РАСПОРЯЖЕНИЕ НАЧДИВА НИКОЛАЕВСКОЙ ДИВИЗИИ И НЕ ПЕРЕДАВАЛИ...

Так командарм Хвесин и его штаб, лишившие Николаевскую дивизию и самого Чапаева всякой поддержки на протяжении всех боевых действий, поставили под удар и последний, самый решающий момент.

ДОНЕСЕНИЕ В.И. ЧАПАЕВА КОМАНДАЮЩЕМУ 4 АРМИЕЙ О ЗАНЯТИИ РЯДА НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ И УСКОРЕНИИ ВВОДА В БОЙ НОВОУЗЕНСКОГО ПОЛКА

№40. с. Нижняя Покровка 1 ноября 1918 год

Доношу, что на фронте Николаевской дивизии полками с боем взяты с. Харитоновка и дер. Колокольцовка. Противник обходит справа, т. е. с Южной стороны, дер. Колокольцовка.

Благодаря недеятельности и неисполнению приказания — радиограмма № 524 командарма 4 начдивом Уральской, 1-й Новоузенский полк стоит на месте в с. Солянка и НЕ ПРЕДПРИНИМАЕТ НИКАКИХ ДЕЙСТВИЙ ПРОТИВ НЕПРИЯТЕЛЯ.

Требую немедленного участия в бою 1-го Новоузенского полка, стоящего в Верхнесолянском. Задача означенному полку - занять хутор Бенардак.

По линии меридиан 20 и хут. Бруслянский противник бьет с фланга.

Начдив ЧАПАЕВ
Политком СТАУВЕР
Начальник оперчасти ЧЕКОВ

И чуть позже...

ДОНЕСЕНИЕ ШТАБА НИКОЛАЕВСКОЙ ДИВИЗИИ В ШТАБ 4 АРМИИ О БОЕ В РАЙОНЕ С. ХАРИТОНОВКА
НА УРАЛЬСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

1 ноября 1918 год, 17 ч

Доношу, что на фронте Николаевской дивизии с наступлением темноты бой затих. Полки Николаевской дивизии с боем заняли с. Харитоновка и Колокольцовка, что южнее Харитоновки. Перевес на нашей стороне. После 8-часового боя противник потерял убитыми и ранеными 400 человек и лошадей 300 голов. Трофеев взято у противника нами 20 седел. Пять раз был рукопашный бой. Противник не выдержал и отошел назад.

Дальнейшее преследование противника не представлялось возможным за неимением у нас снарядов. Ждем пополнений, с получением таковых будем продвигаться вперед.

Начальник оперчасти ЧЕКОВ
Политком СТАУВЕР

Именно на этом донесении 3-го ноября 1918 года начальник штаба армии Балтийский написал:

Потребовать схему расположения отряда до роты включительно.

Потребовать подробный доклад, КАК УДАЛОСЬ ОСВОБОДИТЬСЯ ОТ ОКРУЖЕНИЯ И КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ СЛАВА ЭТОГО ДЕЯНИЯ».

В тексте этой резолюции изумление командования армии: как все-таки удалось Чапаеву вырваться?! Если в штабе приложили все усилия, чтобы такового не случалось ни при каких обстоятельствах...

На требование штаба армии исполняющий обязанности начальника штаба Николаевской дивизии Гагаев ответил: «Подготовка выхода из окружения была проведена ЛИЧНО НАЧДИВОМ ЧАПАЕВЫМ и весь план разработан им ЛИЧНО. И всей операцией руководил ЛИЧНО ЧАПАЕВ. Поэтому и слава этого деяния принадлежит ЕМУ».

В продолжение переписки о помощи из штаба армии Чапаева 1-го ноября запрашивали: «По донесению начдива Уральской утром 30 октября на поддержу вашей дивизии послано из Верхней Солянки 805 человек. Из Большой Глуши- цы направлен

4-й Малоузенский полк. Срочно донесите, прибыло ли подкрепление? Командарм приказал установить связь с левым флангом Уральской дивизии, расположение которой: 1-й Саратовский кавполк — в Верхней Солянке, 1-й Новоузенский полк направлен в Равнополь, что в пяти верстах южнее хут. Камышанский; Московско-Саратовский — хутор Меловое, что в 15 верстах юго-восточнее Верхней Солянки, 2-й Новоузенский полк — с. Красненькое, что в 10 верстах на север от станции Шипово».

Эта телеграмма наштарма ещё раз подтверждает, что армейским командованием даже в самый момент прорыва дивизии на помощь было направлено только дополнение, которое, кстати говоря, подошло лишь на третий день после выхода из окружения в количестве 720 человек. А яичко-то, как говорят на Руси, дорого к Красному дню...

ДОНЕСЕНИЕ ШТАБА НИКОЛАЕВСКОЙ ДИВИЗИИ В ШТАБ 4 АРМИИ О ЗАНЯТИИ хут. БЕНАРДАК И ЗАХВАЧЕННЫХ ТРОФЕЯХ

№46, с. Нижняя Покровка 3 ноября 1918 год

17 ч 15 мин.

Доношу, что на фронте Николаевской дивизии бой КОНЧИЛСЯ. Перевес на НАШЕЙ СТОРОНЕ. Хутор Бенардак с боем занят нами. Противник БЕЖАЛ В ПАНИКЕ по направлению с. Таловый, оставив убитыми и ранеными около 50 человек. С нашей стороны выбыло из строя ДВОЕ: ранен командир кавалерийского полка и один красноармеец убит. Трофеев взято у противника: 12 лошадей, из них — б верховых с седлами и 6 с повозками, 3 пулемета, остальные — 5 подвод обывательских.

Начальник оперчасти ЧЕКОВ

Политком СТАУВЕР

В общем, как ни хитрил Хвесин, как ни старался скрыть свое преступное поведение и создать видимость предпринимаемых мер, не удалось ему...

Никого не удалось обмануть и провести в Николаевской дивизии. И 2-го ноября радиограммой из Николаевска стало известно об успешных действиях Николаевской дивизии в первый же день боя.

Сам Василий Иванович приглашался председателем горисполкома на собрание, посвященное 1-й годовщине Социалистической Октябрьской революции. В качестве почетного гостя.

Хотя ждали Чапаева не только там. Ждали его ещё и в штабе IV армии. Ждал лично Хвесин.

Видя, что Николаевская дивизия все-таки вышла из окружения, он срочно убыл в Самару в штаб армии и с утра 2-го ноября в спешном порядке вынес на заседание военного совета армии вопрос о Чапаеве. В протоколе № 16 в пункте 4 значится: «Постановили: 4. Переносится на 2 ноября в 7 часов вечера, когда будут готовы материалы по его (Чапаеву) делу. К вечеру «материалы» были готовы. И самым главным козырем в них была радиограмма Чапаева, где он сомневается в штабе 4-й армии и сравнивает поведение Хвесина с поведением предателя Буренина.

На заседании присутствовали: Линдов, Хвесин, Берзин, член Реввоенсовета Республики Кобозев, Куйбышев, Баранов, Эльтман.

В протоколе № 17 от 2 ноября записано:

«Слушали: 3. Дело Чапаева.

Постановили: 1. Дисциплинарным порядком ОТСТРАНИТЬ тов. ЧАПАЕВА от должности и по имеющимся документам ПРЕДАТЬ СУДУ И РАССТРЕЛЯТЬ. (!)

2. Отстранение поручить командарму-4 тов. Хвесину».

Все правильно. Зачем теперь им нужен Чапаев? От таких как этот Василий Иванович надо избавляться в первую очередь. Ведь он как бельмо на глазу. Какой бы провальный приказ ни спускали — Чапаев обязательно его отменит, да ещё свой издаст. Более того, затем возьмет, да и выиграет сражение. И ведь ни штык, ни пуля, ничего его не берет — не порядок и только...

При обсуждении вопроса о Чапаеве, принимая во внимание разложение Николаевской дивизии и IV армии в целом, товарищ Кобозев внес следующее предложение: ввиду «ВОЗМОЖНОГО ЭКСЦЕССА» (бунта армии) при отстранении товарища Чапаева от должности обратиться за содействием к товарищу Троцкому, предложив ему (Льву Давидовичу) временно вызвать тов. Чапаева к себе, для доклада. И далее последовало бурное обсуждение.

Тов. Берзин (вновь прибывший и назначенный политкомиссаром, членом Реввоенсовета IV армии только с 31 октября 1918 года) указал, что общее мнение совета таково, что Чапаев — человек такой, который не подчиняется распоряжениям совета.

Тов. Хвесин: Я не могу работать в таком составе Военно-Революционного Совета. Не могу, потому и ухожу.

Председатель тов. Линдов: Все-таки Вы как командарм и член Реввоенсовета обязаны остаться на заседании и уйти не должны.

Тов. Хвесин: Но я все-таки дальше в заседании Реввоенсовета участвовать не могу, ухожу.

Председатель: Заседание продолжается.

Тов. Хвесин ушел, но потом все-таки вернулся обратно.

Тов. Берзин предложил Хвесину повторить свои слова.

Тов. Хвесин уже в другом тоне продиктовал секретарю: «Я довожу до сведения Военно-Революционного Совета, что при создавшейся обстановке, при данном составе Военно-Революционного Совета работать не могу. Подаю сейчас рапорт командующему фронтом об отставке или скорейшем откомандировании меня из IV армии. В заседаниях Военно-Революционного Совета присутствую только по вопросам, касающимся меня непосредственно как командарма».

Тов. Берзин заявляет, что это заявление тов. Хвесина не подходящее к первому его заявлению и повторяет первое заявление тов. Хвесина: «Вы заявили, что Вы больше при таком составе Реввоенсовета оставаться не можете и потому уходите».

Тов. Хвесин: Я предлагаю членам Реввоенсовета относиться к своим заявлениям осторожнее, и то, что здесь говорится тов. Берзиным, далеко неправильно. И я присутствую на заседании Реввоенсовета только тогда, когда это меня касается как только командарма.

Из этих протоколов видно, с каким нетерпением стремился Хвесин расправиться с Чапаевым. И как только тот отобьет противника, тут же предать его расправе.

Ко всему прочему Чапаев руководил слабой и наспех организованной дивизией, но которую ни в коем случае нельзя было назвать разложившейся. Более того, дивизия под его руководством показала себя как нельзя хорошо. Во всяком случае, по сравнению с другими военными соединениями…

Но утративший выдержку Хвесин не согласился с доводами членов военного совета. Судьбу Чапаева он уже решил самостоятельно. И ещё до заседания военного совета адъютант Хвесина передал командиру Покровской бригады Дунаеву: «Реввоенсовет армии решил освободить тов. Чапаева от занимаемой должности начдива Николаевской дивизии. Командарм назначает Вас начальником Николаевской дивизии. Вам надлежит немедленно туда отправиться и принять командование дивизией. Примите все меры, чтобы это прошло без осложнений и инцидентов. При сдаче дивизии Чапаев должен быть направлен в распоряжение штаба армии в Самару. Политком Баранов выехал туда по этому делу, и Вы его встретите или в Покровском, или в дивизии». И далее добавил: «Тов. Дунаев, пожалуйста, когда приедете в дивизию, говорите по прямому проводу, чтобы командарм знал о ходе дела, порученного Вам».

Дунаев: Хорошо. Завтра отъезжаю с первым отходящим поездом. Все будет исполнено.

Но после заседания военного совета адъютанту пришлось давать «отбой». «Ввиду изменения решения тов. Чапаев остается на месте. Вам ехать туда не нужно. Все, что передавал по прямому проводу, теперь отменяется».

Хвесин ясно понял, что командование армией теперь ему не по плечу... Ему не хватает ещё и выдержки. И вскоре Реввоенсовет Восточного фронта телеграммой от 4 ноября освобождает его от командования IV-й армией.

И пока в штабе армии кипели страсти, Чапаев продолжал воевать:

ПРИКАЗ В.И. ЧАПАЕВА КОМАНДИРУ 1 БРИГАДЫ НИКОЛАЕВСКОЙ ДИВИЗИИ О НАСТУПЛЕНИИ ПЕНЗЕНСКОГО ПОЛКА НА ХУТОР НИЖНИЙ ПЕРЕМЕТНЫЙ

№ 68, хут. Вечно-Молоканский 9 ноября 1918 года,
20 ч 40 мин.

Предлагаю Пензенскому полку занять (пос.) Нижний Переметный. Выступить в 5 часов утра 10 ноября. Приказываю приказ выполнять минута в минуту. По занятии указанного пункта двигаться с частями влево и вправо.

Командирам полков точно знать расположение своих частей.

За халатное отношение к делу объявляю выговор командиру Пензенского полка и вам за незнание расположения частей Балашовского полка. Постарайтесь узнать скорее расположение Балашовского полка. По получении сведений срочно донесите.

Начдив Николаевской ЧАПАЕВ
Начштаба ГАЛАКТИОНОВ

По всему видно, что Василий Иванович полон сил и рвется наверстать упущенное время. Ведь против Пензенского полка, занявшего поселки Нижний и Верхний Переметный, находились 10-й казачий полк и полк неустановленной нумерации. Против 2-го кавполка, занимавшего хутора Першин и Волчанский по реке Трубица, находились 3-й учебный Уральский казачий полк и Гурьевский дивизион пехоты с броневиком. И 10 ноября

противник производил активные атаки на всем фронте дивизии, но был отбит.

ПРИКАЗ
ПО НИКОЛАЕВСКОЙ ДИВИЗИИ О НАСТУПЛЕНИИ И ДИСЛОКАЦИИ ЧАСТЕЙ НА УРАЛЬСКОМ НАПРАВЛЕНИИ
№1 10 ноября 1918 года

1. Малоузенскому полку приказываю 11 ноября в 6 часов утра выступить с хут. Маслова на пос. Новониколаевский и Нововасильевский, стояние на р. Таловке северо-восточнее с. Таловый.

При занятии означенных пунктов выслать связь вправо в Балашовский полк, занимающий Климовское товарищество, и влево в Игумнов в Самарский полк, о чем донести мне.

2. Балашовскому полку оставаться в пос. Климовское товарищество, выслать вперед усиленную разведку, о чем донести мне.

3. Пензенского полку оставаться на (пос.) Верхний Переметный. Держать тесную связь с соседними полками и выслать разведку на Умет Переметный. О результатах донести мне.

4. Кавалерийскому Гарибальдийскому полку оставаться на хут. Першин. Держать связь с Уральской дивизией. При подходе Уральской дивизии к линии вверенного вам полка срочно донесите, после чего будет отдано (приказание) для общего наступления.

Начдив Николаевской ЧАПАЕВ
Политком СТАУВЕР
За нач. оперативной части И. КРАСНОВ

На следующий день, 11 ноября Чапаев отдал СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПРИКАЗ, в котором говорилось:

ПРИКАЗ
ПО НИКОЛАЕВСКОЙ ДИВИЗИИ О НАСТУПЛЕНИИ НА УРАЛЬСК
№ 27, Действующая армия 11 ноября 1918 года

Товарищи красноармейцы!

Уже более года вы бьетесь с бандами буржуазии, более года льётся ваша кровь за святое дело освобождения всех угнетенных и трудящихся от ига капиталистов, от власти кровожадных хищников.

И вот уже близка ваша победа, один за другим падают оплоты буржуазии, все больше и больше редеют её ряды, тогда как наши, наоборот, растут, ибо в каждом освобожденном городе и селе к нам примыкают новые бойцы.

Товарищи, перед вами один из предпоследних оплотов контрреволюции — Уральск.

Он падет в ближайшие дни, ибо вы хотите этого, ибо вы храбры и настойчивы. Но, товарищи, вы должны проявить величайшую сдержанность и благородство при вступлении в город, как честные борцы за святое дело освобождения родных братьев — трудовых казаков, рабочих и крестьян. Вы должны поддержать образцовый порядок и быть примером для других. Помните, вы — бойцы славной отныне железной Николаевской дивизии, начавшей одной из первых бить банды контрреволюционеров и всегда отличавшейся на полях сражений.

При вступлении в город не должно быть никаких насилий, никаких грабежей и никакого хулиганства с нашей стороны.

Пусть знает буржуазия, что солдаты Красной Армии не дают пощады лишь только кулакам, золотопогонникам и прочим мерзавцам, гнавшим виселицами и расстрелами трудовое казачество драться с нами. Но бедняки — обездоленные наши братья, им не может быть чинимо никаких насилий, а также грубостей.

Повторяю, порядок в городе должен быть образцовый. Вы должны оправдать данное мною дивизии новое наименование и на деле доказать, что действительно солдаты ЖЕЛЕЗНОЙ дивизии, крепко спаянные товарищеской дисциплиной друг с другом, и не допустите никаких безобразий и грубостей по отношению к населению, как истинные защитники угнетенных.

Только при этом условии, только при таком поведении вам будет поручена охрана города и восстановление порядка в нем.

Надеюсь, товарищи, что вы оправдаете мое доверие. Итак, смело вперед, в Уральск. Вам нет преград.

Начальник дивизии ЧАПАЕВ
Политком дивизии СТАУВЕР

На следующий день, 12 ноября Чапаев объявил приказ о включении в состав дивизии 4-го Малоузенского полка, образовал 2-ю бригаду в составе 4-го Малоузенского и 2-го кавалерийского полков.

Командиром 2-й бригады назначил командира Пензенского полка Ильина.

Тем временем в штаб армии поступила разнарядка выбрать из числа лучших командиров и комиссаров кандидатов для направления их на ускоренный курс Академии Генерального штаба РККА. В связи с этим 4 ноября Реввоенсовет IV армии принял решение в числе других послать в Москву на учебу и Чапаева…

Перед членом Реввоенсовета Берзиным кандидатуру Василия Ивановича поддержал политкомиссар штаба армии, член партии с 1912 года П.И. Баранов.

Вот часть разговора, состоявшегося между ними:

«Берзин: …Согласно решению Реввоенсовета-4 в Академию Генерального штаба командируется… также тов. Чапаев. Ему уже послана телеграмма. Начальником дивизии вместо Чапаева назначен командир 4-го Малоузенского полка Дементьев. Все ли благоприятно в Чапаевской дивизии? Жду ответа.

Баранов: За себя и Чапаева очень рад. Чапаев стоит того, чтобы его откомандировали в академию. В дивизии всё благополучно…

Берзин: Очень рад, что Вы поддерживаете кандидатуру Чапаева…»

К слову сказать, Чапаев совсем не желал ехать учиться… Он прекрасно понимал, что таким способом его отрывают от дивизии, которая становилась день ото дня образцовой и боеспособной. И ещё понимал, что именно его отъезд деморализует с таким трудом налаженную дисциплину и моральный дух солдат. Но делать было нечего. Приказ есть приказ…

А пока надо продолжать воевать. Отъезд ещё через несколько дней…

ДОНЕСЕНИЕ ЧАПАЕВА В ШТАБ 4 АРМИИ О НАСТУПЛЕНИИ НА ХУТОР ЧУРБАНОВ

№89, с. Таловый 12 ноября 1918 год, 18 ч 30 мин.

На фронте Николаевской дивизии за истекший день 2-кавполк произвел демонстративное наступление на хутор Чурбанов, что на юго-восток по направлению к хут. Железное.

Пущенный броневик ворвался в означенный хутор, стреляя в упор, перебил до 600 казаков, отбил два орудия и обоз, но порча машины заставила оставить отбитое и хутор. У нас потерь нет.

Начдив Николаевской ЧАПАЕВ
Политком Н. КРОПАЛЕВ
Начальник штаба ГАЛАКТИОНОВ

А через два дня Василию Ивановичу пришлось писать уставной рапорт.

Глава 11. Расстрел или академия

РАПОРТ ЧАПАЕВА В НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПО ВОЕННЫМ ДЕЛАМ С ПРОСЬБОЙ О ЗАЧИСЛЕНИИ В АКАДЕМИЮ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

Ранее 15 ноября 1918 года

Прошу вашего разрешения о зачислении меня в военную Академию Генерального штаба для прохождения курса.

Командовать дивизией может бригадный командир Потапов или командир Пензенского полка Ильин.

Начдив Николаевской ЧАПАЕВ

В дивизии среди солдат было полушоковое состояние в связи с отъездом Василия Ивановича в Академию. Никто не хотел расставаться с любимым командиром.

Во всех частях проводились короткие митинги, на которых бойцы прощались с Чапаевым, желали ему всего самого наилучшего. Говорили теплые слова и добрые пожелания. На собрании представителей эскадронов, рот и команд кавалерийского имени Гарибальди полка, посвященном отъезду Чапаева, 12 ноября принято следующее постановление

Мы, представители эскадронов, рот и команд 2-го кавалерийского имени Гарибальди полка, собравшись сего числа, обсуждали вопрос об отъезде от нас начальника дивизии товарища Чапаева, постановили: приветствовать его, одного из передовых борцов Рабоче-Крестьянской Красной Армии, как успешного организатора деревенской бедноты. Не считаясь с тем, что в нашем забитом степном уголке царила полудикая темнота, он успешно сумел создать боеспособные полки, которые сдержали натиск чехословаков, с одной стороны, и казаков-белогвардейцев — с другой. Геройски третий раз подходим к Уральску. Выгоняли из Николаевска и всего Николаевского уезда несколько раз контрреволюционные банды, что послужило великой поддержкой всей рабоче-крестьянской революции. А посему и приветствуем дорогого ВОЖДЯ ТОВАРИЩА ЧАПАЕВА за его храбрость,

доблесть и отвагу, выражаем доверие и поддержку. Вместе с тем просим рабоче-крестьянскую власть в дальнейшем тов. Чапаева иметь в виду как одного из ПЕРЕДОВЫХ БОЙЦОВ КРАСНОЙ АРМИИ». И написали транспарант: «Да здравствуют НАШИ ВОЖДИ - ЛЕНИН И ЧАПАЕВ!

(ЦГСА, ф. 184, оп. 3, д. 85, л. 83)

В приказе по Николаевской дивизии № 31 от 15 ноября 1918 года по линии политического отдела, образованного к этому времени, объявлено:

Согласно постановлению Реввоенсовета 17 армии, товарищ Чапаев командируется в Красную Академию Генерального штаба для усиления своих дарований специальными военными знаниями. Заслуги товарища Чапаева перед революцией велики. Не много подобных ему революционеров имеет Республика, и мы, чапаевцы, должны гордиться его названием, его именем...

Многие товарищи своей горячей преданностью к товарищу Чапаеву, быть может, впадут в уныние и, быть может, позволят ряд дезорганизаторских выступлений, нарушающих дисциплину и боеспособность части на радость нашему врагу.

Учитывая подобные обстоятельства, призываю всех товарищей красноармейцев к порядку. Полагаю, что мы должны оправдать надежды, усилия по воссозданию дивизии, затраченные товарищем Чапаевым, и ещё честней находиться на своих постах.

Коммунисты! Я твердо верю, что все отнесутся с должным сознанием к уходу товарища Чапаева, ибо рабоче-крестьянская власть заинтересована в скорейшем создании кадров своего красного командного состава.

От имени политического отдела дивизии выражаю горячую благодарность товарищу Чапаеву за его труд и героическую работу.

До свидания, дорогой товарищ!

И ещё. Военный совет IV армии отменил свое решение привлечь Чапаева к суду. Да, судебную ответственность сняли, и в числе прочих военный совет дал добро, направив Василия Ивановича на учебу в Академию Генерального штаба.

Врид командующего армии А.А. Балтийский в своей

характеристике, данной В.И. Чапаеву 19 ноября 1918 года, писал:

Начальник Николаевской пехотной дивизии Василий Иванович Чапаев, ныне командируемый в Академию Генерального штаба, известен мне как ВОЕННЫЙ ВОЖДЬ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ВОЙСК, обладающий следующими свойствами:

Умение в боевой обстановке владеть современной массой, личным обаянием ГЕРОЯ, подвигами, БЕЗЗАВЕТНОЙ ХРАБРОСТЬЮ, твердостью и решительностью заставить исполнить приказание.

Умение ориентироваться в боевой обстановке. Ясное понимание необходимости для победы — координировать действия боевых единиц. Понимание маневра и удара. Смелость в принятии решений. ВОЕННЫЙ ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ.

Всё изложенное усвоено товарищем Чапаевым исключительно в боевой практике войны дореволюционной и современной революционной с её исключительными особенностями.

Отсутствие общего и военного образования сказывается в технике управления войскам и отсутствии широты охватить военное дело. Полный инициативы, но пользуется ею неуравновешенно вследствие отсутствия военного образования. Однако ясно обозначаются у тов. Чапаева все данные, на почве которых, при соответственном военном образовании, несомненно, явится и техника, и обоснованный военный размах, стремление получить военное образование, дабы выйти из состояния «военной темноты», а затем вновь встать в ряды боевого фронта.

Можно быть уверенным, что природные дарования т. Чапаева в сочетании с военным образованием дадут яркие итоги

Каково?! Это люди, подписавшие неделю тому назад смертный приговор...

УДОСТОВЕРЕНИЕ В.И. ЧАПАЕВА, ВЫДАННОЕ РЕВОЛЮЦИОННЫ ВОЕННЫМ СОВЕТОМ 4 АРМИИ ДЛЯ ПОСТУПЛЕНИЯ В АКАДЕМИЮ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

19 ноября 1918 года

Предъявитель сего т. Чапаев Василий Иванович работал в революционных рядах со времени Октябрьского переворота. Он

был послан на фронт в качестве агитатора в Заамурские полки. По выполнении этой задачи Николаевским исполнительным комитетом он был делегирован на окружной Казанский съезд Советов, откуда был вызван для принятия должности командира 13 8 запасного полка. Затем он был назначен уездным Николаевским исполнительным комитетом военным комиссаром Николаевского уезда. В бытность свою в этой должности т. Чапаев сформировал отряд Красной Армии в 3 00 человек.

Когда на юго-востоке казаки объявили войну пролетарской революции, т. Чапаев организовал под своим руководством три отряда революционных войск, командиром которых он и был назначен уездным исполкомом. Сдавши командование своему помощнику, т. Чапаев принялся за формирование 2 полка и был назначен командиром бригады.

В июле месяце им был сформирован 4 Николаевский и 1 кавалерийский полки, зимой — Балаковский полк, в сентябре сего года председателем Реввоенсовета Республики он был назначен начальником 2 Николаевской советской дивизии, им самим сформированной.

Военно-революционный совет 4 армии ЗНАЕТ т. Чапаева как ОТВАЖНОГО СОЛДАТА РЕВОЛЮЦИИ и для пополнения его военных знаний делегирует его как представителя 4 армии в Академию Генерального штаба.

Председатель Революционного военного совета
4 армии Восточного фронта ЛИНДОВ
(фотокопия с подлинника...)

УДОСТОВЕРЕНИЕ В.И.ЧАПАЕВА О КОМАНДИРОВАНИИ ЕГО В АКАДЕМИЮ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

№434

Дано сие т. Чапаеву в том, что он действительно делегируется в Академию Генерального штаба от 4-й армии Восточного фронта по постановлению Военного революционного совета таковой, что подписью с приложением печати удостоверяется.

Член Революционного военного совета 4 армии БЕРЗИН
Секретарь ПЕТРОВСКИЙ

Середина ноября. В уральской степи повеяло зимой. Ледяной синевой сковало ручейки, речушки и озера. Холодный ветер гонит

по степи клубки перекати-поле... Гулко разносятся в морозном воздухе орудийные залпы. И выстрелы. А по затвердевшей земле гремят колеса пулеметных двуколок, тачанок и обозов.

Начальник штаба дивизии Сергей Михайлович Гагаев принимал телефонограммы командиров и комиссаров, желающих прибыть в штаб для личных проводов Василия Ивановича Чапаева. Но вскоре от него самого пришло распоряжение, запрещающее всем командирам оставлять без себя части.

«Ежели бой — иная обстановка на боевом участке — ни в коем случае не оставлять полка. Сам заеду непременно», — гласила его телефонограмма.

В полках и других подразделениях частей хотели ознаменовать отъезд Чапаева парадом войск и орудийным салютом. Но он против этого решительно воспротивился. И ещё раз категорически запретил выезд в штаб командирам, политкомам частей, на участке которых шли бои.

Вместе с тем отъезд Чапаева породил нездоровые настроения среди убежденных приверженцев Василия Ивановича, для которых только он и никто другой не может быть во главе дивизии. Они говорили, мол, и не найдется, дескать, который мог бы достойно заменить его.

Приближался день отъезда Чапаева, а в частях бригад только и разговоров что об этом событии... И лишь артиллерийская дуэль с противником и стычки разведывательных подразделений на какое-то время отвлекли бойцов от суждений и пересудов.

Фордик Чапаева (к этому времени он наконец-то получил автомобиль и называл его «драндулетом») носился от одного конца до другого 50-ти километрового фронта дивизии.

Последний раз Чапаев появлялся в сопровождении своего заместителя А. Дементьева перед бойцами, командирами полков, батальонов и рот. В коротких беседах подбадривал, шутил, смеялся, а потом вдруг сразу становился серьезным и сосредоточенным.

— Уральск возьмете, конечно, должны взять! С этой думой, мыслями и надеждой уезжаю из дивизии, — говорил он, прощаясь с бойцами и комсоставом.

Все решили проводить Чапаева.

— Каким маршрутом, Василий Иванович, решил ехать на Москву? — поинтересовался Стефан Данильченко.

— Аль сопровождать надумали?

— Сопровождать не собираемся — далеко едешь, а проводить надо, — ответил командир Пензенского полка Павел Ильин.

— Когда ещё доведется с тобою встретиться?! — раздалось

сразу несколько голосов.

— Не до проводов вам сейчас, да и начальник у вас теперь другой, — возразил Василий Иванович, взглянув на Дементьева.

— Новый начальник, как мы думаем, не будет против, — пробасил командир бригады Федор Потапов (его и намечал Чапаев своим заместителем, но с этим не согласилось командование армии), как бы предвосхищая мнение врид начдива Дементьева.

— За два-три часа ничего в полках не произойдет, надежные заместители остаются: у Данильченко — Ухов, у Ильина — Галанц, у Донскова — любой командир эскадрона, народ верный и надежный, — говорил комбриг Потапов не столько для Чапаева, сколько для нового начдива Дементьева.

— Знаю, что помощники в полках верные и надежные, а проводов всё равно не нужно. Все вы тут, чего же более — хватит, — не соглашался Чапаев.

— А всё же, Василий Иванович, откуда и как тронешься? — допытывался Данильченко.

— Надо побывать в Пугачеве. Не след ехать, не повидав тамошних товарищей. Потом — на Самару. В Революционный Военный Совет армии за документами на Москву.

Ранним морозным ноябрьским утром на перроне станции Озинки собрались работники штаба дивизии, старшие командиры и политкомы, чтобы проводить Василия Ивановича Чапаева в Москву.

Среди провожающих — начальник штаба дивизии С.М. Гагаев, комиссар дивизии Н.М. Крополев, политком штаба Е.А. Базанов, командир 1-й бригады Ф. К. Потапов, командиры полков С.Ф. Данильченко, П.А. Ильин, И.С. Долгушев, политкомы полков С.У. Дудин, М.Я. Минаев, Д.А. Прозоров, начальник артиллерии дивизии М.И. Новиков, начальник оперативной части П.Ф. Чеков и другие...

Все окружили Чапаева, одетого в серую бекешу, в черной барашковой папахе и при полном снаряжении — с шашкой, наганом, биноклем и полевой сумкой.

Рядом — отъезжающий вместе с ним командир Московско-Саратовского полка Степан Мищенко.

Веселый разговор, шутки, смех чередуются с серьезными напутственными пожеланиями, а кое-кто пытается рассказать наиболее занятный из последних боевых эпизодов с участием Василия Ивановича.

— Ты, Василий Иванович, не возгордись, когда станешь академиком. Сколько были вместе, а еще неизвестно, как пойдут

дела без тебя! — взволнованно говорит комбриг Потапов.

Чапаев хмурится, нервно подергивает усами, и видно, что не по душе ему отъезд из дивизии, с фронта.

— Еду в Москву, в Генеральную академию, и казалось бы, чего лучше, а мысли и думы — в дивизии, под Уральском.

Неожиданно выскочил на перрон запыхавшийся Петр Исаев с объемистым мешком в руках и робко, как бы таясь, подошел к стоявшей группе.

— Чего нагрузил? — недовольно спросил Чапаев, глядя на Исаева.

— Всё, что нужно для дороги, — ответил Петр, переминаясь с ноги на ногу.

— Вот ещё нянька! Так я тебе и взял! Забирай обратно! Обойдусь без твоих харчей, а в Пугачеве дадут что надо для Москвы.

Обескураженный Петр Семенович не знал, что делать с мешком, нагруженным провизией. К нему подошел полит ком Гарибальдийского полка И. Стрельцов, что-то шепнул, и Петр, не мешкая, удалился в сторону поезда.

Поезд в составе 12-15 теплушек, заполненных ранеными и другими бойцами, с классным вагоном в середине, был готов к отправке.

К Чапаеву подбежал комендант станции Павел Маркушин и четко доложил:

— Василий Иванович, всё готово. В Ершове будет поджидать паровоз с двумя вагонам на Пугачев. Задержки с пересадкой не будет.

Поясню, что в то время от узловой станции Ершово Рязано-Уральской железной дороги до Пугачева (Николаевска) проходила железная дорога узкой колеи.

— Готов и я! — отрывисто сказал Чапаев и направился к среднему вагону, на который указал комендант станции.

Теплым получилось прощание Василия Ивановича со старейшими командирами и комиссарами сформированной им дивизии, с друзьям и боевыми соратниками: с одними крепко обнялся, других похлопал по плечу, пожал руки, послал всем успехов в предстоящих боях и не спеша поднялся в вагон. Чувствовалось: с грустью оставлял он родную дивизию и своих боевых товарищей.

— Отправляй! — крикнул он коменданту.

Поезд медленно тронулся. Василий Иванович стоял у раскрытой двери на подножке вагона и махал провожавшим папахой...

— Ждите! Непременно вернусь в Уральск! — донесся напоследок его голос.

«Вернется ли? Где и когда придется встретиться?» — думал каждый из них, глядя вслед поезду, удалявшемуся в туманную даль.

Система военно-учебных заведений развертывалась вместе с созданием Красной Армии. На командные должности выдвигались организаторы и командиры Красной гвардии, военные работники партии, испытанные и показавшие себя в революционных боях солдаты, матросы и унтер-офицеры старой армии. Но и их не хватало. Поэтому на командные, штабные и другие должности приходилось привлекать как военных специалистов бывших генералов и офицеров.

С открытием первых курсов для подготовки красных командиров (февраль 1918 г.) сеть военных учебных заведений, готовивших младший и средний командный состав, быстро расширилась. Возникла острая необходимость подготовки начальствующего состава Красной Армии. С высшим военным образованием.

По указанию Ленина 7 октября 1918 года был издан приказ Реввоенсовета Республики №47 об открытии к 1-му ноября 1918 года в Москве Академии Генерального штаба. Ведущего учебного заведения Красной Армии. Предусматривалось, что «Академия Генерального штаба должна давать не только высшее и исчерпывающее специальное, но и по возможности широкое общее образование, дабы лица, окончившие её, могли занять штабные и командные должности и являлись людьми, способными откликнуться на все вопросы политической, общественной и международной жизни».

Срок обучения в академии устанавливался трехгодичный. Одновременно намечалось открыть ускоренные (одногодичные) курсы, с тем чтобы как можно быстрее дать Красной Армии хорошо подготовленные командные кадры. Организационная комиссия приказом по Академии Генштаба № 5 от 20 октября на ускоренных курсах академии установила следующий цикл предметов:

Основы современной стратегии
Тактика (общая и родов войск)
Основы военной психологии
История Первой мировой войны
Служба Генерального штаба

Военно-географический обзор театров войны
Организация войск, военных управлений и учреждений
Военное хозяйство, снабжение, транспорт
Теория съемки
Военно-инженерное дело
Сведения по технике артиллерийского дела
Сведения по технике железнодорожного дела
Основы политэкономии

Комиссия широко оповещала командования фронтов и военных округов о предстоящем приеме в академию. «Командированию, — говорилось в телеграмме, от 26 октября, — подлежат лица, исключительно выдающиеся активным участием в боевой и политической жизни Красной Армии, способные в будущем занять должности в Генштабе. Дабы значительно не ослаблять фронты, первое время в академию будет принято около двухсот человек, почему на выбор таковых следует обратить самое серьезное внимание».

Отбор слушателей из числа прибывших в академию начался в первой половине ноября. Принимали тех, кто действительно стремился содействовать строительству Красной Армии на новых началах, стоял довольно твердо на платформе Советской власти, активно участвовал в политической и боевой жизни РККА и имел достаточное общее развитие. При отборе работали мандатная и общая комиссии. Мандатная, возглавляемая комиссаром академии, используя рекомендации партийных органов и командования, выясняла политическое лицо кандидата. Общая же комиссия под председательством начальника академии проверяла уровень общеобразовательной и боевой подготовки будущих слушателей.

Делалось это для того, чтобы правильно определить содержание и методы обучения.

По воспоминаниям очевидцев того времени, коридоры и залы академии, размещавшейся в здании бывшего охотничьего клуба, в те дни заполнились молодыми людьми, съехавшимися сюда со всех концов страны. Одеты все были весьма разношерстно: мундиры, кители, гимнастерки, френчи, черкески, а то просто рубашки навыпуск.

Василию Чапаеву, как и другим абитуриентам, предстояла сдача вступительных экзаменов.

Экзаменационная комиссия состояла из военспецов, бывших генералов царской армии, на плечах которых были следы от погон. Чапаев сел рядом с Мищенко перед экзаменаторами.

Первые вопросы были из области тактики: боевые порядки роты и батальона, инженерное оборудование позиций и др. На все эти вопросы Василий Иванович давал четкие и обоснованные ответы. Затем один из экзаменаторов стал задавать Чапаеву вопросы по географии.

— Через какой город и в какой стране протекает река Сена?

— Не знаю и такой реки не встречал.

— В какое море впадает река Висла?

— Не знаю.

После этого, уже несколько взволнованный задаваемыми ему вопросами, Чапаев спросил у членов экзаменационной комиссии:

— А скажите, где протекает река Соленка?

Члены экзаменационной комиссии переглянулись между собой, и один из них сказал:

— Что-то я в географии нигде такой реки не встречал.

На это Чапаев ему ответил:

— Как не встречали? А ведь река Соленка протекает около села Ивановки Николаевского уезда Самарской губернии. Она имеет очень важное стратегическое значение. Мы там бились с белоказаками и много потопили этих гадов в реке. Вот видите, вы не знаете, где протекает такая важная река, как Соленка. А как же знать, где протекает какая-то река Сена? Я этому раньше не учился. Вот сейчас приехал в академию учиться и уже здесь, наверное, узнаю, где протекают разные реки.

Разумеется, Василию Ивановичу, за плечами которого было всего три класса церковно-приходской школы, трудно было отвечать на вопросы экзаменаторов. Но у него, как и у многих других поступающих, был богатый опыт военной и политической работы. А ведь именно это и являлось основным при поступлении в академию. В общем, в решении комиссии так и было записано: «Принять как имеющего революционно-боевой стаж».

В начале декабря 1918 года В.И. Чапаев стал слушателем первого набора. И сразу же горячо принялся за учебу. Особенно его интересовали топография, инженерное дело, тактика и история.

Василий Иванович был на редкость старательным учеником. Вскоре своими меткими суждениями он обратил на себя внимание не только однокурсников, но и преподавателей академии.

Военную историю им преподавал старый царский генерал А.А. Свечин. Предмет он знал конечно же безукоризненно, учил слушателей очень хорошо. Это был один из тех военных специалистов, кто трезво оценивал обстановку в России и поставил себя на службу той настоящей родине, за которую

воевал народ. Но у него имелся один «пунктик». Каждый раз, когда речь заходила о каком-нибудь историческом событии, связанным с революционным выступлении масс, он неизменно именовал действия народа «разбойными акциями». А Парижскую коммуну именовал «скопищем бандитов». Короче, все сто двадцать красных «академистов» каждый раз устраивали Свечину обструкцию. Особенно был зол на него Чапаев.

И вот однажды на занятиях А.А Свечин предложил Василию Ивановичу рассказать, как он усвоил лекцию о знаменитом сражении под Каннами, где войска Ганибалла наголову разгромили чуть ли не вдвое превосходящие их по численности римские войска, показали классический образец окружения противника и уничтожения его по частям. К тому же Свечин, читая лекцию об этом эпизоде из Второй Пунической войны, выражал свой неумеренный восторг по поводу действий предводителя карфагенской конницы Гасдрубала, которая во многом определила исход сражения.

Чапаев начал излагать свою точку зрения с того, что назвал римлян слепыми котятами. Тем самым он развенчал кумира Свечина, и тот не смог удержаться от ядовитого замечания:

— Вероятно, товарищ Чапаев, если бы римской конницей командовали вы, то предмет сегодняшней лекции назывался бы «Разгром Ганибалла римлянами».

Василий Иванович вспылил: — Мы уже доказали таким, как вы, генералам, как надо воевать!

Он имел ввиду знаменитый рейд своих отрядов летом восемнадцатого года. Попав под Уральском в мешок между белочешскими и белоказацкими частями, Чапаев тогда предпринял дерзкий бросок назад, на занятый противником Николаевск, взял город и тем самым не дал соединиться двум крупным вражеским группировкам. Эта операция была образцом руководства боевыми действиями. Но для маститого стратега Свечина Чапаев был неслыханным попранием классического военного искусства. Одним словом, скандал разыгрался по всем правилам...

Но, учась в академии Чапаев все время рвался на фронт. Он считал, что его настоящее место сейчас там — в рядах сражающихся красных воинов. И вот уже написан рапорт Чапаева в Реввоенсовет 4-й армии...

24 декабря 1918 года

МНОГОУВАЖАЕМЫЙ ТОВАРИЩ ЛИНДОВ!

Прошу Вас покорно отозвать меня в штаб 4-й армии на какую-нибудь должность, командиром или комиссаром в любой полк, так (как) преподавание в академии мне не приносит никакой пользы. Что преподают — я это прошел на практике. Вы знаете, что я нуждаюсь в общеобразовательном цензе, который здесь я не получаю. И томиться понапрасну в стенах я не согласен. Это мне кажется тюрьмой, и прошу ещё покорно не морить меня в такой неволе. Я хочу работать, а не лежать, и если Вы меня не отзовете, я пойду к доктору, который меня освободит, и я буду лежать бесполезно. Но я хочу работать и- помогать Вам. Если Вы хотите, чтобы я Вам помогал, я с удовольствием буду к Вашим услугам.

Так будьте любезны, выведите меня из этих каменных стен.

Уважающий вас Чапаев.

На это прошение Линдов ответил Чапаеву отказом: «Не я вас командировал, не я вас и отзывать должен».

Василий Иванович метался, не зная куда обратиться с прошением об отзыве на фронт.

По воспоминаниям генерала армии И.В. Тюленина:

В конце ноября 1918 года я прибыл в Москву. Комната, в которой мне предстояло жить, была темная, без окон. Когда я вошел, в ней горел свет. Первое, что я увидел, — в два ряда узкие кровати. В проходе между ними взад-вперед шагал, вернее, не шагал, а метался, как тигр в клетке, щеголеватый военный лет тридцати, с усиками, аккуратно, на пробор причесанный.

Увидев меня, он остановился и громко с едкой издевкой оказал:

«Ещё одна птичка пожаловала! Как пчелы на мед летят! Что, брат, фронт тебе надоел?

В ответ я только безнадежно махнул рукой. Тот, кто «поддел» меня, горячо выпалил:

— Приказали? Мне тоже приказали. Но черта с два! Уеду! Придумать такую несуразицу: боевых людей за парту.

Это был Василий Иванович Чапаев.

Мне досталась койка через одну от него. Много вечеров просидели мы вместе над учебниками и топографическими картами.

До сих пор в литературе, посвященной В.И. Чапаеву, о его пребывании в академии упоминается лишь вскользь, и все авторы при этом приводят всевозможные надуманные рассказы (чаще всего почему-то связанные с экзаменом географии которые сводят учебу Чапаева к различным анекдотическим случаям и спорам со старыми профессорами. А вообще-то дело обстояло куда сложнее.

Ряд преподавателей подходил к своим занятиям с меркой старой Николаевской академии, слушателями которой являлись офицеры, имевшие хорошее общее и среднее военное образование, не один год послужившие в армии. Теперь же был иной контингент. Слушатели новой академии в большинстве своем пришли на командные должности в армии в ходе революции. И многие из них зачастую недооценивали теорию военного дела и не понимали значения некоторых дисциплин.

Кстати, учебный процесс осложнялся еще и тем, что руководители практических занятий создавали подчас обстановку для тактических задач неумело и упрощенно. Только лишь придерживаясь опыта Первой мировой войны.

Между тем слушатели пришли в академию с полей войны совсем иной, маневренной, и по характеру — войны гражданской, революционной.

Разрабатывая тактические задачи, руководители практических занятий обычно исходили из полной штатной численности стрелковой дивизии по 10-12 тыс. штыков, имевшей в своем составе многочисленную артиллерию. В действительности же на фронтах гражданской войны действовали дивизии, в которых насчитывалось по 5-6 тысяч бойцов, по два-три артиллерийских дивизиона. Слушатели академии хотели знать, как вести бой именно такой, реальной, а не придуманной дивизией, да ещё в полосе наступления 30-40 км. Но на эти и подобные вопросы красные командиры не всегда получали ответы.

Недостатки в преподавании ряда военных дисциплин, естественно, вызывали у слушателей недовольство и протесты. Это недовольство обострялось ещё и тем, что молодые командиры пришли сюда, чтобы овладеть знаниями и методами вождения войск для успешной вооруженной борьбы против белогвардейцев и интервентов, а их стремились учить «чистой военной науке», с её «вечными неизменными принципами», предусматривающими, в частности, что армия должна быть вне политики.

Пребывание Чапаева в Москве в академии, хотя и

кратковременное, несомненно, дало определенную пользу: не могло быть лучше условий для ознакомления с военно-политической обстановкой в стране, как в Москве и в самой военной академической среде. Это расширяло его политический и военный кругозор. Приобретение определенных сведений из области тактики, безусловно, способствовало успеху его дальнейшей деятельности. Об этом свидетельствует факт: в августе 1919 года он решительно возражал против требования командования, направленного на рассредоточение его войск в нарушение устава.

Интересуясь военным положением страны, Чапаев особенно внимательно следил за событиями под Уральском. В армию Восточного фронта один за другим уезжали знакомые и товарищи. Ещё в конце декабря в IV армию вернулся П.И. Баранов. В середине января 1919 года во II армию отбыл А.М. Чевырев, с которым Чапаев очень сдружился в академии.

И через месяц Василий Иванович все-таки добился разрешения быть откомандированным на фронт. Правда, для этого ему пришлось дойти до Надежды Константиновны Крупской. Она рассказала об этой встрече Ленину, и тот отдал распоряжение вернуть Чапаева на фронт. Рассказывают, что при этом Владимир Ильич сказал: «Да, таким, как Чапаев, сейчас место на фронте, а не в академии».

За время пребывания Чапаева в Москве на фронтах произошли крупные изменения. Обстановка усложнилась. Руководящие круги стран Антанты, получив возможности для усиления военной интервенции, направляли новые крупные силы против Республики Советов. Продолжая укреплять войска белой армии на Севере, Дальнем Востоке, Сибири и Урале, основные усилия они сосредотачивали на юге нашей страны. К середине февраля 1919 года общая численность иностранных войск достигла 130 тысяч человек.

Одновременно с сосредоточением и подготовкой сил интервентов на юге готовились белогвардейские войска в Сибири. 18 ноября 1918 года в Омске кадеты с помощью офицеров убрали из образовавшегося там «Временного всероссийского правительства» (Уфимской директории) эсеров и меньшевиков. Всю полноту власти захватил так называемый «Совет министров» Директории, состоявший из кадетов и монархистов. Они провозгласили адмирала Колчака, занимавшего в правительстве пост военного и морского министра, «верховным правителем России» и главнокомандующим всеми белогвардейскими силами в стране.

Антанта не замедлила признать и заверить «правительство» в поддержке. Только с августа по ноябрь 1918 года США передали белочехам и Колчаку (по неполным данным) 200 тыс. винтовок, более 4,5 млн. патронов, 220 тыс. снарядов, много орудий и пулеметов, 350 пар обуви и другое имущество... Также большую помощь Колчаку оказывали Англия и Франция.

Собирая и готовя силы внутренней контрреволюции в России, Антанта решила на этот раз нанести поражение Советскому государству в основном своими силами и готовила главный удар с юга России и Украины. Но ещё в ходе подготовки войск Антанты перешла в наступление Донская армия генерала Краснова. Во второй половине ноября армии Краснова и Деникина нанесли серьезное поражение VIII и IX армиям в центре Южного фронта. И, конечно, прорвали его. Обстановка стала угрожающей.

Центральный комитет РКП(б) 26 ноября принял постановление, в котором потребовал от Реввоенсовета республики и командования добиться коренного перелома на Южном фронте. В постановлении, изложенном в циркулярном письме, указывалось, что «никогда опасность самому существованию Советской республики не была так грозна и близка, как в настоящий момент».

В письме предлагалось всем армейским коммунистам общими энергичными усилиями добиться перелома в настроении и поведении войск, чтобы весь личный состав понял, что дело идет о жизни и смерти Советского государства.

Поэтому для укрепления войск на Южный фронт было послано более 2,5 тысяч человек, преимущественно коммунистов. Из столицы была направлена Московская рабочая дивизия. С Восточного фронта переброшены Инзенская дивизия I армии, показавшая себя на Южном фронте как лучшая, и Уральская дивизия IV армии без бригады.

Одновременно с разгромом армии Краснова развертывалось наступление и по освобождению Украины.

Реввоенсовет Восточного фронта готовил операцию по освобождению Урала с его горно-заводской промышленностью и по восстановлению связи с Советским Туркестаном.

На правом крыле фронта находилась IV армия, на оренбургском направлении — I армия, которой противостояли оренбургские казаки под командованием генерала Дутова и «группировка Бакича», состоявшая из остатков войск Самарской учредилки.

На уфимском направлении действовала V армия, перед которой находились полки 5-й Уральской дивизии

белогвардейской Сибири и части бывшей армии Самарской учредилки Каппеля.

Севернее, вдоль железной дороги Казань-Екатеринбург (Свердловск), II армия вела бои с группой частей генерала Лютова.

На левом крыле Фронта (восточнее городов Оса, Пермь) была развернута III армия. Против неё действовали белогвардейские войска, основу которых составляла группа генерала Гайды.

В конце ноября 1918 года командованием Восточного фронта бала издана директива о наступлении, согласно которой III армии предстояло нанести удар в направлении на Кунгур, Екатеринбург, V и I армиям — завершить Уфимскую операцию, IV армии — освободить Уральск и Оренбург.

Однако на северном крыле Восточного Фронта Колчак упредил наступление, нанес удар по частям III-й армии в направлении на Пермь. Таким образом он сорвал намеченное наступление и нанес ей серьезное поражение. 25 декабря противник овладел Пермью.

Мерами, принятыми ЦК РКП(б) и Советом Обороны, положение III армии в дальнейшем было укреплено. Замысел Колчака соединиться с интервентами, находившимися на севере, был сорван.

V армия 31 декабря освободила Уфу и затем Бийск. Освобождение Уфы позволило вести наступление на Оренбург. И не только с запада — от Бузулука, но и с севера — со стороны Стерлитамака. Выполнение этой задачи командование фронта возложило на 1-ю армию, в состав которой в это время входили 24 дивизия, 25 дивизия (бывшая Самарская) без 1-й бригады, которая находилась в оперативном подчинении командарма-4. Туркестанским войскам, наступавшим со стороны Актюбинска, содействовали войска 1-й армии. 22 января 1919 года Оренбург был взят. Части 1-й армии соединились с туркестанским.

Уральские казаки изолировались от армии Колчака. С освобождением Оренбурга восстанавливалась связь с Туркестаном. Это укрепляло положение Советской власти в Средней Азии.

Одновременно с Оренбургской операцией велись бои за овладение Уральском. До этого времени наступление на Уральск с ноября месяца было приостановлено, т.к. производили отправление Уральской дивизии на Южный фронт.

Не обошлось и без осложнений, вызванных нежеланием некоторой части личного состава ехать на Южный фронт. Уральская дивизия, как и другие соединения IV армии,

формировалась из местных красногвардейских отрядов. А затем из таких же полков и бригад Красной Армии.

Добровольцы, многочисленные батрачества и беднота Поволжья, испытавшие беспощадную эксплуатацию помещиков и кулаков, зверства белогвардейцев и интервентов, были замечательными бойцами. Они проявляли образцы мужества и героизма в борьбе за свою родную рабоче-крестьянскую власть.

Но личный состав был неоднороден по классовой принадлежности. Далеко не всегда и не везде строго соблюдался принцип классового отбора в армию. Это приводило к большой засоренности чуждым элементом, кулаками, эсерами, которые проводили подрывную работу среди бойцов.

Кроме того, все эти местные формирования имели один существенный недостаток: стойко защищая родные места и свои семьи, они неохотно шли, а иногда вовсе отказывались уходить от своих и близких к ним мест.

Такие организаторы, как Василий Иванович Чапаев, умели держать эти массы в руках. Поднимали и вели их на большие дела. Вдохновляли на героические подвиги.

Но там, где не было влияния командно-политического состава, начинали распространяться нездоровые настроения, проникать чуждые влияния.

В Уральской дивизии, не отличавшейся высокой дисциплиной, поводом к беспорядкам стало распространение об отправке дивизии на Южный фронт. В этом, в частности, была и одна из причин слабого продвижения её на Уральск.

В декабре 1918 года в Ново-Орлово-Куриловском полку этой дивизии были убиты комиссары Челыхаев, Чёртиков и Букреев, прибывшие из политотдела IV армии для наведения порядка. В январе 1919 года в Николаевскую дивизию была передала 1-я бригада Уральской дивизии, а также Покровско-Туркестанский стрелковый полк.

И хоть численность Николаевской дивизии возросла, однако боеспособность её не повышалась. В некоторых полках, принятых из Уральской дивизии, продолжались открытые контрреволюционные выступления. В Покровско-Туркестанском полк)' были убиты один за другим два командира полка. Выехавший в дивизию член Реввоенсовета IV армии Линдов на станции Озинки был ранен и умер от паралича сердца. Покровско-Туркестанский полк вступил в связь с уральским казаками. Но 28 января был разоружён другими полками дивизии. Поэтому участие в освобождении Уральска Николаевская дивизия могла принять только в том составе, в

каком она была при Чапаеве. Остальные полки, вошедшие в её состав, получили задачу «поддержать своих боевых товарищей 1-й бригады». Для этого — обойти Уральск с юга и не дать казакам отойти на Лбищенск.

Но и это не было выполнено. Они арестовали, но скоро выпустили члена Реввоенсовета Берзина, начальника политотдела Кучмина, начальника Николаевской дивизии Дементьева и бывшего начальника 25 дивизии Захарова, которые прибыли на станцию Деркул по поводу убийства Линдова.

Для совместных действий с Николаевской дивизией из 25 дивизии были назначены 1-я бригада и кавалерийский полк. Они наступали на Уральск с севера, через Красный. Николаевская наступала с запада и с северо-запада. Глубокий снег затруднял движение казачьей конницы. Но и в пешем строю казаки действовали слабее.

Бывшие чапаевские полки обеих дивизий наступали решительно. Смело обходили очаги сильного сопротивления, атаковали противника с фланга и тыла, в общем, к 14 часам 24 января Уральск был взят. Первым в город вошли Пугачёвские и Разинский полки 25 дивизии, которыми командовал Плясунков. А двумя часами позже вступили и полки первой бригады Николаевской дивизии.

Контрреволюционное казачество еще долго боролось и неоднократно пыталось вернуть себе Уральск. Первая попытка была предпринята уже 26 января, то есть через двое суток после падения города. Подтянув и перегруппировав войска, казаки повели наступление на Уральск с трёх сторон значительными силами. Зная о неблагополучии в Николаевской дивизии, они рассчитывали на поддержку Покровско-Туркестанского полка. Бой длился 10 часов. Восточная часть города горела от артиллерийского огня. Противник настойчиво рвался в город, но все его атаки были отбиты. Потерпев неудачу, казаки начали переговоры с командованием Николаевской дивизии. Они говорили о переходе на сторону Советской власти, но в действительности стремились оттянуть дальнейшее наступление частей IV армии и выиграть время для мобилизации сил.

Части Николаевской и первой бригады 25 дивизии продолжали наступление и в начале февраля овладели Круглоозёрньм и Барбастао.

Из академии в штаб IV армии, который находился в Самаре, Чапаев прибыл только в середине февраля. До этого он побывал дома в Николаевске.

УДОСТОВЕРЕНИЕ ЧАПАЕВА, ВЫДАННОЕ ДЛЯ ПРОЕЗДА В НИКОЛАЕВСКИЙ УЕЗД

4 февраля 1919 года

Выдано командированному к военно-революционному совету 4 армии т. Чапаеву в том, что ему срочно разрешено выехать для устройства домашних дел в Николаевский уезд.

Все советские организации и учреждения обязаны оказывать т. Чапаеву полное содействие в пути следования и возвращения предоставлением необходимых перевозочных средств наравне со всеми советскими военными работниками.

Изложенное подписями и печатью удостоверяется.

Врид комиссара 4 армии

Глава 12. И снова на фронте, и снова в строю…

31 января 1919 года в командование IV армией вступил Михаил Васильевич Фрунзе (Михайлов). Приказ о его назначении был отдан ещё 26 декабря 1918 года, но дела комиссара Ярославского военного округа не позволили ему освободиться раньше. Кстати, назначение М.В. Фрунзе не обошлось без противодействия со стороны Троцкого. Но протеже Льва Давидовича был правительством отклонен.

Михаил Васильевич был среднего роста, подстрижен бобриком. Голос негромкий, движения округлые. Глаза серые, ясные с затаенной неугасающей улыбкой. Носил черную суконную тужурку и простые сапоги, подбитые гвоздями…

А во взгляде было что-то такое, что сразу привлекало к нему внимание.

Родился Михаил Васильевич в Средней Азии. Его семья жила в городе Верном и чуть позже — в Пишпеке. И неподалеку были самые высокие в мире горные хребты, за которыми находились Индия. Китай, Монголия и Афганистан.

Отец Фрунзе был фельдшером, очень нужным человеком для местного населения. Кочевники приезжали к нему за сотни верст. Он очень любил свой труд и мечтал, чтобы его дети стали врачами. Михаил ещё ребенком помогал своему отцу: присутствовал при операциях, подавал бинты и различные инструменты.

И все же семья осиротела рано. Мать Фрунзе осталась вдовой с пятью ребятишками. Образования у неё не было почти никакого. И она не могла ходить на поденную работу: девочки были слишком маленькими. Приходилось брать стирку на дом.

И тогда Михаил взял опеку над семьёй в свои руки. Так как он очень хорошо учился, то решил взять себе учеников. А уже через год у молодого репетитора не было отбоя от желающих. Каждый хотел заполучить себе талантливого и дешевого учителя. Поэтому много месяцев вперед были расписаны по часам.

В городе Верный Михаил сошелся с социал-демократами. И стал посещать кружок самообразования, где он и такие гимназисты, как и Миша, изучали Плеханова и Карла Маркса. И все бы ничего, если бы этот «кружок самообразования» не встревожил местную жандармерию…

Подпольная кличка у Фрунзе была «Трифоныч». А ещё —

«Старик»...

Итак, вступив в командование армией, Фрунзе с первых же дней начал энергичную работу по её организации и изучению частей. Он отдал приказ, запрещавший производить непредусмотренные и не обеспечиваемые всем необходимым формирования.

7 февраля М.В. Фрунзе выехал к войскам в Уральск. Штаб Николаевской дивизии и её 1-я бригада к его приезду уже находились там. 2-я бригада располагалась в районе хуторов Серебряков и Круглоозерный вместе со штабом, а 3-я — на хуторах Паника, Широков, Астраханский, Чернухин со штабом на станции Деркул.

Прибыв на фронт, Фрунзе приказал Александрово-Гайской бригаде овладеть Сломихинской. Николаевской дивизии — разгромить группировку противника южнее Уральска. А потом овладеть Лбщенском и установить связь с Александрово-Гайской бригадой. 1-й бригаде 25-й дивизии (бывшей Самарской) было приказано занять Барбастау, остальными частями (2 и 3 бригадой) — Уральск и Круглоозерный. Затем обеспечить тыл и левый фланг Николаевской дивизии.

До начала операции было решено в ночь на 16 февраля предварительно овладеть населенным пунктом Щапов. Выполнение задачи на 2-ю бригаду Николаевской дивизии и Мусульманский полк. А Куриловский и Малоузенский полки со своим выступлением запоздали и начали атаку уже в светлое время, тогда когда фактор внезапности не достигался. Противник встретил атакующих огнем на всем фронте. Ко всему прочему поднялась метель с сильным встречным ветром, которая лишила возможности наблюдения и ведения артиллерийского огня.

Поэтому, несмотря на усилия личного состава, успеха добиться так и не удалось. К середине дня части возвратились в исходное положение.

Фрунзе отметил доблесть воинов и потребовал ответственности от командиров. Однако для дальнейшего наступления нужна была более основательная подготовка. Встретив значительное сопротивление противника, который, по сведениям, полученным от перебежчиков, стянул сюда лучшие свои силы. Фрунзе решил произвести перегруппировку и заняться пополнением частей.

А сделать предстояло многое. Причины невысокой боеспособности, по мнению Фрунзе, крылись в плохом и слабом командном составе. А ещё в исключительной малочисленности её войск: 6 тыс. штыков и недостатке вооружения, особенно

артиллерии.

Михаил Васильевич настоятельно добивался помощи в укомплектовании личным составом и вооружения. Необходимость усиления армии диктовалась и сложившейся обстановкой. Противник проявлял всё больше и больше активность. Его 18 полков и несколько батальонов 33-го пехотного полка имели общую численность 10 тыс. штыков и сабель. К тому же проводилась реорганизация частей и мобилизация населения.

Фрунзе готовился к разгрому противника, как только будет получено пополнение и оружие.

Направляя работу на повышение боеспособности войск, Михаил Васильевич умело и настойчиво искоренил неисполнительность и недисциплинированность. Одним из примеров сочетания убеждения и жесткой требовательности является его приказ от 3 марта, в котором говорилось, что за время лишь месячного командования он натолкнулся на целый ряд фактов, составляющих подчас крупные нарушения порядка службы и дисциплины лицами старшего командного состава и даже военными комиссарами. Среди этого имелся случай с комбригом 25-й дивизии Плясунковым. А дело было так...

Когда Фрунзе впервые приехал в Уральск, его никто не встретил. На заставе не отдали рапорта, не вызвали караульного начальника. Лениво просмотрели документы и сказали: — Езжай!

Словно частное лицо, словно путник, загнанный непогодой, он ехал в своей кибитке по улицам Уральска мимо восьмиоконных домов с закрытыми ставнями, мимо калиток с железными кольцами, под многоголосый собачий лай.

То там, то здесь в городе слышалась стрельба. Это от нечего делать караульные палили в небо. В распахнутых шинелях, с гармошками, по улицам ходили красноармейцы и пели «саратовские страдания»:

Моя милка семь пудов
Не боится верблюдов.
Она меня так и носит:
— Золотой мой, золотой!
- На жакетку денег просит.

Я ручаюсь головой...

Многие красноармейцы были в кожаных куртках, в новых хромовых сапогах. Ступив в Уральск, бригада Плясункова

захватила на складах запасы кож и поделила их между бойцами и командирами.

Фрунзе приказал собрать бригаду на смотр. В назначенный день на соборную площадь стали стекаться бойцы. Неровным строем, в шинелях без поясов, со штыками на разных уровнях.

В рыжем натоптанном снегу, под крик галочных стай, сорвавшихся с соборной колокольни, вблизи от базарных рундуков, части стали строиться. Иные роты явились опозданием на полчаса. Один из командиров увёл свой батальон, не дождавшись конца смотра. Он заявил:

— Холодно, и не к чему тут без толку торчать.

За время смотра Фрунзе не произнес ни слова. После смотра он сказал командирам:

— Состояние бригады считаю безобразным. Это толпа, а не войско! Ответственность за это несёте вы. Объявляю строгий выговор всем командирам и комиссарам.

Насупившись, в недобром молчании, командиры и комиссары разошлись. А на утро Фрунзе прислали бумагу с нарочным:

«Командарму-4. Предлагаю вам прибыть в 6 часов вечера на собрание командиров и комиссаров для объяснения по поводу ваших выговоров нам за парад.

Комбриг Плясунков».

Михаил Васильевич отправился на это собрание.

Поехал вдвоём с адъютантом, без оружия, без провожатых. Когда он вошёл в комнату, где собрались командиры и комиссары Плясункова, никто не встал. Некоторые, увидев Фрунзе, злорадно пробурчали:

— Ага!

Не присаживаясь, не здороваясь, Фрунзе сказал:

— Я присутствую здесь не как командующий армии, а как член партии. Командующий армии не может быть на таком собрании. Как член партии, пославшей меня на работу в армию, я заявляю вам: ваше собрание и вызов являются преступными. Вы хотели меня запугать? Царское правительство дважды приговаривало меня к виселице. Вы видите, я пришёл к вам без оружия, — сказал он, распахнув полушубок. — Подтверждаю все свои выговоры и замечания, сделанные на параде, и заявляю вам: если вновь отмечу случаи нарушения дисциплины, буду карать беспощадно, вплоть до расстрела. Нарушая дисциплину, вы разрушаете армию. Советская власть этого не допустит!

Раздались возмущенные крики. Командиры заговорили наперебой. Фрунзе сказал: «До свидания, товарищи!» Он, не оглядываясь, пошел к выходу И все, как один, встали провожать

его. Это было признанием его как командарма.

Поздно вечером на квартиру Фрунзе явился Плясунков.

— Что скажете? — спросил Михаил Васильевич. Он встретил Плясункова стоя.

— От лица собрания я прошу вас извинить за наш поступок...

Проводя комплектование частей, пересматривая командно-политический состав, Фрунзе получил сообщение о прибытии в штаб армии Чапаева. И однажды Фрунзе доложили:

— Приехал из Москвы Чапаев, просит его принять.

По комнатам штаба быстро разнеслось:

— Чапаев приехал!

Даже машинистки бросили работу и с любопытством стали выглядывать в коридор.

О Чапаеве ходило множество анекдотов и слухов. Судя по этим рассказам, можно было представить: сейчас ввалится шумный, болтливый, лохматый партизан с хриплым басом, в гимнастерке, расхристанной до пупа, и сядет на стол, на пол или еще что-нибудь в этом роде.

И вот появился стройный красивый человек, свежевыбритый, с тщательным пробором в приглаженных волосах, в хорошо пригнанной, почти щеголеватой одежде; самый подтянутый, самый нарядный из всех, кто был в тот момент в штабе. С безупречной выправкой, став во весь фронт перед Фрунзе, негромким голосом он отрапортовал:

— Чапаев! Явился в ваше распоряжение.

— Садитесь, — сказал Фрунзе.

Скромно, не отрывая глаз от Фрунзе, Чапаев сел. Дверь в кабинет захлопнулась и не открывалась очень-очень долго.

В беседе Василий Иванович рассказал об учебе в военной академии, о причинах ухода из неё, как и о мотивах поступления. И, разумеется, о проведённых им боях в составе IV армии. Михаил Васильевич поделился с Чапаевым результатами своей поездки и впечатлениями от войск. Василий Иванович со знанием дела охарактеризовал командующему части и их командиров. Фрунзе разглядел в нем незаурядного командира. В заключение беседы он объявил о предстоящем наступлении и о назначении В.И. Чапаева командиром Александрово-Гайской бригады и группы.

В тот же день было оформлено назначение, вызвавшее немалое опасение в штабе.

В двухстах пятидесяти километрах от штаба, при плохих средствах связи на самом ответственном участке фронта руководителю группы предстояло действовать почти

самостоятельно. Он должен был стать правой рукой командующего армии.

И вот на этот пост Фрунзе назначил человека, которого видел впервые в жизни!

Чапаев не меньше других понимал ответственность назначения. Ни часа не медля, можно сказать, прямо выйдя из кабинета Фрунзе, он отправился в Александров-Гай. Первым, кого он встретил там, был Фурманов. Назначая Чапаева командиром группы, в том же приказе Фрунзе ответил: «Комиссаром группы назначается Дм. Фурманов». Вот как описывает встречу жена Фурманова Анна Стешенко.

...Приехали в Уральск. По дороге от Самары до Уральска слушали легенды о Чапаеве, о его храбрости, что Чапаев не знает отступлений, что он, как орел, носится и побеждает. Хотелось не только слышать, хотелось увидеть Чапаева.

В Уральске вечером получили приказ от Фрунзе о том, что Волков и Шарапов остаются в Уральске, а Фурманов назначается комиссаром Александрово-Гайской группы, командовать которой будет Чапаев. Радости нашей не было конца. Ехать к Чапаеву, к этому легендарному герою, работать с ним — это ли не радость, только скорей туда, к нему.

Две ночи провели в Уральске. На другое утро, распрощавшись с товарищами, мы уехали в Александрово-Гайскую бригаду. Был февраль месяц 1919 года. День и ночь шла стрельба. Начальник политотдела бригады производил впечатление неплохого коммуниста и товарища, но справиться с этими полупартизанскими частями, как он говорил, не представлялось возможности. А части были из полков Стеньки Разина, пугачёвцев и домашкинцев. Этими полками когда-то командовал Чапаев. Отсюда он уехал в академию учиться. На другой день после нашего приезда получаем телефонограмму от Фрунзе о том, что из Александрово-Гайской бригады создаётся 25-я дивизия и командиром её назначается Чапаев.

Дней через пять-шесть на рассвете — стук в дверь, и, не дожидаясь ответа, настежь открывается дверь и вваливается целая ватага крепких, рослых, краснощеких людей. Среди них человек невысокого роста. Вошёл, сбросил бурку, остался во френче защитного цвета, в оленьих сапогах.

— Здравствуйте. Я — Чапаев.

Я осталась лежать в кровати, а Фурманов вскочил, кое-как натянул на себя одежду. Я же из-под одеяла наблюдала за Чапаевым. Быстрые движения, походка немного лисья, быстрый

взгляд. Он подозрительно посмотрел на меня, словно взглядом говорил: «А что это за баба?»

— Жена? — спросил Чапаев.

— Да, — ответил Фурманов.

Я ещё глубже юркнула под одеяло.

— Зачем?

— Она политпросветом будет заведовать.

— А, культуру, значит, садить будет...

На этом разговор закончился.

Несмотря на принятые меры, М.В. Фрунзе к началу марта армию достаточно готовой не считал. Но обстановка, складывающаяся на Восточном фронте, требовала активизации действий. Приказом командарма №012 от второго марта ставилась задача на наступление, на разгром противника и на овладение Лбищенском.

К этому времени пополнились отряды Иваново-Вознесенских ткачей и самарских рабочих. Они были сменой в армейском резерве, первой бригады 25-й дивизии.

Правой группе войск в составе АлександровоТайской бригады и Балаковского полка предстояло овладеть станицей Сломихинская.

Выйти в тыл основной группировке противника и отрезать ей путь отхода. Затем вместе с Николаевской дивизией и 1-й бригадой 25-й дивизии уничтожить основную группировку противника южнее Уральска.

Утром 9 марта 1919 года Фурманов записал: «Часов в 7 я увидел впервые Чапаева. Передо мной предстал типичный фельдфебель, с длинными усами, с прилипшими ко лбу волосами; глаза иссиня-голубые, понимающие, взгляд решительный. Росту он среднего, одет по-комиссарски, френч и синие брюки, на ногах прекрасные оленьи сапоги. Перетолковав обо всем и напившись чаю, отправились в штаб. Там он дал Андросову много ценных указаний и детально доразработал план завтрашнего выступления. То ли у него быстрая мысль, то ли навык имеет хороший, но он ориентируется весьма быстро и соображает моментально. Всё время водит циркулем по карте, вымеривает, взвешивает, на слово не верит. Говорит уверенно, перебивая, останавливая, всегда договаривая свою мысль до конца. Противоречия не терпит. Обращение простое, а с красноармейцами даже грубоватое».

«Доразработав» план бывшего полковника Андросова и его штаба, Чапаев приказал:

«Краснокутскому стрелковому полку выступить в 19.00 9—го марта из Казачьей Таловки на Порт-Артур, откуда, после двухчасового привала (с 23.30 до 1.30 мин.), на Сломихинскую и к 6.00 10-го марта подойти к пункту в 7,5 верстах от неё, установив связь с Интернациональным полком для одновременного удара.

Интернациональному стрелковому полку выступить из Сарыкупа 9-го марта в 22.00 на Моч. Кожан и далее (после привала с 1.00 до 3.00) на Сломихинскую. К 6.00 10-го марта подойти к пункту в 7,5 верстах северо-восточнее Сломихинской и установить связь с Савинским полком.

Савинскому стрелковому полку в 20.30 9-го марта выступить из Вербовского и к 1.00 подойти к месту двухчасового привала — южной оконечности озера Рыбный Сокрыл. К 6.00

10—го марта выйти к М. Кора-Уткуль, в 7,5 верстах юго-восточнее Сломихинской, установив связь с Интернациональным полком для нанесения одновременного удара по противнику.

Артиллерии (прямой наводкой) открывать огонь по взводу от батареи, не допуская одновременного подавления артиллерией противника всей батареи. При обнаружении батарей противника немедленно заставить их замолчать вторыми взводами».

Месяцами не сумевший овладеть Сломихинской, полковник Андросов скептически улыбался. А Чапаев продолжал диктовать, не обращая на это внимание.

Внимательно наблюдал за Чапаевым и Фурмановым. Стоял, присматривался, восторгался им. «Себя он ценит высоко, — заметил он потом в дневнике, — знает, что слава о нем гремит тут по всему краю, и эту славу он приемлет как должное. Через час с ним еду на позицию в Казачью Таловку, где стоит Краснокуц-кий полк. Завтра, в 8 утра, общее наступление».

И далее:

«Поднялся Чапаев быстро со стула.

Все расступились, и он вышел первый — так же, как первым вошел сюда».

Чапаев и Потапов ехали парой лошадей в санках. Фурманов — верхом с тремя сопровождающими всадниками сзади. Ехали споро. В Казачьей Таловке, в сорока пяти километрах были через три с половиной часа. «Таловка была совершенно переполнена: улицы запружены были артиллерией, обозами, конными всадниками; разрушенные хаты были набиты битком

красноармейцами. Ревели верблюды, гикали скачущие всадники, кричали, шумели красноармейцы. У костров грели чай, шутили, смеялись, пели песни. Потом одна за другой части начали выступать к Порт-Артуру».

Чапаев провел инструктивное совещание с командирами, а в пятом часу утра снова двинулись в путь. До Порта-Артура восемнадцать километров ехали молча, думали о предстоящем бое.

Порт-Артур, крошечное селение, был полностью разрушен и сожжен. Жители разбежались. Чапаев, не задерживаясь, проследовал дальше, а Фурманову, до этого не имевшего дело с лошадьми, после дальней дороги в седле пришлось на время остаться.

С утра 10 марта, в назначенное приказом время полки повели наступление на Сломихинскую. Краснокуцкий полк был встречен артиллерийским огнем противника, но наступавшие продолжали идти и ускоряли движение. Чапаев тоже шел в цепи и оттуда руководил боем. Разгорелся огневой бой. Противник был хорошо окопан и укрыт за домами. Наступавшие лежали под огнем на снегу и были видны как на ладони. Показалась казачья конница. И только глубокий снег не позволил ей стремительную атаку. Чапаев сориентировался. И перебросил на левый фланг пулемётную команду. Конница была встречена плотным огнем. В рядах конников образовалась свалка, а в следующий момент, неся большие потери, они повернули обратно. Отбив контратаку, артиллеристы стали сближаться с противником, чтобы устремиться в атаку.

Интернациональный полк вышел к Сломихинской с запада и завязал бой на её окраине.

С юга подходил к Сломихинской запоздавший и недисциплинированный Савинский полк. Он «усомнился» в своем командире, который якобы уводит их к противнику. С наступлением они задержались потому, что шумели, «выясняли»... В бою не участвовали и дали противнику отвести свои силы. Возмутительное поведение полка доставило много хлопот Чапаеву. Он руководил боем и постоянно гнал туда гонцов, не имея с полком связи и не понимая, в чем дело.

И все же:

ДОНЕСЕНИЕ ВАСИЛИЯ ЧАПАЕВА В ШТАБ IV АРМИИ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ СТАНИЦЫ СЛОМИХИНСКОЙ

ст. Сломихинская 10 марта 1919 г.,
15 ч 1 мин.

Доношу, что сегодня в 13 часов дня стц. Сломихинская занята войсками Алек(сандрово)-Гайской группы. С нашей стороны потери незначительные. Силы противника в два раза превышают численность наших войск. Техническое вооружение противника: 5 3-дюймовых орудий и одно 11,2 дюйма и более 30 пулеметов. Противник отступил по направлению Мар Таз-уба, 2 5 вёрст северо-восточнее Сломихинской.

Комбриг ЧАПАЕВ
Военком ФУРМАНОВ

Со взятием Сломихинской пришлось заниматься укреплением дисциплины и в Александрово-Гайской группе. Обнаружилось, что некоторые воины допускали случаи грабежей населения. Позволяли себе брать вещи, даже совершенно ненужные, «просто так», по распущенности. Узнав об этих случаях, Чапаев распорядился утром следующего дня провести митинги во всех полках. Красноармейцы поклялись больше такого не допускать и бороться с этим злом в своей среде самым беспощадным образом.

Оказалось, что бывший командир бригады — Андросов, начальник штаба бригады и другие командные лица напились и вели себя не достойно. Чапаев распорядился арестовать их и отправить в Александров-Гай. Но начальник политотдела бригады Ефимов занял неправильную позицию по укреплению дисциплины. Его возмутили не случаи грабежей населения и пьянства бывшего бригадного начальства, а крутые меры, принятые Чапаевым для удаления недостойных руководителей. И все же, признавая арест правильным, он в то же время заявил, что Чапаев вносит анархию и дезорганизацию и что работать с ним он не желает. Между Ефимовым и работником политотдела армии Мюратом по поводу этого ареста произошел разговор по прямому проводу:

Мюрат: Зав. политотделом армии тов. Кучмин предлагает сообщить подробности ареста штаба бригады, так как из политических известий ничего толком понять невозможно. Сообщите, можете ли из ваших сотрудников назначить временно заведующим политотделом до приезда нового?

Ефимов: Я сообщал, что начальник бригады и начальник

штаба, зав. оперативным отделом, комендант станицы Сломихинская, врид политкома бригады арестованы помощником политкома кавалерийского дивизиона за пьянство. Арестованы они при выходе из штаба бригады. Политком связи, тоже бывший в пьяном виде, скрылся неизвестно куда. Пять арестованных под конвоем прибыли в Александров-Гай. Штаб бригада тоже прибыл в Александров-Гай.

Прошу Вас, чтобы Вы назначили вместо меня политкома бригады. Я не хочу работать в этой должности с партизана ми. Желаю остаться зав. политотделом. На должность по литкома бригады временно можно назначить одного из сотрудников или комиссаров части. Сейчас затрудняюсь назвать кого, так как сейчас в бригаде полный хаос. Завтра созываю собрание всех политкомов и политсотрудников, тогда только могу сказать, кого назначить врид комиссаром бригады, но боюсь, что желающих заступить на эту должность, возможно, не окажется, так как все сотрудники и по литкомы резко осуждают дезорганизованность и взгляды на армию чапаевских помощников, которые находятся в бригаде в частности, вновь назначенный начальником бригады Потапов.

Мюрат: За сведения благодарю. Вызывать охотников на Вашу должность не рекомендую. Скажите, Ваш уход объясняется последней причиной или есть еще другие?

Ефимов: На три четверти повлияли последние, путаные распоряжения штарма IV и анархия, внесенная Чапаевым. Об этом завтра представлю протокол нашего заседания. Кроме того, я занимаю две должности, истрепался нервами и думаю, что необходима моя замена другим, более хладнокровным работником. А меня прошу заменить как в должности политкома бригады и в последующем заведующего политическим отделом.

Мюрат: Скажите, существует единство мнений по отношению к чапаевцам между Вами и Фурмановым? А также как относитесь к аресту штаба бригады, и не примешано ли тут что-нибудь другое? Рекомендую по окончании разговора взять ленту нашего разговора. Вопросы, поднятые Вами, поставлю на обсуждение и отвечу завтра.

Ефимов: Между мною и Фурмановым почти не было никакого разговора о Чапаеве, за исключением моих слов, что я с Чапаевым работать не могу. Арест поименованных лиц произведен правильно, так как некоторые бесчинствовали и были в бессознательном состоянии. Как работники они сейчас были бы ввиду перегруппировки крайне необходимы.

Противник предпринял наступательные действия на город Новоузенск. Ему противостояли только небольшие силы, собранные новоузенским военкомом. И успешное наступление белых могло привести к захвату Новоузенской и Александрово-Гая, к нарушению железнодорожного сообщения с Саратовом и Уральском, к срыву наступления на Лбищенск. От Чапаева срочно потребовалось перегруппировать свои силы навстречу противнику.

Фурманов записал в своём дневнике:

На сколько он быстр в решениях, настолько же твёрд и в проведение этих решений. Своё дело знает, в себя верит крепко, в чужих советах не нуждается и делает все самостоятельно. Работник он неутомимый. Голова не знает иных забот, кроме своего дела. Оно его поглощает всецело. В ночь моего отъезда, например, он сидел до 6 часов утра и все разрабатывал план переброски полков на Шильную Балку, писал приказы, говорил по прямом)' проводу с центром, а меня будил через каждый час, чтобы подписать тот или иной приказ. Работник, повторяю, неутомимый. Инициативы в нем много. Ум у него простой и ясный, схватывает все быстро и схватывает все за самую сердцевину. В нем все простонародно и грубо, но и все понятно. Лукавства нет, за лукавство можно по ошибке принять требуемую иногда обстоятельствами осторожность. Словом, парень молодец. Натура самобытная, могучая и красивая.

Тринадцатого марта через дежурного по штабу армии Чапаев доложил, что путь в той местности испортился совершенно. Дорога на Лбищенск через Чижинские разливы залита водой. Люди в валенках. На санях ехать невозможно, фургонов нет. Выступить на Лбищенск ранее чем через четверо суток не сумеет. Главные силы направлены на Шильную Балку, и на их возвращение потребуется не менее четырех суток. В Сломихинской же всего восемьсот человек, с которыми идти на Лбищенск, при всей слабости противника, недопустимо. К тому же через четыре дня Чижинские разливы отрежут путь и, в случае неуспеха и вынужденного отхода, люди могут погибнуть. От Сломихинской до Шильной Балки, как и до Лбищенска, сто пятьдесят верст. Для перехода всеми силами потребуется десять суток. Наступление станет возможным, если в течение недели наступят морозы.

ДОНЕСЕНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО 4 АРМИЕЙ
М.В. ФРУНЗЕ КОМАНДУЮЩЕМУ ВОСТОЧНЫМ ФРОНТОМ С.С КАМЕНЕВУ
О РЕЗУЛЬТАТЕ НАСТУПЛЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВО-ГАЙСКОЙ И УРАЛЬСКОЙ ГРУПП

№ 0656 13 марта 1919 года

В дополнение к разновременно представлявшимся донесениям докладываю, что за первый период наступательной операции армии в течение с 8-го по 10-е марта Александрово-Гайская группа, выдвинувшись около 40 вёрст, овладела 10-ю селениями, в том числе Сломихинской, являющейся весьма важным узлом дорог, а Уральская группа продвинулась по р. Урал свыше тридцати вёрст до Скворкино включительно, овладела 24-мя селениями. Помимо этого трофеи армии составляют около восьмисот пленных, часть которых сдалась добровольно на конях с вооружением. Из предметов материального снабжения захвачены походные кухни, телеграфная и телефонные станции и гурт скота.

Командарм и член Реввоенсовета 4 ФРУНЗЕ и
помкомандарма НОВИЦКИЙ

В тот же день Чапаев получил ответ от Фрунзе: «Сегодня Уральской группой занят Скворкин, где опять сдалось двести человек. Это доказывает полную деморализацию противника и диктует вместе с тем необходимость скорейшего окончательного удара. Я хочу не допустить отхода хотя бы части сил его к югу и главное — увоза оружия. Вот почему при первой возможности атакуйте. Ничего больше сказать не могу, полагаясь на то, что, зная общую задачу, Вы сами на месте решите, как её лучше исполнить».

На следующий день Чапаев подал рапорт в Реввоенсовет ГУ Армии...

РАПОРТ В.И.ЧАПАЕВА В РЕВВОЕНСОВЕТ IV АРМИИ О НЕОБХОДИМОСТИ ПРИСЫЛКИ ПОЛИТРАБОТНИКОВ В ПОЛКИ АЛЕКСАНДРОВО-ГАЙСКОЙ ГРУППЫ

№8 14 марта 1919 года

Полки Александрово-Гайской группы политически совершенно не воспитаны, почему прошу Ревсовет о разрешении из политических десяток взять нужное количество людей, влить в полки для агитации и продуктивной политической работы.

Начгрупы ЧАПАЕВ

Военполитком РОСТОВЦЕВ

Понимая общую задачу армии, Чапаев принимал все меры, стремясь выполнить приказ. Но всё было тщетно. Через сутки он доложил, что наступление на Лбищенск приостановлено. Дороги совершенно испортились, кругом вода и сошел весь снег. Лошади в санях падали через каждые пять верст. А через Чижинские разливы перебраться вообще невозможно. Направленные эскадроны батальон пехоты перейти их не смогли. По сведениям местных жителей до мая выйти к Уралу будет невозможно. Чапаев просил распоряжения сформировать транспорт для летней операции или перебросить его на другой участок, так как бездействовать целый месяц не представляется возможным. Дислокацию группы пока наметил в Сломихинской Киргизской Таловки, Шильной Балки и Чижинском 3-м, так как более остановиться негде. На донесении — резолюция Фрунзе: «Действия Алтайской группы, по-видимому, засыпались. Надо заботиться подготовкой к дальнейшим операциям».

19-го марта Лбищенск все-таки был взят. Фрунзе сообщал Каменеву: «В одном переходе от Лбищенска, где бой шел почти целый день и где он переходил в наступление, у нас в 1-й бригаде 25-й дивизии выведен из строя почти весь командный состав, и вообще потери значительные, но и противник)' досталось здорово. Указанную бригаду отвожу в тыл для отдыха и пополнения, а также для подготовки к будущим операциям».

На это С.С. Камнев ответил Фрунзе:» Работа вашей армии превзошла все ожидания — единственная светлая страница наших дней фронта. Меня бы очень устроило, если бы 1-я бригада расположилась в районе Кинель, но опасаюсь, что она самарская и как бы тут вновь не вернулись старые её слабости, привязанности к месту. Вот из-за этого приходится довольствоваться, если она расположится где-либо между Самарой и Саратовом, хотя если опасений в этом отношений у

вас нет, то Кинель особенно желателен исключительно из-за обстановки на фронте».

Бригада была направлена в Кинель. В тяжелейших условиях весенней распутицы войска армии поставленную задачу выполнили достойно.

В обращении Фрунзе 19-го марта говорилось: «Войска IV армии овладели районами Лбищенской и Сломихинской, ближайшая поставленная им задача, таким образом, выполнена. Главные силы врага разбиты и рассеиваются на мелкие отряды.

Поздравляю все части геройской IV армии с победой. Отмечаю высокодоблестное поведение при тяжелой обстановке всего состава войск, начиная от рядовых и кончая командирами.

Особо должен отметить деятельность частей 1-й бригады 25-й дивизии, потерявших за время многодневных боёв значительную часть командного состава и тем не менее геройски бивших и гнавших врага вплоть до Лбищенска.

Именем рабоче-крестьянской Советской России приношу благодарность всему составу войск Уральской и Александрово-Гайской групп. Россия труда может быть гордой своими товарищами».

По итогам боевых действий 4-й армии в зимний период 1918-1919 годов видно: её частями были освобождены Уральск, Сломихинская, Лбищенск и большой район Уральской области. В проведенных боях контрреволюционное казачество понесло тяжелое поражение. Но и на этот раз ему удалось избежать полного разгрома. Теперь полки 4-й армии снимались с уральского участка фронта и направлялись на борьбу против войск адмирала Колчака. Для Уральского казачества это означало большую передышку...

Глава 13. Колчак

Весной 1919 года, усилив свои армии свежими пополнениями, обмундировав и вооружив их с помощью иностранных капиталистов, Колчак устремился к югу в Уфимском направлении. Его армии, захватив Уфу, Белебей, Бугульму, Бугуруслан, двигались к Волге. На всех вагонах, в которых перебрасывали колчаковцы свои войска, было написано яркими красками: «На Москву!»

Колчаковский генерал Белов писал: «Если иметь в виду полную разруху на железных дорогах в тылу у красных, дальнейшее их сопротивление возможно только как акт отчаяния».

Фрунзе предложил создать ударную группировку наших войск для контрнаступления во фланг и тыл колчаковских армий.

Наступление колчаковских войск началось 4 марта ударом Сибирской армии встык между 2 и 3 армиями. С захватом Оханска и Осы Сибирская армия стала развивать наступление на сарапульском направлении. В течение всего марта армии вели ожесточенные бои, сдерживая натиск противника, но уже первого апреля были сданы Воткинск и Сарапул.

За месяц боев 2-я армия потеряла до 10 000 человек. Большие потери несла и 3-я армия. В то время как Сибирская армия Колчака сумела продвинуться на 80-130 километров.

Западная армия Колчака нанесла удар в центре Восточного фронта по левому флангу 5-й армии и б марта смяла его. 10 марта колчаковцы захватили Бирск, 14 марта — Уфу. Притом в Уфе в руки белых попали большие запасы хлеба, фуража, суда речной флотилии.

Мост через Белую остался неповрежденным. Это позволило противнику воспользоваться железной дорогой и в тот же день захватить станцию Чишмы. Центр Восточного фронта оказался прорванным. Потеряв половину своего состава, 5-я армия отходила по двум расходящимся направлениям: вдоль железных дорог на Бугульму и на Белебей. Это еще больше расширило прорыв. В тылу советских войск вспыхнули контрреволюционные мятежи. Они охватили Самару, Сызрань, Сенгилеевск, Ставрополь и Меликесский уезд...

В ночь на 11 марта в Самаре взбунтовался и захватил склады с оружием 175-й полк.

ЦК РКП(б) и Советское правительство признали Восточный фронт главным фронтом Республики и решили провести срочные

мероприятия по его укреплению.

За короткое время на Восточный фронт было отправлено около 55000 человек пополнения. А с других фронтов переброшены воинские части и соединения, вооружение и боеприпасы.

Для борьбы с колчаковскими соединениями на главном самаро-уфимском направлении Михаил Васильевич Фрунзе перебросил с оренбургского направления значительные силы, в том числе и 25-ю дивизию.

ИЗ ПРИКАЗА ВОЙСКАМ ЮЖНОЙ ГРУППЫ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА О НАЗНАЧЕНИИ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА ЧАПАЕВА НАЧАЛЬНИКОМ 25-Й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

№ 3, г. САМАРА 22 МАРТА 1919 г.

Параграф 1

Командира 1-й бригады бывшей Александрово-Гайской стрелковой дивизии т. Чапаева допускаю к исполнению должности начальника 25 дивизии.

Вр. командовавшему дивизией т. Луговенко обратиться к исполнению своих прямых обязанностей по должности начальника штаба 25-й стрелковой дивизии...

КОМАНДУЮЩИЙ ЮЖНОЙ ГРУППОЙ
И ЧЛЕН РЕВВОЕНСОВЕТА М.ФРУНЗЕ
ПОМОЩНИК КОМАНДУЮЩЕГО ГЕНЕРАЛЬНОГО
ШТАБА НОВИЦКИЙ
НАЧАЛЬНИК ШТАБА ЮЖНОЙ ГРУППЫ
ВОСТОЧНОГО ФРОНТА
ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА ЛАЗАРЕВИЧ

До января 1919 года 25-я стрелковая дивизия входила в состав IV армии, являясь ее старейшей и наиболее боеспособной. Но в январе командование Восточного фронта подчинило ее командующему 1-й армией. И только став командующим Южной группой, Фрунзе воссоздал 25-ю дивизию. Оставшиеся без войск управления дивизии с 224 полком были также возвращены в IV армию.

В самом начале апреля несколько военных специалистов выехали в Москву, чтобы доложить во всех подробностях об обстановке на участках фронта. Они везли с собой карты, планы

контрнаступления, сводки агентурных сведений о силах и моральном состоянии колчаковских армий. Но самая главная цель этой поездки заключалась в том, чтобы рассказать о переломе, который намечался в частях советских войск. Рассказать, как живые свидетели, о новых подготовках к борьбе...

Трамваи уже не ходили по Москве. Жители столицы, замотанные, завязанные чем только возможно, заиндевевшие, с хмурыми, обмороженными лицами, цепочками двигались среди сугробов. Они волочили за собой самодельные, грубо сколоченные салазки с дровами, щепой, мороженой картошкой. В магазинах с запыленными витринами было пусто. Вывески «Магазин Елисеева», «Братья Бландовы» уже ничего не означали. Теперь имели значение лишь новые вывески, небрежно намалеванные бледными красками: «Военная комендатура», «Призывной стол».

В Реввоенсовет Республики попали не сразу. Около часа добивались пропуска, бегая от окошечка к окошечку со своими командировочными удостоверениями. Из подвалов Реввоенсовета пахло перловой кашей, а на лестницах лежали дорогие ковры.

Начальник Полевого штаба, пожилой человек с усталым лицом, долго звонил по четырем аппаратам, стоявшим на столике перед ним, и наконец сказал:

— Председатель Реввоенсовета ждет вашу делегацию в своем кабинете в 16.00.

В назначенное время военные входили в кабинет и от волнения не могли ни на чем сосредоточить внимание. Мелькали мрамор и бронза, люстра с хрустальными подвесками. А за обширным столом сидел человек среднего роста, старающийся держаться величественно и прямо. Перед ним стоял чернильный прибор и статуя витязя в шишаке.

Брови Председателя Реввоенсовета были устрашающе приподняты и черная бородка запятой делала его похожим на Мефистофеля. Вероятно, он об этом знал и старался еще больше подчеркнуть сходство.

Это был Лев Давидович Троцкий.

— Странные представления о дисциплине в Четвертой армии! — сказал он голосом, которому постарался придать металлические нотки. — Через голову штаба фронта вы обращаетесь к главному командованию и ездите ансамблем, как странствующие музыканты! Уж не думает ли командующий армией, что, послав шестерых гонцов, он сделает свои доводы в шесть раз убедительнее?

Он не садился и делегатам тоже пришлось все выслушивать стоя.

— Я знаю о плане Фрунзе, — сказал Троцкий. — Мне о нем сообщили. Я назначил комиссию из авторитетных специалистов. Мы не располагаем реальными возможностями для контрнаступления. А, как говорят французы, самая красивая девушка не может дать больше того, что она уже имеет.

Он был доволен своим остроумием. А еще чеканностью речи. Казалось, что Лев Давидович слушает только сам себя.

— Но сейчас появились новые факты, — попробовал возразить руководитель группы военных Осьминин, специалист высокого класса, бывший штабс-капитан царской армии.

— Новые факты? Игра в бирюльки! — возвысил голос и еще выше поднял брови Троцкий. — Есть один решающий факт: мы не можем выставить никакого заслона против колчаковских армий, кроме Волги, естественного водного рубежа. Наступление Колчака идет широким фронтом. Булавочные уколы на том или ином микроскопическом участке не решат судьбу кампании. Любой фронт, как шахматная доска, допускает возможности для неисчислимых комбинаций; одна только комбинация исключена — пешка не может ходить как ферзь, слон или ладья. Разве я меньше вас хочу победы? Я такой же слуга партии, рядовой солдат революции, как вы! — воскликнул он, раскатывая «ррр». В гулком кабинете прокатилось «парррртия», «ррреволюция»...

Приказом от 17 марта 1919 года определялся состав соединений и частей Южной группы, порядок их комплектования и формирования. Этим приказом было положено начало воссозданию 25-й стрелковой дивизии.

В день подписания этого приказа Василий Чапаев и Дмитрий Фурманов уже выехали по вызову Фрунзе из Александрова-Гая в Самару.

ИЗ ДНЕВНИКА ФУРМАНОВА:

Его личность поглотила мое внимание. Я все время к нему присматриваюсь, слушаю внимательно, что и как он говорит, что и как он делает. Мне очень хочется понять его до дна и окончательно. Во время пути мы были все время вместе, ехали неразлучно в одной повозке и наговорились досыта. Я говорю о поездке из Алгая в Самару на лошадях. Путь грандиозный, свыше четырехсот верст. Мы были в пути четыре дня: выехали семнадцатого в час дня, приехали двадцать первого числа в три часа дня.

Чапая всюду встречали восторженно; в Совете лишь только

узнали, что приехал Чапай, — начали говорить шепотом, один другому передавал, что приехал Чапай, и молва живо перебрасывалась на улицу. Стекался народ посмотреть на героя, и скоро Совет сплошь набивался зрителями. А когда уезжали, у ворот тоже стояли любопытные и провожали нас взорами. Популярность его всюду огромная, имя его известно решительно каждому мальчугану. В одном селе как раз попали на заседание Совета. Его пригласили «хоть что-нибудь сказать», и он рассказал крестьянам о положении наших дел на фронте. Крестьяне шумно выражали ему свою благодарность.

В другом селе мы никак не могли найти Совет — он оказался заброшенным куда-то в овраг, на далекую окраину и помещался почти что в сарае. Приехали мы часов в девять вечера. Там никого из советских не было, дежурил только дедка-сторож.

Немедленно вызвали председателя; тот вошел и стал как то по-рабски кланяться, стоял нерешительно, уныло и опасливо оглядываясь. От вестового он уже знал, что его требовал Чапаев. Чапай распек его на все корки и на утро же «приказал» перенести Совет куда-либо в центр села, в хорошую квартиру, а в Совете назначить бессменное дежурство. Вообще он поступает весьма самостоятельно в делах, и не только военных.

Мы с ним за эти четыре дня, повторяю, говорили очень много. Он еще подробнее рассказывал мне о своем прошлом житье-бытье и все горевал, что судьба у него сложилась нескладно.

Говорили мы немало и на темы политические. Он все внимательно и жадно слушает. Потом высказывается сам — просто, хорошо и правильно. Мысль у него правильная и ясная. По пути мы заезжали к нему в семью, которая живет в деревне Вязовка, Пугачевского уезда, верстах в пятидесяти от Пугачева. У него там старик со старухой, трое ребят (два мальчугана и девчурка) и еще женщина-вдова со своими двумя

ребятами. Там у него полное хозяйство, есть живность, есть и пашня.

Ну, наконец, после долгих мытарств, добрались до Самары. Явились к Фрунзе. Он рассказал нам, пока в общих чертах, о положении на всех фронтах, вечером пригласил к себе пить чай и окончательно договориться о нашей дальнейшей работе. Тов. Сиротинский пришел за мной прежде времени. Я сначала не понял, зачем он меня увлекает, — оказалось, это Фрунзе хотел меня спросить относительно Чапая.

Фрунзе назначает его начдивом Самарской, в которую войдет, между прочим, и наш Иваново-Вознесенский полк. У нас, как известно, под Уфой, «... во всех частях Четвертой армии были

произведены преобразования. В каждой дивизии было создано рабочее партийное ядро. К примеру, 220-й Р1вановский полк, Пугачевский полк и полк имени Стеньки Разина вошли в состав 25-й стрелковой дивизии. Фрунзе говорил ивановцам:

— Вы должны стать цементом дивизии...

В дивизии, конечно, не обходилось без трений, особенно первое время. Чапаевцы, увидев низкорослых и узкогрудых текстильщиков, презрительно говорили:

— Эти навоюют!

А еще они падали от смеха, глядя, как ивановцы ездят верхом. Было смешно видеть, как какой-нибудь ткач взбирается на лошадь, словно на шаткий забор.

В полку Стеньки Разина подтрунивали над ивановцами:

— Что вы за бойцы! Там, где вас целый полк идет, у нас одному батальону делать нечего.

И это было правдой...

В своих воспоминаниях Федор Федорович Новицкий писал:

...Высшее военное командование, возглавлявшееся председателем Троцким, «не видело» средств, чтобы приостановить движение Колчака к Средней Волге. Поэтому решением партии ответственнейшая задача не только приостановить дальнейшие успехи врага, но и разгромить его была поруче- на М.В. Фрунзе. Он к этому времени своими искусными действиями в роли командующего Четвертой армией обратил на себя внимание Ленина. И дальнейшие события показали правильность выбора...

Михаил Васильевич Фрунзе полностью оправдал оказанное ему доверие и в течение двух месяцев разгромил самого опасного, самого мощного тогда врага — Колчака.

ИЗ ПРИКАЗА ПО 25-Й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ О ВСТУПЛЕНИИ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА ЧАПАЕВА В КОМАНДОВАНИЕ ДИВИЗИЕЙ

№71 г. Бузулук 9 апреля 1919 года

1. Прибыв сего числа, я вступил в исполнение должности начальника 25-й стрелковой дивизии.

Временно командовавшему дивизией т. Луговенко обратиться к исполнению своих прямых обязанностей по должности

начальника штаба 25-й стрелковой дивизии.

Справка: приказ войскам Южной группы Восточного фронта от 22 марта сего года за № 3...

3. Прибывшего со мной военно-политического комиссара дивизии т. Фурманова зачислить в списки штаба дивизии и полагать налицо с 9 апреля...

НАЧАЛЬНИК ДИВИЗИИ ЧАПАЕВ
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОМИССАР ФУРМАНОВ
НАЧАЛЬНИК ШТАБА ЛУГОВЕНКО

ПРИКАЗ ПО 25-Й ДИВИЗИИ ОБ ОБРАЗОВАНИИ В РАЙОНЕ БУЗУЛУКА УДАРНОЙ ГРУППЫ

№058, г. Бузулук 11 апреля 1919 года

Согласно приказу командующего Восточным фронтом от 10 апреля 1919 года за № 01161 в целях объединения действий против наступающей уфимской группы противника, который, овладев Стерлитамаком и Белебеем, продолжает теснить части 1 и 5 армий и угрожает одновременно выходом в тыл левого фланга 5 армии в районе Бугульмы и тем отрезать 5 армию от 1, в состав Южной группы включаются 1 и 5 армии.

Вверенной мне группе поставлена задача: «удерживая натиск противника с фронта, образовать ударную группу в районе Бузулука под начальством командующего 1 армией с тем, чтобы, перейдя этой группой в решительное наступление, ударом в левый фланг противника отбросить его к северу».

Вверенные мне 73 и 7 5 стрелковые бригады входят в состав ударной группы, и для выполнения поставленной мне задачи приказываю:

Командиру отдельного кавалерийского дивизиона выступить 12 апреля сего года с места настоящей стоянки, выслав головной отряд по направлению на север, по большой дороге от Бузулука на Бугуруслан через села: Березовка, Троицкое (Жданова), Кушниково (Горки), Троицкое (Тоузаново), где и расположиться, и ожидать дальнейших распоряжений, на пути следования исправлять дороги и переправы через текущие ручьи.

Саперной роте 73 бригады выступить 12 апреля из Сорочинского с прикрытием кавалерии для устройства переправ через реки по путям следования бригады.

Командиру 73 бригады с вверенными полками, за исключением 218 стрелкового полка, выступить 13 апреля в 7

часов по нижеследующим путям:

217 стрелковому полку из Сорочинской по направлению на север через с. Никольское, что в 15 верстах от Сорочинской, до с. Скоковка, где и расположиться на ночлег.15 -апреля выступить на с. Игнашкино, где сделать дневку, после чего выступить на Луговое, чтобы таковое было занято не позже 18 апреля, где и расположиться, ожидая дальнейших распоряжений.

4. Штабу бригады совместно с 219 стрелковым полком двигаться через села Пьяновка, Пронькино, Яшкино на Грачевку, где и расположиться на дневку и оттуда выступить на с. Бабинцевка (Новоселье) и Чибриновка, каковые занять не позже 18 апреля сего года, где расположиться и ожидать дальнейших распоряжений.

5. Командиру 218 стрелкового полка со вверенным полком выступить 14 апреля на г. Бузулук по большой дороге через Троицкое, что восточнее большой дороги в 5 верстах, где сделать дневку. В дальнейшем следовать на Безводновку, где остановиться и ждать дальнейших распоряжений.

6. Командиру 75 стрелковой бригады со вверенной ему бригадой, за исключением 224 полка, продолжать переход в район Бузулука. По прибытии расположиться в районе Тримихайловка (Сухоречка), Яковлевка.

7. Командиру 74 стрелковой бригады со вверенной ему бригадой оставаться в г. Самара в резерве Южной группы.

8. Всем складам и учреждениям отдела снабжения перейти в район ст. Богатое.

9. Штабу дивизии, управлению начальника артиллерии, общей канцелярии отдела снабжения, ветеринарному управлению, управлению артиллерийского снабжения, батальону связи и всем прочим командам и учреждениям оставаться на месте.

10. Начальнику отдела снабжения озаботиться устройством при станции железной дороги Погромное и Бузулук баз для питания довольствием частей дивизии.

11. Заведующему артиллерийским снабжением озаботиться устройством баз на станциях Погромное и Бузулук для непрерывного питания частей дивизии огнеприпасами .

12. О получении приказа и исполнении его срочно донести.

13. Заместители мои: начальник штаба т. Луговенко и командир 73 стрелковой бригады т. Кутяков.

НАЧАЛЬНИК 25 СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ ЧАПАЕВ
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОМИССАР ФУРМАНОВ
НАЧАЛЬНИК ШТАБА ЛУГОВЕНКО

ПРИКАЗ ПО 25-Й ДИВИЗИИ О ВВЕДЕНИИ ОСАДНОГО ПОЛОЖЕНИЯ В РАЙОНЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ДИВИЗИИ

№76, г. Бузулук 13 апреля 1919 года

1. Ввиду того, что местности, ограниченные селениями на юге Сухоречкой, на севере Зимнихой и на востоке Безводновкой (ст. Слободка), Усакла и Луговое Бузулукского уезда, входят в район военных действий 25 стрелковой дивизии, а потому все села, входящие в состав этого района, объявляются на осадном положении.

Все власти указанных районов подчиняются командиру 218 стрелкового полка.

2. Всяким требованиям, исходящим от военных властей, волостным и сельским Советам (входящим в район, указанный в пункте 1) оказывать полное содействие. В случае неисполнения распоряжений военных властей виновные будут преданы военно-революционному суду.

3. Всякие бесчинства, грабежи и хулиганства в указанном районе будут наказываться самыми решительными мерами, вплоть до расстрела.

НАЧАЛЬНИК ДИВИЗИИ ЧАПАЕВ
ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОМИССАР ФУРМАНОВ

ДОНЕСЕНИЕ
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КОМИССАРА
25 ДИВИЗИИ Д. А. ФУРМАНОВА КОМАНДУЮЩЕМУ ЮЖНОЙ ГРУППОЙ М.В. ФРУНЗЕ

О ПРИЧИНАХ ИЗМЕНЕНИЯ ПЛАНА ПЕРЕБРОСКИ 73 БРИГАДЫ

16 апреля 1919 года

Чапаев получил телеграмму № 01047. Взволнован, и его с трудом удалось удержать от опрометчивого решения. Свидетельствую, что он работает честно и в высшей степени напряженно. Посылаю разведку из Сорочинского, окончательно убедившую нас, что бездорожье, вздувшиеся речки без мостов

лишь могут погубить бригаду. Первоначальный план переброски 73 бригады был тот же, что дали вы, и только неизбежность заставила его изменить.

ФУРМАНОВ

ИЗ ДНЕВНИКА ФУРМАНОВА:

«По телеграмме главнокомандующего можно было понять, что, приехав в Бузулук, мы немедленно пойдем в бой. Но пока что в бой не пошли. А обстоятельства вынудили измученных дорогою, не отдохнув, ехать снова. Мы поехали в Сорочинское, где разместились Пугачевский и Домашкин ский полки.

Кутяков, командир первой (73) бригады, — нервный, измученный вояка, израненный, перенесший уже много боев на своей спине.

Кутяков с Чапаевым работает давно. У Чапая есть определенный план — везде и всюду ставить своих — на командные и даже на штабные должности. Возле него находится всегда несколько человек из «свиты», которые моментально и беспрекословно выполняют все его приказания. Он с собою привез таких ребят несколько десятков человек. Вот почему у него все создается и разрешается так быстро и точно — ему есть на кого положиться, есть кому поручить.

Кутякову, совсем еще молодому человеку, годов 22-24, он поручил бригаду.

Приехав в Сорочинскую, распорядились, чтобы созвали командный состав в кинематограф «Олимп». Когда армейцы узнали, что приехал Чапай, повалили в кинематограф и за полнили его до предела: всего присутствовало человек тысячу. Митинг прошел великолепно, все остались очень довольны. А когда окончился митинг, на сцене появилась гармошка, загремел-зарыдал «комаринский», и Чапай уже отделывал на все корки. Он пляшет браво и красиво. Армейцы хлопали ему без конца; скоро появились другие плясуны — и тут пошла плясать губерния. Поднялось такое восторженное веселье, что и не описать. Армейцы были рады и счастливы тем, что вот, мол, дивизионный начальник и тот, посмотри-ка, пляшет «русского». Это обстоятельство служило цементом, который еще ближе, еще крепче спаивал командиров с красноармейскою массой. Одно время, с самого начала, мне было неловко, что Чапай выступил в

качестве плясуна, а потом я увидел и понял, что в данных условиях и в данной среде это прекрасно и весьма, весьма полезно. Полки, все время находившиеся в боях и передвижениях, не знающие совершенно долгих стоянок, они теперь отдыхали и радовались, а с ними веселились и командиры. Дальше, за пляской, открылся кинематографический сеанс. Я слышал разговоры армейцев — они в восторге от митинга и вообще от всего вечера; у них получилось самое лучшее впечатление от этой неподдельной, очевидной дружбы с ними их, даже высших командиров. Наутро мы вернулись в Бузулук.

Вступив в командование Южной группой нового большого состава, М.В. Фрунзе в приказе № 021 от 10 апреля 1919 года поставил войскам следующую задачу: «Удерживая натиск противника с фронта, образовать ударную группу в районе Бузулука под начальство командующего 1-й армией, с тем чтобы, перейдя этой группой в решительное наступление, ударом в левый фланг противника, отбросить его к северу».

Для выполнения этой задачи 5-й армии приказывалось, «приведя войска в порядок с применением решительных мер, во что бы то ни стало положить предел дальнейшему продвижению противника в направлении на Бугуруслан. А так же вдоль Бугульминской железной дороги, прикрыв, таким образом, тракт Бузулук-Бугуруслан-Бугульма».

Ударная группа создавалась из Туркестанской армии без одного полка 31 дивизии, находившегося на обороне Оренбурга вместе с местными рабочими полками, и без бригады 24 дивизии I армии.

В сам состав ударной группы намечалось включить две трети всей имевшейся пехоты и артиллерии. Да еще всю армейскую конницу Южной группы войск. Район сосредоточения ударной группы прикрывался с востока 20-й стрелковой дивизией I армии, с севера — 73 бригадой 25 стрелковой дивизии, куда ей приказывалось прибыть не позже 18 апреля. В приказе требовалось от всех «проникнуться сознанием крайней необходимости положить предел дальнейшему развитию успеха противника, дабы при содействии ожидаемых из областей подкреплений перейти к контрудару и нанести врагу решительное поражение».

Рассчитывая на содействие ожидавшихся из областей подкреплений, Фрунзе, вопреки намерениям командующего фронтом, главкома и тем более Троцкого, не ставил начало

наступления в зависимость от их прибытия. Никак нельзя было упускать время.

Сосредоточение ударной группы требовало значительной перегруппировки войск в сжатые сроки. Перебрасывалось 18 полков пехоты и конницы по железным дорогам и походным порядком. Все это составляло от трехсот до пятисот, а то и более километров. В том числе и 75-я Александрово-Гайская бригада из Уральска через Сызрань. Надо учитывать, что в условиях ограниченных возможностей железнодорожного транспорта того времени эта задача была не из легких. Её выполнение Михаил Васильевич Фрунзе взял под свой личный контроль. С огромными трудностями было связано всестороннее обеспечение войск. «Доводим до вашего сведения, — докладывали Фрунзе из политотдела Реввоенсовета Южной группы, — что, согласно сообщению завполитотделом 25 стрелковой дивизии от 22 сего месяца, вновь прибывшие в Бузулук на пополнение полков части присылаются тылом разутыми и раздетыми».

Ведя огромную работу по перегруппировке войск, формирование новых частей, всестороннему их обеспечению и в первую очередь вооружением, М.В. Фрунзе продолжал уточнять свой план в соответствии со складывавшейся обстановкой. Приходилось учитывать, что 24 дивизия I армии, достигшая 10 апреля Стерлитамакского тракта, только 13 апреля начала движение на Шарлык, до которого было не менее трех суточных переходов. А ослабленная 20 дивизия этой же армии под давлением противника отходила от Мелеуза ближе к Оренбургу. Поэтому было принято решение не производить большой и длительной перегруппировки 24 дивизии в район Бузулука и не разрывать ее побригадно. А сосредоточить в районе Шарлык, образовав там дополнительно ударную группу.

На первую армию возлагалась задача нанесения одновременного удара с бузулукской группой в северо-западном направлении во фланг и тыл Бугурусланской группировки противника и удержание Оренбурга. В связи с изменившимися задачами I армии командование бузулукской ударной группой возлагалось на командарма Туркестанской. К тому же командующий I армией считал приказ Фрунзе о нанесении контрудара запоздалым и неосуществимым. I армия, по его докладу, поражена упадочническим настроением и через неделю будет вынуждена совершать беспорядочное отступление. Такое настроение командарма послужило дополнительным поводом к его замене, хотя командарм Туркестанской также был пессимистичен и, по мнению командующего фронтом, не являлся подходящей кандидатурой.

Вновь назначенному командующему ударной группой Михаил Васильевич Фрунзе указывал, что войска, предназначенные в группу, сосредотачиваются севернее Бузулука. Прибывавшие в Бузулук эшелонами части Туркестанской армии, до приезда туда штарма 31-й дивизии, должны поступать в подчинение начдива 25 Чапаева для объединения действий.

Сосредоточение войск шло медленно, с большими трудностями. Опасаясь за оборону Бугуруслана, Фрунзе 14 апреля сообщал командарму 5, что направляет из Самары формировавшуюся гам 74 бригаду 25 дивизии в составе не менее 3,5 тысяч штыков, артиллерийского дивизиона и саперной роты. «Части эти, — предупреждал он, — не обстреляны, но по составу хорошим ядром полков являются: одного — Иваново-Вознесенский батальон, а другого — батальон интернационалистов; оба полка пополняются за счет мобилизации местных рабочих. Крайне важно, чтобы до их прибытия Бу- гуруслан нами удерживался. При помощи их и того, что сумеете набрать у себя, я думаю, можно нанести, по крайней мере, короткий, но сильный удар противнику, двигающемуся вдоль линии железной дороги. Этот удар будет поддержан ударом с юга на север от Бузулука частями 1 (73-й) бригады той же дивизии. К сожалению, мне не удалось до сих пор сосредоточить в Бузулуке более крупных сил».

Нанести удар не удалось. 16 апреля, до подхода частей, Бугуруслан пал. 17 апреля на помощь из Самары на станцию Толкай был направлен 223 полк 75 бригады.

По настоятельной просьбе командарма 5 командование фронта требовало от Фрунзе передать 25 дивизию в эту армию. Но, во-первых, резко ослаблялась сила ударной группы, так как части 31 дивизии Туркестанской армии, по мнению Михаила Васильевича, были «сравнительно плохо снабжены и подготовлены». Во-вторых, выхолащивало идею замысла операции — мощного удара во фланг и тыл главной группировке противника и его фронтального вытеснения. Однако под давлением командования дивизию без 73 бригады из ударной группы пришлось отдать. Передавая, Фрунзе потребовал использовать ее на правом фланге V-й армии, где она могла принять участие в предстоящем ударе.

Белые армии продолжали наступление, которое все отчетливее принимало характер «комбинированного» похода совместно с Деникиным и Юденичем. В директиве от 12 апреля начальник штаба Колчака писал: «Ударами наших армий противник на всем фронте разбит, деморализован и отступает. Уральские казаки продолжают борьбу... Ген. Деникин начал

теснить красных в Донецком каменноугольном бассейне. Ген. Юденич теснит большевиков на псковском и нарвском направлениях. Верховный правитель и верховный главнокомандующий повелел действующим армиям уничтожить красных, оперирующих к востоку от рек Вятки и Волги, отрезав их от мостов через эти реки... Сибирской ар- мии преследовать красных, прижимая их к реке Вятке и отрезая от мостов через нее у Котельнича и Казани... Западной армии, продолжая преследование, отбросить красных от Волги на юг, в степи, и правым флангом быстро выдвигаться к переправам через Волгу, у Симбирска и Сызрани. Искать соединений с уральскими казаками. Оренбургской армии — овладеть районом Оренбург, Илецк, Актюбинск... Командующему речной флотилией иметь ввиду овладение устьем реки Камы. Волжский корпус и Сводный казачий корпус... сосредоточить в районе западнее Уфы в резерве верховного главнокомандующего... Сибирской и Западной армиям заранее организовать захват мостов через Волгу у Казани, Симбирска и Сызрани, дабы помешать красным их испортить...»

ИЗ ДОКЛАДА КОМАНДОВАНИЮ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА

19 мая 1919 года, 2 ч 25 мин.

Оставление противником Белебея и явное отсутствие серьезного сопротивления в районе нынешнего наступления наших войск выдвигают вопрос о необходимости немедленного проведения операции с целью овладения районом Уфы...

Проведение Уфимской операции мне представляется в следующем виде:

Для овладения районом Уфы назначается Туркестанская армия в составе 31, 25 дивизий, двух бригад 2-й дивизии, 3 кавалерийской дивизии и 24 дивизии, объединяемых командованием Туркестанской армии.

Указанные дивизии наступают для овладения фронтом: Стерлитамак исключительно, Уфа включительно, причем 24 дивизия, составляя правый фланг армии, направляется примерно на фронт р. Белая на участок пристань Табынск, устье реки Сим с целью охвата Уфы с юга и выхода в тыл. Одновременно с этим конница Туркестанской армии, стянутая к правому флангу армии, должна быть брошена впереди 24 дивизии в район южнее Уфы для перехвата железнодорожных сообщений противника в глубоком тылу. 25 дивизия, составляя левый фланг армии, направляется для непосредственного овладения Уфой.

Операция прикрывается с севера 2 6 дивизией, нацеливаемой на фронт Базилевка, Бирск, имея задачей овладение переправой у Ахлыстина с целью перерезать реку Белая для воспрепятствования передвижению по реке неприятельской боевой флотилии. Операция эта должна предшествовать овладению Уфой.

Уфимская операция обеспечивается справа и с тыла выдвижением из состава Первой армии одной бригады 20 дивизии, направляемой для овладения районом Стерлитамака.

После овладения Уфимским районом, подготовляясь к ведению дальнейших операций, район Стерлитамака занимают башкирские части, развивающие отсюда свои действия для овладения всей Башкирией и привлечения башкирского населения на сторону Советской власти и усиления Красной армии. В это же время наличная конница Туркармии при поддержке башкирских частей и, если позволит обстановка, частей 24-й дивизии направляется рейдом через Стерлитамак на Верхнеуральск в целях привлечения на нашу сторону оренбургского трудового казачества и усиления нашей конницы, без наличия которой в достаточном числе задача покорения казачьих областей чрезвычайно затруднительна.

Михаил Фрунзе-Михайлов

ИЗ ДНЕВНИКА ФУРМАНОВА

...На другой день Пасхи, 21-го, мы с Чапаем поехали на позиции. Точно мы их не представляли себе, донесение последних дней страдали неточностью. Взяли с собой человек пятнадцать конных и поутру направились через Сухаречку на Ждановку около которой в Крутенькой стоял штаб 73 бригады. День светлый, чистый, праздничный. По селам в цветных сарафанах, в цветных рубахах гуляет, поет, играет молодежь. На завалинках сидят сгорбленные старухи в шубах, ради светлого праздника и солнечного дня выползшие на волю. У Совета толпится народ, не зная, куда подевать свободное время. По деревне ехать трудно: ручейки размыли пугь, наделали много поперечных выбоин. Сейчас же с коней долой — и к Совету: выгнать всех крестьян и обязать каждого перед своим домом сравнять выбоины! Нам ждать некогда, наша артиллерия ломает повозки, поживее, живее, товарищи! Председатель сейчас же делает предписание, и скоро по деревне кипит работа. (На

обратном пути, проезжая через Сухаречку, видно было, что народ работал крепко.)

Едем дальше. Кони устают, дорога скользкая, местами еще крыта обвалившимся снегом. Кони проваливаются, скользят по льду, спотыкаются.

«Эй, Копчик! — покрикивает Жуков на пристяжного. — Копчик, вывози!» Дальше он поясняет нам, какой это благородный и умный конь, Копчик, как он несет в работу «почти всю проценту», то есть что Копчик, дескать, работает и за коренного. Скоро ехать стало невозможно — мы слезли с фаэтона и сели на верховых. Доехали до Крутенькой, пришли к Кутякову.

Приехав к нему, сейчас же, разумеется, справились о точном расположении частей бригады. Оказалось, что наши стоят по этому (левому) берегу Боровки, а неприятель — по правому. Комиссар Горбачев, предводительствуя эскадрон кавалерии, кинулся вплавь, окунулся с головкой, вынырнул и — айда на тот берег. Кавалеристы за ним. Так плыли они двадцать-двадцать пять саженей. Мокрые и грязные после разведки, вернулись обратно, собрав нужные сведения и оставив на том берегу несколько человек «на случай».

Вот как работают настоящие комиссары. Его работа слита неразрывно с работой командира бригады, функции объединяются, сплетаются, перевиваются. Дальше он рассказал такой случай:

— Наши ребята приехали в одно село и притворились белогвардейцами .

«Вы колчаки?» — спросили их крестьяне. «Да, колчаки, а есть тут у вас красные?» — «Нету, ни одной сволочи нету.» — «А где же они находятся?» — спрашивают ребята. «Где находятся, — а вот где...» И крестьяне начинают излагать сведения, которое каким-либо образом получили. Тут же, среди всех, и даже особенно деятельно, сообщает председатель Совета.

— А вы вот что сделайте, запишите-ка нам все, что говорите, да печать приставьте, — говорят ребята. Балда председатель написал этот «смертный приговор себе», приложил печать, подписался и вручил красноармейцам. Тогда они с уликами в руках уехали, а через некоторое время вернулись, забрали председателя и еще двух кулаков. Это известие, верно, облетело окрестные селения, ибо, когда мы с Чапаем на обратном пути заехали в Екатеринославовку, крестьяне ежились, мялись и ничего не отвечали или отвечали уклончиво, не зная, за кого нас принять: за белых или за красных.

— Совет есть?

— Совет... Да был вот здесь Совет, — отвечают мужички,

показывая на большой дом.

— А теперь где?

— А вон там где-то, на селе, в конце...

— И староста есть?

— И староста есть...

— И молоко есть?

— И молоко есть...

Мужички ежились, отворачивались, отмалчивались, ничего не говоря определенно и ссылаясь один на другого. Потом, когда они нас узнали определенно, сознались, что заробели от неопределенности, боясь открыться сразу. Таково неопределенно и тревожно их положение.

Хорошо. Об этом довольно.

До глубокой ночи выясняли по карте возможное месторасположения противника и наиболее удобные для нас позиции, а рано по утру, взяв человек восемь конных, отправились на позицию. Тут оставалось верст двенадцать-пятнадцать. Скоро стали слышны выстрелы, а когда проехали Алексеевку и осталось до позиции всего несколько верст, можно было думать, что стреляют из-за ближнего сырта. Проехали еще какую-то крошечную деревеньку. До Казаковки оставалось версты полторы, не больше. Перестрелка возобновилась с удвоенной силой. Они нас приметили с горы и, видимо, намеревались прикрыть по пути. Лишь только мы выехали к овинам, как от сырта, что раскинулся по правому берегу Боровки, открылась по нас стрельба. Пули завизжали, зазвенели, мы ударили коней и ускакали за высокий стог сена, спешились, постояли минут пять и один по одному, от сарая к сараю, стали перебегать, чтобы попасть на деревню. Чапаев остался последним. Я нарочно остался около ближнего сарая, чтобы посмотреть, как он будет себя вести во время перебежки. Коня своего он отправил вперед, а сам, пеший, высунулся из-за стога, прошел шагов десять прямо и вдруг побежал обратно, видимо, заслышав вокруг себя свистящие пули. Затем постоял за стогом и тихо направился в сторону овинов, по другому направлению. Обошел стогами и пробрался к деревне, явившись последним. По деревне было ходить опасно. Она изрезана проулками, и по этим проулкам противник, лишь только заметит проходящего, открывает пальбу. Пока мы прошли от штаба полка, пришлось сделать пять-шесть перебежек.

Одного красноармейца ранило, разбило локоть. Пальба не умолкала. Наши ребята разбросались по стогам, по крышам сараев, по овинам и оттуда охотились по бегающим на другом берегу белогвардейцам.

Те высовывались из-за сырта, мелькали черными точками и

быстро скрывались снова...

Совершенно невозможно было подумать, что здесь кругом витает смерть, если б не выстрелы и эта неумолчная пальба, здесь бы была самая настоящая светлая пасха. Крестьяне ходили спокойные, переезжали медленно по тем местам, где наши мчались в карьер. Они как-то совершенно не думают о смерти, не боятся ее.

Мы пробыли там часа три. Затем поседлали коней и поехали в Бузулук. Тут было верст пятьдесят-шестьдесят. Приехали уже поздно, часов в одиннадцать. Затем до двух часов простояли у прямого провода, переговаривая с помощником командующего Южгруппой Новицким. Нам приказано срочно выехать из Бузулука с оперативной частью в расположение и распоряжение командующего V-й армией. От 73-й бригады уходим. Жалко. Если начнем теснить врага к Бугуруслану, соединимся снова. Сейчас выезжаем.

ИЗ ПРИКАЗА ПО 25 ДИВИЗИИ ОБ ОТЪЕЗДЕ В.И. ЧАПАЕВА НА ФРОНТ И ОБЪЯВЛЕНИИ БЛАГОДАРНОСТИ КОМАНДИРАМ И РАЗВЕДЧИКАМ 218 ПОЛКА ЗА ЗАХВАТ ПЛЕННЫХ И ДОКУМЕНТОВ ПРОТИВНИКА

№83, г. Бузулук 21 апреля 1919 года

Отъезжая сего числа на фронт с политкомом т. Фурмановым, предлагаю начальнику штаба т. Луговенко вступить во временное исполнение должности командира дивизии, также с исполнением своих обязанностей, а политкому штаба т. Чакину — во временное исполнение должности военно-политического комиссара дивизии, также с исполнением своих обязанностей.

От лица Реввоенсовета Южной группы приношу великую благодарность товарищами стрелкам 218 стрелкового полка, входящим в состав самоотверженной разведки, захватившим в тылу у противника, в Карамзино, трех белогвардейцев первого гусарского полка со столь важными оперативными приказами 7 Уральской' дивизии горных стрелков за № 045, 046, а также командиру полка товарищу Михайлову за умело поставленную разведку в полку, командиру первой бригады тов. Кутякову и военно-политическому комиссару бригады тов. Горбачеву за непосредственное участие в боевых операциях 218 стрелкового полка.

С получением сего приказываю сообщить в штаб дивизии

фамилии и имена стрелков, вошедших в названную разведку, для представления их к революционной награде...

НАЧАЛЬНИК ДИВИЗИИ ЧАПАЕВ
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОМИССАР ФУРМАНОВ
НАЧАЛЬНИК ШТАБА ЛУГОВЕНКО

ИЗ ПРИКАЗА ПО 25 ДИВИЗИИ О ВОЗВРАЩЕНИИ В.И. ЧАПАЕВА С ФРОНТА

№ 84, г. Бузулук 23 апреля 1919 г.

1. Прибыв сего числа с военно-политическим комиссаром дивизии товарищем Фурмановым из служебной поездки на фронт, я вступил в командование дивизией.

Временно и. д. начальника дивизии начальнику штаба тов. Луговенко обратиться к исполнению своих прямых обязанностей.

Временно и. д. военно-политического комиссара дивизии политическому комиссару штаба товарищу Чакину обратиться также к исполнению своих прямых обязанностей. . .

НАЧАЛЬНИК ДИВИЗИИ ЧАПАЕВ
ВОЕННО-ПОЛИТ.КОМИССАР ФУРМАНОВ
НАЧАЛЬНИК ШТАБА ЛУГОВЕНКО

В штабе Южной группы Восточного фронта было известно, что на правом фланге Западной армии генерала Ханжи на от Камы до Бугульминской железной дороги наступал 2-й Уфимский корпус. Южнее, по обеим сторонам Самаро-Златоустовской железной дороги, — 3-й Уральский корпус. Еще южнее и уступом наступал 6-й Уральский корпус, состоявший из 11-го и 12-го Уральских дивизий. Через Южный Урал выдвигались части армейской группы генерала Белова в составе 5-го Стерлитамакского и 4-го Оренбургского корпусов. На Оренбург с востока и юго-востока двигались 1-й и 2-й Оренбургские казачьи корпуса генерала Дутова.

Более известны были сведения о 3-м Уральском корпусе, теснившем правый фланг 5-й армии. Скудные и недостоверные

сведения были и в 6-м корпусе.

Фронт перед корпусом был открыт. Поэтому при наступлении ударной группы от Бузулука на север имелась опасность подставить свой правый фланг под удар. Но выяснить место нахождение и направление движения противника было особенно необходимо.

Очень кстати помог случай. В 73 бригаде 25 дивизии, выдвинутой к 18 апреля на прикрытие бузулукской группировки с севера, в тот же вечер были задержаны трое вестовых противников с двумя боевыми приказами, в том числе и для 11-й дивизии. Приказы были доложены начдиву Чапаеву и немедленно им лично переданы по телефону в штаб М.В. Фрунзе.

Из приказов было видно, что 11-я дивизия находилась на направлении удара Бузулукской ударной группы. В них широко раскрывалась группировка противника, так как на обороте были выписаны две части, в которые приказы рассылались.

19 апреля Фрунзе отдал приказ, в котором 5-я армия, усиливаемая 25 дивизией (без 73 бригады), получала задачу не только остановить наступление противника в направлениях Бугульминской и Самаро-Златоустской железных дорог, но и овладеть районом Бугуруслан. Ударной группе в составе 73 бригады 25-й дивизии, 31-й дивизии (без бригады) и Оренбургской казачьей бригады из района севернее Бузулука наступать в направлении на фронт Заглядино, Бугуруслан.

Во взаимодействии с V армией разгромить бугурусланскую группировку противника и отбросить ее к северу, отрезав сообщение с Белебеем. Конницей обеспечить правый фланг группы. Держать связь с первой армией. Развить действия в тыл противника в район Сарай-Гир.

От I армии требовалось сковать противостоящие части корпуса противника. При этом перейти в решительное наступление. Также на нее возлагалась задача обороны района Оренгбурга.

IV армия в составе 22 дивизии, Савинского стрелкового, 9-го кавалерийского полков, Киргизской кавалерийской бригады под общим командованием начальника 22-й дивизии приказывалось прочно удерживать занимаемый район в Уральской области. Время общего наступления должно было быть указано дополнительно.

19-го апреля, получив донесения о боях на левом фланге 1-й армии, в которых была установлена принадлежность частей противника, Фрунзе приказал I армии усилить свой левый фланг всем, чем только можно, и перейти в решительное наступление. Главное — не дать противнику возможности объединить усилия.

По требованию командования Восточного фронта, 23 апреля Фрунзе докладывал план операции Южной группы:

Основная идея операции Южной группы Восточного фронта — удар в разрез между частями 3-го и б-го корпусов противника, в общем направлении на Бугуруслан, Загляди но, Сарай-ikp, с целью окончательного разобщения этих корпусов и разгрома их по частям. Операция выполняется путем атаки на правом фланге 5-й армии двумя бригадами 25- ой стрелковой дивизии в полосе между речками р. М. Кинель и Кутулук и частями 26-й дивизии севернее р. М. Кинель. Одновременно с этим на левом фланге 5-й армии производится частями 27-й дивизии атака в районе Бугульминской железной дороги с охватом Бугульминской группы противника с севера; атака имеет целью сковать противника и не позволить ему перебросить свои части на юг к Бугуруслану. Главный удар наносится с юга частями 31-й и одной бригадой 25-й стрелковых дивизий, которые составят ударную группу и, сосредоточившись в районе Дураковка (Озерье), Сергеев- ка, Кирилловка, Могутово и Подсолнечное, наносят удар во фланг и в тыл 7-й горной дивизии противника...

Для охраны правого фланга ударной группы выдвигается в район Никольское, Боровка конная бригада. Гая армия упорно обороняет частями 20-й стрелковой дивизии и местными формированиями район Оренбурга и, обеспечивая направление Стерлитамак, Оренбург на правом фланге, должна частями 24-й дивизии сковать находящиеся перед нею части и не допустить до тактического соединения с частями бугурусланской группы противника...

IV-ая армия частями 22-й стрелковой дивизии должна продолжать упорную оборону района Уральск и железной дороги Уральск — Саратов. В резерве группы остаются в районе Самара — Иващенково две бригады 2-й стрелковой дивизии, которые предполагается использовать для развития успеха.

План Михаила Васильевича был одобрен начальством и 21 апреля 1919 года он выступил с речью перед чапаевцами...

Сегодня я счел своим долгом явиться и поговорить с вами

перед тем, как отправиться вам на фронт. Всякий из вас должен ясно осознавать и чувствовать ту цель, во имя которой он призван идти сражаться. Цель эта заключается в том, чтобы навеки закрепить завоевания революции, чтобы вам самим и потомству вашему в будущем не пришлось терпеть и страдать под игом буржуазно-помещичьего гнета. Наша российская революция есть предтеча мировой революции, и мы знаем, что по нашим стопам пошли и Венгрия, и Бавария, и Турция... Не сегодня завтра мы узнаем, что и другие страны вступили на этот путь. Ясно, что народы земного шара осознали необходимость ввести новые порядки и стремятся утвердить всюду господство труда.

Многие укажут на различные непорядки в нашей республике, на безобразия, творимые так называемыми «коммунистами», примазавшимися к Коммунистической партии. Но вы должны знать, что при постройке всякого дома много скапливается разного мусора и нечисти, но после того как леса и весь мусор убирается, перед взором предстоит прекрасное выстроенное здание. Так и тут, при постройке нового общественного порядка многое делается не так, как бы должно делаться, но мы с этим боремся, и первая пуля наша всегда предназначена тому, кто, прикрываясь высоким званием коммуниста, творит безобразия. К моменту увенчания социализмом нового строя вся нечисть уберется и новый строй предстанет перед нами во всей своей величественной красоте.

И вот в то время, как в деле утверждения нового общественного порядка к нам идет с Запада и Юга помощь, у нас на Востоке не все благополучно. Там собрались явные и тайные контрреволюционеры, капиталисты и помещики. Они напрягают все силы, чтобы свергнуть рабоче-крестьянскую Советскую власть — власть трудящихся и утвердить свое господство — господство капиталистов и помещиков над трудящимися. С этой целью они стремятся пробиться к Волге, отрезать от нее центр и лишить последней возможности снабжения хлебом.

Действительно ли банды Колчака опасны единством мысли и идеи, что агенту мировых капиталистов Колчаку удастся достигнуть намеченного плана — уничтожить Советскую власть? Нет, мы знаем, что там обманутые солдаты идут из- под палки и кнута. Даже при отступлении мы забираем сотни и тысячи пленных. Так, в ночь с 19-го на 20 апреля на Оренбургском направлении во время боя к нам перешли казаки 42-го Троицкого полка с винтовками и пулеметами, предварительно перебив своих офицеров. Это определенно говорит за то, что разложение в его войсках зашло далеко, и нам достаточно один только раз его войско толкнуть, но толкнуть хорошо, как оно с еще большей

поспешностью покатится назад. К этому толчку я вас и призываю.

Прошло то время, когда мы были рабами, теперь рабами мы не будем никогда. Последний оплот мировых капиталистов — Колчак должен быть и будет уничтожен, и тогда мы вернемся к мирному труду и станем за плуг и станок. (БУРНЫЕ АПЛОДИСМЕНТЫ И ГРОМОВОЕ «УРА».

ИЗ ДНЕВНИКА ФУРМАНОВА:

...Все эти дни мы с Чапаем в походах. Наши стали теснить белых по всему фронту. 25 дивизия идет авангардом. Весело идти: здесь Чапай, а справа уж давно хлещет Кутяков со своей стальной бригадой. Он разбил уже около трех вражьих полков, захватив пленных, пулеметы, кухни и т. д.

Вчера вечером мы приехали в Подколки. Наши части вошли сюда несколько часов назад, выбив и поколотив противника. У нас легко поранено восемь человек, их потери неизвестны. Куда-то пропал без вести пастух, смертельно ранили пахаря в поле, да убило двух крестьянских лошадей. Мне вчера сильно нездоровилось. Мы ехали верхами, и последние

десять-пятнадцать верст я уж едва сидел в седле. А когда приехали — закипела работа: полетели во все стороны телеграммы и распоряжения. Я ткнулся на постель и заснул. Чапаев разбудил обсудить одну телеграмму. И всю ночь через каждый час он все меня будил что-нибудь обсудить и решить. Чапаю изумляюсь, он неутомим.

Он всю душу вложил в это дело и отдается ему весь без остатка. Он живет. Чем больше тревоги и опасности, тем он веселее, тем прекраснее. Я любуюсь Чапаем, когда он командует. У него все просто и ясно, он без обиняков всегда режет с плеча: что говорит за глаза, то повторяет и при свидании. Он свежий, сильный духом человек. Удивительная у него память: каждую мелочь, каждый- то случай — все помнит.

Мне часто бывает неудобно перед ним; спросишь что-нибудь, а он:

— Да ты ведь сам подписывал.

— Когда?

— А помнишь... — И он припомнит какую-нибудь бумажонку, которую где-то и когда-то я подписывал, про которую совершенно забыл. Мы с Чапаем сдружились, привыкли, прониклись взаимной симпатией. Мы неразлучны: дни и ночи все вместе, все вместе. Вырабатываем ли приказ, обсуждаем ли что-нибудь, данное

сверху, замышляем ли что новое — все вместе, все пополам.

Такой цельной и сильной натуры я еще не встречал. Мы часто с ним предполагаем: что будет, как тяжело будет одному, когда другого убьют. И когда заговорим — обоим станет тяжело. Замолчим и долго-долго ни о чем не говорим. На него много клевещут, его понимают даже наши «лучшие» (члены Реввоенсовета (неразборчиво) Смирнов) как авантюриста и только. Ему мало доверяют. И этот товарищ Смирнов, например. Сообщил мне, что «лишь только Чапаев немного покачнется, мы его живо уберем».

Из-за дров они не видят леса, они, эти будничные люди, не могут простить плотнику Чапаю его грубость, его дерзость и смелость решительно во всем: будь тут командующий и раскомандующий. Они не знают. Не видят того, как Чапай не спит ночи напролет, как он мучится за каждую мелочь, как он любит свое дело и горит, горит на этом деле ярким полымем. Они не знают. А я знаю и вижу ежесекундно его благородство и честность — поэтому он дорог мне бесконечно. В защиту от клеветников и узколобых я уже неоднократно писал дорогому Фрунзе про истинного, про настоящего Чапая.

Теперь мы в походе, нашей дивизии дана боевая задача: руководить борьбой с обнаглевшим Колчаком.

Итак, Фрунзе готовился к нападению и самым тщательным образом еще раз пересматривал свой план. Но и у командования фронтом тоже был план, который совсем не совпадал с разработкой Фрунзе.

Сохраняя нанесение главного удара за Южной группой, фронтовое командование готовило защиту Казани, а также Симбирска со стороны Бугульмы. Оно считало симбирское направление незащищенным и полагало, что контрудар из района Бузулука не даст больших результатов. Резервы старалось распылить на казанское, симбирское и самарское направления. А еще к западу от Волги. Все это свидетельствовало о подготовке к пассивной обороне.

Командующий фронтом не соглашался с угрозой на самарском направлении, где противник стремился овладеть железнодорожным узлом Кинель. А также не видел намерений противника разобщить их с остальными войсками, отрезать от баз снабжения и оттеснить в степь от Волги.

Не будучи посвященным в планы командования фронта и главкома, Михаил Васильевич Фрунзе считал необходимым начать наступление внезапно и намного раньше. Из этого расчета

им было назначено наступление на 28 апреля. Это решение встретило резкое осуждение со стороны командующего фронтом по прямому проводу 25 апреля. Однако Фрунзе не отступил. Он проявил решительность и настойчивость. Назначенный им срок остался без изменений.

Глава 14. Кровь и победы

Боевые действия Южной группы войск Восточного фронта сводились к активной обороне, хотя с 23 по 28 апреля ими было много достигнуто в деле победы над Западной армией генерала Ханжина. Навстречу противнику войска были выдвинуты в необходимой группировке. Первая армия была рассчитана на удержание Оренбурга. Части 24 дивизии вели активные действия на левом фланге армии. Они продвигались в северо-западном направлении и охватывали противника в районе Романовское. В боях было взято до двухсот пленных, несколько пулеметов и два орудия. Совместными частями 20-й и 24-й дивизии была разбита 5-я дивизия противника. В бою было взято три орудия, 20 пулеметов и полторы тысячи пленных. Таким образом обнаружилось слабая боеспособность и плохое моральное состояние вражеских частей.

Но между 1-й и 5-й армией оставался разрыв, достигавший до 140 километров. В него-то и устремились белогвардейские войска. 23-26 апреля на правом фланге 5-й армии велись ожесточенные бои, в конце концов атаки противника были отражены. Части 26-й и бригады 27-й дивизии продвинулись вперед. Бригады 25-й дивизии под командованием Чапаева к вечеру 25 апреля подошли в район станции Муханово и Алтухово. Таким образом, до начала общего наступления правый фланг 5-й армии значительно укрепился.

Но на левом фланге 5-й армии положение продолжало оставаться очень тяжелым. Возникла опасность потери сообщения с Самарой и поражения частей севернее станции Кинель. В этих условиях особое значение приобретало время перехода в контрнаступление.

ПРИКАЗ ПО 25-Й ДИВИЗИИ О ЗАНЯТИИ ИСХОДНЫХ ПОЗИЦИЙ ДЛЯ НАСТУПЛЕНИЯ НА БУГУРУСЛАН

№064, с. Коханов 26 апреля 1919 г. 22 ч

Противник приостановил преследование по Самаро-Златоустовской железной дороге, подтягивает в район западнее Бугуруслана части 3-го корпуса и ожидает подхода к его левому флангу частей 6 корпуса, двигающихся южнее железной дороги. В направлении Сок - Кармалинское, Сергиевск он стремится овладеть последним и теснит наши части. Против 27 дивизии и отряда чистопольского военкома противник точно так же активен.

Командующий Южной группой приказал разбить и отбросить к северу бугурусланскую группу противника до подхода к ней на помощь 6 корпуса.

Туркестанской армии, сосредоточенной в районе Бузулука, приказано с рассветом 2 8 апреля решительно атаковать в тыл эту группу в направлении ст. Заглядино, Бугуруслан с исходной линии Безводновка (ст. Слободка), Феклина.

Правее нас действует Туркестанская армия, левее же — 26 дивизия 5 армии. Разграничительная линия между 25 дивизией и Туркестанской армией следующая: р. Кутулук, дер. Феклина, Архангельское (Городецкое) включительно и станция Нагаткина — все для 25 дивизии включительно. Между 25 и 26 дивизиями: Лазовка, Ниж. Кинельское, Кинельское, Малиновка — все для 2 5 дивизии включительно.

Комбригу 74 тов. Авалову (220 стр. полк, 221 и 222 стр. полки, кавалерийский дивизион, артиллерийский дивизион, саперная рота, команда связи). Выступить одновременно в 7 часов 27 сего апреля всем частям, стоящим в Кинель Черкасская и Кинельская (Талузановка), по направлению: 1) Из Кинель Черкасской — в Лазовку, 2) Из Кинельской (Талузановки) — в Елховатку и Н. Ключевку. Указанные пункты занять ни в коем случае не позднее 16 часов 27 апреля.

Комбригу 75 т. Потапову (223 и 225 стр. полки, кавалерийский дивизион, артиллерийская гаубичная батарея, артиллерийская легкая батарея, саперная рота, рота связи, инженерный батальон). Выступить из с. Коханов в 7 часов 27 апреля в Языково (через Ржавец), занять его не позднее 16 часов 27 апреля и там же остановиться.

Инженерному батальону запастись всем необходимым материалом для постройки мостов через р. М. Кинель: 1) Ниж.Кинельская, 2) Березняки, 3) Н.Нагаткино.

При занятии вышеуказанных пунктов восстановить тесную связь между частями 25 дивизии, а также и всеми соседними частями и со штабом 25 дивизии. При передвижении оставлять посты летучей почты через каждые пять верст.

При занятии указанных пунктов выслать глубокую разведку в сторону противника, выяснить возможно точнее расположение его частей и донести мне о результатах не позднее 20 часов 27 апреля.

На выступление 28 апреля распоряжение будет дано особо.

Разграничительная линия между 74 и 75 бригадами следующая: а) Н. Ключевка, Н. Приют, Сосновка, Березняки (включительно)- все для 74 бригады; б) Ржавец, Никольск, Н. Нагаткина (включительно)- все для 75 бригады.

Комбригам 74 и 75 — передвинуть артиллерийские базы со ст. Муханово в с. Коханов.

Ввиду отсутствия дивизионного отдела снабжения приказываю бригадным отделам снабжения немедленно в занятых местах организовать хлебопекарню и всемерно заботиться о своевременном снабжении своей бригады всем необходимым.

За неимением собственного транспорта пользоваться подводами местного населения по мере потребности.

Штаб дивизии находится в с. Коханов.

Мои заместители: комбриг 75 т. Потапов и комбриг 74 т. Авалов. Заместители комиссара дивизии т. Фурманова: Шумаков и Карпец.

НАЧАЛЬНИК 25 СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИИ ЧАПАЕВ
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОМИССАР ФУРМАНОВ
ЗА НАЧ. ШТАБА А. БОГДАНОВ

Как предусматривалось планом, общее наступление Южной группы войск началось с утра 28 апреля только в 5-й армии. 24 дивизия и 73 бригада наступление начали раньше. А 31 дивизия вообще запоздала.

ПРИКАЗ ПО 25 ДИВИЗИИ О ПЕРЕХОДЕ В РЕШИТЕЛЬНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ
НА БУГУРУСЛАН
№065, с. Коханов 27 апреля 1919 года

Во исполнение приказа по 5-й армии от 25 апреля 1919 года за №1 приказываю всем полкам вверенной мне дивизии 28 апреля сего года перейти в решительное наступление и, разбив противника, к вечеру занять следующие деревни: Н. Нагаткина, Березняки и Ниж. Кинельское.

29 апреля переправиться через р. М. Кинель и продолжать наступление в тыл противника в направлении на дер. Коптяжевка (Самадурова) и далее на Бугуруслан, для чего:

1) 221 стрелковому полку в 7 часов утра выступить из Лазовки и, заняв Ниж. Кинельское, способствовать занятию дер.: Н. Приют, Никольское и Березняки, а также захватить и обследовать переправы через р. (М.) Кинель.

2) 220 стрелковому полку в 5 часов утра выступить из дер.

Елховатка, занять дер. Подколки, оттуда повести наступление на дер. Н. Приют, Никольское, Березняки, где и захватить переправу через р. М. Кинель.

3) 222 стрелковому полку в пять часов утра выступить из дер. Н. Ключевка и повести совместно с 223 стрелковым полком под общей командой комбрига 75 т. Потапова наступление на дер. Архангельское (Городецкое) и далее на дер. Н. Нагаткина с тем, чтобы отрезать пути отступления противника из дер. Березняки и тем отбросить его за реку (М.) Кинель.

4) 223 стрелковому полку в 8 часов утра выступить из дер. Языково и повести совместно с 222 стрелковым полком под командой общей комбрига т. Потапова наступление на дер. Архангельское (Городецкое) и далее на дер. М. Нагаткина, где и закрепиться.

5) 75 кавалерийскому дивизиону в 5 часов утра выступить из дер. Новоникольская через Феклино на Ивановку, откуда и охранять правый фланг наступающих частей, выслав для этого разъезды на север, северо-восток, а также войти в связь с Туркестанской армией.

6) Инженерной роте 24 дивизии выступить в 5 часов утра из села Коханов в Ниж. Кинельское, где и приступить к постройке переправы через р. М. Кинель.

7) 225 стрелковый полк назначается в дивизионный резерв, которому выступить в 5 часов утра из с. Коханов через дер. Ржавец в дер. Языково, где и ожидать дальнейших распоряжений.

8) Штабу дивизии находиться в Коханове.

9) Я буду находиться в дер. Н. Ключевка, куда и присылать мне донесения.

10) Для более успешной пересылки донесений приказываю штабам бригад установить летучую почту с полками и со мной.

11) Заместители мои: начштаба т. Луговенко и комбриг 7 5 т. Потапов.

НАЧДИВ 25 СТРЕЛКОВОЙ ЧАПАЕВ
ВОЕНКОМДИВ ФУРМАНОВ
НАШТАДИВ 25 ЛУГОВЕНКО

Остатки 11-й дивизии противника отошли за реку Кинель. Командир 6-го корпуса белых 30 апреля докладывал командующему Западной армией, что потери дивизии граничат с полным уничтожением: в полках осталось по 7-10 офицеров и по 250-300 штыков. «...Егерский батальон 6 раз ходил в атаку и

фактически прекратил существование. Все влитые в последнее время пополнения передались на сторону красных и даже участвовали в бою против нас.

Решение Фрунзе назначить на правый фланг ударной группы полки 25 дивизии блестяще оправдалось. Бригада двигалась теперь восточнее, на СарайТир, охватывая глубже левый фланг 3-го Уральского корпуса белых.

ПО СВОДКАМ ПРОТИВНИКА: «...41 полк и Егерский батальон совершенно выбыли из строя; в 43 и 44 полках не более 150 человек в каждом, настроение... крайне подавленное...»

РАСПОРЯЖЕНИЕ В.И. ЧАПАЕВА КОМАНДИРАМ 74 И 75 БРИГАД О ПОРЯДКЕ РУКОВОДСТВА БОЕМ

№33 28 апреля 1919 год, 21 ч 50 мин.

Всем командирам полков во время боя находиться при полках, откуда можно было бы управлять полками и своевременно давать поддержку ослабевающим частям.

НАЧДИВ ЧАПАЕВ

ВОЕНКОМ ФУРМАНОВ

К утру 28 апреля 74, 75 бригады 25-й дивизии сменили 2 бригаду на участке Языково и Лозовка. Чапаевские бригады перешли в наступление и быстро продвинулись, а 30 апреля заняли Пилюгино и Куроедово в 20-30 километрах южнее Бугуруслана. 1 мая, обходя Бугуруслан с юга, 26 дивизия наступала с запада непосредственно на сам Бугуруслан. Но противник продолжал теснить 1 бригаду 27 дивизии. В то время когда правый фланг 5 армии (2 бригады 25 дивизии, 26 дивизия и бригада 27 дивизии) подходил к Бугуруслану, 4 Уфимская и 6 Уральская дивизии противника охватывали левый фланг наступавших, угрожая отрезать сообщение 5 армии с Самарой, где находился ее штаб.

ПРИКАЗ ПО 25 ДИВИЗИИ О ЗАКРЕПЛЕНИИ ЗАНЯТОЙ ПОЗИЦИИ НА ПРАВОМ БЕРЕГУ РЕКИ КИНЕЛЬ

№067, дер. Любавино (Петровка) 1 мая 1919 г.,

24 ч

Противник сбит и в панике отступает на северо-восток. Чтобы не дать противнику оправиться и закрепить позицию на правом

берегу реки Кинель, приказываю:

Командиру 74 бригады занять деревни Понигли, Наумовка, Марьинка.

Командиру 75 бригады занять деревни: Евсеево, Любавино (Петровка), Журавлевка.

С занятием 223 полком деревни Любавино (Петровка) был замечен переправляющийся противник через реку Кинель. Ввиду этого 223 полк не остановился, перешел на ст. Заглядино, откуда был противник выбит. Чтобы не дать (противнику) закрепиться на правой стороне р. Кинель, приказываю во что бы то ни стало частям 25 дивизии переправиться на другую сторону р. Кинель и занять деревни Верх. Заглядино и Ниж. Заглядино, где и укрепиться до подхода 73 бригады 2 5 стрелковой дивизии и 92 бригады Туркестанской армии.

Командиру 7 4 бригады занять участок от дер. Верх. Заглядино (включительно) и до с. Завьяловка (включительно), откуда связаться с 2 6 дивизией.

75 бригаде, 223 полку и 75 кавалерийскому дивизиону при выбитии противника из дер. Верх. Заглядино отойти в резерв в дер. Ниж. Заглядино.

С подходом 225 полка немедленно переправиться через р. Кинель и занять с. Асекеево совместно с 73 кавалерийским дивизионом, который временно входит в состав 25 стрелковой дивизии.

Командиру 75 бригады восстановить тесную связь с командиром 73 бригады т. Кутяковым.

По занятии вышеуказанных пунктов прошу донести мне, после чего будет дано новое распоряжение.

Командиру гаубичной батареи к 12 часам 2 мая во что бы то ни стало прибыть с гаубичной батареей на ст. Заглядино, для чего даю право пользоваться обывательскими лошадьми. Прибытие необходимо для борьбы с 6-дюймовыми орудиями, действующими со стороны противника.

Командирам бригад во что бы то ни стало обеспечить себя огнестрельными припасами, в чем обязать командиров парков и начальников артиллерийского снабжения. За недоставку огнеприпасов виновных привлекать к ответственности и расстреливать на месте.

Ввиду отдаленности отделов снабжения от железной дороги и отсутствия подвод обязать выпечку хлеба производить на месте местным населением и в случае отказа в выпечке хлебы арестовывать.

Раненых направлять в г. Бузулук в 73 лазарет.

Я буду находиться в дер. Любавино (Петровка), куда и

присылать донесения.

НАЧДИВ 25 СТРЕЛКОВОЙ ЧАПАЕВ
ВОЕНПОЛИТКОМ Д.М. ФУРМАНОВ
ПОМНАШТАДИВА ПО ОПЕРЧАСТИ НОВИКОВ

1 мая Фрунзе получил директиву командующего войсками фронта за №01706 с указанием, что Туркестанская армия (73 бригада) слишком резко поворачивает на северо-восток, что ведет к рассредоточению сил и не способствует выполнению основной задачи — разгрому 3-го Уральского корпуса. Командующий войсками требовал, чтобы группа 5 армии овладела Бугурусланом и повернула на северо-запад в общем направлении на Шалашниково. А ударную группу следовало направить на Бугульму.

В исполнении этой директивы 1 мая Фрунзе отдал приказ за №023, в котором говорилось, что противник, пытавшийся овладеть Оренбургом, отброшен частями оренбургской группы. Он понес большие потери, в том числе более 1500 пленными. На левом фланге 1 армии части 24 дивизии отбросили противника в районе Богородское. Наступление Туркестанской и правого фланга 5 армии идет успешно.

Но бугурусланская и бугульминская группы 5 армии под напором противника продолжают отходить. При содействии передаваемых в подчинение подкреплений надлежит уничтожить группу противника, действующую юго-восточнее Сергиевска, затем отбросить и бугульминскую на север, отрезав ей сообщение с Уфой.

Приказ, вызванный решениями командованием фронта и главкома, вносил нежелательные коррективы в план Фрунзе. Ударная группа не выводилась в тыл бугурусланской группе белых, что позволяло противнику произвести своевременный отход.

Таким образом, вместо направления основных усилий на северо-восток во фланг и тыл Западной армии войска поворачивались на северо-запад, на вклинившегося противника. Это привело к разделению единой по замыслу операции на две самостоятельные — на Бугурусланскую и Белебейскую.

И все-таки повернуть всю Туркестанскую армию на северо-запад Фрунзе не решился. Двумя днями позже он взял только 73 бригаду и присоединил к 25 дивизии в 5 армию. В разговоре 2 мая с начальником штаба фронта Михаил Васильевич сообщил:

«Я глубоко расхожусь с комвостфронтом, который от меня требовал под давлением, по моим предположениям, главкома обращения всей туркармии на северо-запад. Направлению на Белебей я придаю настолько серьезное значение, что убедительно настаиваю на немедленной передаче мне бригады 4 дивизии, ибо сейчас у меня никаких резервов нет».

А на замечание начальника штаба фронта о вялых действиях Туркестанской армии Фрунзе ответил:

Вялые действия флангов 5 армии, включая сюда и части туркармии, нервируют и возмущают и меня самого; для придания им большей активности, я решился на следующие меры: командирую в 25 дивизию и во 2 дивизию своих специальных представителей для толкания их вперед. Надо вам сказать, что 25 дивизия есть продукт в значительной своей части прежнего быта 4 армии с целым рядом свойственных этой армии недочетов, и в силу этого, при управлении такими частями, приходится считаться больше, чем следовало бы с моментами персонального свойства. Сейчас вызываю к аппарату командарма — 5, которому еще раз хочу подтвердить необходимость стремительного захождения в направлении на Бугульму и ст. Дымка... Я постараюсь толкнуть правый фланг 5 армии самым ускоренным темпом вперед, и, возможно, нам удастся отрезать противника от Уфы где-нибудь в районе Бугульмы, что вызовет отход его к северу. Этот отход должна бы не допустить своими решительными действиями наша бугульминская группа, но, признаться, такой прыти я от нее не ожидаю.

РАСПОРЯЖЕНИЕ ЧАПАЕВА КОМАНДИРАМ 74 и 75 БРИГАД О ПЕРЕХОДЕ В РЕШИТЕЛЬНОЕ НАСТУПЛЕНИЯ И ПЕРЕПРАВЕ НА ПРАВЫЙ БЕРЕГ р. КИНЕЛЬ

№034, дер. Любавино (Петровка) 2 мая 1919 г.,
20 ч

Комбригу 74 приказываю сегодня в 22 часа перейти в решительное наступление всеми полками бригады и во что бы то ни стало переправиться на тот берег р. Кинель в районе дер. Козловка. Если не удастся переправиться у дер. Козловка, то немедленно 221 и 222 стрелковые полки перебросить к дер. Александровка, где и произвести переправу на тот берег р. Кинель, занять Красную и Завьяловку, откуда оказывать

содействие в переправе частям 7 5 бригады. При переправе пользоваться всеми средствами, а инженерную роту обязать немедленно навести мосты.

Для того чтобы выбить противника из дер. Ниж. Заглядино и навести на него панику, а также для облегчения переправы разрешаю зажечь дер. Ниж. Заглядино. При свете огня противник будет виднее и его легче брать на мушку, наша же сторона будет находиться в темноте, что облегчит возможность переправы на тот берег р. Кинель.

Комбригу 75 приказываю: одновременно с 74 бригадой также перейти в наступление, перейти на тот берег р. Кинель и занять дер. Асекеево, не останавливаясь ни перед какими мерами.

НАЧДИВ 25 ЧАПАЕВ

ВОЕНПОЛИТКОМ ФУРМАНОВ

Решение командования фронта вносило изменения не только в намерения Фрунзе, но и сказывалось на непосредственных исполнителях. Они не всегда успевали за устремлениями военачальников. Ведь всего сутками раньше приказом отмечались их успешные действия, и за это время 25 дивизия, наступавшая на Заглядино, взяла направление северо-восточнее, на Белебей. Теперь же требовалось повернуть на северо-запад.

А как же сопротивление противника? И что же сказать об условиях наступления в весеннюю распутицу, в пору разлива рек и речушек?

К примеру, для переправы через реку Кинель Чапаевым было приказано мобилизовать у населения все бочки для наведения саперами «понтонных» переправ.

Население с большим трудом отдавало в одночасье нажитое имущество, и все-таки ночью переправы были наведены. Большая часть пехоты переправилась. Переправилась совсем неожиданно для противника...

Трудное положение 25 дивизии еще более усугубилось тем, что командир вновь сформированной в Самаре 74 бригады перешел к белым, раскрыл группировку советских войск и решения командования последних приказов.

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА 25 ДИВИЗИИ О ПЕРЕПРАВЕ ЧАСТЕЙ ЧЕРЕЗ Р. КИНЕЛЬ

№038, дер. Любавино (Петровка) 3 мая 1919 года,

9 ч

Доношу, что 2 батальона 221 полка 2 мая в 23 часа 40 минут в районе ст. Заглядино переправились на правый берег р. Кинель. 3 мая в 3 часа начали переправляться батальоны 223 и 225 полков. Во время переправы наших частей противник стрелял залпами в течение 15 минут. 221 полк, 73 кавалерийский дивизион в 22 часа 3 0 минут 2 мая переправились через р. Кинель в районе дер. Козловка. 2 мая артиллерия противника с утра начала обстреливать ст. Заглядино и продолжала до самого вечера, выпустив около 500 снарядов . С нашей стороны 4 ранено.

НАЧДИВ 25 СТРЕЛКОВОЙ ЧАПАЕВ

ВОЕНПОЛИТКОМ ФУРМАНОВ

В течение 2 и 3 мая 75 бригада продвинулась с боями более 30 километров. Она заняла Верхнее и Нижнее Заглядино. В ночь на 4 мая части 6 и 7 дивизий 3-го Уральского корпуса белых отошли на 15 километров севернее Бугуруслана. А уже утром 4 мая 26 дивизия красных заняла Бугуруслан, а Сергиевский сводный полк — Сергиевск.

Противник, оказывая местами упорное сопротивление, полномерно отступал.

Поняв угрозу в районе Бугуруслана, которому белые особого значения не придавали, своевременно приняли меры по приостановлению своей перегруппировки сил. В Белебее заканчивалось формирование резервного корпуса генерала Каппеля.

В сложившейся обстановке М.В. Фрунзе отдал приказ № 024, смысл которого заключался в бугурусланской, Сергиевской и бугульминской групп противника. Приказывалось передать 73 бригаду из Туркестанской в 5 армию; Туркестанской армии — овладеть железной дорогой на участке Сарай-Гир; 5 армии развивать наступление правым флангом в направлении станции Дымка.

Этим приказом в корне менялась идея контрудара, задуманного Фрунзе. Теперь главная задача возлагалась на 5 армию. Туркестанской же армии отводилось обеспечение операции 5 армии по окружению и разгрому противника.

РАПОРТ ЧАПАЕВА КОМАНДУЮЩЕМУ 5 АРМИЕЙ

М.Н. ТУХАЧЕВСКОМУ О ВОЗВРАЩЕНИИ 73 БРИГАДЫ В ПОДЧИНЕНИЕ 25 ДИВИЗИИ

3 мая 1919 года

Прошу вашего ходатайства через командующего (Южной) группой об изъятии 73 бригады из подчинения Туркестанской (армии), так (в) дальнейшем работать не представляется никакой возможности — двигаться вперед с двумя бригадами. Туркестанская армия не выполняет своего назначения, которой дадена задача зайти в тыл противника, отрезать путь отступающим частям, получается совершенно наоборот: 92 бригада, которую разделяет 73 бригада, совместно не идет с нашими частями . Она тянется в тылу и нисколько не торопится идти на помощь нашим усталым войскам, прошедшим та- кой трудный переход в трехдневный срок — около ста верст. (Части) вверенной мне дивизии переправляются через реку Кинель в районе Козловка. Противник подтягивает большие силы, желая сбить наши части с занятых высот, почему требуется необходимая поддержка, ввиду (чего) прошу 73 бригаду.

НАЧДИВ 25 СТРЕЛКОВОЙ ЧАПАЕВ
ВОЕНПОЛИТКОМ ФУРМАНОВ

Операция, проведенная с 28 апреля по 24 мая, положила начало решительному перелому в борьбе с армией Колчака.

Достигнутый успех зависел от действий 1 армии и 25 дивизии, которые нанесли сокрушительные поражения частям генерала Белова и б Уральскому корпусу.

Только наступление 25 дивизии вынудило противника к приостановлению наступления и отходу.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ЛЕТЧИКА ПЕТРА СЕМЕНОВА:

...В период Уфимской операции, — отмечал Фрунзе, — мною лично давались задания авиаотрядам Южной группы... Летчики, несмотря на затрудненные технические условия, выполняли успешно все возлагаемые на них задачи, и авиация принесла значительную долю пользы в указанной операции».

По словам Семенова, в Бугуруслан, где находился армейский штаб, он прибыл 2 июня. В штабе ему сообщили, что его ждет Фрунзе, который едет на поезде к станции Чишма. Семенов поинтересовался, когда нужно лететь в Чишму. «Наверное, завтра или послезавтра», — ответил штабист.

Через день в Чишме на вокзале к Петру подошел высокий молодой человек в кожаной тужурке, перепоясанной ремнями.

— Вы Семенов? — спросил он и, получив утвердительный ответ, кивнул в сторону небольшого поезда, стоявшего на первом пути. — Прошу!

Предстоящая встреча с известным деятелем, занимающим высокий пост, сильно взволновала Семенова. В его воображении рисовался крупный брюнет с энергичным лицом, горбатым носом — вроде Багратиона. Как же он удивился, когда увидел Михаила Васильевича. Тот сидел за столом на диванчике, около входной двери. Выглядел Фрунзе молодо, хотя белое лицо со свежим румянцем окаймляла бородка. Большего всего его молодил взгляд светло-серых, даже голубых глаз. И короткая, «ежиком», стрижка.

Вагон командарма, не разгороженный на купе, представлял собой довольно просторный салон. Мебели было немного — стол и диванчик у входа, стулья вдоль стен.

Семенов отрапортовал о своем прибытии, и Фрунзе пожал ему руку.

Затем Михаил Васильевич подвел Петра к висевшей на стене оперативной карте, отдернул прикрывавшую ее зеленую шелковую занавеску и, показывая на зеленые пункты, разъяснил обстановку на Уфимском участке фронта. Части Туркестанской армии уже в нескольких местах вышли на берег Белой, и теперь им предстояло форсировать реку. В боевой операции по овладению Уфой командующий отводил авиационным отрядам особую роль.

Приказ № 024 Фрунзе уточнил с началом общего отхода противника. 6 мая Туркестанской армии была поставлена задача наступать из района Сарай-Гир на Белебей, а в дальнейшем выйти на бугульминскую дорогу севернее Белебея; 1 армии — наступать на Шафраново 24 дивизией, на Стерлитамак — 20 дивизией. 4 и 5 армиям задачи не менялись.

ПРИКАЗ ПО 25 ДИВИЗИИ О ВЫСТУПЛЕНИИ С ЦЕЛЬЮ ОТРЕЗАТЬ ПУТИ ОТСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВНИКА НА БУГУЛЬМУ

№069, дер. Любавино (Петровка) 4 мая 1919 г.,
20 ч

Натиска 25 дивизии противник не выдержал и поспешно отступает, не задерживаясь на самых удобных позициях, укрепленных природой.

Несмотря на утомление от сверхъестественных больших переходов, не останавливаясь ни перед какими препятствиями, красноармейцы 2 5 дивизии гордо идут вперед, чем подняли дух красноармейцев 2 6 дивизии, которая, несмотря на великое сопротивление противника, задержавшегося в г. Бугуруслан, выбила его, который и отступает в беспорядке на Бугульму.

Частями 2 6 дивизии заняты следующие пункты: Лобовка, Васильевка, Валентиновка, и передовой отряд занимает северо-западную сторону дер. Елатманка.

Согласно приказу штарма 5 за №- 839 Н от 4 мая сего года 73 бригада выделяется из состава Туркестанской армии и передается в распоряжение начдива 25 стрелковой.

Задача нашей дивизйи — отрезать противника и не дать ему возможности отступить на Бугульму, части которого находятся в районе дер. Сидоровка, ст. Кабанова, Сергиевск и далее к р. Кондурча в направлении на ст. Тенеево. Под сильным ударом наших войск и занятием ст. Клявино противник будет совершенно отрезан от тыловых баз, чем и лишим его боеспособности.

Для обеспечения нашего правого фланга подошла 31 дивизия Туркестанской армии, которая занимает дер. Мордовская Асекеева (Алексеевка), откуда выступила на дер. Бестужевка (Карамзина) и Григорьевка, что на правом берегу р. Б. Мочегай.

Во исполнение задач 25 дивизии приказываю:

а) 73 бригада: т. Кутяков:

217 стр. полк — 3 батальона
218 стр. полк — 3 батальона
219 стр. полк — 3 батальона
73 кавдивизион — 1 эскадрон
25 кавдивизион — 2 эскадрона
73 артдивизион, пулеметов — 57

Итого: 9 батальонов, 3 эскадрона, 57 пулеметов, артдивизион. Выступить частям вверенной вам бригады из занимаемых пунктов в 12 часов 5 мая сего года и поспешить с передвижениями их на линию дер. Молчановка, Староверовка (все включительно). С прибытием передовых частей на станцию Заглядино известить меня для указания дальнейших действий.

б) 74 стрелковая бригада:

220 стр. полк — 3 батальона
221 стр. полк — 3 батальона
222 стр. полк — 3 батальона
74 кавдивизион — 2 эскадрона
артдивизион — 3 батареи
мусульманский батальон — 1
саперная рота — 1

рота связи — 1
пулеметов — 36

Итого: 10 батальонов, 2 эскадрона, 3 батареи, 1 саперная рота и рота связи, 36 пулеметов. Выступить с места настоящей стоянки в 7 часов 5 мая сего года и занять дер. Ключевка, Староверовка и Пронькино.

Разведку выслать в деревни Каменка (Найкина) и Рождественская. О подробностях донести мне.

в) 75 стрелковая бригада, т. Потапов:
223 стр. полк — 3 батальона
225 стр. полк — 3 батальона
75 кавдивизион — 2 эскадрона
артдивизион — 6 орудий
гаубичная батарея — 4 орудия
рота связи
пулеметов — 50

Итого: 6 батальонов, рота связи, 2 эскадрона, 10 орудий и 50 пулеметов.

Выступить из села Тюрино (Белое Озеро) в дер. Еселевка в 7 часов 5 мая и с занятием таковой выслать разведку на дер. Молчановка. О результатах донести.

6. Штадиву 25 (оперативной части) - 5 мая перейти в село Красная, откуда восстановить связь вдоль железнодорожной линии со штармом 5, о чем донести мне.

С восстановлением линии со штармом 5 в с. Красная перейти всему штабу.

7. Командиру роты связи 74 стр. бригады восстановить телеграфную линию, ведущую от Бугуруслана на Рождественское, в два провода.

8. Командиру батальона связи со всем гаражом, автомобилями и мотоциклетами выйти из г. Бузулук по тракту на г. Бугуруслан в с. Красная.

9. Донесения присылать в с. Красная, где я буду находиться.

10. Заместители мои: 1) Наштадив 25 т. Луговенко и 2) комбриг 75 т. Потапов. Заместитель политкомдива т. Шумаков.

НАЧДИВ 25 ЧАПАЕВ
ПОЛИТКОМДИВ ФУРМАНОВ
ЗАВ. ОПЕРАТИВНОЙ ЧАСТЬЮ НОВИКОВ

Приказы, спускаемые сверху, запаздывали. Противник с 4 на 5 мая из районов Сергиевск, Шентала уже вышел, и отрезать Сергиевскую группировку от Бугульмы стало невозможно.

Движение Туркестанской армии задерживалось неподготовленностью и осложнялось медленным подтягиванием частей 31 стрелковой и 3 кавалерийской дивизий.

25 дивизия наступала на заходящем правом фланге фронта 5 армии. 5 мая она прошла с боями до 35 километров. Наибольшее напряжение пришлось на 73 бригаду, подходившую из Туркестанской армии.

Вечером того же дня все три бригады вышли на рубеж Молчановка и Староверовка. Хотя перейти в наступление, как требовалось, 6 мая дивизия не смогла из-за неподготовленности.

«Отлично понимая значение нанесения удара на северо-восток, — писал начальник штаба Южной группы Ф.Ф. Новицкий, — Василий Иванович Чапаев по своей инициативе изменил наступление своей дивизии с северного на северовосточное направление, стремясь перехватить пути отхода

противника на Белебей. Движение это не ускользнуло от командования белых, которые очень опасались за свои тылы в результате нашего уклонения на северо-восток».

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОЧЕВИДЦА ТОГО ВРЕМЕНИ ЕРШОВА:

... Фрунзе говорил:

— Нам нужны не столько города, сколько уничтожение основных сил Колчака.

Во всех своих приказах он требовал: «Наступление вести решительно, имея целью не отгонять противника, а окружать его и уничтожать!»

Как опытный забойщик подрубает одну жилку и тем самым обрушивает весь угольный пласт, так и Фрунзе сосредоточенными ударами во фланг и тыл обрушивал Колчаковский фронт. В зависимости от обстановки меняя в деталях направление удара, он все глубже и глубже вклинивался в расположение Колчаковской армии, перерезая сообщения врага, дробя его силы, подтягивая свои резервы...

ПРИКАЗ ПО 25 ДИВИЗИИ О ЗАДАЧАХ ЧАСТЕЙ В ОПЕРАЦИИ ПО ОКРУЖЕНИЮ И ЛИКВИДАЦИИ ПРОТИВНИКА В РАЙОНЕ ЮГО-ЗАПАДНЕЕ БУГУЛЬМЫ

№070, с. Красная 6 мая 1919 года, 7 ч

Части 3 корпуса противника, разбитые в районе Бугуруслана, отступают в северном направлении. Части 11 дивизии 6 корпуса,

подоспевшие к его левому флангу, также разбиты и отступают в северо-восточном направлении на Сарай-Гир. Попытка противника сорвать Бугурусланскую операцию путем захвата наших сообщений в районе ст. Кротовка со стороны г. Сергиевск потерпела неудачу. Уфимская дивизия отбита и отброшена к северу от линии Коржевка, Копытовка и Ниж. Орлянка; ее 1-я бригада, по данным разведки, отходит к северо-востоку к ст. Сок Кармалинское. В районе Бугульминской ж. д. действует 8 дивизия и 16 полк 4-й Уфимской дивизии. Есть сведения, что к нему подходят части 15 полка из района Сергиевска. Прибывающие пополнения противника не желают воевать и сдаются нам сотнями в плен.

Правее нас Туркестанская армия переправляется через р. Б. Кинель и должна наступать на ст. Филипповка и ст. Сарай-Гир. Ее кавалерия должна действовать в северном и северо-восточном направлении к Бугульминской ж.д. для захвата участков и мостов через р. Ик и г. Бугульма.

Левее нас действует 26 дивизия, которая к 5 мая должна занять исходное положение по линии Туруханова, Тергали, Покровское (Сосновка) и с рассветом 6 мая начать решительное наступление и к вечеру того же дня должна достичь линии Кудрино, ст. Ганькино, Покровское. К вечеру следующего дня должна занять линию Никиткино (Балыкла), Давыдкина, Пригодина.

Войскам армии приказано перейти в решительное наступление по всему фронту, окружить и уничтожить противника в районе Сок Кармалинское, Сергиевск и ст. Шентала.

Действия 25 дивизии должны быть особенно решительны и смелы. Дивизии держать тесную связь конницей с Туркестанской армией и выслать надежный боковой авангард...

НАЧАЛЬНИК 25 ЧАПАЕВ
ПОЛИТКОМДИВ ФУРМАНОВ
ЗАВОПЕРЧАСТЬЮ НОВИКОВ

В тот же день, 6 мая, Чапаев пишет еще два приказа. Он совсем издерган, так как запланированное и задуманное не может исполниться по совсем не зависящим от него причинам...

ДОНЕСЕНИЕ В.И. ЧАПАЕВА В ШТАБ 5 АРМИИ С ПРОСЬБОЙ ВЫСЛАТЬ БОЕПРИПАСЫ

С. Красная 6 мая 1919 года, 7 ч

Прошу срочно выслать два вагона огнеприпасов: один вагон снарядов и один вагон патронов ружейных экстренным поездом до ст. Подбельская. Комбриг Авалов, пропавший неизвестно по каким причинам, подвел. В бригаде нет ни одного патрона и ни одного снаряда.

НАЧДИВ ЧАПАЕВ

ПОЛИТКОМ ФУРМАНОВ

И еще один...

ПРИКАЗ ПО 25 ДИВИЗИИ О РЕШИТЕЛЬНОМ НАСТУПЛЕНИИ С ЦЕЛЬЮ ОТРЕЗАТЬ ПУТИ ОТСТУПЛЕНИЯ БУГУЛЬМИНСКОЙ ГРУППИРОВКЕ ПРОТИВНИКА

№071, с. Красная 6 мая 1919 г.

Противник, оказывая слабое сопротивление, под дружным натиском частей 5 армии продолжает наступать на г. Бугульма.

Правее нас наступают части 31 дивизии Туркестанской армии, левее нас наступает 2 6 дивизия.

25 стрелковая дивизия заслужила великую благодарность от командарма 5 т. Тухачевского за блестящие успехи в последних боях, и все взоры 5 армии устремлены на 2 5 стрелковую дивизию, которая своим решительным натиском должна отрезать пути наступления Бугульминской армии противника в районе г. Бугульма и тем покончить эту операцию. Приказано не позже 12 мая

сего года 25-й стрелковой дивизии занять г. Бугульма, во исполнение чего приказываю:

а) Комбриг 73 т. Кутяков:

217 стр. полк — 3 батальона

218 стр. полк — 3 батальона

219 стр. полк - 3 батальона

73 кавдивизион — 1 эскадрон

75 кавдивизион — 2 эскадрона

25 кавдивизион — 1 эскадрон

артдивизион — 2 эскадрона

пулеметов — 60

саперная рота — 1

ИТОГО: 9 батальонов, 5 эскадронов, 15 орудий, 60 пулеметов

и саперная рота.

По занятии 7 5 бригадой дер. Ст. Узели сменить таковую и нанести мощный новый удар противнику с целью занятия дер. Богородское /Русская Бокла/, Сапожникова, Дмитреевское / Русский Кандыз/, где и остановиться на ночлег, выбрав удобную позицию для обороны. Полоса наступления 7 3 бригады справа: дер. Нижняя Павлушкина, Верх. Павлушкина, Андреевка, Ибраева и слева Мордовская Бокла, Алапаева и Моторино — все включительно для 73 бригады, и далее быстрым продвижением в направлении на г. Бугульма, где отрезать пути отступления, сообщения и транспорта противника.

б) КОМБРИГ 74:

220 полк — 3 батальона

221 полк — 3 батальона

мусульманский батальон

222 полк — 3 батальона

74 кавдивизион — 2 эскадрона

артдивизион — 3 батареи

саперная рота - 1

рота связи — 1

пулеметов — 36

ИТОГО: 10 батальонов, 2 роты, 2 эскадрона, 3 батареи, 36 пулеметов.

С занятием дер. Знаменское /Аксаково/ продолжать дальнейшее наступление совместно с 73 бригадой с целью занять дер. Пашкина, Трифоновка, где и остановиться на ночлег. Принять все меры к охране и обороне участка. Полоса наступления для 74 бригады справа: дер. Чекмарево / Александровка/, Пашкина, Трифоновка, — слева, Сок Кармалинское — все для 74 бригады включительно .

в) Комбриг 75 товарищ Потапов:

223 стр. полк — 3 батальона

225 стр. полк — 3 батальона

рота связи — 1

саперная рота — 1

артдивизион — 6 орудий

пулеметов — 50

гаубичная батарея — 4 орудия

ИТОГО: 6 батальонов, 2 роты, 10 орудий, 50 пулеметов.

Двигаться резервом, охраняя правый фланг наступающих частей 25-й дивизии. Указание для согласованного движения с 73 бригадой получить у комбрига 73 Кутякова, причем своевременно ставить меня в известность о полученных указаниях.

4. Разграничительная линия между 25 и 26 дивизиями — село Красная, Лобовка, Алексеевка /Соплевка/, Аненкова, Трифоновка, Черновка — все для 25 дивизии включительно.

5. Комбригам 74 и 75 восстановить телеграфную линию от Бугуруслана, идущую на Бугульму, в каковую будут включаться части 25 дивизии.

6. По занятии частями дивизии у конечных сел и деревень для ночлега и если в таковых не будет удобных позиций для обороны, то разрешается на усмотрение комбригов с совместным соглашением двигаться вперед.

7. Всем командирам точно и неуклонно исполнять боевые приказы одновременно в указанные часы и минуты, дабы не было того, что одна часть отставала, а другая выдвигалась вперед, отчего могут быть столкновения между своими частями. За промедление командиры будут привлекаться к ответственности.

8. Штабу дивизии /начштадиву 25 стрелковой с административным отделом и остальными учреждениями/ выступить 7 мая из с. Пилюгино в с. Красная, по прибытии в которое, не отпуская подводы, немедленно донести мне, на что будет особое распоряжение, где таковому остановиться.

9. Согласно приказу по 5 армии от 4 мая с. г. за № 2 распоряжением начснабарма 5 выдвинуть передовые расходные магазины для 25, 26 и 2 дивизий в район ст. Кротовка и распоряжением начснабарма 5 выдвинуть передовые армейские артиллерийские склады для тех же дивизии к ст. Кротовка.

10. Распоряжением начсанотдела 5 /армии/ для эвакуации больных и раненых по Самаро-Златоустовской железной дороге назначить 3 санитарных поезда и 2 летучки, для чего всех раненых и больных красноармейцев 25 дивизии направлять через г. Бугуруслан. Старшему врачу дивизии открыть передовой перевязочный пункт в г. Бугуруслан.

11. Донесения посылать в с. Красная, где я буду находиться:

а) о занятии деревень и достигнутых рубежах немедленно ,

б) ежедневные — к 6 часам 30 минутам о прошедшей ночи и расположении частей,

в) оперативные — к 15 часам, разведывательные, о потерях и изменениях в расположении частей также к 15 часам.

12. Заместители мои: 1) комбриг 73 тов. Кутяков, 2) комбриг 7 5 тов. Потапов. Заместитель политкома тов. Шумаков

НАЧДИВ 25 ЧАПАЕВ
ВОЕНПОЛИТКОМ ФУРМАНОВ

Две с лишним недели чапаевские полки вели наступательные бои. Они прошли многоверстный путь и очистили от врага большую территории с русскими и татарскими селениями. Теперь же за рекой Ик простиралась башкирская земля...

РАПОРТ В.И. ЧАПАЕВА КОМАНДУЮЩЕМУ 5 АРМИЕЙ М.Н. ТУХАЧЕВСКОМУ О НЕОБХОДИМОСТИ ПРИКРЫТИЯ ПРАВОГО ФЛАНГА ДИВИЗИИ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО НАСТУПЛЕНИЯ

№ 27,с. Дмитриевское /Русский Кандыз/ 12 мая 1919 года

Двигаться вперед не могу до тех пор, пока не подойдут войска для обеспечения моего правого фланга в районе Н. Шалты, что на реке Ик. Противник переходит со стороны Белебея в наступление. Весь день 11 мая с ним был бой за овладение переправой через р. Ик. Ввиду этого передвижение на север без обеспечения правого фланга невозможно. С подходом частей Туркестанской армии задача будет выполнена.

НАЧДИВ 25 стрелковой ЧАПАЕВ
За политкома /подпись неразб./

Командующий Южной группы Михаил Васильевич Фрунзе, прибыв лично 10 мая в район боевых действий 25 дивизии, с чувством гордости отметил высокодоблестное поведение всех войск 25 дивизии, полки которой вновь нанесли страшное поражение врагу, целиком разгромив всю Ижевскую бригаду противника и пленив свыше 1500 человек. Поздравляя войска дивизии с победой, командующий благодарил именем рабоче-крестьянской России всех товарищей красноармейцев, всех командиров и комиссаров.

Чапаевцы стояли на берегу реки Ик. Там, на противоположном берегу колчаковцы сильно укрепились, рассчитывая остановить на этом рубеже красные войска.

Вражеские батареи полевых орудий, бронепоезда, многочисленные пулеметные гнезда открывали ожесточенный огонь, как только советские части входили в левобережные деревни от Уруссы до Исергапово.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ЧАПАЕВЦА ЕВЛАМПИЕВА ПЕТРА СЕМЕНОВИЧА:

...Первой форсировала реку 75 бригада, действовавшая на южном фланге. 223 полк 13 мая вошел в Новосулли и Старосулли, а на другой день упорной атакой, доходившей до штыковых схваток, занял село Усман-Ташлы. В самых опасных местах появлялись среди бойцов, воодушевляя их, командир полка Иван Ершов и комиссар Гавриил Шарапов. 15 мая они повели свой полк на село Суккулово. Массированный ружей- но-пулеметный и орудийный огонь противника вынудил залечь в поле. Сюда прибыл комбриг Федор Потапов, комиссар бригады Л. Шумаков, командир артдивизиона А. Павлинов. Организовав четкую работу батарей пулеметных команд, они помогли красноармейским цепям приблизиться к позициям белых. Полк дружно поднялся в штыковую атаку, во время которой люди проявляли невиданную отвагу. Геройски дрался командир 8-й роты Петр Завьялов: он лично уничтожил шесть колчаковцев и сам погиб от винтовочного залпа.

Более шести часов продолжался бой за Суккулово. И когда наконец все стихло, из домов стали выглядывать, а потом и выходить на улицу местные жители. Они приветливо улыбались, подходили к нашим бойцам, затевали разговор. Крестьяне проявили доброе гостеприимство: накормили чапаевцев, предоставили лучшие помещения для отдыха, помогли похоронить погибших товарищей. Из показаний пленных выяснилось, что дело пришлось иметь с 15-м полком 4-й уфимской дивизии белых, который, понеся серьезные потери, отступил к Нижне-Троицкому заводу.

В те же дни 225-й полк, возглавляемый командиром Иваном Решетниковым и комиссаром Сергеем Алляновым, с боями занял Старошахово, а конники 25-го и 75-го кавдивизионов продвинулись на Елань-Чишму.

Две другие бригады, 73-я и 74-я, находившиеся севернее, после неудачных попыток сбить противника у железнодорожного моста близ Апсалямова, перешли реку Ик в районе Кзыл-Яра, где саперами был наведен деревянный настил.

15 мая в 3 часа дня здесь переправился Домашкинский полк во главе с командиром Сергеем Соколом и военкомом Федором Антоновым. Следом шел передовой отряд Пугачевского полка, состоящий из 1-го батальона Василия Петрова и инструкторской школы с начальником Федором Сундуковым. Командовал авангардом пугачевцев помощник комполка Алексей Потапов. На правом берегу эти части наступали на Уязы-Тамак. Успеху пехоты содействовал кавалерийский эскадрон домашкинцев под командой Агата Аскерова, который зашел в тыл противника и лихим налетом расстроил его ряды.

Оборонявшему село 13-му Уфимскому полку белых был нанесен огромный урон. Только пленных взято шестьдесят человек. Захвачено три орудия, пулеметы, повозка с телефонными аппаратами, три походные кухни и другие трофеи.

Начальник 4-й Уфимской дивизии генерал Косьмин, видимо, был сильно озлоблен поражением двух своих полков. Пытаясь сорвать дальнейшую переправу чапаевцев, вечером 15 мая он бросил на Кзыл-Яр 16-й полк — свежую часть, сформированную пять месяцев назад в Бирском уезде. Вначале удалось вроде бы кое-чего добиться: артиллерия разрушила деревянный мост. Но красноармейцы, действуя под огнем, за несколько часов восстановили переправу. А когда стемнело, два пугачевских батальона и полк имени Степана Разина перемахнули на правый берег, развернулись в боевой порядок и подошли близко к вражеским позициям, расположенным на возвышенности. После тревожной ночи, лишь рассвело, разгорелся бой. Дорого обошелся он противнику. Занимая господствующие высоты, командир неприятельского полка не решался на атаку, в немалой степени потому, что среди солдат, насильно мобилизованных, шел глухой ропот. И стоило чапаевцам перейти к штурму холма, как из 4-й роты белых шестьдесят солдат сдались в плен, убив перед этим ротного офицера.

На правобережье Ика Пугачевский полк взял направление к Муллино, а Разинский — на Кажай-Андреево. У села Муллино пугачевцы, которых вел командир полка Алексей Рязанцев, отбили несколько яростных атак и, как говорится, на плечах противника ворвались в Заитово.

Сызранский полк, двигаясь вслед за пугачевцами из Заитова, совершил марш-бросок на Нарышево и смелой атакой занял это село.

Дольше других задержались на левом берегу Иваново-Вознесенский и Интернациональный полки. Находясь в районе Уруссы-Апсалямово, они перестрелкой сковывали силы колчаковцев, а затем, дождавшись пришедших на смену частей 26-й дивизии, тоже переправились по кзыл-ярскому мосту.

Таким образом, 13-17 мая вся Чапаевская дивизия вступила на территорию Башкирии, начав энергичные действия по освобождению её от колчаковской тирании. Уже в первых башкирских селах красные воины встречали теплый, радушный прием. Местные жители — и старики, и молодежь — оказывали нам всяческую помощь: становились проводниками, снабжали продуктами и фуражом, предоставляли ночлег. К тому же в каждом селении присоединялись добровольцы — где несколько парней, где большая группа, а иные — с добытым ранее оружием

или конем...

Так писал Евлампиев. Но по сводкам и докладам самого Чапаева многое выглядело совсем иначе. И вот пример:

ИЗ ПРИКАЗА ПО 25 ДИВИЗИИ О НАСТУПЛЕНИИ НА БЕЛЕБЕЙ

№078, с. Поповка 16 мая 1919 года,
15 ч 15 мин.

..Л. Замечается злостное явление со стороны местного населения в порче телефонных и телеграфных проводов и убийстве в ночное время надсмотрщиков.

Вменяется в обязанность всем политкомам и командирам частей объяснить местному населению и предупредить, что впредь за такие явления и укрывательство бандитов все местные власти будут арестованы, преданы суду и, в крайнем случае, расстреляны...

Поведение местного населения было различным, но все же чаще, увы, не в пользу красных... Хотя и от колчаковцев оно испытывало всяческое притеснение. Народ не верил никому. Даже себе. Ведь брат шел на брата, отец на сына, село против села. Гражданская война. Война, война, война. Народ мучался и, в общем, почти ни в чем не мог до конца разобраться... Побеждала та сторона, которая лучше вела агитацию населения за свои убеждения.

Белебею колчаковское командование придавало очень серьезное значение. Оно понимало, что дальше, до реки Белой, трудно где-либо зацепиться. Поэтому большие надежды возлагались на прибывший сюда из сибирского стратегического резерва Волжский корпус Каппеля, которого Колчак недавно произвел в генералы. Правда, в каппелевских частях произошли крупные неприятности. Из 10-го Бугульминского полка, окруженного близ села Чегодаево, свыше семисот человек взято в плен. 11-й Сенгилеевский полк, насчитывавший тысячу штыков, в деревне Кажай-Максимов- ка разбежался кто куда, многие перешли на сторону красных. Под деревней Городецкой 9-я рота 50-го Арского полка почти вся сдалась в плен с оружием. Не

верилось генералу, что такого не случится со свежим 49-м Казанским полком. Он лишь 13 мая высадился из эшелонов в Белебее и сразу же был брошен для закрытия разрыва между 4-м гусарским полком и Симбирской дивизией...

Но, увы, случилось! Отойдя всего семь верст от города, утром 15 мая в Алексеевке взбунтовался 3-й батальон казанцев.

Солдаты убили батальонного штабс-капитана Хитрова и с вооружением, с приданной артиллерийской батареей, отправились навстречу красным войскам. Мало того, заодно с рядовыми оказались офицеры — два поручика, пять прапорщиков, капитан-артиллерист. Почти тысячи «защитников Белебея» снова лишился Каппель.

В то время как в рядах противника началось разложение, советские войска действовали довольно слаженно. С юга и запада через Куроедово (Надеждино) наступали 31-я стрелковая дивизия и кавалерийская бригада И.Д. Каширина. Севернее Белебея, угрожая его тылу, шла чапаевская 75-я бригада, усиленная конными подразделениями. Стрелковые полки, выступив из Суккулово, двигались через Елань-Чишму и Баймурзино. Кавалерийские дивизионы 25-й (командир Суров, военполитком Наумов) и 75-й (командир Потапов, военком Котов), опережая пехоту, быстро мчались в обход города. Вечером 17 мая чапаевские кавалеристы, сбивая огнем и клинками сопротивляющихся каппелевцев, ворвались на северные улицы. Одновременно в западный район влетел 13-й казачий имени Степана Разина полка под командой А.Е. Карташева. Южной окраиной овладели 274 и 275-й полки 31-й дивизии (начдив Д.Д. Малявинский, военком Терехов).

Быстрое овладение Белебеем вовсе не означало, что победа далась легко. Со стороны противника в бою участвовали три каппелевских полка, два бронепоезда. Потери белых (согласно оперативной сводке № 0116 Туркармии) составили 696 человек; в красных частях было шестьдесят раненых, а кавалерия потеряла сто лошадей.

ИЗ ДНЕВНИКА ФУРМАНОВА:

Белебей, 19 мая ЧАПАЙ

...Чапай устал. Он переутомился мучительной, непрерывной работой. Так работать долго нельзя — он горел, как молния. Сегодня подал телеграмму об отдыхе, о передышке.

Да тут еще пришли вести с родины, что ребята находятся под угрозой белогвардейского нашествия, — ему хочется спасти

ребят. Телеграмму я ему не подписал.

Вижу, что мой Чапай совсем расклеился. Если уедет — мне будет тяжело. Мы настолько сроднились и привыкли друг к другу, что дня без тоски не можем быть в разлуке. Чем дальше, тем больше привязываюсь я к нему, тем больше привязывается и он ко мне. Сошелся тесно я и со всеми его ребятами. Все молодец к молодцу — отважные, честные бойцы, хорошие люди. Здесь живу я полной жизнью.

ПРИКАЗ ПО 25 ДИВИЗИИ О ПОДЧИНЕНИИ Е...

В ОПЕРАТИВНОМ ОТНОШЕНИИ ТУРКЕСТАНСКОЙ АРМИИ И НАНЕСЕНИИ РЕШИТЕЛЬНОГО УДАРА ПО ПРИБЫВШЕМУ В РАЙОН БЕЛЕБЕЯ БЕЛОГВАРДЕЙСКОМУ КОРПУСУ КАППЕЛЯ

№079, с. Поповка 17 мая 1919 год,

15 ч

1. Согласно полученному приказу из штарма Южной группы за № 01591 от 15 мая сего года и приказа по Туркармии № 09 от 16 мая 25 дивизия с 24 часов 16 мая сего года в оперативном отношении выходит из 5-й армии и подчиняется командарму Туркестанской армии.

2. Приказ по дивизии за № 078 отменяется ввиду невозможности выполнения такового из-за снесения водой мостов через р. Ик, отчего задержан подвоз патронов, снарядов и фуражного довольствия.

3. За время подхода транспорта всем комбригам вменяю в обязанность произвести перегруппировку войск в бригадах и приготовиться к нанесению решительного удара противнику.

Сделать предварительную разведку, дабы отыскать лучшие подступы к пунктам, занимаемым противником, чтобы с движением вперед не было ни одного лишнего шага.

4. В районе Белебей, Волго-Бугульминская жел. дороги сосредотачиваются части противника /корпуса Капелля/, который готовится нанести нашим войскам удар. Дабы не дать противнику оправиться, задача нашей дивизии — вновь нанести решительный удар, от которого противник не мог бы уже оправиться.

5. Правее нас действуют части 31 дивизии и 3 кавалерийский дивизион Туркармии, левее нас - части 2 6 дивизии.

6. Во исполнение поставленных дивизии задач приказываю :

а) Командир 25 отдельного кавдивизиона т. Суров:

25 кавдивизион — 2 эскадрона

73 кавдивизион - 1 эскадрон

74 кавдивизион — 2 эскадрона
75 кавдивизион — 2 эскадрона

ИТОГО: 7 эскадронов. Всем командирам кавдивизионов войти в подчинение т. Сурову, которому выступить в 4 часа 19 мая из района Н. Троицкий /бывший завод/, незаметно пробраться лесом и долинами в обход между деревнями Карсали, Тузлукуш, откуда, разделившись — два дивизиона на север и два дивизиона на юг, — нанести с тыла удар противнику на дер. Карсали и Тузлукуш, сжечь все мосты через р. Усень с целью перехватить все бегущие части и обозы противника от напора нашей дивизии.

б) Комбриг 7 5 т. Потапов:
223 полк - 3 батальона
225 полк — 3 батальона
рота связи, саперная рота
артдивизион — 6 орудий
гаубичная батарея — 4 орудия
пулеметов — 50

ИТОГО: 6 батальонов, 2 роты, 10 орудий и 50 пулеметов.

225 гюлк в 4 часа 19 мая двинуть из дер. Елань-Чишма, которому, выйдя на опушку леса и перекресток дорог, что между деревнями Савкина и Михайловское, ударить во фланг и тыл противнику, находившемуся в дер. Савкина и Александровка. 223 полку ударить противника с фронта на дер. Елизаветино и Александровка с северо-западной стороны, чтобы заставить противника отступить прямо в руки 225 полку. С занятием указанных пунктов бригаде продолжать движение на дер. Самойлово и Анновка, которые занять не позднее 19 мая.

в) Комбриг 73, т. Кутяков:
217 полк — 3 батальона
218 полк — 3 батальона
219 полк — 3 батальона
артдивизион — 15 орудий
пулеметов — 60
саперная рота — 1

Итого: 9 батальонов, 15 орудий, 60 пулеметов и саперная рота.

Выступить из района Н. Троицкий /бывший завод/, В. Троицкий в 4 часа 19 мая с целью не позднее 19 мая занять деревни Екатериновка, Чеганды, Карсали и Кармала /Губеева/.

г) Комбриг 74:
220 полк — 3 батальона
221 полк — 3 батальона
222 полк — 3 батальона
артдивизион — 3 батареи

саперная рота, рота связи
пулеметов — 36
Итого: 9 батальонов, 2 роты, 3 батареи и 36 пулеметов.

Оставить один полк для прикрытия левого фланга в дер. Н. и В. Башниды, остальным частям выбить противника из дер. Константиновка и Такаево, каковые занять не позднее 19 мая, выслав разведку перед фронтом и влево для связи с частями 2 6 дивизии.

7. Разграничительная линия между 31 и 2 5 дивизиями деревни Ермекеева, Семено-Макарова, Знаменское /Кутуза/, Трунтаишева и Аклаева — все для 31 дивизии включительно. Между Туркестанской и 5 армиями — Заитово, Усла-Ташлы, Н. Башниды, Константиновка, Яман Купыр, Сапаева и ж.д. ст. Усманова — все для Туркестанской армии включительно.

8. Оперативному отделу дивизии 18 мая сего года перейти в деревню Дмитриевка /Бакала/, а остальным отделам штаба дивизии оставаться в с. Поповка, впредь до особого распоряжения.

9. Комбату связи т. Чернову оставить один промежуточный аппарат «Морзе» в с. Поповка, а остальному телеграфу перейти в деревню Дмитриевка /Бакала/.

10. Донесения присылать в дер. Дмитриевка /Бакала/, а с 12 часов 19 мая в В. Троицкий завод, где я буду находиться.

11. Заместители мои: 1) комбриг 73 товарищ Кутя- ков, 2) комбриг 75 товарищ Потапов.

Заместители политкома: 1) т. Шумаков и 2) тов. Пестов.

НАЧДИВ 25 СТРЕЛКОВОЙ ЧАПАЕВ
ПОЛИТКОМДИВ ФУРМАНОВ
ЗАВ. ОПЕРАТИВНОЙ ЧАСТЬЮ НОВИКОВ

Итак, Белебей взят. Дальше Уфа, а еще дальше Гурьев и колоссальные запасы нефти... Все это Чапаев осознает и старается, старается изо всех сил верой и правдой служить Отечеству. Но силы иссякают, передышки в боях нет, а приказы из штаба Реввоенсовета не совпадают с реальностью...

Белебей взяли к вечеру 17 мая совместным ударом 75-й бригады Потапова, конников сводного отряда Сурова и соседских частей, действовавших довольно согласовано с Чапаевской дивизией. Это были 31-я стрелковая и 3-я кавалерийская, что доказывало правильный расчет Чапаева и слаженные действия красных командиров.

Колчаковцы крепко цеплялись за Белебей. Они рассчитывали

на этот рубеж не допустить ни одного красного. Нарыли окопов, загородились колючей проволокой, пригнали резервные войска. А еще — подтянули бронепоезда, служили молебны, ходили крестным ходом с иконами, взывая ко Всевышнему...

Не помогло.

Как прорвавшая плотину река, неудержимо ринулись чапаевцы к городу, рассыпаясь по его улицам и переулкам. Вокруг тысячи звуков: лязг железа, ржанье лошадей, треск догорающих построек, людские выкрики — все смешалось во единый гул.

Бой шел двое суток кряду. В конце вторых суток все постепенно стихло. Красноармейцы греются у костров, толкаются у походных кухонь, ужинают. Неподалеку стоят повозки с ранеными — одни уже не шелохнувшись лежат на самом дне, другие приподнялись и машут руками живым и уцелевшим — прощаются. Да, совсем недешево обошлось освобождение Белебея!

Через пару дней в город прибыл штаб дивизии. У раскрытых дверей, где расположился начдив Чапаев, полно народу. Табачным дымом окутаны ординарцы и обозники. Всяк по своему делу явился — кто с пакетом, кто с какой просьбой. Терпеливо ждут, когда Петр Исаев пропустит к Василию Ивановичу. Но Чапаев выходит сам. Бодрый, подтянутый и энергичный. Пакеты? Принять, передать срочно в оперативный отдел штаба... Увидел забинтованных обозников — и погрустнел: «Что с вами?»

От самого Кинеля дивизию сопровождали крестьяне, помогая ей на своих подводах побыстрее подбрасывать боеприпасы и фураж к сражающимся батальонам и батареям. Иные и в пекло попадали, и с шальными пулями и снарядными осколками встречались. Не отпустит ли Чапаев домой? Может, башкирами заменит, которым теперь сам Бог велит помочь красным освободителям?..

Василий Иванович улыбается. Расспрашивает: где ранило, чем кормят? Сочувствует: да, далеко от родных мест пришлось забраться... Но отпустить по домам можно только раненых. Приказывает выдать каждому справку, что службу в обозе выполнил достойно, спасибо и за это. А скоро и остальные вернутся к семьям, пусть не беспокоятся, дольше нужного их не задержат.

Ушли обозники — Чапаев старика-башкирца к себе подзывает. Тот, по голосу судя, на что-то жалуется, бумажку протягивает. Василий Иванович читает: «Взял сена и барана в счет Чингизхана». Внизу загогулина подписи и печать закопченного пятака. Сузились глаза Чапаева, помрачнел он. Говорит старику:

— Ладно, разберемся. Подождите немного. — И к Петру Исаеву: — Найди-ка мне Потапова.

Как только тот подошел, спросил его:

— Это, поди, твои озоруют? — и сердито сунул Потапову листок в руки. — Отыщи виновного и накажи. И потребуй строго-настрого, чтобы больше никто не безобразничал.

Потапов занервничал и начал было заступаться за своих хлопцев:

— Ты, Василь Иваныч, не больно-то этих привечай. Тоже хороши гуси! Сена у них не возьми, а сами раненым животы вспарывают...

Стоящий рядом старик, поняв о чем идет речь, заговорил торопливо:

— Бидна люди ни ризил, бай ризал...

Чапаев задумался. Стоял и размышлял — как быть. Потом кивнул Исаеву:

— Проводи отца в канцелярию и скажи там, пусть казначей немедля оплатит за взятое!

И когда они удалились, напустился на Потапова:

— Ты понимаешь, что говоришь? Зачем в одну кучу валишь всех? Известное дело, только кулаки со злобы наших раненых добивают. Бедным-то крестьянам какой резон?

— Понять-то я понимаю, Василь Иваныч, — мнется комбриг. — Да поди разберись, кто у них «бидна», а кто «бай»...

Чапаев удивился:

— Вот так раз! А для чего же голова у тебя на плечах? Ей в таких вещах разбираться положено!

...Прискакал гонец из Разинского полка. Докладывает:

— Командира роты Репьева подобрали в поле... Сюда везут... Ему вырезали... Вот бумага при нем была...

Свело скулы у Чапаева. Руки клещами вцепились в листок: «Всех вас ждет такая участь. Да не будет продолжения мерзкому вашему отродью...»

Вскоре на двуколке привезли Репьева. Он метался и бредил. Срочно отправили его на перевязочный пункт. Медики пытались спасти или хотя бы облегчить муки... Ничего не вышло. Так он и умер, не приходя в сознание.

«Подождите, сволочи, придет и на вас управа! — думал Чапаев. — За все рассчитаемся...»

Значение железнодорожного узла Чишмы, важнейшего пункта в непосредственной близости от Уфы, ясно понимали обе противоборствующие стороны. Неприятель всячески хотел удержать станцию, не жалея для этого ни сил, ни средств. Советское командование стремилось взять Чишмы быстрее и

надежнее.

Исход схватки решался не только лобовым ударом чапаевских полков Разинского и Домашкинского в вилке сходящихся тут железных дорог, но и действиями 74-й бригады севернее станции и прорывом пугачевского полка на восток. Только с занятием окружающего района можно было создать препятствие для подброски подкреплений тем колчаковским частям, которые обороняли непосредственно Чишмы. И, следовательно, разбить их смелым штурмом.

Такую цель и преследовал Чапаев, отдавая приказ 26 мая 1919 с четко определенными задачами для каждой части.

Сам же Василий Иванович в те дни находился с Интернациональным полком. Кстати, когда его спрашивали красноармейцы, почему он редко ходит с «интернационалистами», Чапаев отвечал: «Языков не знаю...»

Но на этот раз многоязычье не смущало Василия Ивановича. Он «открыл», что в бою взаимопонимание достигается не словами, а особым чувством войского товарищества, неким единством цели, и теперь хотел проверить себя и полк. Да заодно посмотреть, как управляет подразделениями новый, всего две недели назад назначенный, командир Сергей Мальцев.

Прибытия начдива в полку словно ждали. В полевом штабе он застал Мальцева с военкомом Роотом и помощника комполка Сергея Отраднова, батальонных командиров Ивана Козлова, Людвига Немета, Андрея Косенко. Кое-кого из них Чапаев хорошо знал. Парень из села Любитцкое Сергей Отраднов, бывший фельдфебель старой армии, к примеру, уже больше года назад командовал ротой в его отряде. Давно уж воевали вместе с ним и Сергей Емельянович Мальцев, в прошлом тоже фельдфебель, и Андрей Васильевич Косенко, бывший царский солдат.

А вот молодой чех Людвиг Немет, унтер-офицер из военнопленных австро-германской армии, появился в дивизии только с нынешней весны, но в майских боях показал себя молодцом.

Распоряжения на завтрашний бой. который должен начаться с рассветом, командир полка, оказывается, уже отдал батальонным до приезда Чапаева. Сейчас Мальцев кратко изложил их начдиву и посмотрел на часы, будто говоря: осталось недолго.

Затемно роты подошли по возможности ближе к вражеским окопам. И когда светлое пятно, появившееся на горизонте, стало шириться, а со стороны реки поплыли клубы тумана, и окатилась вдоль красноармейской, цепи приглушенная команда «Изготовиться!», зашевелились серые фигуры, зашуршали брюхом по траве. В стороне протарахтели артиллерийские упряжки — это

Андрей Никитич Семиглазов, отчаянная голова, выводил свою батарею на новую позицию, чтобы бить колчаковцев прямой наводкой.

— Перебежка! — слышит Чапаев звонкий голос командира полка Мальцева и видит, как отрываются от земли одна, другая, третья группы. Вот они — рослые молчаливые латыши, стройные мадьяры и хрупкие на вид корейцы. Какая-то невидимая сила объединила их всех в боевую семью, почти как кровных братьев.

Заговорила огнем батарея Семиглазова, посыпались в ответ и вражеские снаряды. Момент общей атаки еще не созрел, а смерть уже заглядывает в глаза. Раздался взрыв близ корейского взвода, и пронзительные крики разрезали воздух. Стоит только корейцам увидеть своих убитых товарищей, как ничто их уже не удержит. Они сразу бросаются вперед. И в такой момент грозны и отважны. Вот и сейчас, пронзительно крича, они первыми помчались в атаку. Следом поднялись остальные взводы и роты. Живой поток покатился навстречу пулям, штыкам, снарядам.

Смяты проволочные заграждения, остались позади колчаковские окопы. В гуще атакующих летит на скакуне Чапаев, и лишь одно его присутствие действует лучше всякой команды.

Как последнюю свою надежду, бросает неприятель в бой броневые машины. Они ползут, рыча и изрытая огонь: дескать, ничто перед ними не устоит. Но мужество бойцов покрепче металла. Интернационалисты гранатами останавливают броневики, окружают их, прикладами стучат по стенкам: «Выходи! Сдавайся!» А сами то и дело поглядывают в сторону скачущего начдива: видит ли Чапаев, что они тут сцапали?

Недолог был бой, зато победа — существенна. Вражеские части, опасаясь полного разгрома, отступали. Селение за селением занимали полки 74-й бригады: Иваново-Вознесенский, Сызранский, Интернациональный.

А в это время комбриг Кутяков с двумя своими полками — Разинским под командой Степана Михайлова и Домашкинским во главе с Сергеем Соколом — атаковал противника, оборонявшего Чишмы. Лишенные поддержки колчаковцы не могли сдержать натиска. Началось поспешное бегство. Но только первым эшелонам удалось прорваться к Уфе. Вскоре на железнодорожную линию восточнее Чишмов вышли пугачевцы, прервав сообщение. И неприятелю волей-неволей

пришлось бросить на станции много военного имущества.

ПРИКАЗ ПО 25 ДИВИЗИИ О ПЕРЕПРАВЕ НА ПРАВЫЙ БЕРЕГ р. БЕЛОЙ

№084, г. Белебей 29 мая 1919 г., 20 ч

Правее нас действуют части 2-й дивизии, левее — части 26 дивизии. Сбив противника с узла железной дороги Чишма и дер. Аминева и Арасланова, останавливаться не будем. Несмотря ни на какие трудности, ни на какую усталость, необходимо напрячь все усилия, чтобы быстрее прижать противника к реке Белая и на его плечах перебросится на правый берег ее. Его активность на участке 2 6 дивизии есть не что иное, как последняя отчаянная попытка задержать наш мощный удар, но мы эту активность используем для большего успеха, для чего приказываю:

1. а) Комбригу 7 5 т. Потапову, состав прежний, по занятии указанных в приказе № 083 пунктов продолжать дальнейшее наступление, имеющее целью войти в Уфу, где и остановиться. Комбригу всеми мерами стараться не допустить неприятеля взорвать мост через р. Уфа.

б) Комбригу 73 т. Кутякову, с придачей 73 кавдивизиона, по занятии указанных ранее пунктов двигаться дальше, переправиться через р. Белая и занять Степанова, Максимова /что на р. Уфа/ и Богородское. Комбригу т. Кутякову, по подходе на своем участке к р. Белая, артиллерийским огнем не допустить движения неприятеля по железной дороге, идущей по правому берегу р. Белая.

в) Комбригу 74, состав прежний, по занятии Аминева и Новая все время охраняя левый фланг дивизии сильными резервами, не менее полка с батареей, переправиться через р. Белая, занять Н. Турбаслы и Ст. Турбаслы.

г) Командиру сводного кавалерийского дивизиона т. Сурову /25, 75 и 74 кавдивизионы/, все время находясь на левом фланге дивизии, оказывать содействие 74 бригаде и, переправившись через р. Белая, стараться уничтожить противника с тыла.

2. Разграничительные линии: а) между 73 и 74 бригадами — Алкина, Либино, Петроматвеевка, Шигаева, Падеевка и Глумилино /все включительно для 75 бригады/; б) между 73 и 74 бригадами — Арасланова, Кадырметева, Самодурова, Николаевка, Ветошникова, Степанова и Максимова /все для 73 бригады включительно/.

3. Комбригу 75 доносить о том, что делается на участке соседней с ним 2-й дивизии, а комбригу 74 о том, что делается слева, то есть на участке 26 дивизии.

4. Всем комбригам принять меры к тому, чтобы саперные роты были снабжены всем необходимым для оказания содействия пехотным частям при переправе их через р. Белая.

5. Начальнику авиационного отряда т. Железнову

производить разведку ежедневно утром и вечером по участку железной дороги от Чишмы до Козловской и от Уфы до Благовещенского, каждый раз донося мне о всем замеченном .

6. Штабу дивизии перейти в Удрякбашева: оперативному отделу выступить в 5 часов 3 0 сего мая, а административному и всем остальным учреждениям и командам — в 3 часа 31 мая. Командиру батальона связи перейти с таким расчетом, чтобы связь во время передвижения штаба не была нарушена.

7. Заведующему артиллерийским снабжением устроить базу в Удрякбашеве.

8. Дивизионный перевязочный пункт в Балышлы-Мулталыпова.

9. Начальнику снабжения дивизии, не теряя связи, приготовиться к переходу на ст. Чишма и ждать на этот счет распоряжений.

10. Я буду находиться в Удрякбашеве, куда и присылать мне донесения.

11. Наштабригам приготовить схемы и по одному экземпляру вместе с боевыми приказами представить мне.

12. Заместители мои: 1) наштадив т. Снежков и 2) комбриг 7 3 т. Кутяков. Заместители военполиткомдива: 1) т. Шумаков и 2) т. Пестов.

НАЧДИВ 25 СТРЕЛКОВОЙ ЧАПАЕВ
ВОЕНПОЛИТКОМДИВ ФУРМАНОВ
НАЧШТАБА 25 СНЕЖКОВ

ИЗ ЖУРНАЛА БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ТУРКЕСТАНСКОЙ АРМИИ О ЗАНЯТИИ СТ. ЧИШМА

№0236, г. Бугуруслан. 1 мая 1919 года

25 дивизия. Частями 1-й бригады 3 0 мая с боем занята Чишма.

ИЗ ЖУРНАЛА БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ТУРКЕСТАНСКОЙ АРМИИ О ХОДЕ БОЕВ НА УЧАСТКЕ 25 ДИВИЗИИ И РАСПОЛОЖЕНИИ ЧАСТЕЙ

№0268, г. Бугуруслан. 1 июня 1919 года

25 дивизия. При наступлении 218 полка на Сафарова, Чишму противник оказал упорное сопротивление, причем главными своими силами действовал при поддержке двух броневиков со стороны Верх. Хозятова. 31 мая в 10 часов на участке 74 бригады противник повел наступление со стороны Дмитриевки и Любимовки. Наступление было отбито, причем 220 полк занял Дмитриевку.

Расположение частей дивизии к 21 часу: штабриг 73 — Сафарова, 218 /полк/ и 73 кавдивизион — Чишма, 219 /полк/ — два батальона — Макова и один батальон — Сафарова, штабриг 75 — Усманова, 223 /полк/ — Новоцаревщина, 225 полк — Усманова и Верх. Хозятова, штабриг 74 — Калмаш, 220 полк — Аминев и Дмитриевка, 221 /полк/ — Калмаш и 222 полк — Арасланова. Штадив — Чишма...

К реке Белой чапаевцы прорывались тремя стрелами: полки 75-й бригады на южном фланге шли к железнодорожному мосту, в центре комбриг Кутяков с разинцами и домашкинцами выходил на Киржацкое, 74-я бригада и пугачевцы держали севернее — на Красный Яр. Заняты эти пункты были почти одновременно.

Конная разведка 217-го и 220-го полков, оставив позади себя пехоту и артиллерию, в полдень 2-го июня 1919 года очутилась в Красном Яре. Скорее на переправу!

Но, увы, опоздали! Причалы сожжены, паром отогнан к противоположному берегу, а буксир успел уйти. Примерно через час потеря была вознаграждена. На реке показался пароход — пыхтя и шлепая плицами, медленно продвигался против течения. Вот бы его заарканить!..

Спешенные кавалеристы залегли вдоль берега. Когда судно приблизилось, командир эскадрона пугачевцев Дмитрий Злобнов, приложив руку ко рту, закричал: «Стой!» — и пулеметные очереди просвистели над водою. Озадаченный столь грозной встречей капитан парохода застопорил машину. С другого берега, выручая, тоже начали стрелять пулеметы. Но левый берег ближе, и капитан предпочел причалить у Красного Яра. Этот грузовой пароход и захваченное позже второе судно с баржой очень пригодились чапаевцам при форсировании реки.

Комбриг Кутяков село Киржацкое занял тоже 2 июня, но к вечеру. На него, согласно приказа Чапаева, возлагалось артиллерийским огнем воспрепятствовать движению неприятельских поездов на правобережье. И это было сделано. Батарея 73-го дивизиона, следовавшие с полками, сразу же по

подходе к реке выбрали выгодные позиции, подвезли боеприпасы. «Сейчас я буду обстреливать Уфу, — сообщал Кутяков соседу справа комбригу Потапову 2 июня в 22 часа 15 минут. — Михайлов /командир 218 полка/ будет обстреливать линию железной дороги, дабы вовсе лишить противника возможности передвижения поездов».

В той же записке Кутяков спешит поделиться приятной новостью: «Сегодня у Красного Яра взят пароход вполне исправный, на котором находились 22 патронные двуколки и пр. Река нами перерезана» — и просит Потапова: «Чаще посылайте связь ко мне в Киржацкое через Маловку, где находится эскадрон 219 полка. Сообщите о положении на участке вашей бригады».

Несколько дней потребовалось, чтобы, правильно оценив сложившуюся обстановку, разработать боевую операцию, сгруппировать войска, подтянуть орудия и бронемашины, установить контакт с авиацией.

Прибывший своим поездом на станцию Чишмы командарм Михаил Васильевич Фрунзе, не задерживаясь, отправился на автомобиле в Чапаевскую дивизию. С ним были начальник политотдела Туркестанской армии В.А. Тронин, секретарь Реввоенсовета В.В. Савин и др. Приезд командующего всех чрезвычайно обрадовал. А сам Василий Иванович ходил просто гоголем: вот, мол, не к кому-то, а к нему, именно к нему пожаловал дорогой гость...

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ В.А. ТРОНИНА

Июнь 1919 года. Едем с М.В. Фрунзе в штаб Чапаева. Легко идет машина по еще влажной от ночной росы, хорошо наезженной дороге. После вагонного сидения такая поездка как отдых.

Волнует предстоящая встреча. С Чапаевым у меня до этого было лишь одно мимолетное свидание в Бузулуке. Во время пасхальной ночи, когда звонили колокола, кто-то пустил провокационный слух, что на город налетела разведка белых. Началась паника, перестрелка. Стреляли не раздумывая, куда и в кого. И вот в самый разгар пальбы на улице верхом на лошади появился Чапаев.

Он носился как вихрь и кричал:

— Прекратить стрельбу!

Бойцы узнали знакомый голос, и пальба постепенно стихла. Утром, когда состоялось наше знакомство и когда как-то

невольно вырвалось опасение насчет неосторожности Чапаева — ведь могли стрелять и бандиты, — Чапаев только усмехнулся да, прищурив по-особенному глаза, пробурчал:

— А лучше бы было, если бы сдуру друг друга перестреляли?..

В предстоящих боях за Уфу у Чапаевской дивизий решающая роль.

Ещё канун лета, но рощицы, мимо которых пролетает машина, уже зелены. Цепочкой растянулась какая-то часть. Останавливаемся около отставших. Михаил Васильевич Фрунзе задает несколько вопросов — запаздывают ли бойцы? Смеясь, он отмечает, что часть из них идет босиком.

— Без сапог-то и быстрее, да и ногам легче, и опять же экономия, — весело отвечают ему. — А насчет того, что запаздываем, то пусть товарищ командир не беспокоится. Вышли и так раньше срока, указанного в приказе. Да идем, можно сказать, на «три креста».

Действительно, бросалась в глаза бодрость и решительность всех, кого мы обогнали.

— Интересный народ, как и сам командир, — говорит Фрунзе. — Вы ведь, наверное, знаете, что Чапаева посылали учиться в Москву, в академию Генерального штаба? Ну и не вышло. Стал чахнуть Василий Иванович и наконец написал письмо Линдову, члену Реввоенсовета: просил отозвать на любую должность, только в часть. Томиться, говорит, понапрасну в стенах не согласен. Это мне как тюрьма. А если не отзовете, пойду к доктору, который меня освободит... Сейчас Чапаев в своей стихии. И стихия, как видите, особенная, бодрящая. Правда, и достается от нее, особенно политработникам. Вы ведь понимаете, о чем я говорю? Наверное, в политотделе кой-что имеется на этот счет?

— Да, есть.

— Наверное, больше жалоб? Ведь тот, кто доволен, писать не будет.

— Пожалуй, что так. Хотя те, с кем приходилось разговаривать, не жалуются, а наоборот, в большом восторге...

— Ну, те, должно быть, уже привыкли. Новичкам партийцам, особенно городским, приходится трудновато. Чапаевцы любят испытывать незнакомого человека. Тут целая система. Сначала, идет испытание на выносливость. Им, как правило, дают вконец заношенное обмундирование. Ватник дадут — впору на огород: сойдешь в нем за чучело. Шинелью наградят, так лошади шарахаться будут: рваная, в пятнах. А закапризничает человек, ответ один: «Нет. Мы сами не в лучших ходим. Вот у белых

отберем, дадим генеральскую». И на политику мастера ехидные вопросы задавать. Повторяют то, чему у казаков наслушались. Зададут этакий вопрос с подковыркой и наблюдают: не растеряется человек, крепок ли он в политике, а может, так себе? Малосообразительный сразу в панику, пишет — кругом, мол, контрреволюция.

Пришлось, что такие письма бывали.

— Что греха таить, — продолжал Фрунзе, — чапаевцы недолюбливают этой политики вообще. Но послушай тот же паникер, как иной чапаевец разносит контрреволюционера за те же ехидные вопросы, которые сам задает политработнику, и ему станет неловко за свои подозрения. Хороших политработников чапаевцы признают. Может быть, и не всегда его будут слушать, но гордиться им будут. Мы и Фурманова с таким расчетом сюда дали. Им можно гордиться.

Но в чем эти ребята непревзойденные мастера — так в выдумках по части испытания на выдержку, на храбрость и отвагу. Новичку, особенно если он из заносчивых, скажут, что ему поручается какая-нибудь опасная разведка, посылка в тыл противника или ещё что-нибудь в этом роде. И наблюдают, как тот себя ведет. Разыгрывают артистически. На самом деле никому из них и в голову не придет подводить новичка. Но горе тому, кто струсит. А уж если выдержит человек испытание, то получает полное признание. Становится своим. Чапаевцы ревнивы до чертиков. Из-за боевой ревности друзья между собою расходятся: почему это не мне, а ему от Чапаева больше доверия? Чем я хуже? Вот сами увидите, как будут спорить, кому первым идти в Уфу...

Интересно и по-новому рисует Михаил Васильевич 25-ю дивизию.

— А как вы смотрите на Чапаева?

Михаил Васильевич рассказывает случай, как после одной из стычек с белыми у Чапаева осталось человек сорок — остальные были или перебиты, или рассыпались. Потом, когда узнали, что Чапаев жив, стали к нему возвращаться. Чапаев на них три дня не смотрел, словно не замечал. Человек за это время места себе не находит. Потом Василии Иванович обложит неудачника, тот рад-радехонек: наконец-то его заметили и не кто-нибудь, а сам командир. И уж когда получит разрешение пойти к отделенному, то радости нет конца.

— Что же тянет бойца к Чапаеву? — спрашивал Фрунзе. — В чем его сила? — И отвечал: — Мне кажется, в первую очередь в

том, что и самого Чапаева тянет к бойцам. Любит он их. Впрочем, скоро понаблюдаем.

Остановились в штабе (деревне Авдон). Он помещался в школе; занятий не было, ребята гуляли на каникулах. Парты были снесены во двор, под навес. Но на стенах остались немудреные школьные пособия: географические карты, таблицы. Несколько ящиков — полевые телефоны.

В ожидании Чапаева Фрунзе знакомится с боевыми сводками. Часть, которую мы обогнали, действительно прибудет к месту назначения досрочно.

Василий Иванович не заставляет себя долго ждать. Распахивается дверь. В комнату входит, нет, не входит — влетает Чапаев. Он не скрывает радости при виде Фрунзе. Это, кажется, единственный человек — из начальства, которое Чапаев обобщает словом «штабные», к которому он относится по- иному. Фрунзе пользуется безоговорочным доверием Чапаева. Больше того. Чапаев любит Фрунзе со всей искренностью своего бесхитростного сердца. Любит потому, что уважает.

Но привычка заправского фронтовика заставляет Чапаева стать на вытяжку, во фронт, и отрапортовать:

— Товарищ командующий! Приказ о подготовке к боевым операциям по занятию Уфы выполнен...

Вытянулся, как бы замер, и Фрунзе, принимая рапорт:

— Очень хорошо, Василий Иванович! Мы по дороге кой-что уже видели... Уверен, что настроение частей боевое...

Обращение по имени-отчеству — переход к неслужебным отношениям.

Обмениваемся рукопожатиями и садимся. Но Чапаеву не сидится. Он вскакивает и, волнуясь, обращается к своему спутнику. Это Дмитрий Фурманов — военком 25-й дивизии.

— Фурманов, да понимаешь ли: Фрунзе приехал. Пусть посмотрит нас в бою... А то заладили: «Чапаев — партизан! Чапаев никого не признает!» Просто тошнит... «Чапаев все по-своему, ни с кем не считается!» Да что я, о двух головах, что ли? Не понимаю военной дисциплины?.. Да спросите у Фурманова, Михаил Васильевич, какова дисциплина в двадцать пятой.

Между Фрунзе и Фурмановым промелькнула едва уловимая улыбка. Они знают друг друга. Их также радует встреча, но НУЖНО быть осторожным. Чего доброго, мнительный Василий Иванович отнесет эту улыбку за счет своей восторженности.

— А я все-таки колебался, стоит ли приезжать, — заметил Фрунзе. — Может быть, присутствие начальства вас свяжет...

— Да что вы, Михаил Васильевич!.. — протестует Чапаев. — Не такой вы человек...

Одной из причин, заставивших и Фрунзе, и меня как начальника политотдела Туркестанской армии направиться в 25-й дивизию, были письма о неладах, которые будто бы существуют между военкомом и командиром дивизии. В письмах довольно красноречиво выставлялись особенности дивизии и ее командира в отношении к партийцам; военкома же обвиняли в том, что он «пляшет под дудку фельдфебеля царской армии». Не без ехидства сообщалось, что во время какого-то боя Фурманов пригнулся к лошади при артиллерийском обстреле, и добавлялось: сразу-де видно штатского человека — студента, снарядам кланяется, разве такой будет иметь авторитет? Можно было оставить без внимания «обвинения», но, безусловно, налицо было стремление со стороны враждебных сил вбить клин во взаимоотношения между командиром и комиссаром.

— Ну, Василий Иванович, доволен своим военкомом? — в упор, без всякой дипломатической подготовки спрашивает Фрунзе. — Дали тебе из наших, из ивановцев. Но... городской, студент.

Чапаев с лукавой усмешкой смотрит на Фурманова: «Чувствуй, мол, кто спрашивает. Скажу, что недоволен, и Фрунзе посчитается с Чапаевым». Улыбается и Фурманов. Но улыбка спокойная, ясная. В ней: «Не соврешь, Василий Иванович, я тебя знаю».

Чапаев затягивает с ответом.

— Сказать по совести, Михаил Васильевич?

Пауза и та же хитроватая усмешка, потом обрывисто:

— Доволен. Главное, избавил меня от разных соглядатаев. А то, бывало, придут, вынюхивают, высматривают: «Это что? Да почему? Почему у вас того нет? Да отчего почему не ведется?» И все больше по части политики. Пришлют мне людей, а над ними бойцы смеются. Нашего положения не понимают, а вмешиваются. А насчет боев — ну совсем жидкий народ: чуть пошагал — мозоль у него, подводу ему подавай... Да еще писать начнет о настроениях разных, а к тебе: «Давай объяснения». Вконец извели...

— Так ведь не писал же, — возражает Фурманов.

— Ну и не писал, — смеется Чапаев. — Что бумагу переводить!.. А сейчас чуть что: «Пожалуйте к военкому», и вся недолга... Ребята с ним приехали тоже хорошие. Что еще сказать? Нашим делом военком интересуется, хотя иной раз и чересчур: не спец же он. Опять и посоветоваться можно...

— А в боях какой?

На Чапаева этот простой, казалось бы, вопрос подействовал как звук пролетевшей пули. Он на секунду остановился и пристально взглянул на Фрунзе.

— А почему вы спрашиваете, Михаил Васильевич? Значит, и вам подметные письма были? Дошло-таки. Поссорить нас хотят. Про меня одно пишут, про военкома другое. Меня насчет коммунистов обвиняют, а военкома, что, мол, не боевой. Так, глупости все. Разговора не стоит.

— Говори прямо, Василий Иванович, сработались?

— Как вам сказать? — задумался уже всерьез Чапаев, словно мысленно пробегая свои взаимоотношения с Фурмановым. — Спорим. И часто спорим. И поругались бы, если бы у него характер был, как у меня. А так до ругани не доходит. Договариваемся. Он ведь какую политику взял: вот поспорим, раскипячусь я, уйду. Он сам об этом, из-за чего спор был, потом ни за что не начнет. Ждет. Потом опять говорим обо всем. А о том, на чем не сошлись, молчит. Я не выдержу, начну, он ко мне: «Ежели сам начал, так не горячись, а выслушай». Что ты с ним будешь делать! Слушаешь... Чем еще интересуетесь? Бойцы его признали. Вот, к примеру, сейчас все под Уфой возится. Я, пожалуй, его бы там и начальником боевого участка назначил, да не подчинен он мне...

Потом началась обсуждение боевой обстановки.

Головы склонились над картой. Докладывал сам Чапаев. Временами красота предстоящей операции как бы захватывала его и он обращался к Фурманову, Фрунзе был судьей. А Фурманов — свой товарищ...

Временами Василий Иванович прерывал свой доклад и обращался к командующему, словно ожидая оценки.

Фрунзе молчал, но в глазах светилась радость, и она передалась Чапаеву, и только тогда, когда доклад был окончен, Михаил Васильевич, как бы подводя итог, заметил: — Значит, через два-три дня встречаемся в Уфе! Как опытный забойщик подрубает одну жилку и тем самым обрушивает весь угольный пласт, так и Фрунзе сосредоточенными ударами во фланг и тыл обрушивал колчаковский фронт. В зависимости от обстановки, меняя в деталях направление удара, он все глубже и глубже вклинивался в расположение колчаковской армии, перерезая сообщение врага, дробя его силы, подтягивая свои резервы.

У белых началась паника. Целые дивизии, еще не слыша выстрелов со стороны красных, снимались с фронта и уходили, волоча за собой орудия, теряя снаряжение и обозы.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОЧЕВИДЦА...

4 июня мы подошли к Уфе. На высокой горе, с белыми зданиями, вся в садах, с многочисленными куполами церквей, Уфа была так близка, что если смотреть в бинокль, казалось, можно было достать выстрелом из нагана.

Однако её отделяли от нас и широко разлившаяся река Белая, и проволочные заграждения, и ряды окопов на крутой горе. Колчаковское командование считало, что Уфа защищена неприступными укреплениями.

Бойцы получили распоряжение остановиться на длительный отдых и, утомленные переходами, отсыпались. Днем и ночью. Шестого под вечер меня, Федора Ершова, разбудили:

— Товарищ Ершов! Вставайте, вызывает Фрунзе!

Я вскочил. Когда просыпаешься на закате, всегда кажется, что прошло очень много времени, разыгрались большие события, а ты остался в стороне. Что случилось? Видимо, что то важное уже произошло...

В избушке лесника Михаил Васильевич сидел один. Солнце зашло, но он еще не зажигал огня.

— Здравствуй, садись, — сказал Фрунзе.

Как инструктор политического отдела армии я часто бывал у него, но давно его не видел таким озабоченным.

— Как ты считаешь: сильно вымотались люди в Чапаевской дивизии?

— Очень сильно!

— А что говорят? Каковы настроения. Что думают об Уфе?

— Считают, что никогда мы еще не сталкивались с такими сильными укреплениями. Говорят, колчаковцы решили отстоять Уфу любой ценой. Стянули туда лучшие офицерские части.

— И все-таки мы ее возьмем. И гораздо раньше, чем думали! Возьмем её в течение ближайших сорока восьми часов с той стороны, откуда нас никто не ожидает. Вот смотри, — оживился Фрунзе, развернув карту. — Сегодня ночью мы форсируем Белую здесь, — он показал на карте точку около Красного Яра, километрах в семнадцати от Уфы. — Видишь, здесь Белая делает петлю. Место топкое, неудобное для переправы, но по ту сторону реки густой лес. Переправу начнет Чапаевская дивизия, в первых цепях ее пойдет ивановский полк.

— А средства переправы?

— Нашли! Отбили сегодня у белых буксирный пароход. Переправа будет очень трудной! Каждый боец должен понять: по ходу всей кампании сложилось так, что, если мы нанесем колчаковцам еще один удар здесь, они не оправятся! У них

создастся инерция отступления до самого Тихого океана. Если же нас отбросят сейчас по ту сторону Белой, если 25-ю дивизию оттеснят обратно к реке, это может погубить судьбу и противоколчаковской кампании, и... Мы боремся на предел человеческих сил. И людям нужна правда. Говорить будем откровенно...

— Я понимаю! — сказал я.

Он помолчал, ожидая, что я еще скажу, но я не находил о чем говорить. Выйдя из-за стола, ступив шаг вперед, он поцеловал меня и улыбнулся:

— До свидания в Уфе!

В сенях, ожидая конца нашей беседы, сидели командиры, политработники и еще какой-то народ.

В тот вечер Фрунзе многих вызывал для личного разговора наедине. Политработники армии, командиры Чапаевской дивизии чувствовали себя облегченными его личным доверием. Без общего сигнала, небольшими группами будили бойцов, объясняли им смысл и трудности внезапного наступления.

В полночь началась переправа через реку Белую. Буксирный пароходик, отбитый утром у колчаковцев, не мог вместить и двухсот пятидесяти бойцов. Красноармейцы стояли по бортам парохода, держась за поручни, набились в трюм, на капитанский мостик.

Наша легкая артиллерия подавила ружейный огонь боевого охранения белых. В тишине ночи раздавались отдельные винтовочные выстрелы.

Бойцы натащили откуда-то лодок, челноков, пригнали дырявый баркас, связывали плоты и цеплялись за пароход. Не ожидая команды, люди знали чутьем, что надо делать.

Светлая ночь, далекие зарницы. На левом берегу реки ноги шлепали по болоту, скользили в траве. А на правом берегу — дремучий лес, кустарник, хвативший за плечи, паутина, зацеплявшая лицо; темные заросли, сквозь которые не видно было звезд.

Цепь можно развернуть не шире одного отделения.

Шли, торопились. Сколько мы сможем пройти, пока рассеянные сторожевые части белых по телефону предупредят Уфу, пока в Уфе соберутся и кинут в нашу сторону крупные соединения? Миновали лес, прошли ржаными полями, все в гору, в гору.

Перед восходом солнца начались первые стычки. Чем выше поднималось солнце, тем крупнее и крепче становились части, встречавшие нас.

Заработали тяжелые орудия противника. В дыму, песке,

летящем от разрывов, стало труднее определять, сколько бойцов упало. Земля заколебалась под ногами.

К полудню на нас навалились основные силы колчаковских армий. Когда мы увидели офицерские «батальоны смерти», патронов у нас оставалось совсем мало.

Ночью за каждой ротой следовала двуколка с запасом патронов. К полудню от этих запасов не осталось ничего. Все, что изредка подвозили на фургонах со стороны переправы, расхватывалось в одну минуту.

В кинофильме «Чапаев» ярко продемонстрировано, что такое «психическая атака». Наша тактика — отражать эти атаки, очень близко подпуская противника, тактика «встречи в тишине» сложилась сама собой, из-за недостатка боевых припасов. Нужно было беречь каждый заряд и стрелять наверняка, а ведь очень немногие стреляли тогда настолько хорошо, чтобы попасть в далекую движущуюся мишень.

Увидев офицерские части, мы окопались как успели и смогли. Командиры смотрели в бинокли и считали появлявшиеся на горизонте цепи:

— Семнадцатая, восемнадцатая, девятнадцатая...

Мой бинокль был слабей. Но я видел, как цепи колчаковских «батальонов смерти» спускались с холма.

Ошалевшие от гула орудийной стрельбы жаворонки, попадая в поле зрения бинокля, пока что казались крупнее наступавших. Я спросил командира батареи:

— Почему вы не стреляете?

Он выругался, слез с пенька и сказал:

— У меня два снаряда!

Вот колчаковские цепи на расстоянии семисот, восьмисот шагов.

Это большое напряжение, нужна выдержка — цепь идет прямо на тебя, а ты лежишь, видишь ее снизу вверх и ничего не делаешь. Иной боец от ожидания подскакивает всем телом на месте. Наступающие цепи все ближе, уже различаешь во всех подробностях отдельные лица — и лежишь, молчишь!

Сигнал!.. И тут же все, что есть у нас, обрушивается на врага: и пулеметный, и ружейный огонь, и последние два снаряда. Стреляя, люди кричат, ругаются от долго сдерживаемой злости.

После колчаковской контратаки командир полка вывел передовой батальон в резерв. Подсчитали бойцов: осталось около двух рот из трех. Но не сохранилось ни одного ротного командира. Командир полка назначил двух новых ротных.

Мы сидели на опушке, за большими деревьями. Санитары перевязывали легкораненых. Усталые, запыленные люди

переобувались. К нам подходили бойцы из других полков и спрашивали:

— Нет ли у вас патронов?

Им с раздражением отвечали:

— Не высовывайтесь! Не шляйтесь!.. — чтобы наблюдательные пункты колчаковской артиллерии не заметили нас и не начали пристрелку.

Ничего не надо было объяснять нашим текстильщикам, так как они уже накопили некий боевой опыт. Одни были еще в домашних, ситцевых, косоворотках, другие в трофейных офицерских галифе с красными лампасами. Потные лица, расстегнутые вороты, тяжелое дыхание. У некоторых все еще дрожали руки после напряжения атаки. Нюра Скосырева, ткачиха с большой Ивановской мануфактуры, смотрясь в крохотное зеркальце, вытерла грязь с лица, выругалась сквозь зубы и виновато улыбнулась, заметив меня неподалеку.

Колчаковские самолеты летели к реке. Бойцы, смотрели на них, задрав головы. Отстреливаться было нечем.

Ржаное поле перед нами было изрыто и перековеркано, словно на нем дрались несколько дней. Иногда притоптанные стебли ржи начинали сами шевелиться, подниматься, словно вздыхая в последний раз.

Ползком и короткими перебежками подходили со стороны реки наши подкрепления. Патронов не подвозили. Кругом слышались разговоры:

— Я пустой. А ты пустой? Дай обойму взаймы...

Командир, только что с реки, рассказал мне, как неудачно

переправились наши бронированные автомобили. Один засел в тине, другой перевернулся, третий не мог взять подъема и заглох. Я спросил:

— Везут патроны?

Командир ответил:

— Не знаю.

Вестовой, на загнанной лошади, привез батальонному приказ от командира полкам быть наготове. Я спросил вестового:

— Что там?

Он ответил, махнув рукой:

— Отходим!

Прошло минут десять. Я заметил на опушке соседнего леса группу всадников в кожаных куртках. И наблюдатели колчаковской артиллерии заметили эту группу.

Снаряд упал около леса. Прошло минут пятнадцать, и вот вижу: все ближе и ближе ко мне шевелится рожь, откладывается по обе стороны. Ползет человек. Вот и сам пластун. Фрунзе!

Он был в пыли, пот лил с него в несколько ручьев.

— Здравствуйте, товарищи! Дайте напиться, — сказал он.

Ему протянули несколько фляжек.

— Сейчас будут патроны, снаряды, несколько орудий, — сказал Фрунзе. — Я сопровождал их до конца леса, потом отправил кружным путем, увидев, что тут стреляют.

Лицо Михаила Васильевича было покрыто потом и пылью. Он сел на траву, вынул носовой платок; увидев, какой он грязный, сунул его обратно в карман и вытерся краем гимнастерки.

— Что там? — спросил он меня вполголоса.

Вполголоса я ответил:

— Кажется, начинаем отходить.

Я ждал: он покачает головой, скажет «плохо», рассердится, что нас держат в резерве, когда на передовой линии отступление.

Но он ничем не выразил своего отношения к этому, достал блокнот, вырвал листочек и написал записку командиру полка. Бойцы наперебой брались ее доставить. Он послал с запиской троих.

— Еще один удар по колчаковцам, — громко сказал он, — и мы сломим дух сопротивления!

Он совсем отдышался, сидел на земле. Красноармейцы прибегали взглянуть на него и мчались обратно сообщить своей части, что они впервые увидели его, самого Фрунзе!

Повсюду в частях резерва пошел слух:

— Фрунзе, Фрунзе здесь!

Я боялся за его жизнь, но все кругом стало как бы спокойнее и прочнее. Даже поле перед нами казалось мне уже не в такой степени исковерканным и обезображенным стрельбой, как несколько минут назад.

Батальонному командиру принесли записку от командира полка: приказ занять место в цепи. Люди поднимались с земли.

— Значит, собираемся? — сказал Фрунзе и поднялся вместе со всеми. Едва батальон успел получить патроны и занять место на левом фланге, как сзади ударила наша артиллерия. Снаряды подвезли!

Справа от нас с криком «ура!» люди бежали вперед. Едва батальонный командир успел отдать команду, как с криками «ура» быстро побежали вперед ивановцы.

Только я успел подумать: «Выдохнутся через полчаса», как бойцы сами замедлили бег.

Увидя кавалерию белых, Фрунзе посоветовал командиру полка направить часть батальона в обход, чтобы зажать кавалерию с флангов. Двум взводам дали такую команду, и тотчас же бойцы стали круто заходить влево.

Я старался не упускать Михаила Васильевича из виду. Он заряжал на бегу маузер, споткнулся, упал на одно колено и поднялся. Казачья конница сбоку накатывалась на него. Лошади скакали наметом.

— Конница!

На мгновение раньше, чем я успел крикнуть, Фрунзе лег. Неподалеку от него была воронка от снаряда, он быстро переполз в нее. Задыхаясь от бега, я скатился в воронку, но Фрунзе уже выбрался из неё. От натиска наших пехотинцев редеющую конницу белых как бы ветром относило в сторону. И опять я потерял из виду Фрунзе. Меня ошпарило землей и свалило с ног от близкого взрыва, песком залепило глаза. Я подумал: «Его убьют».

Но он уже был далеко. На лошади из-под убитого колчаковского генерала вернулся Михаил Васильевич ускорять переправу.

Колчаковские самолеты вились над рекой, над участком переправы. И бомбой с самолета Фрунзе контузило. Лошадь под ним была убита, а его самого отшвырнуло разрывной волной. Изо рта Михаила Васильевича пошла кровь.

С помощью бойцов поднявшись на ноги, он еще продолжал руководить переправой. Там же на реке ранило в голову и Василия Ивановича Чапаева пулей из самолета. Забинтовав голову, Чапаев также отдавал приказы и команды.

Так было на реке. А у деревни Турбаслы возникли группы колчаковских солдат. Они просились к нам. Они перебежали от Колчака. Они держали вверху винтовки, многие вообще побросали их.

Мы уничтожили шесть вражеских отборных полков. Обошли Уфу. Колчаковцы, под угрозой окружения, бежали. Бежали, побросав свои «неприступные укрепления»...

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ЛЕТЧИКА П.А. СЕМЕНОВА

...В период Уфимской операции, примерно за неделю, наши летчики совершили в общей сложности 113 самолетовылетов. Эта цифра наглядно говорит о большой, напряженной работе.

Одна ночь из той недели особенно запомнилась. Дело было 8 июня. Мы знали, что переправившиеся через реку Белую чапаевские полки ведут на другом берегу упорные бои с колчаковцами. На чишминский аэродром только что вернулось с заданий несколько машин. Механики и мотористы осматривали

их, что-то выстукивали, подкручивали, готовя к следующим вылетам. Поздно вечером на поле неожиданно въехал автомобиль, двигавшийся с уфимского направления. Я пошел навстречу, чтобы выяснить, кто едет. На заднем сидении полулежал Фрунзе с перебинтованной головой.

— Вы ранены? — с тревогой спросил я.

— Ничего, заживет, — отвечал Михаил Васильевич. — А вы пошлите-ка самолеты на переправу. Туда летают колчаковцы, мешают нашим войскам...

Автомобиль проследовал на станцию, к штабному поезду. А я побежал к летчикам, передал им приказание командарма. Еще энергичнее заработал аэродромный персонал. Стали заправлять аэропланы горючим, вновь заряжать пулеметы...

В ту ночь М.В. Фрунзе, несмотря на недомогание после контузии, не забыл распорядиться насчет предстоящего полета. За подписью начальника оперативного управления П. Каратыгина в 2 часа 10 минут 9 июня было передано в штаб 25-й дивизии: «Между 5 и 6 часами вылетят два наших самолета-истребителя для выполнения задач при переправе у Красного яра.

Самолеты прилетят с восточной стороны и после выполнения сядут в деревне Авдон. Командюжгруппы приказал оповестить все части, чтобы самолеты не были обстреляны своей артиллерией и пулеметами».

Кроме этого, предрассветного, были совершены 9 июня и другие вылеты. Красные авиаторы прикрыли район переправы воздушным щитом, и вражеские машины больше не рисковали там появляться. Одновременно продолжалась разведка неприятельских позиций, преследование отступавших частей, а над улицами Уфы сбрасывались агитационные листовки.

ИЗ ЖУРНАЛА БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ТУРКЕСТАНСКОЙ АРМИИ О ФОРСИРОВАНИИ р. БЕЛАЯ ЧАСТЯМИ 25 ДИВИЗИИ

№ 0372 /номер оперативной сводки штаба Турк. армии/ 8 июня 1919 г.

...25 дивизия. Около 24 часов. 7 июня переправилось на правый берег реки Белая два батальона 220 полка у дер. Красный Яр. С походом третьего батальона и 217 полка части решительно бросились на окопы противника между дер. Александровка и Н. Турбаслы и после короткой и ожесточенной схватки заняли обе деревни к 4 часам 8 июня и преследуют спешно отступающего

противника. Переправа частей 1 и 2 бригад дивизии продолжается. Захвачено много пленных, пулеметы, оружие и большой пароход противника.

На участке 3 бригады в районе железнодорожного моста через р. Белая наши попытки прорваться на мосту на южную окраину города не удаются. Противник встречает продвижение огнем пулеметов, расположенных на северной стороне моста. Участок бригады обстреливается противником из 4 тяжелых и 2 легких орудий, стоящих за городом...

ИЗ ОПЕРАТИВНОЙ СВОДКИ ШТАБА ЮЖНОЙ ГРУППЫ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА 0 ФОРСИРОВАНИИ р. БЕЛАЯ ЧАСТЯМИ 25 ДИВИЗИИ

№01967 9 июня 1919 г., 14 ч 40 мин.

Туркармия, 24 дивизия, группа Павловского: попытка 1 бригады 9 июня в 3 часа переправиться на правый берег р. Белая в районе Тюкунева не удалась, так как противник, занимающий окопы против пункта переправы, развил сильнейший артиллерийский и пулеметный огонь; повторные попытки каждый раз встречались огнем противника. На участках 2 и 3 бригад противник обстреливает артиллерийским огнем наши батареи. 2 стрелковая дивизия: противник обстреливает участок 2 бригады редким артиллерийским огнем.

25 дивизия. Стрелковая. 3-я бригада: попытки прорваться по железнодорожному мосту не удались, так как противник открывает сильнейший, огонь; участок бригады обстреливается артиллерийским огнем противника; наша артиллерия обстреливает окопы противника на северном берегу р. Белая у железнодорожного моста и город.

На участках 2 и 3 бригад 2 5 дивизии спешно подтягиваются резервы, и 1 и 2 бригады 31 стрелковой дивизии направляются через Дмитриевскую на зав/од/ Благовещенский, так как ввиду отсутствия частей 2 6 стрелковой дивизии в районе Благовещенский противник беспрепятственно группируется на левом фланге 25 дивизии, угрожая ее тылу; результаты ночного боя на левом фланге 25 дивизии еще не выяснены. В ночном бою ранен пулей в голову с аэроплана начдив 25 Чапаев. Во временное командование вступил комбриг 1 т. Кутя- ков. Комадюжгруппы Фрунзе, бывший все время в районе переправы 25 стрелковой дивизии и далее с передовыми цепями у дер.

Турбаслы Ст., на обратном пути в дер. Красный Яр был контужен в голову взрывом бомбы, брошенной с аэроплана противника. Бывший также в передовых цепях завполитотделом Туркестанской армии т. Тронин ранен пулей в грудь.

ЗА НАЧОПЕРЮЖГРУППЫ КУНСТМАН ЗА ВОЕНКОМА ПАВЛОВ

И наконец еще одна, очень долгожданная и выстраданная телеграмма:

ДОНЕСЕНИЕ РЕВВОЕНСОВЕТА ВОСТОЧНОГО ФРОНТА В.И. ЛЕНИНУ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ УФЫ

№ 2036 К, г. Симбирск 9 июня 1919

МОСКВА, КРЕМЛЬ, ЛЕНИНУ

Уфа занята нашими частями 9 июня в 20 часов после упорного боя. Овладели Уфой части 2 5 дивизии, причем 1 и 2 бригады этой дивизии перешли в наступление в районе Ст. Турбаслы и к 19 часам вышли к железной дороге в районе ст. Ураково. Около того же времени разведчики 3 бригады 2 5 дивизии, видя слабый огонь противника с южной стороны, вместе с пулеметной командой переправились через р. Белая у железнодорожного моста и двинулись к городу. Батальон 219 полка, стоявший у Киржацкой, переправился на лодках на восточный берег реки и также цепью двинулся на город. Противник бежит на север и северо-восток.

Днем перед наступлением темноты наш аэроплан, посланный для ознакомления с положением на фронте, видел в беспорядке несущиеся обозы противника на север и северо-восток. Уфимский мост через р. Белая годен для пешего хождения, но, по-видимому, подорван и сожжен настил. Подробности выясняются.

Команд. войсками Восточного фронта С. КАМЕНЕВ
Члены Реввоенсовета: С. ГУСЕВ, М. ЛАШЕВИЧ

РАДИОГРАММА В.И. ЧАПАЕВА В ШТАБ 5 АРМИИ О ВЗЯТИИ УФЫ

10 июня 1919 г. 23 ч 10 мин.

После трехдневного упорного боя нашими доблестными красными войсками занят с боем г. Уфа в 20 часов под командованием доблестного командира т. Чапаева, который, несмотря на свое ранение, не покинул фронта, а шел впереди. Противник отступает в панике.

Начальник дивизии Чапаев
Военный политком Фурманов
Комендант Уфы Потапов

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ШТАБА ЮЖНОЙ ГРУППЫ О ФОРСИРОВАНИИ р. БЕЛАЯ И ХОДЕ БОЯ ПОД УФОЙ
№ 01976, г. Самара 10 июня 1919 года

На участке 2 5 стрелковой дивизии утром 9 июня противник силою до 5 полков наступление на части 1 бригады, занимавшие позицию по линии дороги Благовещенский - Уфа, и потеснил наши части до линии Александровка, Н. Турбаслы. Быстро восстановив положение, врид начдива т. Кутяков отдал приказ о переходе в наступление 1-й бригадой в общем направлении на Степанова, Курочкина и 2-й бригадой — на Вотякеева.

Противник под энергичным наступлением наших частей стал быстро отходить. Около 19 часов 9 июня 1 и 2 бригады достигли линии железной дороги в тылу г. Уфа на участке Черникова — Курочкина. Противник под угрозой с тыла спешно бежал от Уфы на северо-восток. Около 19 часов разведчики 3 бригады, стоящие у железнодорожного моста, пользуясь ослаблением огня противника, с пулеметами переправились через р. Белая и, двинувшись к городу, обнаружили спешный отход противника. После этого стали переправляться 223 и 225 полки и цепями двинулись на город. Батальон 219 полка, стоящий у Киржацкой, переплыл на лодках через р. Белая и цепями достиг окраины города. Подробности взятия города и трофеи выясняются.

Противник спешно отошел на северо-восток, местами на север. Некоторые части противника бежали в панике, обозы неслись карьерами по дорогам. Согласно захваченному приказу по 2-му Уфимскому армейскому корпусу № 16/оп от 24 мая сего года, военная дорога противника, назначена г. Уфа-Нов. Юрмаш - Новотроицкое - Теплый Ключ - зав. Симский и ст. Вязовая, по-видимому , на эту дорогу и уходит бегущий противник.

31 стрелковой дивизии 271, 272, 274 и 278-й полки

переправились у Красного Яра через р. Белая и продвигались на линию р. Уфа. 275 и 276 полки 8 июня ночью переправились через р. Белая у Дмитриевской и вечером 9 июня должны были занять Благовещенский. Донесение от них еще не поступило.

НАЧОПЕРЖГРУППЫ /ГРИГОРЬЕВ/
ВОЕНКОМ /ПАНИН/

И еще несколько донесений, характеризующих то тяжелейшее время...

ХОДАТАЙСТВО В.И. ЧАПАЕВА, ПОДДЕРЖАННОЕ РЕВВОЕНСОВЕТОМ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА, ВО ВЦИК О НАГРАЖДЕНИИ 217 И 218 СТРЕЛКОВЫХ ПОЛКОВ КРАСНЫМИ ЗНАМЕНАМИ

№ 11619/ау, г. Симбирск 11 июня 1919 год

Передаю копию рапорта начальника 2 5 стрелковой дивизии от 3 мая сего года № 2 5 61 на имя командующего войсками Южгруппы:

«В 1918 году председатель Военно-революционного совета РСФСР после взятия Самары, объезжая воинские части, участвовавшие в боях, на митинге объявил благодарность 1 советскому, ныне 217 стрелковому, и 2 советскому, ныне 218 стрелковому, полкам за геройские подвиги в боях и проявленную полками стойкость и храбрость, дал название полкам 217 стрелковому — Пугачевский и 218 стрелковому — Стеньки Разина и во всеуслышание всего командного состава и красноармейцев обещал от имени Республики за проявленную храбрость и геройство выслать названным полкам Красные знамена . Но с этого времени прошло уже 9 месяцев, а полки обещанных знамен не получили.

Ходатайствую о награждении указанных полков, покрывших свое имя славой при взятии Уральска, Сломихинской, Лбищенска и других оплотов контрреволюции, Революционными Красными знаменами как вполне заслуженной полками наградой.

Начдив ЧАПАЕВ
политком /ФУРМАНОВ/
Начштаба ЛУГОВЕНКО

Реввоенсовет фронта присоединяется к ходатайству о даровании 217 и 218 полкам особых знамен революции и просит указания, в утвердительном случае, куда выслать приемщика. Справка: приказ комвоена от 3 августа № 608 прошлого года.

РЕВВОЕНСОВЕТ ВОСТФРОНТА: С. КАМЕНЕВ,
С. ГУСЕВ, ЛАШЕВИЧ

ИЗ ПРИКАЗА ПО 25 ДИВИЗИИ С ОБЪЯВЛЕНИЕМ БЛАГОДАРНОСТИ ЗА ГЕРОИЗМ, ПРОЯВЛЕННЫЙ ВО ВРЕМЯ ПЕРЕПРАВЫ ЧЕРЕЗ р. БЕЛУЮ И ОБ ИЗМЕНЕНИИ НОМЕРОВ БРИГАД ДИВИЗИИ

№121, Д. армия 12 июня 1919 года

1. При сем объявляю в копии телеграмму командующего Южгруппы и Туркармии от 9 июня сего года за №94.

«Из поезда командующего, начдиву 25, копия начдиву 31, 24 и 3-й кавалерийской. Ст. Чишма, 9 июня.

Довести до широкого сведения всех частей дивизии, в особенности переправившихся через р. Белая, о том, что сегодня получено сведение о взятии войсками 5 армии, действующими на север от левого фланга 25 дивизии, г. Бирск и что соседняя с 25 дивизией этой же армии 26 дивизия продолжает наступление, имея приказание ударить во фланг неприятелю, действующему на участке 25 дивизии.

Таким образом видно, что положение частей в переправившихся через р. Белая настолько прочно, что в самом ближайшем времени надо ожидать блестящего успеха. Противник же, видя возможности удержать за собой Уфу, сжег сегодня ночью железнодорожный мост.

За геройство и мужество, проявленное 8 июня 220 полком, который стремительным ударом выбил неприятеля из его позиций, не имея артиллерии и достаточного количества пулеметов, продвинулся, невзирая на понесенные в жестоком бою потери, вперед по правому берегу р. Белая на 23 версты, овладел рядом неприятельских позиций и взял пленных, пулеметы и оружие, лично убедившись в этом, находясь с частями 220 полка в передовых цепях, выражаю 220 полку благодарность, а также 217 и 218 полкам за их быструю и храбрую переправу через р. Белая и продвижение вперед.

Вместе с ним выражаю благодарность начдиву 25 т. Чапаеву, комбригу 73 т. Кутякову за их энергичное и умелое руководство

боевыми операциям. Я уверен, что тот революционный дух, настроение, которое я нашел в частях 25 дивизии, передается и послужит примером для остальных войск Туркестанской армии, стоящей на левом берегу р. Белая, что дружным натиском удара на упорного врага колчаковских наймитов сломит и разобьет их окончательно.

КОМАНДУЮЩИЙ ЮЖГРУППОЙ
И ТУРКЕСТАНСКОЙ АРМИЕЙ ФРУНЗЕ
ЗА ЧЛЕНА РЕВВОЕНСОВЕТА ТРОНИН

---

§4. Бригады вверенной мне дивизии впредь именовать порядковыми номерами 1, 2 и 3 стрелковыми бригадами.

73 стрелковой бригаде именоваться 1 стрелковой бригадой, 74 стрелковой бригаде именоваться 2 стрелковой бригадой и 75 стрелковой бригаде именоваться 3 стрелковой бригадой.

Основание: Приказ войскам Туркармии от 22 мая сего года за №36/43.

НАЧАЛЬНИК ДИВИЗИИ ЧАПАЕВ
ВОЕННЫЙ КОМИССАР ФУРМАНОВ
ВРИД НАЧАЛЬНИКА ШТАБА СНЕЖКОВ

И ещё...

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ РЕВВОЕНСОВЕТА ЮЖНОЙ ГРУППЫ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА К НАГРАЖДЕНИЮ ОРДЕНАМИ КРАСНОГО ЗНАМЕНИ НАЧАЛЬНИКА 25 ДИВИЗИИ В.И. ЧАПАЕВА И КОМАНДИРА 73 БРИГАДЫ ТОЙ ЖЕ ДИВИЗИИ
И.С. КУТЯКОВА ЗА УМЕЛОЕ РУКОВОДСТВО ВОЙСКАМИ И ЛИЧНУЮ ХРАБРОСТЬ

№ 1543, г. Самара 14 июня 1919 г.

Ходатайствую о награждении орденом Красного Знамени начдива 25 стрелковой дивизии т. Чапаева за целый ряд одержанных побед частями вверенной ему дивизии, благодаря его умелому руководству и принятию непосредственного участия в боях в решающую минуту на фронтах Уральска и Уфы в течение полуторалетней гражданской войны; комбрига 73 т. Кутякова,

разбившего неприятельскую 11 дивизию, взявшего на р. Боровка конной атакой неприятельскую батарею, овладение Лбищенском, разгром Ижевской бригады в районе Татарского Кандыза, взятие / лихими/ ударами ст. Чишма и переход р. Белая, приведшей к падению Уфы. Во всех перечисленных подвигах лично руководил боями и принимал в них участие.

Реввоенсовет Южгруппы ФРУНЗЕ, КУЙБЫШЕВ

ИЗ ПРИКАЗА РЕВВОЕНСОВЕТА РЕСПУБЛИКИ О НАГРАЖДЕНИИ ПОЧЕТНЫМИ РЕВОЛЮЦИОННЫМИ КРАСНЫМИ ЗНАМЕНАМИ ЧАСТЕЙ 25 СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ ЗА ОТЛИЧИЯ В БОЯХ С ПРОТИВНИКОМ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

№126 9 июля 1919 г.

Награждаются Почетными Революционными Красными Знаменами:

217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225 стрелковые полки и кавалерийский дивизион 25 стрелковой дивизии.

Вышеозначенные полки и дивизион с самого возникновения Восточного фронта действовали на уральско-оренбургском направлении. С непоколебимой революционной верой в победу эти полки и дивизион в течение нескольких месяцев вели ожесточенные и кровопролитные бои, которые привели к разгрому Уральской казачьей армии генерала Савельева и частей Оренбургской армии генерала Дутова.

В дни катастрофического положения Самары, когда противник стоял от нее в двух переходах, полки были переброшены на бугурусланское направление, и здесь, проявляя боевую отвагу, они безостановочным решительным наступлением и яростными атаками овладели в течение полутора месяцев /май и июнь/ Бугурусланом, Белебеем, Чишмой и Уфой и их районами; противнику здесь нанесено жестокое поражение, взято в плен много оружия, более 100 пулеметов и около 10 000 пленных. Таким образом, благодаря беззаветной храбрости и действиям доблестных полков и дивизионов были спасены Среднее Поволжье и хлебный Самаро-Уфимский район.

Особую храбрость полки проявили при форсировании р. Белая и занятии г. Уфа, где противник, сосредоточив большие силы, пытался опрокинуть их обратно в реку. Под сильным ураганным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем противника полки, преодолев несколько рядов проволочных

заграждений и целую систему фортификационных укреплений, в течение одних суток бросались несколько раз в штыки, в результате чего и овладели г. Уфа.

ПРИКАЗ РЕВВОЕНСОВЕТА РЕСПУБЛИКИ О НАГРАЖДЕНИИ В.И. ЧАПАЕВА ОРДЕНОМ КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ЗА УМЕЛОЕ РУКОВОДСТВО ВОЙСКАМИ И ЛИЧНУЮ ХРАБРОСТЬ

№ 137, г. Москва 14 июля 1919 года

Награждается орденом Красного Знамени начальник 25 стрелковой дивизии Василий Иванович Чапаев за нижеследующие отличия:

Сорганизовав по революционному почину отряд, в течение мая, июня, июля, августа и сентября 1918 года, упорно оборонял Саратовско-Николаевский район сначала от нападения уральских казаков, а потом и чехословаков. 6 и 7 октября 1918 года, руководя отрядом /Николаевской дивизией/ на подступах к Самаре, занятой чехословаками, одним из первых переправился через р. Самарка, воодушевляя тем свои и соседние части, что способствовало быстрой переправе частей и занятию Самары. Всегда предводительствуя своими частями, он храбро и самоотверженно сражался и в передовых цепях, неоднократно был ранен и контужен, но всегда оставался в строю. Благодаря его умелым маневрам Александрово-Гайской бригадой были разбиты казачьи банды генерала Толстова, что дало возможность овладеть Уральской областью. Назначенный начальником 25 стрелковой дивизии в дни катастрофического положения Самары, когда противник отстоял от нее в двух переходах, он с дивизией был выдвинут в центр наступающих сил противника под Бугуруслан. Настойчивыми стремительными ударами и искусными маневрами он остановил наступление противника и в течение полутора месяцев овладел городами Бугурусланом, Белебеем и Уфой, чем и спас Среднее Поволжье и возвратил Уфимско-Самарский хлебный район.

В боях под Уфой /8 июня сего года/ при форсирований р. Белая лично руководил операцией и был ранен в голову, но, несмотря на это, не оставил строя и провел операцию, закончившуюся взятием г. Уфа.

ЗА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОЕННОГО СОВЕТА
РЕСПУБЛИКИ /Э. СКЛЯНСКИЙ/
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ВСЕМИ
ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ РЕСПУБЛИКИ /С. КАМЕНЕВ/
ЧЛЕН РЕВОЛЮЦИОННОГО
ВОЕННОГО СОВЕТА РЕСПУБЛИКИ /С. ГУСЕВ/

Да, это достойная награда достойного воина. И слова замечательные... Только Василий Иванович пока о награде не знает. Она будет чуть позже, в июле. А пока стоит июнь, Чапаев тяжело ранен, но рвется в бой. Пулю, которую он получил с колчаковского аэроплана в голову, не смогли вытащить врачи, служившие в прифронтовом лазарете. И все могло бы кончиться весьма печально, если бы не полковой коновал: он вывинтил вражескую пулю из головы Василия Ивановича лошадиными щипцами...

Этот случай «братья» Васильевы вставят в сценарий фильма «Чапаев», но так как фильм сильно сократят и порежут, в нем останутся лишь кадры, где Чапаев будет требовать, чтобы коновала экзаменовали на доктора. Пожалуй, самый непонятный кадр из всей киноленты...

Но все это потом, потом, потом...

А сейчас, как всегда: Чапаев остается неугомонным, решительным воином, несмотря на все тяготы нездоровья.

Всего лишь несколько дней назад получена тяжелейшая травма головы, а он снова в бой:

РАПОРТ В. И. ЧАПАЕВА В ШТАБ ТУРКЕСТАНСКОЙ АРМИИ О ВСТУПЛЕНИИ В ДОЛЖНОСТЬ НАЧАЛЬНИКА ДИВИЗИИ ПОСЛЕ ВЫЗДОРОВЛЕНИЯ

№ 274, г. Уфа 14 июня 1919 года

Доношу, что сего числа я выздоровел и вступил в командование вверенной мне 25 стрелковой
дивизии. Комбригу 73 т. Кутякову обратиться к исполнению своих прямых обязанностей.

НАЧДИВ 25 ЧАПАЕВ
ВОЕНПОЛИТКОМ ДИВИЗИИ ФУРМАНОВ

Вот так! Чапаев остался Чапаевым.

Глава 15. И снова Уральск. Блокада

— Василий Иванович, одолели меня командиры. Хотим, говорят, сфотографироваться на память.

На Фурманова, подошедшего с такими словами, Чапаев посмотрел удивленно:

— Других, что ли, забот мало?

— Да ведь пока вместе. Будет ли еще такой случай?

Верно. Полтора месяца 5-я стрелковая дивизия была в непрерывных боях. Лишь с освобождением Уфы дан ей короткий отдых, и редко видящиеся командиры, комиссары полков и бригад, штабные работники оказались рядом.

Но скоро снова в поход. Дивизию ждет осажденный белоказаками Уральск.

Чапаев потрогал бинты на голове. После ранения у переправы через реку Белая прошла всего неделя, снимать повязку строгие медики еще не позволяли.

— Что, мне идти в таком виде?

Комиссар улыбнулся:

— Зато памятнее будет.

... Фотограф Б. Шперлинг сперва напугался, увидев военных, которые входили и входили в его павильон, — мало ли

ужасов наговаривали колчаковцы про красных. Когда же узнал, зачем пришли эти люди, захлопотал, засуетился...

Сразу столько клиентов не бывало прежде у старого мастера. Как разместить всех возле белого экрана, приспособленного лишь для семейных снимков? Подумал, подумал и поставил в центре полукруглое кресло с высокой спинкой — усадил в него главного начальника с перебинтованной головой, принес диванчик и стулья.

Одиннадцать человек сели, пятеро прилегли внизу на половик, остальные встали позади — кто так, кто на скамеечки. Фотограф укрылся черной накидкой, поколдовал у громадного ящика-аппарата:

— Спокойно, снимаю!..

Публикуемые ниже документы и материалы охватывают всего пятнадцать дней июня 1919 года. После освобождения Уфы от белогвардейцев. Группа документов свидетельствуют о личной роли В.И. Чапаева в поддержании порядка освобожденного города:

ПРИКАЗЫ ПО ГАРНИЗОНУ ГОРОДА УФЫ

Приказ № 1
10 июня 1919 года

§1. Объявляю о своем вступлении и исполнение обязанностей начальника гарнизона и обращаюсь к жителям с просьбой оказывать мне содействие в деле восстановления порядка в городе Уфа и его окрестностях.

§2. Моим помощником назначаю тов. Потапова, командира 7 5-й бригады, к которому и обращаться по делам в мое отсутствие.

§3. Комендантом города назначаю помощника командира 225-го полка тов. Ефремова.

§4. Город объявляю на военном положении, снятие которого будет зависеть от сознательного отношения населения Уфы к факту, что с занятием советскими войсками города Советская власть восстановлена, и все должны подчиняться только единой законной власти.

§5. Все оружие приказываю, у кого бы оно ни было и от кого бы ни было разрешение на право его ношения, в трехдневный срок сдать коменданту города.

§6. Хождение по улицам после 22 часов вечера до 5 часов утра разрешено только имеющим военный пропуск.

§7. Впредь до восстановления советских учреждений охрану жителей беру на себя. Жителям, права которых нарушены кем бы то ни было, обращаться ко мне.

§8. Отвод квартир войсковым учреждениям и военнослужащим будет исключительно комендантом города.

§9. Лиц, не подчиняющихся Советской власти и замеченных в явной контрреволюции, сдавать коменданту города и доводить до сведения политического отдела вверенной мне дивизии.

§10. Телефонную и телеграфные станции Уфы и ее окрестностей подчиняю начальнику связи тов. Чернову, без разрешения которого никто не может пользоваться аппаратами.

§11. Всем служащим государственных и общественных учреждений предлагаю оставаться на своих местах: оставившие таковые будут считаться врагами республики и привлекаться к ответственности по законам военного революционного времени.

НАЧАЛЬНИК ГАРНИЗОНА /КУТЯКОВ/
ВОЕНКОМ /ФУРМАНОВ/

ИЗ ГАЗЕТЫ «КРАСНЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ» за июнь 1919 года,

органа политотдела 25-й дивизии...

...В пять часов пятьдесят минут 9 июня, когда заметили, что белые начали выходить из окопов и бежать от берега Белой в город, тов. Стрижов схватил пулемет системы «максим» и начал стрелять по отступающим, но когда заметили, что белые бегут в панике, тов. Мохначев и Стрижов, выхватив револьверы, бросились бегом по мосту. Пробравшись через груду обломков, наваленных белыми, добежали до проволочного заграждения, протянутого поперек моста.

Набросав на заграждение досок, добрались до взорванной фермы, где, привязав веревку, спустились на лежащую в воде ферму. Товарищ Мохначев, добравшись до берега первым, подал лодку товарищу Стрижову и таким образом оба очутились на правом берегу.

Белые только что скрылись за горой, как тов. Мохначев и тов. Стрижов бросились на гору к первым домам г. Уфы. Взбежав на гору, тов. Стрижов с криком «Да здравствует Красная Армия! Да здравствует рабоче-крестьянское правительство!» стал звать выбежавший на улицу народ, чтобы они скорее подавали лодки для переправы Красной Армии. Народ сразу разбежался, но спустя минуты три Белая была покрыта тысячной флотилией лодок, спущенных в воду для переправы Красной Армии. Таким образом, Уфа 9 июня стала красной...

СРЕДА, 11 июня 1919 год.

В среду вечером, 11 июня, политическим отделом 25 стрелковой дивизии был устроен в помещении цирка митинг на тему: «Текущий момент». Здание цирка было полно народу. Выступал ряд ораторов. Товарищ Крайнюков пояснил уфимским рабочим, что обстрел Уфы был необходим, белогвардейцы за спиной жителей среди города установили орудия, понастроили окопы и, пользуясь всеми преимуществами, которые дала им природная обстановка, как-то: большая река Белая, горы и прочее, превратили г. Уфа в неприступную крепость, взять которую лобовыми атаками не представлялось никакой возможности. Поэтому красным войскам пришлось переправляться через р. Белая далеко от Уфы.

Чтобы отвлечь внимание белых от места переправы, они должны были сделать большую демонстрацию, то есть делали вид, что будто переправляются возле города.

После товарища Крайнюкова говорил уфимский рабочий, который до сих пор не мог прийти в себя от того ужаса и страха, который нагнал на рабочих Колчак. Волнуясь, путаясь, он призывал уфимцев встать добровольно в ряды Красной Армии, дабы не было второго пришествия Колчака.

Большое впечатление произвел на слушателей товарищ Фурманов. Очень не поздоровилось от него попам и офицерам, когда он разбирал их воззвания красноармейцам. Несколько раз его речь прерывалась дружными аплодисментами. Следующий оратор говорил, насколько буржуазия лжива, насколько она может прикрываться красивыми словами и лозунгами, чтобы сохранить за собой земли и фабрики и еще долго сидеть на шее трудящихся.

После говоривших музыка играла «Интернационал». Присутствующими была принята резолюция, в которой все трудящиеся призываются на защиту Советской власти.

ИЗ ПРИКАЗА № 8 22 июня 1919 года

§1. До моего сведения доходят слухи, что в городе Уфе скрываются бывшие офицеры, чиновники, полицейские и др. Приказываю всем означенным лицам, кто сознательно отстал от колчаковской армии и искренне перешел на сторону Советской власти, в трехдневный срок зарегистрироваться в комендантском управлении, после чего виновные в неисполнении настоящего распоряжения будут расстреливаться, а равно будут расстреливаться и те хозяева, которые их укрывают.

§2. По имеющимся сведениям, буржуазия, бежавшая с колчаковской армией, оставила свое имущество соседям или его припрятала. Приказываю о всем таком имуществе, а также о скрытых складах немедленно сообщить в комендантское управление на предмет его конфискации. Виновные в неисполнении настоящего распоряжения будут привлекаться к ответственности по всем строгостям военно-революционного времени.

§3. Мною замечено, что улицы и тротуары во многих частях города не подметаются, а дворы находятся в крайне антисанитарном состоянии. Приказываю квартальным комитетам, домовладельцам и жильцам домов принять решительные меры по уборке улиц и дворов. Вся ответственность за неисполнение сего возлагается на квартальные комитеты и граждан по месту их жительства, а где расквартированы воинские части — на начальников частей. Наблюдение за исполнением сего возлагаю на начальника городской милиции.

§4. В виду забитости железнодорожной линии Чишмы, Аксаково, Бугуруслан, Самара беженцами, военнопленными и др., выдача пропусков на выезд из г. Уфа временно прекращена впредь до восстановления нормального железнодорожного движения. На будущее время к ходатайствам о выдаче пропусков приказываю прилагать две фотографические карточки и удостоверение личности, без которых пропуска выдаваться не будут. О времени выдачи пропусков будет объявлено дополнительно.

НАЧАЛЬНИК ГАРНИЗОНА ЧАПАЕВ
ВОЕНКОМ ФУРМАНОВ

Осажденный в Уральске гарнизон оказался далеко от своих войск. И чтобы поддержать его боевой дух, Михаил Васильевич Фрунзе обратился к Ленину 15 мая со следующей телеграммой: «Уральск уже 50 дней выдерживает осаду. Необходимо продержаться еще минимум две недели. Мужество же гарнизона истекает. Полагал бы целесообразным посылку приветственной телеграммы лично Вами. Телеграмму можно прислать на штаб Южгруппы, который передаст по радио».

На другой же день был получен ответ: «Прошу передать уральским товарищам мой горячий привет героям пятидесятидневной обороны осажденного Уральска, просьбу не падать духом, продержаться еще немного недель. 1еройское дело защиты Уральска увенчается успехом. Предсовобороны ЛЕНИН».

Начальник штаба Южной группы Федор Федорович Новицкий написал впоследствии:

«При осуществлении всех мероприятий по оказанию помощи IV армии М.В. Фрунзе сознавал, что коренное измене- ние обстановки под Уральском произойдет только после возвращения в этот район 25-й стрелковой дивизии».

Сам же Фрунзе в докладе командующему войсками фронта сообщал:

«Мной уже давно было предположено после Уфимской операции перебросить 25-ю дивизию на Уральский фронт, требующий немедленной поддержки значительными силами, так как состояние IV армии совершенно не гарантирует не только обладания нами Уральским районом, но грозит полной неустойкой, в результате каковой чрезвычайно осложнится положение на всех фронтах Южной группы, и это поставит в

безвыходное положение 1-ю армию... Переброска в район Уральска 25-й дивизии ныне необходима более чем когда-либо в связи с неудачами IV армии и серьезной угрозой уничтожения последних ее сил. Переброску 25 дивизии предполагаю начать примерно с 18 июня».

А уже 19 июня Туркестанская армия была полностью расформирована. Преследование Колчака было возложено на II, III и V армии, последняя, из которых шла на Златоуст и 23 июня начала переход Уральского хребта.

Фрунзе приступил к подготовке операции на оренбургском и уральском направлениях силами I и IV армий. В его приказе № 02158 от 23 июня говорилось, что противник, продолжая слабую деятельность в полосе 20-й стрелковой дивизии восточнее линии Оренбург-Стерлитамак, развивает большую активность на юге фронта группы. Особенно энергична его деятельность в районе Уральска, где он прилагает все усилия для овладения Уральском до подхода помощи к осажденному в нем гарнизону. Конные казачьи части продолжают действовать и на ближних подступах к Самаре с юго-востока. От Южной группы войск требовалось подавить восстания в Уральской области и Оренбургской губернии и еще восстановить связь с Туркестаном.

Ближайшей же задачей IV армии ставилось во взаимодействии с группой начдива 25-й Чапаева, подчиняемого непосредственно Михаилу Васильевичу Фрунзе, разгромить главные силы противника в районе Уральска и соединиться с уральским гарнизоном. Для выполнения задачи сосредоточить силы армии в районе Семиглавого Мара, развивать наступление вдоль железной дороги на Переметное. В дальнейшем овладеть районом форпостов Чаганский и Кушумский, перехватывая ближайшие пути отхода противника от Уральска на юг.

В целях выполнения основной задачи — овладения всей Уральской областью — принять срочные меры к усилению АлександровоТайской группы для наступления через Сломихинскую на Калмыков, отрезая пути отхода казакам, против которых предстояло действовать с севера.

РАПОРТ В.И. ЧАПАЕВА М.В. ФРУНЗЕ О ВСТУПЛЕНИИ В КОМАНДОВАНИЕ УДАРНОЙ ГРУППОЙ

№ 0617 4 июля 1919 года

Прибыл в штадив 25 и в командование группой вступил.

НАЧДИВ 25 ЧАПАЕВ
ВОЕНКОМ ФУРМАНОВ

ПРИКАЗ М.В ФРУНЗЕ НАЧАЛЬНИКУ УДАРНОЙ ГРУППЫ В.И. ЧАПАЕВУ ПРОДОЛЖАТЬ НАСТУПЛЕНИЕ НА УРАЛЬСК И ОТРЕЗАТЬ ПУТИ ОТХОДА ПРОТИВНИКУ ИЗ-ПОД НИКОЛАЕВСКА

№ 02317, г. Самара 4 июля 1919 г., 13 ч 50 мин.

Ввиду обнаружившегося отхода противника под Николаевском, группе товарища Чапаева, не задерживаясь на-занимаемых рубежах, продолжать немедленно дальнейшее наступление, стремясь отрезать отходящую из-под Николаевска группу противника.

Командюжгруппы ФРУНЗЕ
Член Реввоенсовета КУЙБЫШЕВ

Готовность всей Южной группы к наступлению устанавливалась 27 июня. Этим же приказом требовалось от начальника военных сообщений придать группе Василия Ивановича Чапаева, а также соседствующей с ней группе 1-й армии военно-дорожные отряды для исправления дорог и переправ; начальнику инженеров Южной группы и коменданту Самарского укрепленного района — передать в распоряжение Чапаева инженерный батальон.

Готовя операцию, М.В. Фрунзе продолжал поддерживать морально уральский гарнизон. В радиограмме от 24 июня он писал:

«Извещал героев-защитников Уральска о том, что работа по сосредоточению войск заканчивается. Не позднее 28 июня можно будет начать общее наступление... Уверен в том, что уральцы, отбивавшиеся от врага два месяца, сумеют продержаться еще немного...

ПРИКАЗ ПО УДАРНОЙ ГРУППЕ В.И. ЧАПАЕВА О СОЕДИНЕНИИ С УРАЛЬСКИМ ГАРНИЗОНОМ И РАЗГРОМЕ ОТСТУПАЮЩЕГО ИЗ-ПОД НИКОЛАЕВСКА ПРОТИВНИКА

№01, ст. Елшанская 4 июля 1919 года, 14 ч

Задача группе не позже 15 числа сего месяца соединиться с Уральским гарнизоном, разбить противника на пути его отступления от Пугачева /Николаевск/, имея в виду, что с последним действует пешая семеновская дружина при 12 орудиях, объединившая действующие в том районе казачьи банды. Кроме того, казаки отдельными конными отрядами находятся в районах Шабалов, Соболев, Грязно-Иртецкое, Новоозерный. Все эти банды уничтожить.

Правее нас действуют части 4 армии. Левее нас действуют части 1 армии.

Разграничительная линия: между 4 армией и бригадой т. Плясункова — Яблонный Гай, Смоленка, умет Камеликский, Таловый и Переметная — все пункты для 4 армии включительно; между Ударной группой Чапаева и 1-й армией — Сергеевка, западная часть Соболева и Дьяков.

Во исполнение поставленной мне Южной группой задачи приказываю:

1. Комбригу Особой бригады т. Плясункову, охраняя правый фланг группы резервом, не имея ни одного полка уступом, выступить в 4 часа 5 июля, не позже 8 июля занять Тяглинский, Землянский, Мордовский.

2. Комбригу 1 т. Кутякову выступить 5 июля в 5 часов и занять не позже 8 июля пункты: хут. Россошин ский и Умет Грязный. Держать тесную связь кавдивизионом с бригадой т. Плясункова.

3. Комбригу 3 т. Чекову /без 75 кавдивизиона/ выступить из занимаемых пунктов 5 числа в 7 часов и занять не позднее 8 июля Пономарев, западную часть Соболева, восточная же часть должна быть занята частями 1 армии.

4. 74 кавдивизиону держать тесную связь между 1 и 3 бригадами и в тыл со 2-й бригадой, составляющей групповой резерв.

5. 2 бригаде, оставаясь в групповом резерве и следуя за стыком 1 и 3 бригады, держась не далее в 10- 15 верстах от них с расчетом, чтобы во всякое время быть в состоянии оказать содействие там, где это потребуется. К моменту занятия Соболева и Пономарева 2 бригаде, оставив в Покровке полк при штабе дивизии, с двумя полками выйти на линию между Пономаревым и Умет Грязный и приготовиться к смене 3 бригады.

6. Командиру 25 кавдивизиона т. Сурову с приданным 7 5 кавдивизионом, охраняя группу от удара во фланг и находясь для этого на левом фланге, держать тесную связь с частями 1 армии,

по занятии 2 бригадой Соболева выслать сильные разъезды к истоку р. М. Выковка и сильными заставами охранять фланг группы.

7. Разграничительные линии между 1 бригадой и т. Плясунковым: Пестравский Выселок /Тамбовка/, Августовка / Лемеховка/, М. Черниговка, В. Черниговка, хут. Заикин — все для 1 бригады включительно: между 1 и 3 бригадами: Мурашкина, Корнаухов и Чеганский — все для 1 бригады включительно.

8. Командирам частей, имея в виду свойственный казакам способ ведения войны /партизанский/, уметь этому способу противопоставить способ, равносильный ему, пользуясь опытом наших прошлых удачных операций на уральском фронте, и горький опыт недавно разбитых здесь частей одной из бригад, не умевшим противостоять партизанам. Всегда быть готовым справа и слева, с тыла и фронта принять неожиданный удар противника, обеспечивая себя надежными резервами. Напоминаю §7 приказа за № 02158 комюжгруппы и предупреждаю, что при обнаружении каких-либо погрешностей в этом деле, особенно когда результатом явится неудача, повинность повлечет за собой суровые кары, начиная с расстрела командиров и комиссаров.

9. Командирам частей на ночь в деревнях красноармейцев не оставлять, а выводить из них и, располагать около них, окружая кольцом обозы, орудиями, и размещать в строениях.

10. Не забывать связи — первое дело, отсутствие ее не допускаю и к виновным буду беспощаден.

11. Комбату связи поручить охрану проводов местному населению под гарантию, что в случае порчи связи ответственность вплоть до расстрела ложится на население .

12. С жителями, уличенными в явной контрреволюции и содействии неприятелю, бороться самым решительным образом, расстреливая на месте преступления.

13. Наштабригам разработать схемы операции и согласно боевым приказам по бригадам и вместе с последними по одному экземпляру представить мне.

14. Оперативный отдел наштагруппы 5 июля в 7 часов выступает в Покровку, а административный — в 3 часа 6 июля следует туда же. Комбату связи немедленно выслать для восстановления телеграфных станций в Покровку отделение с таким расчетом, чтобы с прибытием оперативного отдела связь была бы уже восстановлена .

15. Дивизионный перевязочный пункт — с. Покровка. База артиллерийского питания — с. Елшанская, канцелярия отдела снабжения, оставив склады в Богатое, перейти в Покровку.

16. Командирам бригад присылать донесения три раза в

сутки к 4, 10 и 16 часам, указывая в последнем из них полное расположение частей; донесения о ходе боя присылать через каждые два часа. Заместители мои: 1) наштагруппы т. Снежков, 2) комбриг 1 Кутяков, заместители военкома группы т. Шумаков и т. Пестов.

НАЧГРУППЫ ЧАПАЕВ
ВОЕНКОМ ГРУППЫ ФУРМАНОВ
ВРИД НАШТАГРУППЫ СНЕЖКОВ

Фрунзе стремился как можно быстрее разрядить создавшуюся обстановку в районе Николаевска. Ленин, внимательно следивший за положением на фронтах, запросил Михаила Васильевича 1 июля телеграммой: «Развитие успехов противника в районе Николаевска вызывает большое беспокойство. Точно информируйте, достаточное ли внимание обратили Вы на этот район. Какие Вы сосредотачиваете силы и почему не ускоряете сосредоточение? Срочно сообщите о всех мерах, которые принимаете».

И в этот же день Фрунзе доложил, что операциям на уральском участке фронта, и, в частности, в районе Николаевска, уделяется самое серьезное внимание ввиду очевидной опасности соединения колчаковско-деникинского фронта на Волге. Но до сих пор в его распоряжении на этом направлении были лишь слабые, совершенно не подготовленные и плохо вооруженные части. Все остальное было занято под Уфой.

Теперь же из-под Уфы самым спешным порядком и с напряжением всех сил перебрасывается 25-я дивизия в район Богатое-Бузулук для нанесения удара с севера. Одной этой дивизии для ликвидации Уральско-Оренбургского фронта далеко недостаточного, но не позже 10—14 дней Уральск и весь север области будут освобождены. Взятие Николаевска обеспечено в ближайшее время.

Несмотря на принимавшиеся меры, командование IV армии, так же как и командир 22-й дивизии, возбуждало ходатайство об оставлении Уральска. 2 июля М.В. Фрунзе командарму Авксентьевскому ответил телеграммой, что это — проявление непонимания общей обстановки, которая в настоящей время больше, чем когда-либо, требует решительных действий для ликвидации противника в Уральской области. И при непременном условии удержания Уральска приказал выполнять данную армии задачу, не возбуждать никаких ходатайств, так как

они очень нежелательны в смысле морального воздействия на подчиненных.

Обращаясь в приказе к войскам, Фрунзе писал: «Необходимо на фронте IV армии перейти в решительное наступление, нанести противнику сокрушительный удар, от которого он не мог бы более оправиться, и навсегда искоренить зародыши и очаги восстаний и мятежей в Уральской области. Задача эта возлагается мною на I и IV армии со славной 25-й дивизией, грозное оружие которой хорошо известно мятежникам».

Главный удар на Уральск наносила группа В.И. Чапаева, подчинявшаяся непосредственно М.В. Фрунзе. Полки 25-й дивизии перебрасывались от Уфы на уральское направление по железной дороге, выгружались на станции Богатое, Неприк, Бузулук и других и, не задерживаясь, уходили в районы сосредоточения для наступления. Слух о прибытии дивизии разнесся по окрестным деревням. На станциях выгрузки скапливалось много крестьянских подвод. Чапаевцы думали вначале, что крестьяне съезжались на базары, но оказалось, что они прибывали встречать их, повидать близких и знакомых, оказать помощь. Встреча для прибывших была приятна, а помощь очень и очень кстати, так как обозы к боевым частям еще не подошли.

В начале июля Чапаев и Фурманов были вызваны Фрунзе и Куйбышевым в Самару, где Фурманову было указано на ошибочность допущенного им высказывания в адрес Чапаева о его карьеризме и авантюризме...

Между ними уже давно шли крупные разногласия. Хотя основной и, пожалуй, самой главной причиной была женщина. Жена Дмитрия Андреевича Фурманова Анна Никитична Стешенко.

Фурманов не мыслил войны без своей Наи, Наечки, как называл он ее от обратного имени Аня. Познакомившись с ней еще медбратом, Дмитрий Андреевич не расставался с любимой практически нигде. Вот и к Чапаеву вновь назначенный комиссар почти сразу же выписал жену. Та приехала незамедлительно, но не одна. С нею вместе прибыло 50 (!) обозов с артистам, театральными декорациями и прочим скарбом.

Чапаев взвился и высказал Фурманову две существенные претензии:

Первая — это то, что если каждый маломальский начальник будет привозить свою жену на фронт, в действующие части, то вскоре из дивизии ничего не останется, кроме базара и склок.

Вторая причина заключалась в том, что прибывших артистов, их лошадей надо было ставить на довольствие, а его порой не

хватало бойцам действующих частей.

Несмотря на конфликт, Дмитрий Андреевич не собирался расставаться со своей ненаглядной Анной Никитичной, а та в свою очередь — с дорогим ее сердцу театром, артистами и театральным скарбом.

Чапаев постоянно нервничал. Отозвать или уволить своего комиссара он никак не мог, поскольку тот был назначенцем из Ревоенсовета-4.

Фурманов в свою очередь просил Василия Ивановича не рассматривать его жену как жену. Её надо было считать дивизионным культурно-массовым просветительским работником. Или просто: культмасспросвет.

Чапаев не соглашался. А вскоре и многие комбриги начали указывать на столь щекотливое положение военного комиссара... Назревала склока. И соответственно, недовольства. Многие из подчиненных стали подумывать и о своих забытых женах...

Итак, окончательно рассорившись, Чапаев и Фурманов почти одновременно подают рапорты в штаб Михаилу Васильевичу Фрунзе. Рапорты с просьбами разобраться в обстановке и поставить во всем надлежащую точку. Вскоре долгожданная «точка» была поставлена:

Д.А. ФУРМАНОВУ ТЕЛЕГРАММА 30 июля 1919 года

Вследствие ходатайства, возбужденного своевременно, Вы освобождаетесь от занимаемой должности. Постановлением Ревсовета военкомдивом назначается состоящий для поручений при командюжгруппе тов. Батурин, которому по прибытии предлагаю сдать дела и немедленно прибыть в распоряжение Ревсовета Южгруппы.

ЧЛЕН РЕВСОВЕТА ЮЖГРУППЫ БАРАНОВ

ИЗ ДНЕВНИКА ФУРМАНОВА:

...Может быть, это просто уважается мое устное ходатайство перед Ревсоветом, когда мы с Чапаем были в Самаре. (Имеется ввиду телеграмма с отзывом. — Примеч. авт.) Но с тех пор уже много воды утекло... Мы с Чапаем работаем дружно. Нам расстаться тяжело...

...Теперь совершенно ясно, что всякие переговоры надо оставить. Я уезжаю. Со мной уезжает и Ная. Эти два дня я

проводил дивизионную партийную конференцию. В лице тт. конферентов я простился с дивизией и на прощанье поделился с товарищами опытом своей работы и дал советы, как вести в данных трудных условиях партийную работу. Радостно было слышать и здесь, на конференции, и позже, в частной беседе, сожаления о моем уходе. Уходит Ная. Она великолепно работала в культпросвете, недаром весь к(ульт)просвет едва не ставит ультиматум по поводу её ухода. С её уходом сиротеет культ просвет. Оба оставляем дивизию с чувством сожаления и тихой грусти. Свыклись, слюбились, сработались. От сердца отрывается живой кусок. Куда-то дальше бросит судьба? Где, что будем работать? Чапай повесил голову и вчера целый день не был у меня ни разу.

4 августа.

И чтобы не быть голословной, приведу отрывок из воспоминаний артиста культмасспросвета Льва Граната:

...Культурно-просветительской работой в подиве занималась Анна Никитична Фурманова (Стешенко. — Примеч. авт.), жена комиссара. Молодая и приветливая, она загорелась мыслью организовать при политотделе свой дивизионный театр и нашла во мне столь же рьяного помощника. Решение о сформировании собственной группы было совершенно верно, так как чапаевцам вскоре предстоял поход в уральские степи, а там армейских артистов поди дождись. Труппу условились создавать не профессиональную, а, как нынче говорят, самодеятельную. Несколько любителей-театралов было у Фурмановой на примете... да еще два-три энтузиаста. Для полного ансамбля этого, конечно, маловато. Мы с Анной Никитичной побывали во многих подразделениях, объясняли командирам и комиссарам нашу цель и по их советам подбирали подходящих для сцены красноармейцев. Такие люди нашлись, но особой охоты менять боевой строй на «какой-то театр» они не проявляли. Приходилось одних долго уговаривать, агитировать, на других воздействовать командирским приказанием. Все же драматический коллектив был создан, и среди наших актеров-любителей обнаружились впоследствии настоящие таланты.

Нелегким оказалось раздобыть костюмы, парики, грим, реквизит. Но с этим делом справились благодаря настойчивости Анны Никитичны, привлекшей на помощь начальника политотдела Д.В. Сурова, заместителя военкомдава Крайнюкова,

а то и самого комиссара дивизии.

Пьесы для первых постановок выбирали короткие, по возможности, с. малым числом женских ролей. Выручали Чехов, Горький, Некрасов, Кольцов...

Режиссуру вначале вели мы с Фурмановой, спектакли получались в полном смысле любительские. Позже был приглашен профессиональный режиссер Талер, он и поставил дело как следует.

Но вернемся к Уральску.

Итак, командование IV армии получило приказ командующего Южной группой войск о наступлении с целью очищения от противника территории севернее Уральска и прорыва блокады. Но вместо энергичной и всесторонней подготовки к нему оно занялось другим, что видно из его письма от 2 июля Реввоенсовету Южной группы войск.

В письме говорилось: «Главным недостатком IV армии является ее партизанский характер. До сих пор многие части армии имеют склонность к выборному началу. Против командиров, бывших офицеров, ведется злостная, разлагающая дисциплину агитация. Зачастую целые полки выносят резолюцию недоверия не только своему ближайшему командному составу, но даже штарму-IV, штабу Южной группы, обвиняя их в предательстве и измене.

Для примера можно указать выступление в этом духе полка «Красной звезды» в Пугачеве, также непрекращающуюся провокацию в полках Плясунковской группы. До сих пор в армии гуляют безнаказанно убийцы Линдова и Майорова. Куриловский полк, принимавший активное участие в этом убийстве, продолжает терроризировать высшее командование. В армии очень часты случаи неисполнения боевых приказов, самовольного оставления позиций и прочее. Отдельные демагоги и провокаторы пользуются в армии колоссальным влиянием. Одним словом, можно сказать, что значительная часть наших неудач на Уральском фронте объясняется партизанщиной, которой пропитана IV армия.

Реввоенсовет-IV приступил к самым энергичным мерам по очистке армии от провокаторско-партизанских элементов. С этой целью в первую очередь изымаются главари и вдохновители контрреволюционных выступлений. Уже арестован командир бронепоезда Богданов — инициатор убийства Линдова. Принимаются меры к аресту других демагогов. Наряду с этим Реввоенсовет-IV будет постепенно устранять из армии всех

ответственных, тем более популярных лиц, хотя и не замешанных ни в каких преступлениях, но являющихся вождями партизанщины. Но борьба с разложением IV армии будет действенной только тогда, когда в этом направлении одинаково будут работать все заинтересованные инстанции...»

С прибытием 25-й дивизии в исходный район для наступления и овладения Николаевском Фрунзе 3 июля 1919 года отдал приказ о переходе с утра 5 июля в общее наступление.

Большое внимание М.В. Фрунзе и В.И. Чапаевым уделялось обучению частей, не умевших, как показал опыт многих боев, действовать против казачьей конницы. Требовалось помнить, что противник, превосходивший в подвижности, всегда мог иметь возможность ударить во фланг, прорвать фронт или действовать в тылу. Это не должно вызывать смятения. Конница не сильнее пехоты, но нельзя допускать застать себя врасплох, иначе неизбежна паника. И неминуема гибель.

На подходе все ценное, особенно боеприпасы, требовалось иметь в середине колонн, не допуская захвата их противником. Во все стороны высылать охранение. При появлении казаков не приостанавливать движения, как того добивается противник, а выполнять задачу дня, будучи готовыми к отражению атак с близких расстояний; не открывать огня с дальних дистанций и не расходовать патроны, не достигая цели, становясь потом без боеприпасов добычей противника.

Особое внимание обращалось на охранение и поддержание боеготовности на стоянках и ночлегах. Требовалось каждое селение, занимаемое на ночь, приводить в оборонительное состояние путем наскоро используемых подручных средств.

Кроме частей, несущих круговое охранение, иметь дежурные части не менее одной трети гарнизона, держать их сосредоточенно и в полной боевой готовности. Занять заранее назначенные места, засветло нацеливать пулеметы.

Эти требования особенно касались группы Чапаева, которой предстояло совершить длительный поход в степях, имея необеспеченный тыл. С началом наступления необходимо было взять как можно больше боеприпасов, чтобы временный перехват противником сообщения с тылом не имел серьезных последствий.

В Бузулуке Михаил Васильевич Фрунзе приказал организовать расходный склад огневых и других припасов, а командарму-1 — надежно его прикрыть.

Все попутные селения приводить в оборонительное состояние, создавая таким образом прочно обозначенные пути подвоза и сообщения с тылом.

Полки 25-й дивизии, кроме 74-й бригады, формировавшейся

перед наступлением на Колчака в Самаре, имели большой опыт борьбы с казаками. Перед ними был противник, которого они не раз били. Части имели боевое настроение.

Красноармейцы и командиры шли в родные места освобождать свои семьи, и еще в Уфе волновались за них, узнав о вторжении казаков.

О настроении воинов в те дни в политдонесении 224 полка 75 бригады говорилось, что, несмотря на недостатки в снабжении, длительные задержки жалования, полковая боеспособность пока находится на должной высоте. Красноармейцы уважают своих командиров. И почти ежедневно несколько человек записывается в сочувствующие Коммунистической партии.

В красноармейском боевом листке 219-го полка 73 бригады в начале июля 1919 года писалось: «Героизм не имеет ничего общего с обмундированием, но и обмундирование, и обувь все-таки необходимы! Скоро всем дадут все новое. Это успокоительно. Колчаковцы же как в лаптях, так и в богатой английской форме бежали от нас, как от огня».

В другой заметке говорилось: «Недавно мы пережили один праздник. Это был час, когда из Киржацкого затона переправлялись через р. Белая в Уфу... сумели показать, насколько силен дух свободы, насколько умеем бороться за свое правое дело и святой труд».

И вот новая «близкая радость — скорая встреча с гарнизоном осажденного Уральска».

ДОНЕСЕНИЕ В. И. ЧАПАЕВА М.В. ФРУНЗЕ
О НАСТУПЛЕНИИ ЧАСТЕЙ УДАРНОЙ ГРУППЫ НА УРАЛЬСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

6 июля 1919 г., 11 ч 25 мин.

Довожу до вашего сведения, что части вверенной мне Ударной группы быстро продвигаются вперед, выполняя приказ по группе № 01, при сем прилагаемый вместе со схемой.

6 июля части занимают левый берег р. Иргиз. О результатах продвижения буду немедленно сообщать.

Командударггруппы ЧАПАЕВ
Военком группы ФУРМАНОВ

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ШТАБА УДАРНОЙ ГРУППЫ О ПРОДВИЖЕНИИ ЧАСТЕЙ НА УРАЛЬСК

№ 0319, с. Покровка

6 июля 1919г., 12 ч 25 мин.

Во исполнение боевого приказа по труппе за №01 части быстро продвигаются вперед. Пока получены сведения о занятии 223 полком хут. Назарова, 225 полком — хут. Березенов, предполагают в ночь занять станицы Соболев и Пономарев, 73 бригада т. Кутякова... и подходит к Гусихе.

/От/ бригады Плясункова сведений о пройденных пунктах не поступало.

Боевая линия между частями держится все время. Связь со штабами бригад и штабом дивизии вследствие быстрого хода еще как следует не налажена.

Тов. Чапаев лично на автомобиле объезжает все части.

Наштагруппы СНЕЖКОВ
Политком ЧАКИН

ДОНЕСЕНИЕ ШТАБА УДАРНОЙ ГРУППЫ В ШТАБ ЮЖНОЙ ГРУППЫ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ЧАСТЯМИ 3 БРИГАДЫ стц. СОБОЛЕВ

№ 0324, с. Покровка 7 июля 1919 г.

В 22 часа 6 июля стц. Соболев частями 3 бригады занята. Силы противника под Соболевым около 4-х полков при двух 3-дюмовых орудиях.

И. д. наштагруппы СНЕЖКОВ
Военком ЧАКИН

ПРИКАЗ ПО УДАРНОЙ ГРУППЕ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОСАЖДЁННОГО УРАЛЬСКА

№02, С. Покровка 7 июля 1919 г.,
15 ч 20 мин.

Полки вверенной мне группы, несмотря на опоздание в получении боевого приказа, поспешили выполнить его на целые сутки ранее срока. Это залог того, что Уральск будет освобожден раньше 15 июля, срока, указанного Южгруппой.

Казачьи банды, оставившие Пугачев и бегущие на всем фронте наших славных бригад, делают попытки вновь атаковать Уральск. Поспешим уничтожить эти банды в реках Урал и Чеган, отрезав Семеновскую дружину, уходящую из Пугачева.

Правее нас действуют части 4 армии, разграничительные линии с которой остаются прежними. Левее нас — части 1 армии, разграничительная линия с которой со взятием Соболева указана: Пирошкин, Тресухин — для нас включительно. Скорее вперед! Не позже 12 июля снять оковы с осажденного Уральска.

Приказываю:

1. Комбригу Особой т. Плясункову /состав прежний/ не позже 10 июля перейти р. Таловка, достигнув р. Вербовка, занять Пузановский, Пеньков, Чапурин.

2. Комбригу 1 т. Кутякову /состав прежний/ перейти р. Балбинская и не позже 10 июля занять: Сладкой, Ялов, Яганов, Джиригин, Астафьев, оказать содействие т. Зубареву ударом с фланга или тыла для занятия Красный.

3. Комбригу 2 /состав прежний/, оставив 221 полк в резерве группы, два батальона в Соболеве и один в Ивановке / Самохваловка/, выйдя с двумя полками через Пономарев, занять хут. Лебедев, Б. Усов, Типилин, не заходя в Новоозерный, Таловский, делая все время глубокий обход, к 10 июля занять Красный.

4. Комбригу 3 т. Чекову /состав прежний/ к 10 числу занять хут. Павлов, Чеботарево, Шепталов и Честноков, все время держа связь при помощи 75 кавдивизиона с 1-й армией, к 10 июля выйти на линию дороги, ведущей от М. Усов к слиянию рек М. Выковка и В. Выковка .

5. Тов. Сурову, командиру 2 5 кавдивизиона, следуя с дивизибном впереди стыка 1 и 3 бригад, оказывать содействие остальным бригадам для выполнения боевых задач, использовать момент наступления 2 бригады на Красный для преследования... перехватить пути отступления противника от Красного и ударить ему в тыл.

6. Разграничительные линии: а) между 1 бригадой и т. Плясунковым — Б. Зайкин, Савчев, Сладков, Ветелки — все для 1 бригады включительно;

б) между 1 и 2 бригадами — р. Чеган, правый берег весь для 1 бригады включительно;

в) между 2 и 3 бригадами — Соболев, Усов, Дьяков — все для

2 бригады включительно.

7. Для донесений комбригам организовывать летучую почту независимо от технической связи.

8. Комбату связи немедленно приступить к установке телеграфной станции в Соболеве.

9. Штабу дивизии готовиться к переходу в Новоозерный. О выступлении последует особое распоряжение.

10. До перехода штадива в Новоозерный все донесения присылать в Соболев, где я буду находиться.

11. Заместители мои: 1) наштадив т. Снежков и 2) комбриг 1 Кутяков. Заместители военкомдива: 1) т. Шумаков и 2) т. Пестов.

НАЧДИВ ЧАПАЕВ
ВОЕНКОМ ФУРМАНОВ
НАШТАДИВ СНЕЖКОВ

ТЕЛЕГРАММА В. И. ЧАПАЕВА В РЕВВОЕНСОВЕТ ЮЖНОЙ ГРУППЫ С ПРОСЬБОЮ ВЫСЛАТЬ ОРДЕНА КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

8 июля 1919 года

Сообщите, будут ли присланы добавочные ордена Красного Знамени и подарки помимо тех, которые у нас имеются в незначительном количестве. Вышлите три ордена на тех товарищей, которые захватили под Бугурусланом неприятельский приказ, за что им были обещаны вами ордена Красного Знамени.

Начдив ЧАПАЕВ
Военком ФУРМАНОВ

И снова приказы, приказы, приказы... Но что же лучше них сможет рассказать о боевых действиях тех лет?..

РАСПОРЯЖЕНИЕ В.И. ЧАПАЕВА КОМАНДИРАМ 1,2 И 3 БРИГАД О СКОРЕЙШЕМ НАСТУПЛЕНИИ НА УРАЛЬСК

№88, с. Покровка 8 июля 1919 года

На участке 1 бригады на правом ее фланге противник

проявляет активность. Разбиты 73 кавдивизион и одна рота 218 полка, высланная на поддержку кавдивизиону. Это последнее обстоятельство лишний раз доказывает, что мелкими частями поддержки давать не следует. Чтобы сохранить положение т. Кутякова, приказываю комбригам 2 и 3 немедленно начать быстрое продвижение во исполнение приказа № 02.

Тов. Плясункову и Кутякову вступить в тесную связь между собой.

Начдив 25 стрелковой ЧАПАЕВ
Военком ФУРМАНОВ
Наштадив СНЕЖОВ

ЗАПИСЬ РАЗГОВОРА ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА 25 ДИВИЗИИ СНЕЖКОВА С НАЧАЛЬНИКОМ ОПЕРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЮЖНОЙ ГРУППЫ П.П. КАРАТЫГИНЫМ О ХОДЕ БОЕВ НА УРАЛЬСКОМ НАПРАВЛЕНИИ И ДАЛЬНЕЙШИХ
ЗАДАЧАХ ДИВИЗИИ

9 июля 1919 года

/Снежков/: — Здравствуйте. Наконец-то в поте лица добились связи с вами, но надолго ли счастье? Начну с главного. Завтра мы думаем занять пункты Пузановский, Пеньков, Чапурин, Сладков, Ялов, Красный, Усов, и нам необходимо сегодня же узнать дальнейшую задачу дивизии после соединения с уральским гарнизоном. Тов. Чапаев просит передать, что если нам придется дальше наступать в направлении Круглоозерный и Лбищенск, то дивизию через Уральск по тракту вести нельзя. Во избежание лишних потерь и меньшей успешности необходимо будет делать обходное маневрирование, и как раз мы подошли к тем рубежам, откуда необходимо будет, в зависимости от других групп, изменить направление нашего движения. Необходимо от вас получить как можно скорее, по крайней мере, указание хотя бы района, в который должны будут войти наши части после освобождения Уральска. Ну за связь или за заботу о питании технической части нашей связи благодарим мы армию. Вы нас замучили телеграммами командарма на имя т. Чапаева по поводу отсутствия связи, /что/ только и говорит за то, что вы там совершенно не представляете ту гнетущую действительность, при которой мы здесь работаем. Надо было посмотреть на карту,

увидеть расстояние между бригадами и частями тылов и сравнить с имеющимися у нас техническими средствами, чтобы обвинить нас в неумении не дожидаться связи.

8 июля 220 и 223 полками после упорного 9-ти часового боя занят Пономарев. Противник дрался бешено как никогда, в бою участвовали его два броневика, наносившие нам потери. Кавдивизионом 25 занят хут. Лебедев, частями 3 бригады с боем заняты Самаркин и Шепталов. Штабриги 3 и 2 находятся в Соболеве. Частями т. Кутякова /заняты/ М. и Б. Зайкин, Таловлигин, Пьянов, частями т. Плясункова, полком им. Ленина занят Тимошинский. Штабриги т. Кутякова и Плясункова — в Б. Глушице. Части /находятся/ в дальнейшем движении для выполнения боевого приказа № 02.

Казаки упорно сопротивляются, у нас есть убитые и раненые. Кавдивизион т. Кутякова почти весь разбит. Командир дивизиона и командиры эскадронов ранены, причем командир одного эскадрона смертельно; одна из рот 218 полка целиком почти уничтожена противником, а ротный командир попал в плен. Словом, та и другая сторона дерутся озверело. Необходимо вам ориентировать уральский гарнизон о нашем приближении, а то в нашем радио буря сломала мачту. Поставьте нас в известность о достигнутых рубежах всеми группами и их планах действия, дабы нам друг друга не уничтожить.

Мы думаем утром 12-го подойти некоторыми своими частями к Уральску. 1 армия своим правым флангом сильно отстала и занимает пункты, уже занятые нами на сутки раньше. По приказу 3 бригады Оренбургской дивизии от 8 июля они должны будут занять к 15 июля Рубежный и Требухин, в то время как мы эти пункты займем 12 числа.

Казаки, уходя, уничтожают все на своем пути, угоняя скот, /унося/ домашнюю утварь; жителей в казачьих поселках остается очень мало — СНЕЖКОВ.

/КАРАТЫГИН/: — Здравствуйте, т. Снежков. Я понимаю всю пытку с этой несчастной связью, но мы не виноваты в снабжении техникой, так как почти ничего не имеем. Все обещанное высылается, но налицо почти ничего нет. Относительно дальнейшего направления как раз только что был разговор о вашей дивизии. Я сейчас передам командующему все ваши сведения, и тогда дадим вам указания. Подробно ориентирую вас, но, в общем, скажу, что части 4 армии и 1-й почти на местах. Уральску сообщаем. Ваши сведения все остаются к 8-му числу?

/СНЕЖКОВ/: — Да, к 21 часу 8 июля, а сейчас уже части двигаются дальше. Особенно рискованные предприятия 2 бригады, которая идет на хут. Лапилин, не заходя в Новоозерный

и Таловский, где главные силы
противника. По требованию /приеду/ на доклад.

В районе Пономарева противник контратаковал 74-ю бригаду. На цепи 220-го полка Г.А. Горбачева шли броневики белых, сопровождаемые казачьей конницей. Противник рассчитывал смешать броневиками боевые порядки наступавшей пехоты, вызвать панику и довершить дело пущенной в ход конницей. Но ожидаемого эффекта не получилось. Цепи залегли и, пропустив через себя бронемашины, отсекли от них конницу. Под огнем артиллерии броневики вынуждены были поспешно отступить.

ПРИКАЗ ПО УДАРНОЙ ГРУППЕ ОБ УСИЛЕНИИ ТЕМПОВ НАСТУПЛЕНИЯ
НА УРАЛЬСК
№03, стц. Новоозерный 10 июля 1919 года

Задача дивизии все та же — уничтожить казачьи банды и скорее соединиться с гарнизоном Уральска. Разграничительные линии между соседними частями дивизии прежние. Приказываю:

1. Разграничительные линии между бригадами сохранять согласно моему приказу № 2.

2. Комбригу Особой т. Плясункову, охраняя правый фланг группы согласованными действиями с комбригом 1 т. Кутяковым, продвигаясь вперед, не позже 12 июля сего года перейти железную дорогу в районе хут. Широкий и расположить части в районе хут. Зелененький, Халилов и разъезд Ростовский, где и ждать моих дальнейших распоряжений.

3. Комбригу 1 т. Кутякову стремительным натиском не позже 1 июля очистить весь правый берег реки Чегандо Мересчаснова от банд противника, стараясь последнего не выпустить из изгибов реки, где его и потопить.

4. Комбригу 2 не позже 11 июля, не заходя в хут. Сладков и не касаясь далее дороги от Сладкова на Уральск, занять Гниловский и Дьяков и далее, по занятии названных пунктов, очищая правый берег р. Урал от противника, быстро подходить по дороге, ведущей от Илецкого Городка на Уральск, к Уральску.

5. Комбригу 3 Чекову, не медля ни одной минуты, не позже 10 часов 11 июля занять Рубежный, а затем уже в тот же день взять Требухин.

6. Командиру отдельного кавдивизиона 2 5 т. Сурову,

двигаясь впереди стыка 2 и 3 бригад, оказывая последней содействие, и при подходе к Дьякову стремительным налетом броситься вдоль р. Урал, не давая противнику перевозить обозы на левый берег, уничтожая его в волнах Урала.

7. Штадиву оставаться в Новоозерном, куда и переехать базе артиллерийского снабжения.

8. Заместители остаются согласно приказу за № 02.

Начдив 25 стрелковой ЧАПАЕВ

Военком ФУРМАНОВ
Наштадив СНЕЖОВ

ИЗ ЗАПИСИ РАЗГОВОРА ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ ЮЖНОЙ ГРУППЫ П.П. КАРАТЫГИНА С НАЧАЛЬНИКОМ ШТАБА 4 АРМИИ А.К. АНДЕРСОМ ПО ПОВОДУ ПЛАНА В.И. ЧАПАЕВА О ПОДХОДЕ К УРАЛЬСКУ И ДАЛЬНЕЙШЕМ НАСТУПЛЕНИИ НА УРАЛЬСКИХ БЕЛОКАЗАКОВ 10 июля 1919 г.

/КАРАТЫГИН/: — У аппарата начоперупрюжгруппы Каратыгин.

/АНДЕРС/: — Я побеспокоил вас, что /бы/ ориентировать о развитии наступления 25 дивизии. Сегодня к вечеру левофланговые части ее заняли фронт Широкая Лопь, Теплый, правый фланг выходит на ту же линию. Завтра, 11 июля, к 10 или 11 часам товарищ Чапаев предполагает выйти к Уральску со стороны Гниловский. Чапаев просит предупредить уральцев об этом подходе /по/ вашему радио. План т. Чапаева заключается в том, чтобы, обходя Уральск с востока, отрезать противнику пути отхода на юг и отбрасывать его на Шиповскую группу, которая, соединившись с уральским гарнизоном, могла бы захватить части противника, энергично приняв их на себя. План вполне соответствует обстановке, и желательно было бы его провести. Прошу соответствующих распоряжений для согласования действий частей армии с дивизией Чапаева. Для этого желательно /изменить/ направление частей Шиповской группы возможно более на юго-восток. Не имеется ли у вас сведений о положении 314 и 315 полков?

/КАРАТЫГИН/: — Отвечаю на ваши вопросы. С предлагаемым способом действий вполне согласен и считаю, что наша Шиповская группа может получить юго-восточное направление, как вы говорите, после занятия ею ст. Переметное. Мне было бы

интересно знать ваше мне- ние о моменте выхода уральского гарнизона для принятия активного участия в происходящей операции.

314 и 315 полки сейчас в районе Жестянки и пойдут на Озинки, где погрузятся на железную дорогу.

Связь с Уральском у нас вполне надежная, и наши распоряжения туда доходят очень быстро.

/АНДЕРС/: — Мое личное мнение, что уральский гарнизон может принять активное участие только при следующих условиях. С установлением боевой связи на правом /фланге/ с частями 25-й дивизии гарнизон может развить короткое наступление против частей противника, проходящих мимо Уральска и стремящихся проскользнуть на юг под давлением левого фланга 25 дивизии. Но путей отхода на этом участке, по-видимому, будет очень мало, так как противник попадает в район разветвления р. Урал. Более вероятно /начать/ эти действия гарнизона при подходе вплотную к Уральску с востока частей 25 дивизии и, так сказать, надежно обеспечивая за собой город, перейти в наступление в общем направлении на юго-запад от Уральска, хотя бы придерживаясь дороги Круглоозерный-форпост Чеганский с целью отрезать выход на эту дорогу противнику, стремящемуся проскользнуть через промежуток Переметная - Уральск. Это мое частное мнение.

/КАРАТЫГИН/: — Я не вполне разделяю ваше мнение. Мне представляется, что уральский гарнизон, ввиду слагающейся обстановки, нужно вывести раньше, чем Чапаев подойдет вплотную, к/ак/ вы выражаетесь, к городу. Иначе все силы противника более или менее беспрепятственно уйдут на юг.

/АНДЕРС/: — Этот вопрос мы сегодня окончательно обсудим с командармом и передадим вам принятое решение. Имеете ли вы непосредственную связь со штармом 9?

/КАРАТЫГИН/: — В принципе, безусловно, я с вами согласен по вопросу о выходе уральского гарнизона навстречу, но лично я считаю необходимым, чтобы между гарнизоном была возможная боевая, а не только тактическая связь с нашими наступающими группами, так как противник, отступая и теряя окончательно Уральск, может отчаянными действиями разъединить наши части и проложить дорогу через сам город...

ПРИКАЗ В.И. ЧАПАЕВА КОМАНДИРУ 2 БРИГАДЫ О НАНЕСЕНИИ УДАРА НА УРАЛЬСК С ЮГО-ВОСТОЧНОЙ СТОРОНЫ

№4, стц. Новоозерный 10 июля 1919 года

Приказываю нанести удар противнику с юго-восточной стороны. Довожу до сведения, что с севера наступает 221 полк.

Командударгруппы ЧАПАЕВ
Военком ФУРМАНОВ

ПРИКАЗАНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО 4 АРМИИ НАЧАЛЬНИКУ ШИПОВО-ДЕРКУЛЬСКОЙ ГРУППЫ О ПЕРЕХОДЕ В НАСТУПЛЕНИЕ В НАПРАВЛЕНИИ ДЕРКУД-ПЕРЕМЕТНАЯ И СОЕДИНЕНИИ С УРАЛЬСКИМ ГАРНИЗОНОМ

№01051, г. Саратов 11 июля 1919 г.

Левофланговые части группы Чапаева к вечеру 10 июля заняли линию Теплый, Широкая Лопь; правофланговые его части в настоящее время выходят на линию Таловый, Теплый. 11 июля к полудню Чапаев предполагает выйти левофланговыми частями через Гниловский к Уральску с восточной стороны. Гарнизону Уральска отдан приказ о переходе 11 сего июля в решительное наступление вдоль железной дороги на ст. Переметная. Командарм приказал частям вашей группы немедленно по получении приказа перейти в решительное и безостановочное наступление на ст. Деркул-Переметная, имея целью к вечеру 11 ию- ля соединиться с Уральским гарнизоном, памятуя, что весь успех общей операции зависит от быстроты ваших действий. Получение сего приказа и время перехода в наступление телеграфируйте.

Наштарм 4 генштаба АНДЕРС
Военком /ПОДПИСЬ отсутст./
Начоперодарм Генштаба /подпись отсутствует/

И наконец очень долгожданное, вымученное и выстраданное донесение...

ДОНЕСЕНИЕ М.В. ФРУНЗЕ В.И. ЛЕНИНУ О СНЯТИИ БЛОКАДЫ С УРАЛЬСКА

№ 207 11 июля 1919 года

Сегодня в 12 часов снята блокада с Уральска. Наши части вошли в город.

Командюжгруппой ФРУНЗЕ
Член Реввоенсовета Ш. ЭЛИАВА

Совет Обороны под председательством Ленина вынес специальное постановление, в котором говорилось:

В упорной борьбе за рабоче-крестьянскую власть доблестные части IV армии, окруженные со всех сторон озлобленным врагом, выдержали в г. Уральске двухмесячную осаду. Терпя лишения, подвергая свою жизнь постоянной опасности, защитники Уральска показали пример истинной преданности делу революции.

За проявленную революционную боевую доблесть Совет Обороны объявляет войсковым частям IV армии, красноармейцам и командному составу особую благодарность.

Вместе с тем, имея ввиду, что защитники Уральска, окруженные со всех сторон врагом, в течение двух месяцев не могли получать установленного довольствия и продовольствия, а также содержания и несли тяжелые лишения, Совет Обороны постановляет:

Выдать красноармейцам и командному составу частей IV армии, выдержавших в г. Уральске двухмесячную осаду, жалование в размере трех месяцев за каждый месяц осады.

Это решение властей.

А руководители уральского гарнизона выехали навстречу в сопровождении кавалерийского эскадрона с оркестром километров за десять. Встречались с нашими частями со слезами радости на глазах, хотели все сразу рассказать, но от волнения говорить-то и не могли...

Воины гарнизона и простые жители Уральска встречали освободителей под звуки «Интернационала» и громкое «Ура!!!».

Все. Блокада прорвана. Оцепление снято. И только Чапаев и его соратники знали, какой дорогой ценой они заплатили...

УРАЛЬСК СВОБОДЕН!

Глава 16. Проданный Чапаев. Гибель.

ПРОЕКТ ПРИКАЗА ПО 25 ДИВИЗИИ О РАЦИОНАЛЬНОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПОДВОД МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ И СДАЧЕ ВСЕГО ЛИШНЕГО ИМУЩЕСТВА НА СКЛАДЫ

г. Уральск 16 июля 1919 год

Подошла горячая рабочая пора, хлеб на полях поспел, из которого зерно высыпается, требуя немедленной уборки. Но рабочие руки оторваны на поле военных действий и не могут производить уборку своих полей. В связи с этим каждый сознательный гражданин должен понимать, что революция только может держаться и победить врагов рабочего класса при достаточном количестве хлеба. Поэтому каждое пропавшее зерно ведет к гибели завоеваний революции и торжеству врагов рабочего класса. Но, не учитывая всего этого, сознательно или несознательно делаются большие злоупотребления со стороны армии. При проезде моем от Самары до Яицка /Уральска/ замечено много фактов непроизводительного и преступного пользования обывательскими подводами товарищами красноармейцами. Подводы эти могли бы принести огромную пользу, убирая созревший хлеб. Тянулись целые обозы с ненужными вещами, как- то: в санитарных отделах возят пианино и рояли, двуспальные кровати, матрацы, что считаю недопустимым и преступным со стороны ответработников, командиров, комиссаров, особенно врачей и фельдшеров, из которых ни один не может обойтись без кровати и пружинного матраца. Также со стороны комендантских команд, которые, чувствуя себя в безопасности, возят с собой по несколько граммофонов и по несколько сот пластинок к ним. В некоторых частях занимаются повозки седлами, в то время как кавалерия в них сильно нуждается, что считаю также недопустимым. В батальоне связи и командах возится много совершенно никуда не годного имущества, как-то: совсем порванный кабель и поломанные велосипеды, совершенно не пригодные для службы и военного дела и возимые лишь для личных интересов и удовольствия.

Приказываю весь этот хлам немедленно сдать в

интендантские склады. В дальнейшем предстоят большие трудные походы по безводной местности. Приказываю ценить каждую подводу для самых необходимых предметов, как-то: огнеприпасов и продовольствия.

Культпросвету предлагаю в дальнейшем декорацию с собой не брать, все равно ставить спектакли не придется, а лишних людей оставить в Яицке, для усиленной культпросветительной работы в окрестных станицах и поселках. При выходе частей с мест для дальнейшего движения мною будут приняты меры по осмотру всех обозов, и все, не подчинившиеся сему приказу, будут преданы военно-полевому суду.

Начальнику санитарной части дивизии принять меры к искоренению этого зла в подведомственных ему учреждениях, обратив особое внимание на полевой подвижной госпиталь в Богатом, где по дошедшим до меня слухам творится что-то невообразимое, и госпиталь превратился в вертеп.

НАЧДИВ 25 СТРЕЛКОВОЙ ЧАПАЕВ
ВОЕНКОМ /ОТ ПОДПИСИ отказался/

ЗАПИСЬ РАЗГОВОРА ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ЮЖНОЙ ГРУППЫ В.С. ЛАЗАРЕВИЧ с В.И. ЧАПАЕВЫМ О ПЛАНАХ НАСТУПЛЕНИЯ ДИВИЗИИ ПОД УРАЛЬСКОМ

Не позднее 17 июля 1919 г.

/ЧАПАЕВ/: — У аппарата т. Чапаев. Здравствуйте, т. Лазаревич. Получил приказ из штаба 4 /армии/, в котором говорится, что начать наступление на г. Лбищенск с 21-го числа. Перед этим только что получил телеграмму по радио, в которой было указано, чтобы занять форпост Чеганский, ст. Переметная, Зелененький, хут. Бакаушина и выйти юго-восточнее разъезда Россошинский, занимаемого противником, где идет сильный бой. Из этого я не могу понять, что выполнять — первый или последний /приказ/, притом в последнем приказе указана разграничительная линия между 50 и 25 дивизиями: р. Кутум, 2-й и 5-й Железнов — включительно для 50 дивизии . Разгранлиния влево между 1 армией и 5 дивизией совершенно не указана. Противник ведет сильные атаки, связи с частями и армией совершенно нет, и не знаю, где какие части находятся.

Мною был издан приказ по группе 16 июля занять хут. Железнов 2-й, Чернухин, Железной 3-й и форпост Чеганский. По

полученному приказу командарма свой приказ отменяю, но ставлю в известность, что наступление на Лбищенск по большой дороге нецелесообразно, где каждый шаг противником закреплен.

Если выполнять приказ в точности, то до подхода к Лбищенску дивизия вся будет разбита. По моему соображению маневр /следует/ произвести через Железнов 3-й обходом на Чеганский, чтобы не брать Круглоозерный, где неприступная позиция, а главные силы пустить со ст. Деркул и Шипово обходным путем на Лбищенск, дабы противник сдал укрепленные позиции по большому тракту без боя. На что прошу ответа.

У противника против меня действуют 4 броневых автомобиля, против которых приходится бороться открытой грудью, на что я смотрю очень печально, что у них понапрасно... Я просил неоднократно прислать из Самары бронеотряд, бежавший с позиции, не уведомив начдива, и не выполнивший своего приказа, в чем я усматриваю явное преступление со стороны начальника бронеотряда, и прошу немедленно этого негодяя расстрелять. Если будут прощаться такие негодяи, то я не в силах буду больше работать.

Люди 25 дивизии от больших переходов остались разуты. Патронов совершенно нет. Цепи солдат.../текст неразборчив/. У противника отбито 20 ООО голов скота. Куда прикажете деть?

Отдельная бригада Плясункова совершенно не боеспособна. Отдела снабжения нет. Люди голодают. За начальника снабжения комбриг и вестовой. 10 кавалерийский полк у т. Плясункова ни к черту не годен всем своим составом.

Рязанский полк — солдаты хорошие, командир — саботажник, по 3 дня не дает донесений комбригу, совершенно не подчиняется дисциплине и приказам.

Одно время т. Плясунков думал, что пропал весь полк. Техники в бригаде совсем нет. Нельзя ли часть оторвать от наумовской группы, все равно она бездействует, или передайте наумовскую группу на исправление нам. Мы научим ее воевать. Тов. Кутяков больной, просит 2-месячный отпуск. Разрешите отпускать солдат 5 процентов. Не отпустите ли и меня дней на 10, потому что я совсем не знаю, где мое семейство.

Еще передаем следующее: хлеба засеяны и останутся не убраны и также пропадает готовое зерно, корм и инвентарь, которые расхищаются кем попало.

Необходимо по пятам дивизии следовать особой постоянной командой из представителей совнархоза и продкома для обора оставленного добра. — ЧАПАЕВ.

/ЛАЗАРЕВИЧ/: — Здравствуйте, т. Чапаев. Здесь у аппарата был т. Фрунзе и ознакомился с вашим разговором. Он указал на

то, что необходимо сначала вашей дивизии выполнить ту задачу, которая была ей поставлена еще непосредственно командюжгруппы, а именно занять район Переметная, форпост Чеганский и Требухин и войти в связь с частями 4 армии. Только после выполнения этой первой задачи может быть преступлено к наступлению на Лбищенск. Поэтому ваш приказ, отданный 16 июля, правилен, но не подлежит отмене. Наоборот, теперь, когда противник задерживается здесь, в районе Деркул и Переметная, необходимо попытаться совместно с Шиповской группой его уничтожить, чтобы не дать ему возможности оказывать дальнейшее сопротивление при наступлении затем на Лбищенск.

Поэтому команюжгруппы приказал теперь же перейти в решительное наступление всеми вашими бригадами для занятия района ст. Переметная, форпост Чеганский и Требухин, а также войти в соприкосновение с частями 4 армии. Только после этого вам надлежит приступать к выполнению Приказа 4 армии о наступлении на Лбищенск, причем при наступлении необходимо действовать именно обходами, как вы говорите. Наступление в лоб никогда успеха иметь не может и ваш предполагаемый обход через Железнов 3-й для занятия Чеганского считаю правильным. Сейчас опять подошел т. Фрунзе, ознакомившийся в оперативном управлении с положением дел на всех других участках фронта, и еще раз приказал подтвердить крайнюю необходимость, ввиду слабости Шиповской группы, стремительного удара всеми вашими силами, включая гарнизон г. Уральска, навстречу Шиповской группе, стремясь охватить противника с юго-востока вашим левым флангом. Есть данные о начавшемся разложении среди противника. /Генералом/ Толстовым отдан приказ об отходе, посему надо действовать решительно, чтобы его окружить и уничтожить.

17 бронеотряд несколько дней тому назад вышел из Самары по железной дороге на Бузулук и отправлен в ваше распоряжение. Прикажу вдогонку ему ускорить его движение, а когда придет к вам, заставьте их работать, а то они все чинятся и ничего не делают, кого надо — привлекать к суду трибунала.

Об обуви, белье и патронах сообщу вашему начснабу, чтобы снабдил вас всем необходимым. Скот прикажите разбить на гурты и оставьте пока на местах, по восстановлении железнодорожного сообщения он будет направлен в Москву, где большой голод.

Бригаду Плясункова вместе с 210 полком направьте в район Ембулатовский, Генварцевское в состав 1-й армии с тем, чтобы они прибыли туда не позже 17 июля. Наумовская группа сейчас двигается на ст. Демьяс для усиления затем Шиповской группы. Кто остается вместо Наумова? Его уволить в отпуск командующий

Южгруппы разрешил, но только не более как на один месяц. Вас лично до возвращения т. Наумова команюжгруппы не находит / возможным отпустить в отпуск/ и самолично /считает/ никак невозможным теперь. Для принятия на учет и сохранения всякого добра уже направлена в Уральск особая комиссия.

Итак, мы ждем от вас блестящего завершения уральской операции окружения и уничтожения противника в районе Переметная-Деркул и занятия форп. Чеганский, в чем я лично и не сомневаюсь, желаю успеха — ЛАЗАРЕВИЧ.

/ЧАПАЕВ/: — Требухин взят еще 10-го числа. Ввиду сложившейся обстановки от Требухина до Уральска оставляю один полк, остальные все части перебрасываю в наступление на Переметная и Чеганский. Передайте это Лазаревичу. И все. — ЧАПАЕВ.

/ЛАЗАРЕВИЧ/: — Вполне согласен с вашим решением. У меня вопросов больше нет. Пожелаю всего лучшего. До свидания. - ЛАЗАРЕВИЧ.

/ЧАПАЕВ/: - До свидания. - ЧАПАЕВ».

После прорыва блокады Уральска и освобождения пути Уральск-Саратов 22-я дивизия отводилась в район станций Ершов и Урбах — для укомплектования и отправления на Южный фронт, а Особая бригада Плясункова передавалась в 1-ю армию. Оставшейся 25-й дивизией и частью сил 50-й дивизии командование IV армии готовило наступление от Уральска на юг, вдоль реки Урал — на Лбищенск, а от Александрова Гая — на Сломихинскую.

При этом 75-я бригада 25-й дивизии привлекалась для первоначальных действий в полосе 1-й армии. Соотношение сил сторон все больше и больше менялось в пользу противника...

Штаб армии генерала Толстова размещался в Лбищенске, 1-й Илецкий конный корпус генерала Акутина — на линии Барбастау-Линевская, прикрывая направление на Джамбейтинскую Ставку, а 2-й корпус генерала Савельева на линии Усиха — форпост Чеганский.

В период подготовки наступления 1-й армией 25-я дивизия продолжала вести бои двумя бригадами, нанося главный удар силами 73-й бригады и 25-го кавдивизиона.

Наступление шло медленно и мучительно. Каждый хутор брался с ожесточенными боями. Некоторые части под сильными ударами противника вынуждены были отходить. Не хватало боеприпасов. Жара стояла страшная... Люди, животные страдали от палящего зноя. А воды в степях не было, и ее были вынуждены

привозить. Но привозной воды хватало лишь на утоление жажды. О приготовлении пищи говорить не приходилось.

Многие из местного населения уходили с белогвардейцами. Поэтому, не жалея ничего, заражали колодцы или просто сбрасывали туда разложившиеся трупы животных.

В одном из донесений того времени говорилось: «Проезжая от самой границы (Уральской области. — Примеч авт.) до Уральска встречаешь одну и ту же картину: при входе в какой-либо поселок жителей почти нет, весь скот угнан, хозяйство разбито, все машины, как-то: косилки, молотилки и т.п. — в большинстве попорчены. В некоторых поселках встречаются жители из крестьян, живших в батраках у казаков. По их словам, есть много засеянного хлеба. Хлеб же этот убирать некому и не на чем».

В другом донесении о состоянии частей той же бригады сообщалось, что боеспособность и настроение хорошие, но снаряжение ненормальное, присылают негодный к употреблению хлеб. Партработа из-за боев ведется плохо, газеты поступают редко и мало.

ЗАПИСЬ РАЗГОВОРА ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ ВР. КОМАНДУЮЩЕГО ЮЖНОЙ ГРУППОЙ В.С. ЛАЗАРЕВИЧА с В.И. ЧАПАЕВЫМ О ХОДЕ БОЁВ ДИВИЗИИ ПОД УРАЛЬСКОМ

19 июля 1919 года

/ЧАПАЕВ/: — Здравствуйте, товарищ Лазаревич! Позвольте вам донести, что 223 полк окружен в Требухине. Противник зашел в тыл, прервав сообщение, вел непрерывные атаки целые сутки. Положение полка неизвестно. Только получили сведения, что в полку снарядов не осталось ни одного. 225 полк ушел на соединение с 223 полком. При подходе к с. 'Рубежный казаки накинулись на 225 полк, где сошлись в рукопашный бой. Бой был на улицах, из окон, с крыш домов. Победу одержал 225 полк, остатки противника бежали. Потери нашего полка неизвестны, не получены донесения. Командир полка 22 5- го выслал один батальон на поддержку 223 /полка/. Сюда выезжает комбриг с одним батальоном в Требухин. Связи с Отдельной бригадой т. Плясункова не имею.../не разборчиво/, который ушел много влево. Постараюсь восстановить. Под Чеганским идет сильный бой. Патроны вышли все, положение ухудшается. Запасов патронов нет совсем как в дивизии, /так и в/ бригадах и полках. Имеются только на руках, с /этими/ патронами можно держаться только до вечера. Прошу вашего разрешения получить патроны полтора миллиона от 4-й армии, иначе придется отступать. —

ЧАПАЕВ

/ЛАЗАРЕВИЧ/: — Здравствуйте, товарищ Чапаев. Считаю вполне правильным ваше распоряжение о посылке частей 22 5 полка на поддержку 223 полку. Необходимо весь 225 полк направить к 223 полку, образовав гарнизон Уральска за счет других бригад вашей дивизии. Кроме того, необходимо выделить... /далее лента оборвана/

/ЧАПАЕВ/: — Сейчас получил донесение: противник разбит, убитыми лежат 100 трупов вдоль р. Урал. Противник разбит на две группы. Часть кинулась через Урал вплавь, а часть на север, 225 /полк/ с 223 соединились связью. С нашей стороны потери выявляются. В 225 полку раненых - 39, убитых - 10, в 223 полку - неизвестно. Патронов совершенно осталось мало — ЧАПАЕВ.

/ЛАЗАРЕВИЧ/: — Я ни минуты не сомневался, что ваши славные закаленные в боях части окажутся на высоте своего положения. Вам надлежит продолжать активную задачу, возложенную на 3-ю бригаду 2 5-й стрелковой дивизии, а для обеспечения Уральска и участка от Уральска до Требухина необходимо будет выделить части за счет других бригад нашей дивизии. Патроны вам посланы — 100 тысяч на ст. Богатое дня 2-3 тому назад и 200 тысяч вчера. Кроме того, нач- снабу 4 армии приказано выслать для вас 150 тысяч на ст. Шипово. Сейчас приказал проверить, выполнено ли это указание. В запасах Южгруппы патронов совершенно нет ни одного. Спешно затребовали из Востфронта 2 миллиона, но до сих пор не шлют. Вчера туда уехал товарищ Фрунзе. Просим его поторопить присылку нам патронов, так как без них воевать нельзя. Получил немного револьверов и посылаю в вашу дивизию 2 0 штук. Нужны ли вам снаряды? Если нужны, сообщите, их у нас есть небольшой запас. Ну, желаю вам дальнейших успехов. Жду занятия форпоста Чеганский, а затем можно будет приступить и к дальнейшему продвижению на Лбищенск, чтобы не дать казакам опомниться от вашего стремительного натиска и собраться с силами. Пока, до свидания. - ЛАЗАРЕВИЧ.

ПРИКАЗ В.И. ЧАПАЕВА КОМАНДИРУ 2 БРИГАДЫ ОБ ОКАЗАНИИ ПОДДЕРЖКИ 1 БРИГАДЕ

№26, Усиха 20 июля 1919 г. 9ч

Приказываю немедленно одним полком занять кол. Ермальцева, чтобы оказать поддержку 1-й бригаде /в Ермальцеве стоял 218 /полк/, а другим полком во чтобы то ни стало удержать

форпост Чеганский и др. Занять оборонительную линию, ни шагу не отступать. Работать в контакте с Кутяковым. Поддерживайте один другого крепче.

НАЧДИВ ЧАПАЕВ
ВОЕНКОМ ФУРМАНОВ

День спустя...

РАСПОРЯЖЕНИЕ В.С. ЛАЗАРЕВИЧА КОМАНДУЮЩЕМУ 4 АРМИИ К.А. АВКСЕНТЬЕВСКОМУ О ПОДДЕРЖКЕ ПРАВОГО ФЛАНГА 25 СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

№ 02615, г. Самара 21 июля 1919 г. 12 ч 30 мин.

Части 25-й стрелковой дивизии занимают линию Переметная, хут. Солодоников, Турсенин, кол. Ермальцева, Чеганский. Противник продолжает наступление на правый фланг 25-й стрелковой дивизии, которая с трудом сдерживает натиск противника. Примите меры к поддержке правого фланга 25-й стрелковой дивизии атакой /на/ противника, наступающего на правый фланг 25-й стрелковой дивизии, во фланг и выдвижением частей 22 и 50 стрелковых дивизий на линию Азовский, Широков, Кулаков, Белый Лог, при непременном условии удержания 25 стрелковой дивизией занятого положения.

ВР. КОМАНДЮЖГРУППЫ /В.ЛАЗАРЕВИЧ/
ЧЛЕН РЕВВОЕНСОВЕТА /ЭЛИАВА/

В тот же день Чапаев доносил в штаб...

ДОНЕСЕНИЕ В.И. ЧАПАЕВА КОМАНДУЮЩЕМУ 4 АРМИЕЙ О НАСТУПЛЕНИИ ПРОТИВНИКА НА УЧАСТКЕ 22 ДИВИЗИИ

№0368 21 июля 1919 года

Вследствие оставления 191 полком 22 дивизии Турсенина противник перебросил свои силы в Турсенин и повел в 12 часов наступление с фланга и атаковал 7 роту 219 полка, находящуюся в резерве, забрал 100 человек в плен, около 50 человек зарубил, выбыло из строя 4 орудия, огнеприпасов нет.

Положение очень серьезное. Прошу немедленно указать начдиву 22, чтобы он занял населенные пункты, указанные в

вашем приказе № 01145.

НАЧДИВ 25 /ЧАПАЕВ/

ВОЕНКОМ /ФУРМАНОВ/

Члену Реввоенсовета Южной группы В.В. Куйбышеву Чапаев докладывал о случаях получения им запоздалых распоряжений от командующего и штаба IV армии. Так, приказом № 163 командарм требовал перейти 25-й дивизии в наступление 22 июля на колонию Ермальцево, хутор Саратовец, тогда как эти пункты были взяты ею еще 16 июля. Василий Иванович привел еще ряд других фактов, свидетельствовавших

о незнании штабом армии остановки, состояния и численности 25-й дивизии.

Куйбышев поблагодарил Чапаева, сказав, что его доклад чрезвычайно ценен и по нему будут приняты меры. Передал привет воинам 25-й...

Бойцы дивизии терпели жестокие лишения. Кроме больших потерь, особенно в 73-й бригаде, много человеческих жизней уносили тиф и дизентерия, вспыхнувшие в полках. Красноармейцы были без белья, обуви, с растертыми в кровь босыми ногами. Они плохо питались, но, несмотря на это, очень стойко переносили все эти неимоверные трудности и лишения...

Чапаев был крайне озабочен нелегким положением в дивизии: в напряженных боях, с которыми она прошла сотни километров от самого Бузулука, люди и кони были изнурены. Требовалась передышка, и начдив 24 июля решил отдать приказ о переходе к обороне...

Одновременно готовясь и к наступлению, Василий Иванович требовал принять все меры к скорейшему излечению лошадей. А еще откормить их хорошенько на пастбищах.

Следил лично за пополнением запасов и установил жесткий контроль за исполнением своих приказов и распоряжений. Подсчитав, сколько нужно гужевого транспорта для поднятия запасов дивизии, запросил у командарма 15 автомобилей и средство водного транспорта. Но просьба так и не была удовлетворена.

Кроме больших забот по подготовке ослабленной дивизии к наступлению, Чапаева беспокоила обстановка в его ближайшем тылу. Изменнические банды и дезертиры, объединившиеся в «зеленую армию», парализовали работу местных органов власти. Они поощряли и активизировали деятельность кулацких и других контрреволюционных элементов. Они нападали на транспорты военных, убивали сопровождение грузов, а сам груз

разворовывали.

ДОНЕСЕНИЕ В. И. ЧАПАЕВА КОМАНДУЮЩЕМУ 4 АРМИЕЙ И В ШТАБ ЮЖНОЙ ГРУППЫ О ДЕЙСТВИИ БРОНЕВИКОВ ПРОТИВНИКА

г. Уральск 23 июля 1919 г., 20 ч

В последних боях против 2-й бригады вверенной мне дивизии принимали /участие/ со стороны противника следующие броневики:

1. «Крокодил» с 3-дюймовым орудием и пулеметами, образец танка — тяжелый на ход;
2. «Лазарь» с орудием системы «Смит-Вессон» и пулеметами ;
3. С одним пулеметом — очень быстроходный.
4. «Коммунар» с одним пулеметом.

Броневики несколько раз прорывали нашу цепь.

Громадные потери, понесенные бригадой, объясняются исключительно только анархическим поступком 1-й армии, захватившей 17 бронеотряд, принадлежавший 25-й дивизии. Я теперь не надеюсь и не могу верить, что 3-я бригада вверенной мне дивизии не попадет в лапы 1-й армии на целый год, как 224 полк.

НАЧДИВ 25 СТРЕЛКОВОЙ /ЧАПАЕВ/
ЗА ВОЕНКОМА /ЧАКИН/

Резолюция: Сообщите начдиву 25, что 3-я бригада 2 5 дивизии по выполнении возложенной на нее задачи будет возвращена 25 дивизии, причем с присоединением 224 полка, о чем уже отдано распоряжение командармом 1. 24/ VII.

ЛАЗАРЕВИЧ

Боевой приказ командующего IV армией № 01231 начать наступление с рассветом 1 августа Чапаев получил в 20 часов 15 минут 3-го августа.

Удивляясь полученному распоряжению, Василий Иванович желал знать: кем же был задержан приказ при наличии непрерывной связи?

Тогда он сообщил в штаб, что приказ ему надлежало получить 30 или 31 июля, а не 3 августа. Тем более что в полученном распоряжении не было проставлено время и сроки занятия пунктов... Далее он отметил, что если бы приказ

получила и 50-я дивизия 30 июля, то могла перейти в наступление, надеясь на поддержку 25-й стрелковой. Рассчитывая на общую атаку, 50-я дивизия могла подвергнуться полному разгрому со стороны противника.

Далее Чапаев обратил внимание на недопустимость овладения форпостом Бударинским в первую очередь, а 50-й дивизии — хутором Железновым. В этом случае сразу же обнажался правый фланг 25-й дивизии.

В заключение Василий Иванович говорил, что на его неоднократные запросы в штаб армии ему не отвечают, на чем он решительно настаивает...

ПРИКАЗАНИЕ КОМАНДУЮЩЕГО 4 АРМИЕЙ В.И. ЧАПАЕВУ О ПЕРЕХОДЕ В НАСТУПЛЕНИЕ НА ЛБИЩЕНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

№01254 1 августа 1919 года

Командарм приказал, минуя все препятствия, во что бы то ни стало немедленно перейти в наступление и об исполнении сего донести. Согласно сообщению штаюжгруппы, отдано распоряжение о присоединении 3 бригады 25 дивизии к своей дивизии.

НАШТАРМ 4 ГЕНШТАБА /АНДЕРС/
ВОЕНКОМ .....

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА В.И. ЧАПАЕВА КОМАДУЮЩЕМУ 4 АРМИЕЙ ОБ ОБЕСПЕЧЕНИИ ТЫЛА ЧАСТЕЙ,
НАСТУПАЮЩИХ НА ЛБИЩЕНСК

№091 3 августа 1919 года, 13 ч 45 мин.

Противник силы свои сосредотачивает на бухарской стороне, в районе Лука Вязовая, Лука Нижняя, Лука Самодурова и Ст. Сабуокина. С продвижением 25 дивизии на Лбищенск противник может ударить на Круглоозерный, где тыл наш остается неприкрытым, чем может испортить весь наш маневр на Лбищенск. Чтобы обеспечить тыл наступающим частям 2 5 дивизии на Лбищенск, необходимо одну бригаду пустить по бухарской стороне по левому берегу р. Урал, ввиду чего без 3 бригады двигаться вперед не могу, а буду издавать одновременно боевой приказ 3 бригаде переправиться в районе Трекинский, через р. Урал для движения вперед совместно с 1-й и 2-й

бригадами, а поэтому /необходимо/ срочно дать распоряжение о снятии 3 бригады с участков Генварцев- ское, Требухин и Рубежный. Могу ли подчинить себе 2 бригаду 47 дивизии в свое распоряжение-для задачи занять Рубежный, Требухин и держать связь с 1-й армией и несения гарнизонной службы в г. Уральск.

По получении ответа на эту записку будет издан боевой приказ по 25-й дивизии.

НАЧДИВ /ЧАПАЕВ/

В тот же день Василий Иванович издал приказ о наступлении на Лбищенск и на станицу Сахарная, в котором говорилось:

«По агентурным сведениям и со слов перебежчиков, в лагере противника настроение паническое. Все ценности стараются увезти, и в нашу сторону выслано большое количество шпионов для выслеживания наших сил, дабы нанести нам сильный удар.

Чтобы не дать противнику ориентироваться и привести свои войска в порядок, по приказу 4-й армии за № 01231 мы должны атаковать противника одновременно с двух сторон». А 4-го августа последовало следующее распоряжение Чапаева:

Войсковая разведка поставлена крайне плохо, тогда как без войсковой разведки действовать нельзя. Разведывательные сводки либо совсем не подаются к указанному времени, либо сведения в них так преувеличены, что вести учет силы противника невозможно.

Полки не стараются узнать, какие действуют против них части противника, состав их вооружения, участок, занимаемый частью. На запрос наш относительно частей противника, действующих на участке нашей дивизии, бригадами было донесено так, что на участке всех трех бригад одновременно действовал один и тот же полк. Отсюда видно, что сведения эти старые.

Приказываю немедленно принять все меры к тому, чтобы улучшить это дело и поставить на должную высоту. За несвоевременную подачу разведывательных сводок буду строго взыскивать, дабы искоренить это халатное отношение к делу

ЗАПИСЬ РАЗГОВОРА ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ НАЧАЛЬНИКА ОПЕРАТИВНОГО ОТДЕЛА ШТАБА ЮЖНОЙ ГРУППЫ П.П.

КАРАТЫГИНА С В.И. ЧАПАЕВЫМ О ПЕРЕХОДЕ ЧАСТЕЙ ДИВИЗИИ В РЕШИТЕЛЬНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ НА ЛБИЩЕНСК

5 августа 1919 год, 13 ч 30 мин.

/КАРАТЫГИН/: - У аппарата начоперодюж Каратыгин. Командюжгруппы в данное время занят. Подойти к аппарату лично не может, и уполномочил меня переговорить с вами.

/ЧАПАЕВ/: — Здравствуйте, товарищ Каратыгин. Части вверенной /мне/ дивизии сегодня ночью перешли в решительное наступление из Владимирского на Лбищенск . Противник под Скворкиным дал решительный отпор , где бой продолжался три часа. С помощью броневиков противнику удалось потеснить передовые части, но с подходом нашего резерва положение было восстановлено и противник сбит. В настоящий момент нашими частями занять хутор Янайский, что на реке Урал. Противник группирует силы на правом фланге вверенной мне дивизии и обстреливает левый фланг артиллерийским огнем в районе Круглоозерный и Балаганный. Разъезды противника переправляются /на/ правый берег Урала, где нападают на двигающиеся обозы. Ввиду изложенного , во что бы то ни стало нужно сбить противника с бухарской стороны, занять Меновое и Лука Малофеева, но это не представляется возможным, потому что 3-я бригада находится еще во владение 1-й армии; 224 полк я совершенно не знаю, где находится. Давал более 20 запросов в /штаб/ 1-й армии, чтобы указал разграничительную линию между 1-й армией и 2 5-й дивизией, чтобы лучше ориентировать охрану своего участка. Жду в самом срочном порядке указания о разграничительной линии с 1-й армией.

Перехожу в решительное наступление для облегчения правого фланга. Все обозы противника находятся на левом берегу реки Урал между Уральском и ЛбищенСком. Дальше по приказу атамана Толстова беженцам и обозам двигаться не позволяется, ввиду неимения продовольствия, для чего и необходимо занять левый берег реки Урал, чтобы заставить противника сдаться и обеспечить тыл первых двух бригад, где уже появляются разъезды и нападают с тыла. Жду срочного ответа о разграничительной линии между 1 армией и 25 дивизией и освобождении 224 полка от 1 армии. ЧАПАЕВ.

/КАРАТЫГИН/: — Здравствуйте, товарищ Чапаев. 224 полк вчера вечером или сегодня утром должен быть уже в Киндели нском. Куда он был еще вчера направлен 1 армией для включения в состав своей бригады. Разграничительной линией между 4 и 1 армией назначено Иртец- кое и далее на юго-восток до Ащесай, Урундукты — оба пункта для 4 армии включительно.

Отдано приказание обеспечить ваш тыл и линию Уральск-Иртецкое 4 армии частями Самарской крепостной бригады, которая должна уже быть в Уральске.

Для ведения лбищенской операции по обоим берегам реки Урал по вашему усмотрению в вашем полном распоряжении должны быть все три бригады вашей дивизии, не связанные другими участками. Для обеспечения же вашего правого фланга служит 1 бригада 50 дивизии. /2 бригада этой дивизии отбирается у нас Восточным фронтом и перебрасывается на другой фронт./ 3-я бригада 50 дивизии уже перешла в наступление от Сломихинской в направлении на Кызыл-Убинский, М. Шукур. Соответствующие распоряжения отданы, и теперь возможно скорее должна быть освобождена 3 бригада путем смены ее частями Самарской кре/постной/ бригады. Есть ли у вас связь со штармом и что предпринимал он для обеспечения... /лента оборвана. — Примеч. авт./ ...Конечно, своих дать можно. Я же тороплю 1 армию с просьбой выслать необходимое. Вся ли крепостная бригада прибыла в Уральск? Все ли теперь выяснилось?

/ЧАПАЕВ/: — Бригада пришла вся только что. Сейчас вопросы выяснены все. Спасибо. Через 4 дня надеюсь быть в Лбищенске и займу левую сторону реки Урал. До свидания. Приступил к постройке мостов через р. Урал в Уральске и Круглоозерном. До свидания».

6 августа наступление продолжалось на укрепленный в инженерном отношении форпост Бударинский, обороняемый двумя полками и юнкерами Гурьевской пехотной школы. Несмотря на проволочные заграждения и яростное сопротивление, частями 74-й бригады противник был выбит. В занятом форпосте бойцы обнаружили ров с изуродованными трупами красноармейцев. Освободили множество раненых, которых белогвардейцы не успели расстрелять. Зверства противника породили злобу и гнев красноармейцев.

И последующие бои имели крайне ожесточенный характер...

ДОНЕСЕНИЕ В.И. ЧАПАЕВА КОМАНДУЮЩЕМУ 4 АРМИИ О НЕОБХОДИМОСТИ ЛИКВИДАЦИИ БАНД «ЗЕЛЕНЫХ» В ТЫЛУ ДИВИЗИЙ

№ 447 7 августа 1919 год, 12 ч 30 мин.

Ввиду восстания банд «зеленых» я боюсь за свою дивизию, как это было с 22-й дивизией и остальными частями, которые действовали на уральском фронте. У «зеленых» имеется достаточное количество седел, винтовок, бомб и патронов, то есть все то, что подобрано ими от 22 дивизии при отступлении. Требую в категорической форме дать мне право на ликвидацию этих повстанцев, зная из долголетнего опыта, что никогда фронт не будет спокоен и прочен, если тыл в опасности.

За время уральского похода из строя дивизии выбыло около 3-х тысяч лошадей, и орудия возить не на чем. Часть орудий бездействует ввиду неимения лошадей, подвод с тыла не дают.

Ввиду всего изложенного я наступление дальнейшее остановил и с форпоста Бударинский дальше не пойду, пока не будет ликвидировано /восстание/ в тылу. Отряды, высланные вами для ликвидации восстания «зеленых», я на них не надеюсь как на слабо организованные части, которые способны при удобном случае передать оружие противнику, как и было это неоднократно. Жду срочного ответа.

Начдив ЧАПАЕВ

В бою 9 августа за непосредственное овладение Лбищенском участвовали две бригады: 74-я наступала фронтально с севера вдоль Урала. Правый фланг бригады, преодолевая сильное огневое сопротивление, медленно продвигался западнее Лбищенска. Бой длился несколько часов, а когда на правом фланге бригады наметился успех, был введен в бой ее второй эшелон. Пехота противника дрогнула и начала отступать. Стремясь сорвать начавшуюся атаку введенного в бой полка, со стороны Лбищенска вошла в контратаку вражеская конница. Бой с ней был скоротечен. Подоспевшие на фланг пулеметы встретили несущуюся с гиком массу кон- ницы кинжальным огнем. Передняя часть всадников была буквально скошена. Мчавшиеся следом, налетая на сраженных, образовали свалку, но в следующие минуты конница уже бросилась от уничтожающего огня в стороны, а затем повернула обратно. Преследуя ее, кавалерия дивизии ворвалась в Лбищенск. Пехота противника, удерживая Лбищенск с севера, побежала, бросая оружие. Началась спешная сдача в плен.

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ШТАБА 25 ДИВИЗИИ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ РЯДА НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ НА ЛБИЩЕНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

№ 419, г. Уральск 9 августа 1919 г., 1 ч

На участке 1-й бригады под ураганным, оружейным, пулеметным и артиллерийским огнем заняты хут. Шканей, Елизаров, Авдеев. Последний находится на линии пос. Барановский, в 7 верстах от него на запад; на север от Авдеева в 4-х верстах находится хут. Елизаров и на северо-запад от хут. Елизаров — хут. Тушканов. В названных хуторах противник упорно держался. В южном направлении от хут. Авдеев заняты еще 3 хутора общим расстоянием около 8 верст. На участке 2 бригады после сильного сопротивления противника заняты хут. Барановский и Кожехаровский.

На участке 221 полка действовали казачьи два броневика и артиллерия в количестве трех легких орудий и одной /4-х/ дюйма гаубицы. 3 кавдивизион 3 бригады прибыл в Яицк. Остальные полки в движении. I кавполк находится в Свистуне. На участке 2-й бригады 47 дивизии застава 42 0 полка в районе дер. Гниловский имела перестрелку с противником ружейным огнем. Противник рассеян. На остальном участке без перемен.

Ответственный дежурный штадива /ИМАС/
Военком /ЧАКИН/

И вот наконец-то долгожданная телеграмма:

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ШТАБА 25 ДИВИЗИИ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ЛБИЩЕНСКА
№ 421 9 августа 1919 г., 21 ч

ЧАСТЯМИ ДИВИЗИИ ЗАНЯТ В 15 ЧАСОВ СЕГО ЧИСЛА ЛБИЩЕНСК.

За наштадив 25 стрелковой /КРЫЛОВ/
Военком /ЧАКИН/

Василий Иванович Чапаев слал донесения в штаб 4 армии о плохом состоянии в дивизии. Штаб молчал. И снова, и снова Чапаев молнирует:

Противник получил огнестрельные припасы, как снаряды, так и патроны. При занятии Лбищенска противник открывал

ураганный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь. В настоящий момент обстреливает наши позиции артогнем. Горячинский занимать не предполагаю, потому что нет никакого смысла двигать противника по десяти верст. Удар могу нанести прямо на Сахарную, для чего сделаю не больше двух переходов. Но этого маневра не предприму до тех пор, пока не получу хоть малое количество патронов, каковых в дивизии совершенно нет. На сегодняшний день делал подсчет, который показал все запасы. В передовой базе имеется 5 тысяч патронов и на складе в Уральске 3 тысячи, так что в запасе всего 8 тысяч, с каковым количеством вперед не двинусь ни шагу. При первой получке патронов двинусь вперед, до получения патронов не буду издавать никакого оперативного приказа, за исключением, если обстановка заставит отступать, о чем я

говорить могу смело. С патронами никогда не отступал, а без них не стыдно отступать. Держаться на занимаемых позициях нельзя без патронов, чем можно погубить всю дивизию. Вы даете патронов всего лишь на бригаду, а под моим руководством бригад 5, 2 бригада 47 дивизии пришла совершенно без патронов, и ей выдано мною 115 тысяч. Поторопитесь с доставкой патронов, что даст возможность занять Сахарную и соединиться с 3 бригадой 50-й дивизии.

Против меня сейчас действует отряд Горшкова, которого прежде не было.

Высылайте скорей пополнение, так как в некоторых полках всего осталось по 500 штыков. Здесь свирепствует сильный тиф, что уносит из рядов больше, чем в бою.

От Уральска до Лбищенска убитыми и ранеными потеряно до полутора тысяч человек. Кавалерийские дивизионы участвуют в пешем строю за неимением лошадей. От Бузулука до Лбищенска лошадей потеряно до 3 тысяч, некоторые орудия стоят в бездействии за неимением лошадей для перевозки. Пулеметы люди таскают на себе. В лошадях самый острый кризис. Хотя и знаю, что в армии нет, но все-таки требую то, без чего воевать нельзя. Патронов дайте хоть сто тысяч.

НАЧДИВ 25 СТРЕЛКОВОЙ /ЧАПАЕВ/
Политком /БАТУРИН/

16 августа войска перешли в наступление. Правофланговая группа, сдерживаемая сопротивлением противника, двигалась медленно. Казаки стремились использовать все возможности для нанесения ударов во фланг и тыл наступавшим. Пытались

пробиться в разрыв, образовавшийся между смежными 220-м и Саратовским полками 25-й и 50 дивизий, но каждый раз отбрасывались с большими для них потерями.

А 17 августа Василий Иванович Чапаев отдал приказ о выходе на линию Джамбейтинская Ставка. Это означало Лбищенск. В приказе он писал:

Комбригу 2 выступить из занимаемых пунктов 18 сего августа с рассветом в направлении форп. Мергеневский, который и атаковать с тыла и фланга двумя полками, а остальными полками прикрыть фланг и тыл двум заходящим полкам на форп. Мергеневский, где противник сосредотачивает свои силы.

Комбригу 1 т. Михайлову срочно связаться с частями комгруппы т. Зубарева и одновременно с ним ударить на форп. Мергеневский. Условным знаком для одновременного удара будет первая артиллерийская стрельба со стороны двух заходящих полков т. Зубарева. Части 1 бригады дружным ударом должны занять форп. Мергеневский. По занятии форп. Мергеневский, не теряя ни одной минуты, комбригу 1 т. Михайлову и комгруппы т. Зубареву продолжать выполнять приказ по дивизии за № 09.

Комбригу 3 т. Аксенову, не теряя ни одной минуты времени, продвинуться вперед вдоль реки Урал и" по тракту на Джамбейтинскую ставку, где и выйти на линию г. Лбищенск и Джамбейтинская ставка не позже 22 сего августа.

Донесения присылать с 17 августа и до 16 часов 18 августа в форп. Горячинский, где я буду находиться, после чего буду в форп. Бударинский.

О получении приказания донести мне.

Чапаев

Форпост Мергеневский был укреплен тремя линиями окопов, оборонялся большими силами пехоты и конницы с броневиками и артиллерией. Наступление 18 августа шло неудачно. Правофланговая группа, встретив сильное сопротивление, на рубеж атаки не вышла, связь с ней была потеряна. Противник же, напротив, действовал довольно дерзко. Около 150 его всадников отбили обоз 220-го полка. И подошедшие на помощь кавалеристы были тоже разбиты. Они потеряли 4 пулемета и обоз своего полка.

73-я бригада, атаковавшая в Мергеневском противника, тоже

успеха не имела. Чапаев, пытаясь связаться с Зубаревым, писал: «Приказываю немедленно ударить на форпост Мергеневский с южной стороны, выйдя правым флангом на форпост Каршинский. Положение 73-й бригады серьезное. Противник во много раз сильнее бригады. Во время боя было несколько атак, но безрезультатно...»

В 19 часов того же дня с позиций под Мергеневским он писал своему начальнику штаба в Бударинский, что форпост взять не удалось. Атаковали трижды и все три атаки были отбиты. Более того, противник сам переходил конным строем в контратаку. Тогда они окопались в тысячах шагов от противника. Цепи поражаются сильным артиллерийским огнем, выпушено до 3-х тысяч тяжелых снарядов. Связи с 74-й бригадой нет.

Сообщив об этом, Василий Иванович приказывал снарядить 4 имеющихся самолета и с рассветом 19 августа подавить им батареи противника. Затем установить место нахождения 74-й бригады и при возможности бросить пакет с приказанием Зубареву ударить правым флангом на Каршинский, а затем на Мергеневский...

ДОНЕСЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА 25 ДИЗИЗИИ В ШТАБ 4 АРМИИ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ форп. МЕРГЕНЕВСКИЙ И ПОНЕСЕННЫХ ПОТЕРЯХ

№ 0484, форпост Бударинский 19 августа 1919 года

Под форпостом Мергеневским бой длился целый день 18 августа сего года и только на рассвете 19 августа части 1-й бригады овладели этим форпостом. Наши потери за весь день 18 августа следующие: убито людей — 42, ранено — 225 человек, пропало без вести — 2 .

Лошадей убито — 40, ранено более 12 0. Во время боя под начдивом товарищем Чапаевым, комбригом 2 ранены лошади, у комполков 217 и 218 - убиты. Помкомполка 217 т. Петров смертельно ранен. В 73-м кавдивизионе осталось в строю 17 всадников.

ВРИД НАШТАДИВА /НОВИКОВ/
ВОЕНКОМ /ЧАКИН/

К вечеру того же дня части 73-й бригады окопались в 5 верстах перед Каршинским и с утра 20-го августа овладели им.

Тем самым продолжилось наступление на Сахарную.

На участке 74-й бригады 20 и 21 августа шли ожесточенные и упорнейшие бои. Противник силою до 1 тысячи штыков и 4 тысяч сабель при поддержке броневиков и артиллерийского дивизиона атаковал правый фланг бригады.

ДОНЕСЕНИЕ В.И. ЧАПАЕВА В ШТАБ 4 АРМИИ О НАСТУПЛЕНИИ ПРОТИВНИКА НА УЧАСТКЕ ДИВИЗИИ

Форпост Каршинский 20 августа, 11 ч

Противник перешел в наступление под сильным артиллерийским огнем, который не прекращался во все время боя. Бой продолжался 3 часа, в бою участвовали со стороны противника 2 броневика, пехоты — 2 000 штыков, конницы — 500 сабель. Вся сила наступления была направлена на правый фланг.

Передайте командарму, что он поспешил с ускорением / присылки/ автомобильного и водного транспорта. Дивизия начинает голодать из-за отсутствия подвоза. Противник был отбит, наши потери незначительные.

Начдив /ЧАПАЕВ/
Военком /БАТУРИН/

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ШТАБА 25 ДИВИЗИИ ОБ ОТРАЖЕНИИ НАСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВНИКА В РАЙОНЕ САХАРНОЙ

№0475, форпост Бударинскй 23 августа 1919 г.,
7 ч 20 мин.

21 августа противник повел наступление на правый фланг 1-й бригады, но нашим наступлением был отбит.

22 августа в 5 часов части 1-й бригады пошли обходом на расположенную цепь противника, и 219 полком противник был сбит с позиции; вся бригада перешла в наступление и заняла первую линию неприятельских окопов, где и пришлось залечь в 3-х верстах от Сахарной. Левофланговая группа продвинулась вперед. Противник оказывал большое сопротивление, особенно по большой дороге на Джамбейтинскую ставку, и обстреливал в этом направлении траншейным орудием.

ВРИД НАШТАДИВ НОВИКОВ
ВОЕНКОМ ЧАКИН

ИЗ ПРИКАЗА ПО 25 ДИВИЗИИ С ОБЪЯВЛЕНИЕМ ПРИВЕТСТВЕННОЙ ТЕЛЕГРАММЫ КОМАНДОВАНИЯ 4 АРМИИ ПО ПОВОДУ ОСВОБОЖДЕНИЯ ФОРПОСТА МЕРГЕНЕВСКИЙ

№ 167, форпост Бударинский 23 августа 1919 года

1. ОБЪЯВЛЯЮ ТЕЛЕГРАММУ КОМАНДАРМА 4 ОТ 19 АВГУСТА ЗА № 745/01393.

«ПУГАЧЕВ. 19 августа 1919 год. Приветствую вас и славные части вашей дивизии с занятием после упорного боя форпоста Мергеневский. Когда был в ваших цепях и видел ваших богатырей-красноармейцев, их комиссаров и командиров, ни минуты не сомневался, что победа будет наша. Передайте им привет и благодарность от лица Республики. Отличившихся немедленно представьте к наградам. Убитым вечная славная память.

№ 01393.

Командарм Б. ЛАЗАРЕВИЧ Член Реввоенсовета ЗУЛБ За наштарма ДУБОВ»

НАЧАЛЬНИК ДИВИЗИИ ЧАПАЕВ ВОЕННЫЙ КОМИССАР БАТУРИН ВРИД НАЧАЛБНИКА ШТАБА НОВИКОВ

Сахарная была взята, но возможности бригад для дальнейшего наступления были исчерпаны. Части дивизии, особенно 73-я бригада понесли большие потери. В некоторых ротах 217 полка осталось по 8-12 человек. Потери в войсках в значительной степени были на совести командира 74-й бригады, который не выполнил данный ему приказ, а действовал в отрыве, в результате чего не оказал поддержку 73 бригаде и сам, встретив сопротивление противника, успеха не имел. Чапаев тут же отстранил Зубарева от командования бригадой и настаивал на предании его суду. Но осужден Зубарев почему-то не был. Вместо этого он получил назначение командиром 1-й бригады 50-й дивизии.

Вместо Зубарева командиром 74-й бригады Чапаев назначил командира 219-го Домашкинского полка Сергея Васильевича Сокола.

Фронт, на котором действовали войска Чапаева, достигал 250 километров, промежутки между группами достигали 80-100 километров. Технических средств, обеспечивавших связь между ними, не было. Самолеты не использовались из за отсутствия горючего. А присланная для них автосмесь оказалась непригодной. Резервов в распоряжении Чапаева не оставалось. Противник мог проникать в тыл большими силами.

Василий Иванович Чапаев, ярый противник распыления войск, теперь же оказался именно в таком положении. Месяц тому назад, докладывая командарму о положении дивизии после освобождение Уральска и добиваясь возвращения 75-й бригады из 1-й армии, Чапаев докладывал в записке: «...Такой участок для одной бригады охранять невозможно. Распыленная по одной роте, она не в силах охранять данный участок. Части могут быть легко разбиты противником, а поддержка ниоткуда не придет... Согласно уставу, в корне преследуется распыление частей, и считаю строго недопустимым в дальнейшем такое положение...»

Теперь же положение стало во много раз тяжелее во всех отношениях. 22 августа Чапаев запросил штаб IV армии: «Прошу указать, где находятся правофланговые части 1-й армии, ввиду того, что части левофланговой группы за Уралом все больше и больше растягивают свой левый фланг».

Сутками позже им была послана телеграмма на имя командарма 4:

«В 25-й дивизий нет патронов, об этом говорилось по прямому проводу по всем направлениям и в штарм-IV... Посылались телеграммы, послан приемщик с требовательными ведомостями, но до сих пор нет никакого результата... Тотчас, немедленно шлите огнеприпасы, иначе положение становится опасным».

26 августа Чапаев доносил о получении противником орудий, броневиков, аэропланов и пополнения людьми. Говорил о проникновении большими отрядами противника в тыл на различных участках, особенно на бухарской стороне. Василий Иванович сообщал, что серьезность положения заставила его перебросить часть сил восточнее Урала, хотя такая переброска с главного, Гурьевского, направления очень опасна: противник мог в любое время обрушиться на ослабленные части.

Чапаев просил срочно слать пополнение, а также дать ему 17-й бронеотряд, который направлялся в 1-ю армию.

И как бы в ответ на свою просьбу, Василий Иванович в тот же день получил телеграмму начальника штаба IV армии: «Ввиду переброски 2 полков 3-й бригады 50-й дивизии в XI армию, в районе Сломихинской остается один полк этой дивизии, на

который возложить какую-либо наступательную операцию не представляется возможным. В силу вышеуказанной причины, а также имея в виду необходимость обеспечения правого фланга и тыла частей Вашей дивизии, оперирующих в районе Сахарная, от глубокого обхода вдоль течения реки Кушум на Лбищенск, командарм приказал занять и прочно обеспечить обладание районом Кизил-Убанской».

28 августа противник перешел в наступление в разрыв между 25-й дивизией и 1-й армией и атаковал 224 полк с целью выхода на левый фланг и тыл частям третьей группы. Но будучи не в силах разгромить красные войска организованным наступлением, противник все более и более проникал в глубь их тыла конными частями. Он умудрялся дезорганизовывать управление и снабжение красноармейцев. Казачьи разъезды в тылу войск Чапаева стали совершенно обычным явлением.

Тщательнейшим образом готовился самый крупный рейд на штаб Чапаева. Его целью было обезглавить войска фактически всей IV армии. А заодно изолировать группы частей друг от друга, прервать между ними всякую связь и вызвать их растерянность и панику.

И что самое печальное — противнику это почти что удалось!

Начальник штаба Уральской белоказачьей армии полковник Моторное о боях Южнее Уральска написал:

«В течение второй половины июля и первой половины августа Уральская армия, теснимая частями 25-й дивизий, обороняя каждый поселок и почти каждый хутор, расположенные к западу от линии Уральск-Гурьев, отошла в район Калмыковск, Каленый. Почти все жители оставляемых казаками станиц отходили на юг со всем своим скарбом и скотом. Это было бедствие для армии, ибо в южных станицах отсутствовал хлеб, а переполнение беженцами грозило голодом. Сотни тысяч скота, гонимого ими в тыл, уничтожали по пути запасы сена и траву, как саранча. Кроме того, эти беженцы располагались бивуаками в ближайшем тылу армии, чем мешали маневрированию. Стоило частям армии остановиться, как останавливались и беженцы, не слушая ничьих приказов об отходе в глубокий тыл.

Районы к северу от Калшковска через 2-3 дня после отхода армии к поселку Каленый представляли собой буквально голую степь, даже ветки на деревьях и те были съедены.

Армия была лишена местных фуражных средств, а доставка сена с Бухарской стороны за отсутствием мостов через реку Урал и недостатком лодок была крайне затруднительной. Конский состав начал быстро ухудшаться. Вместо заболевшего генерала Савельева в командование Уральским корпусом вступил генерал

Титруев, который предполагал встретить

наступление красных чапаевских частей на поселок Каленый массовой конной атакой. Для этого вся конница армии занималась репетициями.

К этому времени из района Сломихинской к поселку Каленый была подтянута б-я кавалерийская дивизия полковника Бородина, а для наблюдения за красными оставлен был 1-й партизанский Чижинский кавалерийский полк.

С предлагаемым генералом Титруевым способом действий были не согласны начальники частей, но они не отказывались исполнить приказ «о конной массовой атаке». Они предлагали использовать слабую конским составом и подорванную морально конницу для набега на тыл красных. Командующий армией генерал Толстов согласился с предложением начальников частей.

Для этого рейда-налета 2 сентября 1919 года выступили на форпост Каленый 6-я кавалерийская дивизия полковника Бородина и 2-я кавалерийская дивизия полковника Сладкова через станицу Кизил-Убинская и далее по долине Кушум для атаки красных частей, занимавших Лбищенск».

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ШТАБА 4 АРМИИ О НАЛЕТЕ АЭРОПЛАНА НА ПРАВЫЙ БОЕУЧАСТОК 25 ДИВИЗИИ И ДАЛЬНЕЙШЕМ ПЕРЕДВИЖЕНИИ ДИВИЗИИ

№ 01493 29 августа 1919 года, 10 ч

25 дивизия. Правый боеучасток: над форп. Мергеневский и Каршинский появлялся аэроплан, бросивший несколько бомб. Средний боеучасток: сведений новых не поступало. Левый боеучасток: части 3-й бригады 2 5 дивизии и 2 бригады 47 дивизии начали выдвижение на линию Донгулю-Сор, Тленкеевский, Томусайский, Белогор- ский. 2 8 августа на ст. Урбах прибыл 14 бронепоезд, которому дана задача оборонять участок железной дороги Урбах-Кайсацкая и Покровск-Ершов с постоянной стоянкой на ст. Красный Кут. От остальных частей 4 армии сведений не поступало.

За начоперодарма /ЯКОБСОН/
Военком /ПОЛЕТАЕВ/

Штаб 4 армии, находившийся в городе Пугачеве (Николаевске), в 350 километрах от действовавших войск, плохо вникал в нужды действующих дивизий. И почти не оказывал им никакой помощи.

В 1-й бригаде 50-й дивизии красноармейцы трое суток не получали даже хлеба. Чапаев с комиссаром П.С. Батуриным 4 сентября прибыли в бригаду к Зубареву, разъяснили бойцам причины создавшегося положения и рассказали о принимаемых ими мерах. По приказанию Чапаева для поддержания 1-й бригады 50-й дивизии временно был уменьшен паек двум соседним бригадам 25-й дивизии. Вечером того же дня Василий Иванович и комиссар Батурин выехали на автомобиле в Лбищенск.

Поздно вечером туда же вернулась часть обозников, ездивших в степь за сеном. Они сообщили, что на них напали казаки и угнали подводы. Об этом было доложено прибывшим Чапаеву и Батурину. Василий Иванович в срочном порядке потребовал доложить разведсводки и данные авиаразведки в направлении станиц Сломихинская и Казил-Убимская. Начальник штаба Новиков доложил, что ни конной разведкой, ни разведывательными полетами авиаотряда, проводившимися утром и вечером, в течение нескольких дней, противника не обнаружено. А появление сравнительно небольших казачьих отрядов и разъездов уже не было редкостью.

Чапаев успокоился, но отдал распоряжение усилить охрану. Новиков, бывший офицер, работавший помощником начальника штаба дивизии, и незадолго до этого возглавивший штаб, был вне подозрений. А доложенные им сведения о противнике не соответствовали действительности: противник большими силами конницы был уже не далеко и нацелился на Лбищенск.

Как говорится, враг не дремлет… Именно так и поступили некоторые лица из прибывшего авиаотряда и штаба дивизии. Технические возможности самолетов того времени и отсутствие зенитных средств борьбы с ними позволяли полеты на небольших высотах. Летчики, поднимавшиеся в воздух два раза в день, никак не могли не заметить конницы в несколько тысяч всадников… Тем более камыши пересохшей реки Кушум — не лес, чтобы скрыть такую массу противника.

ИТАК, ЛЁТЧИКИ…

О них, именно о них и надо сказать особо. То, что они были предателями, стало понятно уже тогда, 4 сентября 1919 года. Но мало кто мог предположить, что ими руководствовало… Думаете, невероятная любовь к отрекшемуся царю Николаю? Или лютая ненависть к большевикам? ОШИБАЕТЕСЬ!!!

Все намного прозаичнее — ДЕНЬГИ, ДЕНЬГИ и еще раз ДЕНЬГИ… При том очень большие. 25 тысяч золотом… Да, за голову Чапаева, живую или мертвую, давали именно столько…

Летчиков было четверо. Позволю себе назвать фамилии

только тех, кто погиб, как и Чапаев, 5 сентября 1919 года. Это — Сладковский и Садовский. А оставшиеся в живых, то есть 2 летчика, разделили полученный барыш и прекрасно устроились в светлом будущем.

И все же непонятно устроен человек. Пройдет совсем немного времени, наступят пороховые сороковые годы, и два предателя в гражданскую станут героями Советского Союза в Отечественную... Но и это не все. Они займут ответственные посты в правительстве и всю свою жизнь будут «прикрывать» тему о гражданской войне и особенно о Чапаеве. Наверное, им было стыдно...

...Охрану Лбищенска несла дивизионная школа курсантов в несколько сот человек. В станице размещались все службы. И запасы дивизии. Там же находились и раненые, и больные, и возвращавшиеся из госпиталей. А также обозники, прибывшие из частей за боеприпасами и продовольствием.

О Лбищенске того времени в журнале боевых действий одного из полков сохранилась такая запись:

«Город Лбищенск — это не город, а простое село. Все постройки так же, как и на хуторах, низенькие, слепленные из глины, побеленные известью, крыши у домов — плоские. На стены положен плетень, насыпана земля, а сверху залита глиной. Дворы обнесены плетнями. Нет ни садиков, ни одного деревца.

Мужчин совсем нет. В пустых домах и дворах валяется рухлядь — поломанная мебель, худые кадки, разные ящики, старые сани.

От движения частей (военных. — Примеч. авт.) неимоверная пыль, в тридцати шагах ничего не видно. И дышать нечем».

Очевидцы лбищенской трагедии, избежавшие гибели, рассказывали, что положение в Лбищенске было тревожным. Некоторые оставшиеся на месте жители враждебно поговаривали о скором приходе казаков. Но кто-то из них с опаской сообщил в штаб о готовившемся в ночь налете. В журнале боевых действий штаба 73 бригады, находившегося в форпосте Мергеневском, 4 сентября сделана следующая запись:

«Положение на фронте стойкое. Задача 219 стр. полка — быть готовым к выступлению в связи с неопределенными слухами о готовящемся или уже проведенном противником набеге».

И действительно, первым в Лбищенск был направлен батальон 219 полка, а за ним и весь полк.

После приказания Чапаева об усилении охраны безоружным были выданы со склада винтовки, и они отправились в цепи на окраину Лбищенска. Однако неизвестно чьим распоряжением ночью эта охрана была снята. Оружие изъято, и люди отправлены отдыхать...

Перед рассветом противник подошел ко Лбищенску с 3-х сторон. С четвертой (восточной) протекает Урал. Телефонные и телеграфные линии связи с войсками и с Уральском были перерезаны.

По всему Лбищенску шла беспорядочная стрельба. На улицах и во дворах защищались группами и в одиночку. В плен не сдавались, знали: будет мучительная смерть; старались пробиться к своим, в центр Лбищенска. Там разгорелся сильный огневой бой.

С рассветом действия противника стали еще более организованными. А оборонявшиеся собрать свои разрозненные группы не могли. Защищались там, где пришлось, до последней возможности, до последней надежды...

В ход пошла артиллерия. От её огня не было защиты, и через некоторое время сопротивление было сломлено. Остатки разрозненных красных частей стали пробиваться к Уралу. Но пути отхода уже были отрезаны. На берегу казаки поставили пулеметы и беспощадно расстреливали тех, кто пытался доплыть до противоположного берега.

Оборонявшиеся на площади курсанты, возглавляемые командирами, бились до последнего. Погибли вместе с ними начальник школы П. Чеков, его сын, заместитель комиссара дивизии И. Крайнюков, зав. политотделом Д. Суворов и многие, многие другие...

Василий Иванович Чапаев был ранен четырежды, дважды в руку, один — в голову и в живот.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ КЛАВДИИ ЧАПАЕВОЙ, ДОЧЕРИ ВАСИЛИЯ ЧАПАЕВА:

...В 1962 году я получила из Венгрии письмо. Мне писали бывшие чапаевцы, которые теперь проживали в Будапеште. Они посмотрели фильм «Чапаев» и возмущались его содержанием; по их рассказу выходило все совсем не так...

Из письма: «...Когда Василия Ивановича ранило, комиссар Батурин приказал нам (двум венграм) и еще двум русским из ворот и забора сделать плот и всеми правдами-неправдами суметь переправить Чапаева на другой берег Урала. Мы сделали плот, но уже сами тоже истекали кровью. И на тот берег Василия Ивановича все-таки переправили. Когда гребли, он был жив, стонал... А как к берегу доплыли — его не стало. И чтобы над его телом не издевались, мы закопали его в прибрежном песке. Закопали и забросали камышами. Потом сами потеряли сознание от потери крови...»

Получив такое письмо, я была очень взволнована. Тут же связалась с правительством города Уральска и попросила дать мне какой-нибудь трактор, чтобы вспахать то место, план которого был прислан в письме. Я надеялась найти хоть какие-нибудь останки и хотела считать их останками отца. Потом думала перевести их в Москву и захоронить. Но в правительстве мне сказали, что Урал изменил русло, и там, где проходил берег — теперь вода. А так, в помощи они не отказали, напротив, предлагали самые различные ее варианты. На место гибели я все же приехала... Поднялась на откос, там, где предположительно вся утренняя трагедия и развернулась. Стояла и думала, как отцу и другим красноармейцам было тяжело и горько в то злополучное раннее утро 5 сентября 1919 года... Я представляла этот бой. А вокруг меня никакого облачка, ни ветерка. Слепящее солнце. Но вдруг за ка- кое-то мгновение откуда ни возьмись налетела огромная черная туча и из неё прямо мне в ноги стали бить молнии. От неожиданности я вскрикнула и упала на колени.

Хотите верьте, хотите нет, но молнии прекратились лишь тогда, когда я подумала, что это отец дал мне знак и таким образом приветствует...

Туча мгновенно растворилась, и снова — ни ветерка, ни облачка. Слепящее солнце...

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ШТАБА 4 АРМИИ О НАЛЕТЕ ПРОТИВНИКА НА ЛБИЩЕНСК И ФОРПОСТ КОЖЕХАРОВСКИЙ, ЗАХВАТЕ ШТАБА 25 ДИВИЗИИ И РАНЕНИИ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА ЧАПАЕВА

№01083, Пугачевск 6 сентября 1919 года, 10 ч

25 дивизия, правый боеучасток. В ночь с 4-го на 5-е сентября противник в количестве до 300 человек при одном пулемете с одним орудием произвел налет на Лбищенск и форпост Кожехаровйкий, захватил их и двинулся по направлению к форпосту Бударинский.

Красноармейские части, находившиеся в Лбищенске и в форп. Кожехаровский, в беспорядке отступили к форпосту Бударинский. Штадив, находившийся в Лбищенске, захвачен полностью. Сотрудники штаба перерублены, начдив Чапаев с несколькими телеграфистами пытался скрыться на бухарской стороне, но был тяжело ранен и телеграфистами оставлен.

У форпоста Бударинский казаки были задержаны, в настоящее время там идет бой. От остальных частей дивизии

новых сведений не поступало.

Врид начоперодарм 4 /ПОДПИСЬ ОТСУТСТВУЕТ/
Военком АКСЕНОВ

ПОКАЗАНИЯ КРАСНОАРМЕЙЦА Ф. БОГДАНОВА, БЫВШЕГО В ПЛЕНУ У БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ, ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ГИБЕЛИ ЧАПАЕВА

11 октября 1919 года

...В Лбищенске казаками были взяты все списки: и командный состав, а также коммунисты. Были вызваны по спискам в количестве 400 человек и на р. Урал расстреляны, немногим пришлось убежать, спасаясь вплавь через реку. Во время паники красноармейцы метались по улицам, а в это время их рубили казаки беспощадно. С горстью красноармейцев Чапаев было сгруппировался около р. Урал, будучи ранен и окружен казаками, бросился в р. Урал.

ИЗ ЗАПИСИ РАЗГОВОРА ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ ЧЛЕНА РЕВВОЕНСОВЕТА 4 АРМИИ СУНДУКОВА С ВОЕНКОМОМ 25 ДИВИЗИИ СЫСОЙКИНЫМ О ГИБЕЛИ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА ЧАПАЕВА

.../СУНДУКОВ/:— Тов. Чапаев, видимо, был сначала легко ранен в руку и при общем отступлении на бухар- скую сторону пытался тоже переплыть Урал, но не успел войти в воду, как случайной пулей был убит в затылок и упал у самой воды, где и остался. Таким образом, мы теперь имеем также данные о безвременной гибели вождя 25 дивизии. Работники политотдела тоже сражались все вместе и, вероятно, почти полностью погибли, кроме некоторых второстепенных, попавших в плен. Вот, собственно, все, что я могу вам сказать. Жму руку. Сундуков.

/СЫСОЙКИН/: — ...Относительно Чапаева это правильно, такие показания давал казак жителям форпоста Ко- жехаровский, последние передали мне. Но на берегу Урала трупов валялось много, товарища Чапаева не было. Он был убит на середине Урала и утонул на дно. Политические сотрудники в большинстве расстреляны, т. Батурин расстрелян... Политический отдел организован, работу начинает налаживать. До свидания.

/СУНДУКОВ/:- Всего доброго.

Так или иначе, как мы видим, Чапаев погиб... Сколько народу — столько и версий его гибели. Почему? Да, наверное, каждый хотел быть причастным свидетелем... Возможно, изза любви и уважения к нему, к Василию Ивановичу.

Пройдет еще много-много лет, а в народе то здесь, то гам вновь всколыхнется слух о появлении живым «самого ЧАПАЕВА!». Кто-то в прессе будет утверждать, что он попал в плен и после не вернулся в родной дом. потому что не смог... Кто- то будет указывать на захоронение, где якобы лежит надгробная плита с его именем, а кто-то «самолично» его увидит и даже побеседует... А отчего гак происходило, пусть каждый додумывает сам...

На смену множеству слухов придут анекдоты. И снова Чапаев будет рядом, снова станет проживать не дожившую жизнь, только там, в книгах, рассказах, анекдотах и былинах.

Но все это будет потом. А сейчас, 11 сентября 1919 года, вышел приказ:

ПРИКАЗ ВОЙСКАМ 4 АРМИИ С ОБЪЯВЛЕНИЕМ ТЕЛЕГРАММЫ РВС ТУРКЕСТАНСКОГО ФРОНТА О ПРИСВОЕНИИ 25 ДИВИЗИИ ИМЕНИ ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА ЧАПАЕВА

№ 334/157, Действующая армия 11 сентября 1919 года

1. При сем объявляется для сведения телеграмма Революционного военного совета Туркфронта.

«Славные войска Туркестанского фронта, пробивая России путь к хлопку и нефти, стоят накануне завершения своей задачи. Главные силы врага на нашем фронте разгромлены окончательно. Геройским полкам 1-й армии сдались в плен, частью перешли организованно все, части Южной /бывшей, дутовской/ армии противника. Всего нами взято до 3 0 ООО человек с огромным количеством оружия и всякого рода снаряжения. -Это радостное известие вливает новую силу и мужество в сердца трудового народа.

Войска 4 армии! Сообщая вам эту радостную весть, я жду, что вы в свою очередь в ближайшие дни порадуете трудовую Россию новыми успехами. Пусть не смущает вас ничтожные успех врага, сумевшего налетом кавалерии расстроить тыл славной 2 5-й дивизии и вынудить ее части несколько отойти к северу.

Пусть не смущает вас известие о смерти доблестного вождя 2 5 дивизии т. Чапаева и ее военного комиссара т. Батурина. Они

пали смертью храбрых, до последней капли крови и до последней возможности отстаивая дело родного народа. Я ожидаю от всех войск 4 армии строгого и неуклонного исполнения их революционного долга. Ожидаю, что их мощный сокрушительный удар разобьет все надежды врага и отомстит за гибель своих вождей. Теснее смыкайте ряды товарищей, крепче сжимайте винтовки в руках и смело вперед на полуиздыхающего, но все еще сопротивляющегося врага. В увековечение памяти героя 25 дивизии т. Чапаева Революционный военный совет Туркестанского фронта постановляет :

Присвоить 25 дивизии наименование дивизии имени Чапаева

Переименовать родину начдива г. Балаково в г. Чапаев

Вечная слава погибшим борцам и смерть врагам трудового народа!

Командующий Туркфронтом М. ФРУНЗЕ

Член Революционного военного совета ЭЛИАВА

И снова 25-я стрелковая продолжала свой путь. Только уже по настоящему Чапаевской... С самого начала 1919 года до самого конца 1991-го...

Говорят, что дивизия живет даже тогда, когда нет воинского состава, а дивизионное знамя сохранилось. Так вот. Знамя уцелело. Но только где-то на Украине, и сейчас никак его не могут передать России. А жаль. Потому что многие хотели бы снова встать с ним в строй...

Послесловие. Судьба чапаевцев и родственников Чапаева

АНКА...

На самом деле никакой Анки в дивизии не было. Вместо нее были две женщины: Анна Никитична Стешенко-Фурманова и Мария Андреевна Попова.

О Фурмановой я уже рассказывала на страницах книги, а вот о Поповой...

Мария попала в дивизию совершенно случайно. Родилась она в маленьком волжском городке в 1896 г. Вышла замуж очень рано. Собственно, даже не вышла, а была выдана. Со

своим мужем прожила всего-то около года. Попов был человеком пожилым и не смог долго жить счастливой семейной жизнью. На похоронах Мария не плакала. Мужа она не любила, хотя считала его добрым. Соседки советовали Машурке натереть глазки луком, чтобы пролить хоть одну-единствен- ную слезинку...

Вскоре их городок оккупировали белогвардейцы и иностранцы из Антанты. Ее, как и многих других, погрузили на железнодорожные платформы и повезли на выселки куда-то в Сибирь. По дороге Поповой удалось сбежать. И первое, что попалось ей по пути, — был штаб 25-й стрелковой дивизии. А в штабе — сам Василий Иванович.

По просьбе Поповой Чапаев зачислил ее на должность санитарки в дивизию. Так Машурка стала на сторону красных...

Наверно, в фильме «Чапаев» никогда бы не было роли Ан- ки-пулеметчицы, если бы не случай.

Однажды во время боя Мария подползла к старому раненому пулеметчику и предложила оттащить его в лазарет. На что тот категорически отказался, более того, он приказал девушке стрелять вместо него по враг)'. Мария в ужасе отпрянула, замахала руками и стала отнекиваться, мол, не умею стрелять из пулемета, да и боюсь. Тогда дед вынул наган, взвел курок и сказал: «Не ляжешь к пулемету, не станешь стрелять — тебя саму как собаку пристрелю».

Делать было нечего. Попова легла, нажала на гашетки «Максима», закрыла от страха глаза и даже отвернулась. А пулеметчик здоровой рукой управлял стволом пулемета...

Режиссерам фильма «Чапаев» было дано указание вывести в киноленте четыре главных персонажа: 1. Красного командира, выходца из народа (в лице Василия Ивановича Чапаева)

— Роль партии в гражданскую войну — комиссар Фурманов

— Роль рядового бойца — Петька

— Роль женщины в гражданскую. А вот с этим была заминка. Кем ее сделать? Санитаркой? Уже было. Врачом? Тоже. Неинтересно. И тут братьям (побратимам Васильевым) попадается на глаза журнал «Прапор»-укр., т.е. «Знамя», где Попова описала случай с пулеметчиком. Кинорежиссеры поняли, что это удача!

И снова загвоздка. Как назвать героиню? Марией? Но с этим именем не согласилась одна из консультантов ленты — Анна Фурманова. Она в категорической форме настояла на своем. И вообще Фурманова считала, что в кинокартине — только она, Анна. И никакая другая женщина не имеет на фильм прав.

Васильевы не стали с ней спорить и таким образом на свет появилась Анка-пулеметчица.

После окончания гражданской войны Мария Попова окончила специальные курсы и была отправлена вместе с Александрой Михайловной Коллонтай в Швецию. Затем долго работала в довоенной Германии. Хорошо лично знала Гитлера, Бормана, Гимлера.

В Москву она вернулась в конце сорокового. И тут же была репрессирована. Моя бабушка, Клавдия Васильевна Чапаева, кинулась ей на помощь, и вскоре репрессии прекратились. Так, Попова, дожив до глубокой старости, ушла в мир иной в 1981 году.

ПЕТЬКА

Петр Семенович Исаев родился в селе Корнеевка Саратовской области. Окончил сельскую школу, но, отличаясь сметкой и дарованием, на действительной военной службе продвинулся в старшие унтер-офицеры музыкантской команды. Весной 1918 года вступил в чапаевский отряд, а уже летом командовал эскадроном. Во время похода чапаевцев на Уральск в бою под хутором Коровиным фланговым ударом эскадрона по наступавшим белым казакам спас положение батареи и пехоты, захватил в плен офицера с ценными документами. Осенью — начальник связи 1-й бригады дивизии Николаевских полков, затем вместе с Чапаевым перешел во II-ю Николаевскую дивизию, где был командиром батальона связи, помощником начальника связи. В феврале 1919 года возвратившийся из Москвы Чапаев взял Р1саеева с собой, в Александрово-Гайскую группу. Боевые поручения начдива выполнял блестяще. При наступлении на Сахарную в августе 1919 года Исаев был послан для

восстановления нарушенной связи между 73 и 74 бригадами. Действуя во главе небольшого конного отряда, он настиг неприятельский обоз в триста подвод и захватил его. Восстановление связи способствовало взятию Сахарной.

Петр Семенович был прекрасным семьянином. У него была красивая жена и двое детей: мальчик и девочка. После выхода фильма «Чапаев» на экраны в 1934 году его семья пережила страшное горе. Жена, увидев, как в фильме он «крутит» роман с пулеметчицей, не перенесла позора и повесилась. Не подействовали уговоры ни про «художественность» фильма, ни про вымысел режиссеров. Перед смертью она все говорила, что в фильме только поклеп, один поклеп на него, ее любимого...

Дочь не оправилась от смерти матери и вскоре тоже умерла.. Остался сын, который ненавидел все, что было связано с именем Чапаева.

Сам же Исаеев погиб. Но только я знаю целых три версии о его смерти.

1 ВЕРСИЯ. Петр Семенович погибает вместе с Василием Ивановичем 5 сентября 1919 года.

2 ВЕРСИЯ. Исаев лично задушил летчиков-предателей Сладковского и Садовского. А после застрелился...

3 ВЕРСИЯ. После гибели Василия Ивановича прошел год. И 5 сентября 1920 года вся дивизия справляла на том берегу по нему поминки. Петр напился и произнес: «Нет Василия Ивановича, моего любимого командира, — и мне не жить». Вынул револьвер и застрелился прямо тут же, за столом...

Так или иначе, мы не вправе осуждать их. Они были в первую очередь — ВОИНАМИ. А воины — святы. Они за нас с вами радели. За нас и наше будущее. Плохое ли, хорошее ли, но наше!

ДМИТРИЙ АНДРЕЕВИЧ ФУРМАНОВ

Дмитрий Андреевич Фурманов родился в Иваново-Вознесенске. Окончил там шестиклассное городское училище, потом Торговую школу. И за три года в Кинешме окончил пятый, шестой и седьмой классы реального училища. Затем — Москва. В московском университете учился на филологическом факультете. Не окончил. Уехал братом милосердия на военных поездах. Там и познакомился со своей Анной Стешенко. Был максималистом, анархистом и лишь много позже примкнул к большевикам. По своей сути Дмитрий Андреевич был восторженным лириком. Талант и жажда все новых и новых ощущений гнали за героикой дня. Так он становится комиссаром, хотя по его же личному высказыванию: «И сидеть-то на лошади как следует не умел».

Интересно распорядилась судьба Фурманова. При его жизни у

него родилась дочь, о которой он никогда не знал. И только после смерти ее признали через суд его брат и сестры. От Анны Стешенко детей не было. И опять после его смерти она выходит замуж за венгра, служившего в 25-й дивизии, и рожает сына, которого называет Дмитрием Фурмановым...

Вообще в дивизии у Чапаева было очень много иностранцев. Венгры, латыши, китайцы, японцы, поляки, чехи и даже негры. Сохранился снимок чапаевца-негра по имени Джоник.

Если честно, я до сих пор ломаю голову, на каком языке они разговаривали? Как понимали друг друга? Наверное, общая идея есть нечто большее, нежели лингвистическая разобщенность.

Вообще из прославленной 25-й стрелковой дивизии вышло множество известных людей. Они продолжали прославлять звание чапаевцев много позже гражданской войны.

БЕЛЯКОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ

Адъютант артиллерийского дивизиона Чапаевской дивизии в 1919 году А.В. Беляков после гражданской войны продолжал службу в авиации Красной Армии. Он участвовал в качестве штурмана в известнейшем перелете через Северный полюс в Америку в составе героического экипажа Валерия Павловича Чкалова (ЧКАЛОВ-БАЙДУКОВ-БЕЛЯКОВ). В Великую Отечественную войну Беляков служил в авиации на командных должностях. После демобилизации стал профессором, доктором географических наук. Герой Советского Союза. Генерал-лейтенант в отставке.

КОВПАК СИДОР АРТЕМЬЕВИЧ

Одним из выдающихся организаторов и руководителей партизанских отрядов и целого партизанского соединения в тылу врага стал С.А. Ковпак, бывший начальник трофейной команды Чапаевской дивизии во время гражданской... Потом — руководитель ряда хозяйственных и производственных организаций на Украине, а перед самой Великой Отечественной войной — председатель Совета депутатов трудящихся в городе Путивле.

С первых же дней вторжения фашистских захватчиков в глубь советской территории Ковпак организовал партизанский отряд, а потом возглавил партизанское движений на Украине. Крупное партизанское соединение под его командованием прошло с боями по тылам врага от города Путив- ля до границ Венгрии, Румынии и Чехословакии и разгромило на своем пути многие вражеские гарнизоны, штабы и военные базы.

Родина оценила боевые заслуги Ковпака. Он стал генерал-

майором, дважды Героем Советского Союза. После войны был видным советским деятелем: заместителем Председателя Президиума Верховного Совета УССР и депутатом Верховного Совета СССР.

ПАНФИЛОВ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ

Бывший командар взвода пехотной роты чапаевской дивизии в гражданскую войну И.В. Панфилов окончил школу красных командиров и во главе подразделении Красной Армии боролся с басмачеством, потом был военным комиссаром в Киргизии, избирался депутатом Верховного Совета Киргизской ССР и членом ЦК партии Киргизии.

С первых дней Великой Отечественной войны И.В. Панфилов в звании генерал-майора формирует дивизию. Человек волевой и храбрый, закаленный в боях Чапаевской дивизии в гражданской войне, он воспитал воинов своей дивизии такими же, каким был сам.

Когда в октябре 1941 года бронированные и механизированные немецко-фашистские войска приблизились к Москве, дивизия под командованием генерал-майора И.В. Панфилова стеной встретила противника на подступах к Москве под городом Волоколамском. Навсегда вошел в историю подвиг героев дивизии, преградивших путь врагу, рвавшемуся к столице.

ЯРОСЛАВ ГАШЕК

Гашек служил в Чапаевской дивизии с 1918 по 1919 г. Вернувшись на родину, издал «Приключения бравого солдата Швейка», описав в своем произведении себя, обстановку того неспокойного времени и 25-ю дивизию...

Теперь, наверное, надо сказать несколько слов и о женах Василия Ивановича.

1-я и законная ПЕЛАГЕЯ МЕТЛИНА-ЧАПАЕВА умерла вскоре после гибели Василия. Узнав, что его больше нет, решила забрать детей к себе. Пошла через Волгу к свекру, но провалилась в полынью, простудилась, родила прежде времени и умерла. С ее дочерью Валентиной, родившейся от другого сожителя — вагоновожатого, Клавдия Васильевна Чапаева всю жизнь поддерживала отношения.

ПЕЛАГЕЯ КАМИШЕРЦЕВА

Пелагея «вторая» долго мечтала стать Чапаеву настоящей женой. Но у неё так ничего и не получилось. И тогда от обиды на судьбу-злодейку, на однолюба Василия Пелагея стала мстить по-бабьи. Она ему изменила. Её новый ухажер тоже мстил за что-то

Чапаеву. Даже после смерти. Выражалось это в его отношении к детям Василия Ивановича. Взяв над ними опеку, Живоложинов (так он звался) за завтраком, обедом или ужином взял за правило отстреливать родным детям Василия Ивановича кончики волос. Чтобы те непременно попали в тарелку с едой. Родных же дочерей Пелагеи Камиш- керцевой он не трогал. Со временем он бросил свою престарелую сожительницу, и от этого Камишкерцева тронулась умом. Так она и дожила до 1961-го года, периодически посещая психиатрические больницы. Если Бог хочет наказать — отбирает разум. Все сходится.

ДЕТИ: АЛЕКСАНДР, КЛАВДИЯ, АРКАДИЙ...

АЛЕКСАНДР. Старший сын Чапаева Александр Васильевич Чапаев окончил аграрный техникум и Военную академию. Воевал. После Отечественной войны так и остался в строю. В чине генерал-майора ушел в отставку и уже на пен- сии стал заниматься активной общественной работой. Имел троих детей. Умер в 1985 году, в марте.

КЛАВДИЯ. Средняя дочь Василия Ивановича Клавдия после гибели отца практически оказалась выброшенной на улицу. Братья жили с мачехой Пелагеей Камишкерцевой в другом городе. И после смерти родителей Чапаева она осталась сиротой. Жила с ворами в трущобах, была дистрофиком, а потом после очередной облавы стала воспитанницей детского приюта. И только много позже, в 25-м году, ее оттуда забрала мачеха и то лишь для того, чтобы с ней поехать к Фурманову в Москву для оформления пенсиона.

В 17 лет Клавдия уехала из Пугачева от Камишкерцевой в Самару. Там она вышла замуж, родила сына и поступила в строительный институт. Проучившись в нем около трех лет, была послана на прием к наркому пищевой промышленности Анастасу Иванович)' Микояну. Ее обязали выхлопотать у него разрешение на присвоение учебному заведению его имени и, разумеется, попросить под это замечательное событие денег.

Поездка в Москву оказалась очень удачной и судьбоносной. Микоян её принял и в течение 4(!) часов разговаривал, все расспрашивая об отце, о военном времени, о детских воспоминаниях... Имя институту дал. Денег тоже. Но прорабом тонюсенькую Клавдию представить никак не смог. Поэтому в добровольно-принудительном порядке перевел Чапаеву с третьего курса Самарского строительного на первый курс Московского пищевого...

Так Клавдия стала пищевиком. Во время Великой Отечественной войны работала в Саратовском обкоме партии,

зав. отделом. После войны стала народным заседателем. Ушла на пенсию по болезни. Лежать в постели не хотела, поэтому обратилась в правительство с просьбой получить разрешение для работы в закрытых и открытых архивах.

Решение поработать над документами пришло не сразу. Клавдии всегда хотелось знать все о своем отце: каким он был на фронте, каким на отдыхе, как складывались его взаимоотношения с руководством и многое другое... Поэтому ее собственные детские впечатления казались лишь малой толикой.

Вначале она постоянно расспрашивала оставшихся в живых чапаевцев. Но понять что-либо так и не смогла: то ли от времени, то ли по каким-то другим причинам чапаевцы описывали одно и то же событие абсолютно по-разному. Более того, если в воспоминаниях принимали участие несколько человек, дело могло завершиться крупной ссорой, взаимными обвинениями или чем-нибудь похуже.

Итак, архивы — самое правильное. Проработала в них Клавдия много-много лет. Около двадцати. В открытых архивах документы копировала легально. В закрытых... Опись, дело и лист читались нарочито медленно. Затем она выходила в дамскую комнату, доставала спрятанную ручку и на коленках писала то, что запоминала с фотографической точностью. Именно таким образом Клавдия Васильевна собрала много тысяч документов. Теперь этот драгоценный архив хранится в моей семье.

Бабушка прожила долго. 87 лет. Умерла в сентябре 1999 года. Чуть-чуть не до жив до милениума...

АРКАДИЙ. Младший сын Василия Ивановича Аркадий Васильевич Чапаев был, пожалуй, самым красивым и самым талантливым из детей. Уже в 18 лет его избирают членом ВЦИК (Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета), что означает депутатскую должность. В Борисоглебске Аркадий оканчивает летную школу. Теперь он молодой летчик, служащий бок о бок с Чкаловым. Они вместе разрабатывают схемы новых полетов.

Но личная жизнь у Аркадия, впрочем, как и у Василия Ивановича, не складывалась. Женился он очень неудачно. Жена была невероятно ревнивой и склочной.

Однажды Аркадий уходил в полет во взинченном состоянии. Жена приложила для этого все усилия. Что произошло в небе — никому не известно. Только на землю он приземлился мертвым. Вернее под землю. Аркадий врезался и ушел вглубь на 12 метров. Его вырезали автогеном... Ему было 27 лет.

ОЛИМПИАДА И ВЕРА КАМИШКЕРЦЕВЫ, приемные дочери Чапаева.

Обе сестры проживали в Ленинграде. Обе закончили Литературный институт имени Горького. Обе называли себя «Лиговками». В жизни вели себя не слишком скромно и выдержанно. Иногда очень компрометировали имя В.И. Чапаева, используя его в неблаговидных делах. Умерли тоже дружно, в 60-х годах.

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ЧАПАЕВ, самый старший брат В.И. Чапаева. Он единственный из семьи Чапаевых умер своей смертью. Все остальные братья и сестры трагически погибали.

Женившись на купеческой дочери, Михаил был проклят отцом, а затем «раскулачен» родным братом Василием Ивановичем Чапаевым. Поэтому в революцию пришел бедняком. В советское время проживал в городе Саратове. На предложение местных властей получить хорошую квартиру — отказался. Взамен нее попросил руководство выделить ему четыре килограмма гвоздей бесплатно для строительства дома. И построил. Маленький, неказистый, но свой... собственный.

ЧАПАЕВЦЫ

Чапаевцы были очень преданы друг другу. Они дружили семьями, а когда умирали, то дружить между собой продолжали их дети и внуки. Самый старший боец, служивший с Чапаевым, был девяностолетним. А самый младший — девятилетним. Последний чапаевец, знавший лично Василия Ивановича, умер не так давно. В 1994 году. КИРЮШКИН ИВАН ФЕДОРОВИЧ. Он был Главным редактором газеты «Правда». Моя бабушка Клавдия Чапаева почти ежедневно с ним созванивалась и встречалась. Он олицетворял тоненькую ниточку связи между прошлым и настоящим.

Сама же дивизия впоследствии носила гордое имя МОТОСТРЕЛКОВАЯ СИНЕЛЬНИКОВО-БУДАПЕШ ГСКАЯ КРАСНОЗНАМЕННАЯ орденов СУВОРОВА И БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО ДИВИЗИЯ ИМЕНИ В.И. ЧАПАЕВА...

Ну вот, пожалуй, и все, что я хотела вам, уважаемый читатель, рассказать в своей книге. Несколько слов о себе.

Меня зовут Чапаева Евгения Артуровна. Мне 43 года. Моей дочери Василисе — 13 лет. Я — специальный корреспондент одного московского журнала, член-корреспондент Академии Проблем Безопасности, Обороны и Правопорядка. Член Международного сообщества писательских союзов

(правоприемника Союза писателей СССР).

Эту книгу посвящаю самым дорогим для меня людям: ВАСИЛИЮ ИВАНОВИЧУ, КЛАВДИИ И ВАСИЛИСЕ ЧАПАЕВЫМ... Я их очень люблю.